

Exp. archiwalny IBL

12823.

А. Л. ПОГОДИНЪ

Ординарный профессоръ Харьковскаго университета.

ЛЕКЦІИ

ПО ИСТОРИИ

ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Часть I.

Средніе вѣка и польско-латинскій гуманизмъ
первой половины 16 вѣка.

Цѣна | р. 80 к.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія „Печатное Дѣло“ Конторская. Клещевскій пер., соб. д. № 3.
1913.

А. Л. ПОГОДИНЪ

Ординарный профессор Харьковского университета.

Многоуважаемому *Эвонкин* *Редоров*
Каренному отъ автора

ЛЕКЦІИ

ПО ИСТОРИИ

ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Часть I.

Средніе вѣка и польско-латинскій гуманизмъ
первой половины 16 вѣка.

INSTYTUT
BADAŃ LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA
00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 72
Tel. 26-68-63

ХАРЬКОВЪ.

Типографія „Печатное Дѣло“ Конторская, Клещевскій пер., соб. д. № 3.
1913.

WYDZIAŁ

DO NOTOPIN

WYDZIAŁ WYDAWACTWA

1902

Wydawnictwo Biblioteki Narodowej

X

6469

Г л а в а I.

Культурное и политическое положеніе Польши въ Средніе вѣка.

Въ 1157 году Фридрихъ Барбаросса, вмѣшавшись въ междоусобицы польскихъ князей, проникъ въ ихъ край по ту сторону рѣки Одера. Онъ предпринялъ свой походъ въ августъ, когда рѣки уже пересыхаютъ, и все таки ему казалось, что онъ совершилъ великій подвигъ. „Хотя Польша такъ защищена и самой природой, и искусствомъ (*arte et natura*), что наши предшественники, короли и императоры, едва могли доходить, и то съ большимъ трудомъ, до рѣки Одера, мы съ Божью помощью, которая явно споспѣшествовала намъ, пробились за ихъ засѣки, сдѣланныя въ узкихъ мѣстахъ изъ наваленныхъ деревьевъ, сооруженныхъ, вообще, съ большимъ трудомъ и умѣніемъ. Въ восьмой день по Успеніи пресвятой Дѣвы мы перешли черезъ рѣку Одеръ, которая, точно стѣной, отгораживаетъ всю эту страну и такъ глубока, что о переправѣ въ бродъ нечего и думать. Со всѣмъ нашимъ войскомъ, вопреки ожиданіямъ поляковъ, мы перешли черезъ нее“.¹⁾ Такъ писалъ императоръ своему пріятелю, Аббату Вибальду. И польскіе историки говорятъ о бездорожьи своей земли, о трудности проникнуть вглубь ея. Зимой болота и озера, замерзая, дѣлали путешествіе по странѣ болѣе доступнымъ, но, когда весной и осенью грунтовыя дороги размокали, рѣки разливались отъ таянья снѣговъ и дождей, Польша становилась непроѣзжей. Поэтому въ политикѣ польскихъ государей до конца Среднихъ вѣковъ завоеваніе рѣчныхъ путей, вплоть до ихъ впаденія въ море, составляло одну изъ важнѣйшихъ задачъ. И даже въ 1497 году походъ короля Яна Альбрехта въ Молдавію вызывался необходимостью защитить торговые водные пути отъ Чернаго моря къ Балтійскому²⁾ отъ турокъ. Сухопутныя до-

¹⁾ Monumenta Poloniae historica. 1872. II. 21—22.

²⁾ A. Lewicki. Król Jan Olbracht o klesce bukowińskiej r. 1497. Kwartalnik Historyczny. VII (1893).

роги находились въ ужасномъ состояніи: еще въ концѣ 15 вѣка исправленіе дорогъ считалось богоугоднымъ дѣломъ наравнѣ съ подачей милостыни. И дѣйствительно: если врачъ не могъ пріѣхать къ умирающему королю, потому что у самаго Кракова онъ завязъ въ грязи,¹⁾ какъ же иначе могло смотрѣть общество на этотъ трудъ, дѣлавшій возможными всяческія сношенія людей между собой?

Какъ факторъ, задерживавшій проникновеніе въ Польшу европейскихъ идей, препятствовавшій распространенію въ ней литературнаго образованія и обусловившій позднее развитіе здѣсь самобытной литературы, эта отрѣзанность Польши отъ Западной Европы имѣетъ несомнѣнное значеніе. Къ востоку отъ Одера къ Вислѣ тянулись все тѣ-же пуши, непроходимыя лѣсныя тущобы, бездорожныя болота, настоящіе „матечники“ (miecznik), такъ художественно описанные Мицкевичемъ въ „Панѣ Тадеушѣ“²⁾. Такъ, еще во второй половинѣ 12 в. княжескій крестьянинъ-кметъ получалъ отъ своего князя неизмѣримое количество земли и самъ не зналъ, гдѣ кончалось среди дѣвственной пуши его „панованіе“ надъ этими лѣсами и болотами.³⁾

Населеніе громаднхъ пространствъ по Одери, Вислѣ и ея притокамъ составляло польское племя, или Поляне, какъ они сами называютъ еще себя въ началѣ 15 вѣка и какъ называло ихъ все средневѣковье (Poloni, Polonia). Населеніе это не могло быть густо: самая форма расселенія славянства въ этихъ мѣстахъ не могла содѣйствовать густотѣ его. Селились въ домахъ одиночками, рѣдко отецъ съ сыномъ или съ цѣлымъ родомъ, но въ извѣстной мѣстности держались родами, такъ, что около перваго дома естественно возникалъ другой, пока не образовывалась цѣлая деревенская улица⁴⁾. Первобытное хозяйство требовало большого простора, съ другой же стороны не существовало никакого стимула для объединенія поселковъ до тѣхъ поръ, пока не возникла въ своей зародышевой формѣ государственная власть, нуждавшаяся въ обложеніи населенія извѣстными повинностями

¹⁾ *Fr. Papée*. Polska i Litwa na przełomie wieków średnich. 1904. I 329.

²⁾ Ср. мою книгу „Адамъ Мицкевичъ. Его жизнь и творчество“. Москва. 1912, т. II, стр. 217.

³⁾ *St. Smolka*. Mieszko Stary i jego wiek. 1881, стр. 20.

⁴⁾ О формахъ поселенія см. статьи проф. *О. Бальцера*: Rewizya teoryi o pierwotnem osadnictwie w Polsce. Kwart. Histor. 1898. O zadrudzie słowiańskiej. Kwart. Hist. 1899. Chronologia najstarszych kształtów wsi słowiańskiej i polskiej. Kwart. Hist. 1910 (здѣсь же указана и другая литература, труды Войцеховскаго, Пекосинскаго и др.).

для цѣлей земскихъ или государственныхъ. Земля сама по себѣ не имѣла никакой цѣнности: даже въ половинѣ 14 вѣка „землепашецъ былъ кладомъ для шляхтича“—землевладѣльца, сосѣди судились между собой изъ-за пахаря¹⁾. Такъ же незначительно было число жителей въ Польшѣ и подъ конецъ Среднихъ вѣковъ, когда при Казимирѣ Ягеллоновичѣ государство охватывало и Литву, и Польское Королевство, и Галицкую Русь, и много другихъ русскихъ земель за Днѣпромъ и до Днѣпра. На этомъ пространствѣ, гдѣ теперь живетъ около 50 мил. человекъ, не представляя однако и теперь очень густой населенности. въ концѣ 15 в. жило *taximith* 6 мил. человекъ (*Parée loc. cit.* 335—336). Это число, говоритъ Ф. Пале, было слишкомъ мало по отношенію къ пространству и для цѣлей надлежащей обработки земли, и для цѣлей защиты страны, т. е. и въ экономическомъ, и въ политическомъ отношеніяхъ. Конечно, чрезмѣрная рѣдкость населенія должна была роковымъ образомъ отразиться на распространеніи культурныхъ приобрѣтеній. Очень низкій уровень общей культуры былъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого; о крестьянствѣ нечего и говорить: какъ въ западной Европѣ и какъ въ Россіи, оно оставалось полуязыческимъ. Средневѣковая проповѣдь въ Польшѣ обличаетъ суевѣрія народа, его языческіе обряды и гаданія. Шляхта только подъ конецъ Среднихъ вѣковъ добилась такого государственнаго положенія, при которомъ могла смотрѣть на себя, какъ на первенствующее сословіе. И въ имущественномъ отношеніи она сильно уступала королю, духовенству и магнатамъ: такъ въ концѣ 15 в. и въ началѣ 16 в. въ Сандомирскомъ и Краковскомъ воеводствахъ типичной формой шляхтскаго землевладѣнія являлось обладаніе всего одной деревней, при чемъ $\frac{2}{5}$ всей земли принадлежало высшимъ классамъ, а $\frac{3}{5}$ владѣльцамъ отдѣльныхъ деревень. Но были еще меньшіе землевладѣльцы, обладавшіе всего половиной или четвертью деревни, которая и сама по себѣ была величиной весьма незначительной, въ какіе-нибудь 10 крестьянскихъ дворовъ²⁾. Если принять во вниманіе необходимость постояннаго участія во всякаго рода военныхъ предпріятіяхъ, то придется сдѣлать выводъ, что эта мелкая шляхта не могла

¹⁾ А. Prochaska. *Król Władysław Jagiełło*. Т. II. 340. (1908).

²⁾ См. въ разныхъ мѣстахъ сочиненія Ад. Павинскаго „*Polska XVI wieku pod względem geograficzno-statystycznym*“. *Małopolska*. III tom. *Źródła dziejowe*. т. XIV. 1886.

служить благопріятной средой для распространенія высшей культуры. Ей слѣдовало добиться такого юридическаго положенія, при которомъ она могла бы прочно сѣсть на землю и заняться сельскимъ хозяйствомъ, и лишь къ концу 15 вѣка, когда Казиміръ Ягеллоновичъ вводитъ наемныя войска, шляхта становится классомъ помѣщичьимъ по преимуществу. Для распространенія книжной культуры нужны прежде всего деньги, а денегъ въ Польшѣ въ Средніе вѣка было очень мало. Любопытныя цифры приводитъ г. Папе въ названномъ выше изслѣдованіи: оказывается, что приданое королевской дочери въ 30,000 дукатовъ превосходило имущественныя силы короля; приданія шляхетскихъ дочерей были совсѣмъ мизерны: какія-нибудь 48—50 дукатовъ уже называлось приданымъ. Хозяйство давало возможность жить и сытно, и изобильно, много ѣсть, пить пиво и медъ, вдоволь топить домъ зимой дровами. На все это не требовалось денегъ. Бѣда, однако, когда нужно было что-либо купить или собрать денегъ на дорогу, на военную экспедицію, на приданое дочери. Тутъ ужъ приходилось прибѣгать къ крайнимъ средствамъ, т. е. закладывать имущество, выжимать всѣ соки изъ крестьянъ и т. под. Бросать деньги на пустяки было мало любителей, и когда краковскіе мѣщане сооружали одинъ изъ лучшихъ памятниковъ польскаго искусства 15 вѣка, алтарь знаменитаго художника Вита Ствоша, *nullus Polonus subsidia aut elemosynas praebuerat, sed multi deridebant* (ни одинъ полякъ не далъ ни субсидіи, ни милостыни, но многіе издѣвались). Если дѣло такъ обстояло въ самомъ концѣ 15 вѣка, когда польское государство достигло и объединенія, и границъ отъ Молдавіи до Данцига и отъ Силезіи до Вильна, и могущественной верховной власти, когда въ Польшу уже начинали проникать вліянія гуманизма, и польская шляхта въ гордомъ сознаніи своего національнаго значенія третировала нѣмецкихъ мѣщанъ городовъ,—если все это наблюдалось при Казиміръ Ягеллоновичѣ, то что же сказать о болѣе ранней эпохѣ, когда въ Польшѣ не было народнаго единства, когда ей приходилось выбираться изъ дебрей удѣльнаго провинціализма и бороться за самое свое существованіе противъ крестоносцевъ, венгровъ, литвы или татаръ? Въ продолженіе многихъ вѣковъ не могло быть и рѣчи о кадрѣ людей, для которыхъ чтеніе было бы пріятнымъ развлеченіемъ или источникомъ эстетическихъ переживаній, какимъ оно уже было въ эту пору для

городскихъ и дворянскихъ круговъ Западной Европы. Рыцарская поэзія на Западѣ уже „отрицала монашескій аскетизмъ и властныя стремленія церкви... Рыцарская лирика, поскольку прославленіе земной любви составляло главное ея содержаніе, была совершеннымъ отрицаніемъ дѣвства, требуемаго церковью... Не аскетическое подвижничество, а жажда мірскихъ подвиговъ направляла героевъ на борьбу съ полумѣсяцемъ. Религіозная идея крестовыхъ походовъ лишь кое-гдѣ, въ отдѣльныхъ случаяхъ, бросала свой свѣтъ на приключенія странствующихъ рыцарей. Но наиболѣе рельефно выдающимися чертами въ поэтическихъ произведеніяхъ были не крестъ и не церковь, а военныя и любовныя приключенія... Основная мысль придворной поэзіи, равно какъ и народной, состояла въ поэтическомъ преображеніи земной жизни. Поэтому по своему внутреннему чувству рыцарская поэзія находилась въ такомъ же противорѣчьи съ религіознымъ духомъ средневѣковья, какъ и народная поэзія“¹). Въ польскомъ средневѣковьи эти элементы намѣтились гораздо болѣе слабо, и ни король, ни шляхта не создали своей литературы, какъ это было во Франціи или въ Германіи.

Первыя попытки создать польское государство, объединяющее рядъ ляшскихъ племенъ, относятся ко второй половинѣ 10 вѣка. Но наличность зародышевыхъ государственныхъ единицъ, объединявшихъ уже въ досторическомъ прошломъ отдѣльное племя, доказывается существованіемъ какой-то древней династіи Попеля, предшествовавшей Пястамъ. Откинувъ все легендарное, связанное съ именемъ этого князя (*dux*), мы все таки остаемся передъ фактомъ, который долженъ имѣть историческое значеніе: въ томъ или другомъ юридическомъ отношеніи къ вымершей династіи Попеля должна была стоять новая династія крестьянина (*arator, rusticus rapere, agricola*) Пяста²). Проф. Т. Войцеховскій выставилъ въ 1895 г. предположеніе, что Пясть—это названіе должности, *pedagogus-nutritor*, мажордомъ французскаго государства.

¹ Г. Эйкенъ. Исторія и система средневѣкового міросозерцанія. Спб. 1907. Глава VII. отд. 3. „Сопротивленіе со стороны свѣтской поэзіи“.

² Т. *Wojciechowski*. О *Piaście i piaście*. 1895. Къ его взгляду до извѣстной степени примыкаетъ С. *Матусякъ*. О *Piaście* (Lud. 1902). Неправдоподобнымъ представляется мнѣ объясненіе А. *Брюкнера*, будто имена первыхъ польскихъ князей „шуточныя вымышленныя прозвища“ (О *Piaście*. 1897), и конечно, я не могу принять мифологическое толкованіе Ст. *Шнейдера*. (*Kwartalnik Historyczny*. 1907, 591—603). Наиболѣе важны изслѣдованія I. F. *Gajslera*. (*Głos*. 1898), W. *Bruchnalski* *Piast* (*Kwart. Histor.* 1906) и S. *Ciszewski*. О *atafykacie* (Lud. 1901).

Одинъ изъ Пястовъ завладѣлъ княжеской властью и сдѣлалъ ее наслѣдственной въ своемъ родѣ, который получилъ названіе Пястовъ. Но трудно предположить въ первобытныхъ отношеніяхъ тогдашней польской жизни существованіе такого сложнаго государственнаго института, какимъ было мажордомство, и правдоподобнѣе кажется предположеніе, что весьма распространенный у малокультурныхъ народовъ и въ томъ числѣ у славянъ обычай приѣмнаго родства положилъ основаніе и первой исторической династіи польскаго государства. Пясть-пѣстунъ, Pfliegerater, gestans. По неизвѣстной причинѣ онъ былъ избранъ Попелемъ въ пѣстуны (*аталыки*, говоря терминомъ кавказской этнографіи) своего сына, а князь постригъ сына Пяста, Земовита, и когда сынъ Попеля умеръ, естественнымъ наслѣдникомъ его престола остался Земовитъ, основатель династіи Пястовъ. Уже очень рано этотъ историческій фактъ облекся въ легендарную форму, благодаря странствующимъ сказаніямъ о чудесномъ происхожденіи княжескихъ династій отъ крестьянъ. I. Гайслеръ указалъ на сходную легенду о св. Германѣ, помѣщенную въ „Legenda aurea“ Якова Де-Ворагине и восходящую къ „Miracula S. Germani“ французскаго монаха Эрика (полов. 9 вѣка). Гдѣ и какъ произошло срощеніе разнородныхъ элементовъ, создавшихъ версію анонима Галла, перваго польскаго историка, о началѣ династіи Пяста,— это едва-ли возможно теперь установить съ достаточной убѣдительностью. Но, во всякомъ случаѣ, можно утверждать, что не внѣшній объединяющій ляшскія племена факторъ создалъ первое польское государство (не норманы, не какіе-то фантастическіе лехиты), но что оно создавалось путемъ естественнаго образованія мѣстной верховной власти и не влекло вслѣдъ за собой народнаго единства.

Изъ династіи Пястовъ вышелъ и *famosus ille Mesco* (Кадлуб. II, 8), пріобщившій (966) часть польскихъ племенъ къ западной христіанской цивилизаціи. По позднѣйшимъ представленіямъ, нашедшимъ свое выраженіе въ 13 вѣкѣ у Кадлубка, онъ крестилъ *universum Poloniae regnum cum ipso rege*. Во всякомъ случаѣ, объединительная просвѣтительная дѣятельность Мѣшка распространилась на значительное число польскихъ племенъ, и его государство, которое его вдова поручила (995—996) опекѣ римскаго первосвященника, обнимало и южно-польскія племена, и Моравію, и Великую Польшу, и часть Силезіи. Какъ было подготовлено это удивительное событіе, мы

не знаемъ, но уже на самой зарѣ своей исторіи польскій народъ является передъ нами почти въ тѣхъ границахъ, въ какихъ складывается потомъ его исторія. Обширный конгломератъ польскихъ земель Мѣшко завѣщаетъ своему потомству, раздѣляя его между сыновьями отъ разныхъ женъ. И опять съ той же легкостью и быстротой совершается новое объединеніе отдѣльных земель, что можетъ объясняться только ихъ совершенной пассивностью. Безлюдныя пространства, въ сущности, лишь номинально составляли владѣнія того или другого государя, и этотъ послѣдній, расправившись съ другими претендентами на нихъ, присоединялъ ихъ къ своей коронѣ. Болеславъ Храбрый (992—1025) уже коронуется королемъ и преслѣдуетъ въ своей дѣятельности культурныя задачи: старается привлечь рыцарей на пустыя земли, зоветъ въ свою страну католическихъ миссіонеровъ, основываетъ метрополию въ Гнѣзнѣ, какъ центръ отнынѣ автономной польской церкви. А послѣ смерти его начинается опять удѣльная борьба, и хотя сынъ Болеслава, Мѣшко II (1025—1034), былъ коронованнымъ королемъ ¹⁾ и изображается на миниатюрѣ 11 в. съ такой же короной, какъ имп. Генрихъ IV, но фактически онъ не явился объединяющимъ факторомъ, и сосѣди отнимали у него одну землю за другой, а потомъ господствовала страшная смута, пока сынъ Мѣшка II, Казиміръ Обновитель (1040—1058), не принялся опять за воссоединеніе государства. То же самое происходило въ Чехіи, Германіи, Россіи и Венгріи, и князья всѣхъ этихъ странъ входятъ въ частое общеніе другъ съ другомъ и воюють, пользуясь своими дружинами. Во второй половинѣ 11 вѣка столкновеніе двухъ началъ, императорскихъ и папскихъ притязаній, Генриха IV и Григорія VII, задѣло и молодую Польшу, гдѣ въ возстаніи противъ Болеслава Смѣлаго (1081) принялъ участіе и представитель партіи Генриха IV, *traditor Episcopus* Станиславъ, канонизація котораго еще въ 13 вѣкѣ вызвала сопротивленіе въ Римѣ ²⁾. Эта первая стычка государственной власти съ духовенствомъ имѣла большое культурное значеніе: она объединила духовные элементы страны въ сознаніи своей классовой солидарности, и самъ папа Григорій VII, хотя и не проклялъ польскаго князя за самоуправство, но сурово осудилъ это убійство „Христово

¹⁾ O. Balzer. *Genealogia Piastów*. 1895. *St. Łaguna* въ Kwart. Hist. XI.

²⁾ M. Gumpłowicz. *Bolesław Śmiały i biskup Stanisław*. Kwart. Hist. XII. Th. *Wojciechowski*. *Szkice historyczne XI wieku*. 1904. *Онь же*. *Plemie Kadłubka*. Kwart. Hist. XXIV. *St. Krzyżanowski*. Na marginesie Galla. *Ibd.*

помазанника“. Самая участь Болеслава Смѣлаго, который при всей своей энергіи не могъ уже добиться того, что какъ-то само собой удавалось первымъ князьямъ, показываетъ, что наступали уже иныя времена, что князья бывали уже вынуждены опираться на единомышленниковъ, на страну. Такъ, послѣ изгнанія Болеслава Владиславомъ Германомъ червонорусскіе города 1087 какъ-то отдѣлились отъ Польши и попали подъ власть Рюриковичей. И самая Польша уже опять не едина: еще при жизни короля Владислава Германа (1080—1102) его сыновья раздѣляютъ государство на сѣверную часть, обнимающую Великую Польшу и Моравію, и южную, охватывающую Малую Польшу и Силезію. И когда одному изъ этихъ братьевъ, Болеславу Кривоустому (1102—1138), удается одержать верхъ надъ другимъ и опять собрать земли, онъ уже такъ далекъ отъ сознанія недѣлимости этихъ послѣднихъ, что умирая создаетъ сложную удѣльную систему (дѣльницы). Его сыновья получаютъ удѣлы, которые потомъ дробятся все больше, достигая ничтожныхъ размѣровъ. Татарское нашествіе и здѣсь, какъ въ Россіи, измѣнило всѣ слагавшіяся отношенія или, вѣрнѣе, развило ту ихъ сторону, которая не имѣла раньше преобладанія. Уже во второй половинѣ 12 в. надъ раздробленностью удѣльныхъ земель становится органъ, объединяющій представителей всей страны. Ленчицкое вѣче (*colloquium*) 1177 г., собравшись помимо воли великаго князя, объединяло интересы вельможъ всей уже Польши и ввело постановленія, имѣвшія значенія опять таки для всей Польши. И нѣскольшо позже, 1199, вопросъ о наслѣдованіи великокняжескаго престола дебатировался на сѣздѣ вельможъ со всего государства въ Краковѣ. И еще въ 1192 г., когда Мѣшко задумалъ захватить Краковъ. *milites eum spreverunt* (*Rocznik Krakowski. Monum. Polon. histor. II 835*). Эти *milites*, шляхта-воины, и духовенство, которое въ 1197 г. было лишено право жениться, и составили тѣ общегосударственныя сословія, которыя поднялись въ сознаніи государственнаго единства надъ мелкой удѣльной распрей. Автономія церкви, провозглашенная въ Великой Польшѣ 1210 и постепенно распространенная и на другія части Польши, объединила служителей польской церкви, гдѣ бы они ни жили, поставила ихъ единеніе надъ разъединеннымъ государствомъ. Еще до половины 13 в. началъ создаваться новый элементъ, чуждый междуудѣльной политикѣ. Это были нѣмецкіе колонисты, при-

влекавшіеся на пустыя земли съ сохраненіемъ своего самоуправления, на „нѣмецкомъ правѣ“. Прежде всего они поселились въ Силезіи, привлеченные сюда княземъ Генрихомъ Бородатымъ, потомъ и въ другихъ удѣлахъ. До 1258 г. въ одной Силезіи было создано такимъ образомъ до 100 деревень, во всей Польшѣ до начала 14 вѣка около 400.¹⁾ При скудости тогдашнихъ поселеній это число не было незначительно, а „нѣмецкое право“ создавало классъ людей, юридически объединенный на всемъ пространствѣ различныхъ удѣловъ. А города, образовавшіеся такимъ же способомъ и населенные въ это время по преимуществу нѣмецкими мѣщанами, были, по меньшей мѣрѣ, равнодушны къ удѣльнымъ соотношеніямъ князей и руководились собственными эгоистическими соображеніями. И несмотря на всю громадную разобщенность удѣловъ, еще усилившуюся послѣ роковой для Польши битвы съ татарами при Лигницѣ (1241), эти особыя права-духовное для церкви, „рыцарское“ для воинскаго сословія, „нѣмецкое“ для городовъ и селеній,—не дали Польшѣ окончательно развалиться, а въ 1254 г. канонизація св. Станислава дала всей Польшѣ и своего патрона, одного для всѣхъ частей ея. Уже подъ конецъ 13 вѣка начинаетъ живо чувствоваться необходимость собиранія земель около одного государя. Идея государственнаго единства Польши не исчезла.²⁾ Она глубоко занимает не только церковь, но и „литературу, правда еще бѣдную, но проникающую въ самыя широкіе слои польскаго общества. Въ Хроникахъ Винцентія и Богухвала, въ житіяхъ св. Станислава и Войцѣха и въ другихъ легендахъ 13 в. развивается эта мысль, точно золотая нить, связывающая славное прошлое съ вѣрой въ лучшее будущее“ (Семковичъ). Такъ, въ житіи св. Станислава, написанномъ около 1261 г., цѣлая глава называется „de restauracione Regni Polonie“. Здѣсь находитъ себѣ выраженіе живая вѣра въ Божью помощь. „Господь, знающій все будущее, карающій преступленія отцовъ въ третьемъ и четвертомъ поколѣніяхъ дѣтей,—ибо онъ одинъ знаетъ, сколь долго слѣдуетъ страдать племени (genti) Поляковъ, и когда оно должно возстать изъ развалинъ, Господь до сихъ поръ хранить въ сокровенности, въ ризницѣ (in armario) Краковскаго храма,

¹⁾ О. Бальцеръ. Къ исторіи общественно-государственнаго строя Польши. 1908, 27—28.

²⁾ А. Семковичъ. Walka o monarchia. 1288—1294. Kwart. Histor. V. 1901, стр. 743—744.

всѣ королевскіе знаки, т. е. корону, скипетръ и копье, и будетъ хранить ихъ до тѣхъ поръ, пока не придетъ тотъ, кто избранъ Богомъ, какъ Аронъ“ (Monumenta Pol. Hist. IV. 393). Эта вѣра глубоко проникла въ народныя массы, и стремленіе польскихъ земель къ соединенію около одного центра становится настолько живымъ, что даже чужеземный государь, какимъ былъ чешскій король Вацлавъ, собралъ всѣ польскія земли, кромѣ Мазовіи, и держалъ ихъ въ своихъ рукахъ до самой смерти (1305). Эта задача объединенія перешла послѣ смерти малолѣтняго наслѣдника Вацлава къ потомку пястовской династии, Владиславу Локотку, уже и прежде боровшемуся, но безуспѣшно, противъ разныхъ претендентовъ на Краковскій престоль. Теперь онъ быстро и крѣпко соединяетъ польскіе удѣлы и, предоставляя имъ внутреннее самоуправленіе, является для нихъ желаннымъ соединительнымъ звеномъ. Ему удается отстоять независимость Польши противъ притязаній усилившагося ордена крестоносцевъ и въ 1330 году короноваться уже въ Краковѣ, новой столицѣ края, а не въ Гнѣзнѣ, польскимъ королемъ. При сынѣ его, Казимірѣ Великомъ (1330-1370), былъ сдѣланъ дальнѣйшій шагъ въ созданіи единого государства, и Польша въ Статутѣ Вислицкомъ получила новый объединяющій элементъ. Необходимостью имѣть „одного князя, одинъ законъ, одну монету“ мотивировалось самое возникновеніе этого кодекса законовъ. Созданіе университета въ Краковѣ, учрежденіе общей для всего государства системы управленія и опредѣленная государственная политика на Востокъ, въ Галицкомъ княжествѣ, и другія мѣры этого короля уже настолько объединили польскій народъ въ послѣднихъ десятилѣтіяхъ 14 вѣка, что послѣ его смерти безъ законныхъ мужскихъ наслѣдниковъ возвращеніе къ старымъ удѣльнымъ пястовскимъ порядкамъ представлялось уже анахронизмомъ. Общегосударственный интересъ къ галицкорусской политикѣ настолько доминировалъ надъ сепаратизмомъ удѣловъ, что ради сохраненія приобрѣтенныхъ частей Галицкаго княжества всѣмъ Пястамъ предпочли венгерскаго короля Людовика, племянника Казимира Великаго. Венгрія считала Галицію своимъ законнымъ владѣніемъ, и Казиміръ ¹⁾ признавалъ это и на этомъ основаніи получалъ венгерскую помощь въ своей га-

¹⁾ *A. Prochaska. W sprawie zajęcia Rusi przez Kazimierza Wielkiego. Kwart. Histor. IV. 1892.*

лицкой политикѣ, обязавшись передать свой польскій престолъ сыну своего союзника, венгерскаго короля Карла Роберта, Людовику. И вотъ за время Казимира польскій народъ уже такъ свыкъся съ политическими притязаніями на Галицкое княжество, что не могъ отказаться отъ нихъ. Орденъ со своей угрозой всей Польшѣ, Галиція со своей привлекательностью для всей Польши объединяли польскій народъ не меньше, чѣмъ государственнй строй, принимавшій одинаковый обликъ во всѣхъ частяхъ Польскаго государства. Изъ мемуаровъ современника и приближеннаго къ королю Казимиру архидіакона Гнѣзненскаго, Яна изъ Чарнкова, видно, какъ устарѣли уже въ концѣ 14 вѣка удѣльныя представленія Пястовъ. Когда шляхта той или другой области, недовольная пренебреженіемъ Людовика къ Польшѣ, подымаетъ подъ знаменемъ какого-нибудь авантюриста Пястовича возстаніе, она быстро отрекается отъ него послѣ первой неудачи. Шляхетскіе сѣзды изъ разныхъ частей Польши принимаютъ общегосударственныя постановленія и входятъ въ оживленныя сношенія другъ съ другомъ, такъ что и теперь никакимъ центробѣжнымъ силамъ не удается раздѣлить уже создавшееся единство.

Умираетъ Людовикъ, а въ Польшѣ нѣтъ никого изъ его династіи. Королева Марія, законная наслѣдница Людовика, не хочетъ ѣхать въ Краковъ и остается на престолѣ Венгріи, но младшая дочь его, Ядвига, стремится ѣхать въ страну, гдѣ господствуетъ анархія. Но какъ отпустить молодую дѣвушку въ Краковъ? Необходимость заставляетъ уступить настояніямъ шляхетскихъ сѣздовъ и прислать Ядвигу. Но это не успокаиваетъ смуты. Напротивъ, полный беспорядокъ кипитъ въ странѣ. Однако, теперь Польша оказывается уже въ состояніи вынести испытаніе исторіи и не распадается. Современникъ этихъ событій, писавшій „Хронику польскихъ князей“ между 1382 и 1386 г. (Mopim. Pol. V), горько сокрушается по поводу того, что происходило въ странѣ: „Pessime stat regnum Polonie“, восклицаетъ онъ. „Очень худы дѣла въ Польскомъ королевствѣ: короля нѣтъ, а магнаты и шляхетство во враждѣ между собой, грабятъ другъ друга и жгутъ“. И, тѣмъ не менѣе, польскій народъ сохранилъ сознание своего единства, шляхта шла на соглашеніе, и избраніе Ягеллы, который былъ такъ чуждъ народу, что даже имя его въ современныхъ хроникахъ искажается до неузнаваемости (Kekillo или yagylo), было дѣломъ общепольскимъ. Слагавшееся въ продолженіе двухсотъ лѣтъ

національное объединеніе польскаго народа было теперь совершившимся фактомъ. Теперь могла существовать уже общепольская литература, преслѣдовавшая интересы и задачи, общія всему Польскому государству.

На какой кругъ читателей она могла рассчитывать, кто могъ участвовать въ ея созданіи? Конечно, прежде всего духовенство и элементы, такъ или иначе съ нимъ связанные, т. е. клирики, школьники, писцы канцелярій и судовъ. Потомъ и шляхта, еще не слишкомъ сильная въ латинскомъ языкѣ, но уже стремящаяся отъ времени до времени дать выраженіе своимъ стремленіямъ въ писанномъ словѣ. Кое-какія политическія сочиненія, конечно, на латинскомъ языкѣ, отражаютъ тѣ настроенія, которыя господствовали въ княжескихъ кругахъ. А шляхта, т. е. низшее рыцарство, дробившееся еще на нѣсколько классовъ, и магнаты завоевываютъ все большія права; впрочемъ, эта ихъ борьба между собой относится къ болѣе позднимъ временамъ. Кошицкія привилегіи (1374), связанныя съ вопросомъ о престонаслѣдіи послѣ Людовика Венгерскаго, освобождали шляхту отъ всякихъ податей и налоговъ, кромѣ ничтожнаго сбора съ земли, и обѣщали лишь ей цѣлый рядъ важнѣйшихъ должностей въ краѣ. Шляхта все больше чувствовала себя однимъ сословіемъ и съ этого времени быстро шла по пути расширенія своихъ правъ, создавая сознательный классъ, который подготавливалъ дальнѣйшее развитіе литературы. При Казимірѣ Великому поднялся общій уровень культуры. Современники его придавали огромное цивилизаторское значеніе его судебнымъ реформамъ, которыя сдѣлали проѣзжими польскія дороги и развили здѣсь торговлю. Но такъ же высоко они ставили и его усилія, направленныя къ поднятію общей культуры, и Янъ изъ Чарнкова съ восторгомъ перечисляетъ церкви, которыя король украсилъ „рѣзбой, живописью и удивленія достойными кровлями“, и снабдилъ „драгоцѣнными орнатами, золочеными чашами и великимъ множествомъ книгъ“. Съ учрежденіемъ Краковскаго университета даже въ томъ неполномъ видѣ, въ какомъ онъ возникъ при Казимірѣ, образовался естественный приливъ творческихъ духовныхъ силъ въ странѣ. Какъ бы ни было односторонне схоластическое образованіе, дававшееся въ этомъ университетѣ, оно создавало извѣстное умственное движеніе, которое выдвигало цѣлое сословіе людей, жившихъ около университета. Въ средневѣковомъ государствѣ профессура и

студенчество со всей той массой людей, которая такъ или иначе была связана съ университетомъ, составляли, дѣйствительно, особый классъ въ населеніи. Этимъ людямъ уже не была чужда книга, не были посторонними вопросы философіи, богословія, права, не было непривычнымъ дѣломъ выражать свои мысли и чувства въ письменной формѣ. И именно въ этой средѣ должна была возникнуть литература, сначала на общемъ литературномъ языкѣ Средневѣковья, латинскомъ, а потомъ на такомъ латинскомъ, въ который проникало все больше національныхъ польскихъ элементовъ. Если бы духовенство въ Польшѣ было женатымъ и могло превратиться въ наслѣдственное сословіе, какъ это случилось въ православныхъ странахъ, все литературное движеніе могло бы сосредоточиться въ немъ, не привлекая къ себѣ другихъ элементовъ населенія. Такъ было въ южнославянскихъ православныхъ странахъ, отчасти и въ Россіи до Петра. Въ католическихъ странахъ это не произошло: всеословное духовенство въ Польшѣ, какимъ оно было въ продолженіе Среднихъ вѣковъ, или въ Чехіи имѣло корни и въ крестьянствѣ, и среди горожанъ, и въ рыцарскомъ сословіи. Такимъ образомъ, клирикъ или священникъ вносилъ въ свою среду извѣстное уваженіе къ знанію, былъ предметомъ гордости для семьи. Это было не только въ эпоху Средневѣковья, но даже въ 16 вѣкѣ, и лишь потомъ все умственное движеніе влилось въ русло шляхты, къ великому ущербу для развитія польской литературы. Уже къ концу 14 вѣка слѣдуетъ констатировать условія, благопріятныя для возникновенія польской или латинопольской письменности. Эти условія—чрезвычайно развитая религіозная жизнь, которая создала уже въ 13—14 в. рядъ святыхъ, особенно женщинъ-королевы и принцессы, и пробудила сознание своего національнаго единства въ народѣ, и созданіе центра высшаго образованія въ безсословномъ Краковскомъ университетѣ. Послѣ анархіи временъ Людовика Венгерскаго и Ядвиги наступаетъ эпоха, которая знаменуется общимъ упадкомъ культуры. „Послѣ эпохи Казимира Великаго можно было ожидать болѣе быстраго дальнѣйшаго хода прогресса. Между тѣмъ послѣ послѣднаго Пяста первымъ культурнымъ королемъ является Сигизмундъ Ягеллоновичъ (1506—1548). По срединѣ же лежитъ эпоха варварства. Удивительная вещь, что всѣ наши готическія постройки, поскольку онѣ не восходятъ еще ко временамъ Казимира Великаго, сосредоточиваются съ новымъ блескомъ только у самаго конца 15 в. Но развѣ не представляется

чрезвычайно характернымъ, какъ Ягелло похоронилъ Ядвигу, и какъ Казиміръ Ягеллоновичъ строилъ королевскій замокъ. У останковъ великой королевы нашли *деревянную* позолоченную корону, скипетръ и державу. Съ чисто крестьянской скупостью пожалѣли положить въ могилу къ ней кусокъ металла! А какъ иначе былъ погребенъ Казиміръ Великій. Стоитъ также сравнить счета по постройкѣ замка за 1461 и за 1508 годы. Здѣсь такъ и кишатъ итальянскіе мастера: архитектора, скульпторы, художники, тамъ только рубрики объ исправленіи протекающихъ крышъ, лопнувшихъ стѣнъ, выбитыхъ стеколъ, расходы на плотниковъ, каменщиковъ, стекольщиковъ. Король поставилъ новую постель въ комнату молодой и новый столъ въ комнату старой королевы, началъ также ставить дубовыя планки на стѣнахъ, но вскорѣ эту работу прекратилъ; долженъ былъ идти на Пруссію и нуждался въ деньгахъ больше на вооруженіе, чѣмъ на постройки и обстановку. Какъ въ литературѣ, такъ и въ искусствѣ встрѣчаются имена только женщинъ изъ королевской семьи, Ядвиги, Сонки, Елизаветы, сохранившіяся и въ разницахъ нашихъ церквей и въ названіяхъ часовенъ. Мужскихъ ягелонскихъ именъ тамъ не найдешь, магнатскихъ и шляхетскихъ также; кромѣ короля, записаны только духовные да мѣщане“. (Fr. Papée. Polska i Litwa. I, 360—361). Причина такого упадка лежала какъ въ воцареніи новой, малокультурной династїи, которой еще нужно было цивилизоваться, такъ и въ огромныхъ задачахъ внѣшней политики, которыя пришлось взять на свои плечи Ягеллонамъ. Самъ Ягелло до конца своихъ дней ведетъ борьбу съ Орденомъ, которому наноситъ страшное пораженіе при Грюнвальденѣ (1410), сынъ его Казиміръ довершаетъ эту побѣду присоединеніемъ Пруссіи къ своимъ владѣніямъ. На эту борьбу требовалось такъ много матеріальныхъ силъ, что не оставалось возможности работать надъ мирнымъ культурнымъ развитіемъ страны. Но не одна орденская политика поглощала вниманіе короны: сложныя и трудныя отношенія съ Литвой, которая все еще не утратила своихъ великодержавныхъ притязаній, борьба за обладаніе Русью и за предоставленіе выходовъ въ оба моря, сѣверное Балтійское и южное Черное, вопросы, связанные съ борьбой за Чешскую и Венгерскую короны и т. п. требовали напряженія всѣхъ государственныхъ силъ. А внутреннїя дѣла? Борьба шляхты за свои привилегїи и за участіе въ правительственной жизни, борьба, которая такъ часто ставила королей въ безо-

мощное положеніе на полѣ битвы; вражда между шляхтой и вельможами, вся та борьба, которая предшествовала установленію въ началѣ 16 вѣка конституціоннаго режима съ двухпалатной представительной системой. Эта борьба, оставившая свои яркіе слѣды въ политической польско-латинской литературѣ, всего менѣе благопріятствовала зарожденію мирныхъ „музъ“ въ Польшѣ. Наконецъ, города, по происхожденію своему нѣмецкіе, но уже при Казиміръ Великомъ сильно полонизировавшіеся, города, которые такъ благопріятно развивались въ экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ до половины 15 вѣка: почему они не создали своей литературы, какъ это было на Западѣ? Удивительнымъ образомъ средневѣковые польскіе города не объединились для борьбы за свои политическія и экономическія права. Уже при Казиміръ Великомъ они теряли свои феодальныя права и превращались въ муниципальныя общества. Польскіе короли еще съ самаго начала 14 вѣка принялись обуздывать стремленія городовъ къ политической жизни; уже въ 1311 году Владиславъ Локотокъ лишаетъ Краковскихъ мѣщанъ права свободнаго избранія совѣтниковъ. Уже въ эту пору, по словамъ Ф. Папе, навсегда миновала эпоха политическаго значенія городовъ, какъ отдѣльной силы.¹⁾ Но города еще составляли союзы для общихъ цѣлей, какъ напр. для прекращенія разбоевъ на дорогѣ и всякаго рода преступленій: въ 1349 г. образовался союзъ Калиша и Вроцлава, въ 1350 г. конфедерация изъ Познани, Пыздръ и Калиша. Въ самыхъ городахъ хранилось самоуправленіе, согласно формулъ: *quia civitas a communiōne civium est dicta*. Въ концѣ 14 вѣка и экономическое, и политическое положеніе городовъ было благопріятно для ихъ развитія: открывались новые торговые пути изъ Чернаго моря въ Балтійскаго, и проходили они черезъ Львовъ, Краковъ и другіе польскіе города. Смутное время послѣ Казимира Великаго содѣйствовало бы, по крайней мѣрѣ, захвату городами политическаго значенія, тѣмъ болѣе, что зародыши конфедераций уже имѣлись на лицо. Однако, ни одного раза они не выступали передъ государственной властью, какъ солидарное, связанное общими интересами и стремленіями сословіе. Партикуляризмъ и предпочтеніе мелкихъ торговыхъ интересовъ политическимъ погубили ихъ значеніе. Уже въ концѣ 14 вѣка шляхта начинаетъ наступательную политику по отношенію къ

¹⁾ *Fr. Papée. Studya i szkice z czasów Kazimierza Jagiellończyka. 1907* (здѣсь статья „Przełom w stosunkach miejskich za Kazimierza Jagiellończyka“).

городамъ, а въ 1420 въ Вартскій статутъ проникаеть гибельная для мѣщанства статья, запрещающая ремесленные союзы или цехи и требующая, чтобы старосты или воеводы фиксировали цѣны товаровъ, принесенныхъ на рынокъ. И судебная автономія мѣщанъ терпитъ все болѣе чувствительныя пораженія: въ 1447 году воеводамъ предоставляется право самовольнаго наказанія мѣщанъ за неповиновеніе ихъ приказаніямъ, нѣсколько лѣтъ спустя Нѣшавскія привиллегіи устанавливають процедуру земскихъ судовъ для мѣщанина въ случаѣ убійства имъ шляхтича. Съ начала изнурительной войны съ Орденомъ, уже въ 1456 году, города привлекаются сперва къ денежному, а потомъ и къ натуральному участию въ военныхъ расходахъ и въ комплектованіи войска. Постепенно къ этимъ политическимъ ограниченіямъ присоединялись и экономическія: города лишались торговыхъ привиллегій, бѣднѣли и падали; въ нихъ селились массы евреевъ, которымъ были чужды культурныя стремленія польскаго народа. Евреи, жившіе на пространствахъ Польши въ Средніе вѣка, представляли собой въ этническомъ отношеніи два элемента: отчасти это были колонисты изъ Хазаріи, склонные къ земледѣлію и прочной осѣдлости, отчасти же еврейскій торговый классъ, эмигрировавшій съ конца 11 вѣка съ Запада, гдѣ началось преслѣдованіе евреевъ. Въ рукахъ этихъ людей были огромные капиталы, въ которыхъ такъ нуждалась тогдашняя неорганизованная жизнь. Создалось цѣлое законодательство о денежныхъ займахъ у евреевъ. Но, разумѣется, это и не сближало еврейства съ населеніемъ, и не завоевывало ему симпатій. Съ 1349 года мы слышимъ о страшныхъ еврейскихъ погромахъ, которые объясняются различными причинами (то будто бы они отравляли воду, то совершили ритуальное убійство, то просто раздражали людей своимъ ростовщичествомъ и т. д.)¹⁾.

Въ 16 вѣкѣ паденіе городовъ, за исключеніемъ развѣ крупнѣйшихъ центровъ, становится неизбѣжно. Въ Средніе вѣка однако польскіе города еще представляли болѣе важный факторъ въ развитіи польской жизни.

Внутреннія отношенія въ эпоху основателя новой династіи, Ягелла (Владиславъ Ягелло, 1386—1434), недавно были изучены въ фундаментальномъ изслѣдованіи А. Прохаски²⁾.

¹⁾ *J. Schipper*, *Studia nad stosunkami gospodarczymi żydów w Polsce podczas średniowiecza*. 1911.

²⁾ *Antoni Prochaska*, *Król Władysław Jagiełło*. 2 тома. 1908.

На основаніи его труда представляется слѣдующая картина культурнаго положенія Польши за пятидесятилѣтіе съ 1386 по 1434 годъ. Домашняя жизнь отличалась скромностью, которая приближалась къ убожеству. Даже расходы двора ограничивались самымъ необходимымъ: весьма рѣдко дворъ позволяетъ себѣ такую роскошь, какъ миндаль, винныя ягоды, заграничное вино; но то, что имѣется дома, всякая живность, дичь, рыба, въ изобиліи. Одѣваются также подешевле, приберегая на самые торжественные случаи соболя и парчу; жгутъ въ лампахъ сало. Искусство въ жизни двора занимаетъ чрезвычайно скромное положеніе; главное развлеченіе короля охота; ни живопись, ни музыка не вызываютъ большихъ расходовъ. „Примѣру короля и королевы слѣдуетъ вся Польша, истинно-патріархальная по скромности своихъ требованій. Только тогда, когда королю приходилось принимать какихъ-нибудь выдающихся гостей, королевская роскошь сверкала въ Краковѣ. Точно также и рыцарство поражало своей роскошью, когда король посылалъ рыцарей въ качествѣ пословъ, или самъ вмѣстѣ съ ними участвовалъ въ сѣздахъ съ сосѣдними государями въ Венгріи или Вроцлавѣ. Въ домашней жизни они были скромны, какъ скромны были и ихъ деревянные замки и жилые дома, какъ скромнень былъ весь обиходъ тогдашней Польши и всѣхъ ея сословій. Занимались земледѣліемъ, домашнимъ хозяйствомъ, разведеніемъ скота“. У рыцарей Прохаска констатируетъ уже въ 14 вѣкѣ сильно развитое національное чувство: не желая пользоваться въ официальныхъ отношеніяхъ нѣмецкимъ языкомъ, который усиленно навязываетъ имъ Орденъ, они предлагаютъ прибѣгать къ международному языку, какимъ былъ латинскій.“ На всѣхъ сѣздахъ съ крестоносцами они съ достоинствомъ и умно защищаютъ интересъ родины, и въ отчетахъ крестоносцевъ о сѣздахъ съ Витольдомъ или Земовитомъ мы часто читаемъ, что все шло хорошо, но пріѣхали поляки и испортили все налаженное“. (II. 311). Внѣшняя культура стоитъ однако довольно низко: откровенность и искренность, характерныя для польскаго рыцарства, не разъ превращались въ грубое обращеніе съ противникомъ, и въ великопольскихъ судебныхъ книгахъ реплики, въ родѣ „собачій сынъ“ или „собачья морда“, не представляютъ чего-нибудь исключительнаго. Въ извѣстныхъ случаяхъ право допускало эту брань, въ другихъ оно карало за нее „великимъ штрафомъ“ (tagna roepa). По отношенію къ самому королю рыцарское со-

словіе не было безправно; королевскую власть въ эту пору ограничивали его верховный совѣтъ или сенатъ, состоявшій изъ высшихъ сановниковъ государства, различные съѣзды (сеймы, какъ ихъ называли тогда) и еще невышедшіе изъ зародыша съѣзды областной шляхты, будущіе сеймики. Въ отдѣльныхъ земляхъ развито шляхетское самоуправленіе съ выборнымъ замѣщеніемъ бесплатныхъ должностей. По мнѣнію А. Прохаски, эта форма областной жизни, заключаая въ себѣ много положительныхъ элементовъ, имѣла еще ту очень важную сторону, что благопріятствовала колонизаціи, какъ это указываетъ большой приростъ населенныхъ мѣстностей въ Люблинскомъ воеводствѣ, въ Галицкой Руси и Подоліи. Кромѣ того, чрезвычайно важнымъ ассимиляціоннымъ принципомъ явилось то привилегированное положеніе, какимъ шляхта пользовалась въ Польскомъ королевствѣ: къ тѣмъ же привилегіямъ стремилось рыцарство и присоединенныхъ областей, Литвы и Руси, такъ что уже подъ конецъ 15 вѣка возникла объединенная общностью интересовъ шляхта всего государства. Самоуправленіе, которымъ она повсюду пользовалась, создало особенности ея политическихъ стремленій: „Необходимость думать самимъ о себѣ, о своей землѣ и уѣздѣ, а не полагаться на защиту короля, дѣлала землевладѣльческой классъ промышленнымъ, предприимчивымъ и предусмотрительнымъ, а также мужественнымъ и стойкимъ въ защитѣ. Эти достоинства выступаютъ довольно часто и, несомнѣнно, составляютъ одну изъ важнѣйшихъ причинъ быстрого развитія западнаго просвѣщенія“ II. 320. Но главнымъ цивилизующимъ элементомъ, объединившимъ на почвѣ христіанства Польшу съ Литвой, было духовенство, которое принимало, вообще, самое дѣятельное участіе въ государственной жизни королевства. Изъ рядовъ его выходили ученые люди, профессора Краковскаго университета, которые нерѣдко ѣздили для завершения своего образованія въ заграничные университеты. Низшее духовенство живетъ близко къ шляхтѣ и раздѣляетъ какъ достоинства, такъ и недостатки ея; постояннымъ источникомъ недоразумѣній является вопросъ о десятинахъ, который въ значительной мѣрѣ подготавливаетъ позднѣйшую борьбу между шляхтой и церковью. И самый образъ жизни этого духовенства весьма далекъ отъ церковнаго идеала; судебные акты рисуютъ картину грубости нравовъ среди приходскаго духовенства. Но къ религіи это послѣднее нерѣдко обнаруживаетъ ревность, и стоящій во главѣ его

Краковскій университетъ остался свободенъ отъ ересей. Высшее духовенство усердно блюло единство государства, возставая противъ сепаратическихъ стремленій литовскихъ или мазовецкихъ князей. Само оно стремилось къ такимъ же привилегіямъ, какъ шляхта, устраивало съѣзды и т. п. Такимъ образомъ, духовенство представляетъ настоящее средневѣковое сословіе, своего рода государство въ государствѣ, и противъ него стоитъ другое такое же сословіе, шляхта. Это два лагеря, которые то враждуютъ между собою (1406 — 1407), то вступаютъ въ дружественное общеніе, но именно, какъ два несмѣшивающіяся сословія, имѣющія каждое свои функции: одно воевать, другое наставлять въ религи и просвѣщать. Эти функции раздѣлены такъ точно, что для литературы забавной, для поэзіи свѣтской нѣтъ, собственно, и мѣста. Сословія, своего рода цеха шпильмановъ Польша не выработала, а потому и эпика или любовной лирики мы не найдемъ въ средневѣковой Польшѣ. Городской литературы не образовалось точно также, по причинамъ, о которыхъ я уже говорилъ выше.

Но для политической и исторической литературы представился уже извѣстный просторъ: исторія заключала въ себѣ какъ моральный элементъ, имѣвшій такую привлекательность для духовенства, такъ и политическій, интересовавшій въ равной мѣрѣ оба политическія сословія польскаго королевства, шляхту и духовенство. А эпоха Ягелла характеризуется такимъ важнымъ явленіемъ, какъ первые шаги Польшы по пути къ парламентаризму, для которыхъ явилось толчкомъ безкоролье послѣ смерти Казимира и анархія при Людовикѣ Венгерскомъ и послѣ него. Съѣздъ всей шляхты изъ всѣхъ земель въ Люблинѣ (1386) избралъ Ягелло на польскій престолъ, а въ 1404 году, нуждаясь въ большихъ средствахъ для выкупа отъ Ордена Добржинской земли, король созываетъ сеймики шляхты и проситъ ее разрѣшить сборы. Такъ, уже въ это время съѣзды шляхты пріобрѣтаютъ верховныя права, разрѣшая новые государственные налоги. Съѣзды областные, великопольскіе и малопольскіе, состоятъ изъ представителей отдѣльныхъ меньшихъ территориальныхъ единицъ, делегатовъ церковнаго капитула и представителей болѣе значительныхъ городовъ. Сословія совѣщались каждое въ отдѣльности, сносясь между собою посредствомъ посольствъ, и только резолюціи подлежали обсужденію общаго собранія. Кругъ дѣятельности этихъ представительныхъ учреждений, не имѣющихъ еще ни опредѣленнаго назначенія, ни

правовыхъ гарантій, распространялся, какъ придется, на самыя разнородныя дѣла: на монетную систему и вопросы войны и мира, на беззаконія чиновниковъ и обиды сосѣдей, на торговыя права польскихъ городовъ и т. д. Такъ какъ на сеймахъ одной половины королевства присутствовали представители и другой половины, то рѣшенія сейма имѣли значеніе для всей Короны (королевства). Первый польскій парламентъ явился такимъ же объединительнымъ моментомъ въ развитіи государства, какъ это всегда было съ парламентами. Шляхта все больше сознавала себя, по мѣрѣ роста своихъ конституціонныхъ правъ, отдѣльнымъ и объединеннымъ сословіемъ, которое призвано стоять на стражѣ не только своихъ эгоистическихъ, но и общегосударственныхъ интересовъ. А въ стремленіи пріобрѣсти для себя побольше матеріальныхъ выгодъ шляхта вѣчно борется съ духовенствомъ, старается притѣснить города, пытается взять какъ можно больше для себя отъ крестьянскаго труда, еще свободнаго при Ягеллѣ. Крестьянство въ это время уже прикрѣплено къ землѣ, но еще сохраняетъ право перехода въ извѣстные сроки къ новому владѣльцу земли. Едва-ли можно изображать его матеріальное благосостояніе въ такихъ радужныхъ краскахъ, какъ это дѣлаетъ А. Прохаска (II. 340—341), но не подлежитъ сомнѣнію, что нищими, безправными паріями крестьяне въ это время еще не были. Изъ среды крестьянства, какъ и мѣщанъ, люди выходили въ духовенство, а на этой почвѣ имъ открывалась возможность дальнѣйшей карьеры. Это были условія, уже благопріятныя для развитія духовной литературы.

При жизни Ягелла въ Польшу врывается сильная гуситская струя, которая вызываетъ среди шляхты раздвоеніе и мятежъ. Представители ея на Констанцскомъ соборѣ старались увѣрить съѣхавшихся членовъ Собора, что Польша совершенно незаражена ересью, но противъ этого говорятъ такіе общеизвѣстные факты, какъ дѣятельность ученика Гуса, Іеронима, въ Польшѣ и Литвѣ, или переписка самого Гуса съ королемъ Ягеллой. Уже въ 1416 году гнѣзненскому архіепископу, который стоялъ во главѣ польскаго посольства на Соборѣ, былъ доставленъ въ Констанць заподозрѣнный въ гуситствѣ ксендзь. Ближайшее единеніе между чехами и поляками начинается съ 1420 года и продолжается до конца 15 столѣтія. Среди политической литературы, вызванной гуситскимъ движеніемъ, мы встрѣчаемъ чрезвычайно любопытное

стихотвореніе Николая, нотаріуса изъ Знойма, De Polonis. Стихотвореніе проникнуто крайнимъ полонофобствомъ, которое вызывается сочувствіемъ поляковъ къ ереси. „Siqui mortificant clerum, sunt nonne poloni? Confundens papam, forte polonus erit? Siquis blasphemat sanctos cum matre Maria vel Christi corpus qui pede trivit humo, vel sacra, qui septem spernit nonnulla cremando, horum nam socius nonne polonus erit?“...¹⁾ Презрѣніе къ духовенству, неуваженіе къ самому папѣ, кощунство и непризнаніе таинствъ и многія другія преступленія ставятся здѣсь въ вину поляку, какъ таковому, точно ослѣпленный враждою авторъ не видѣлъ массы польскаго народа, оставшейся вѣрной папѣ и церкви. Повидимому, одно время, особенно съ 1430 по 1440 годъ, гуситское движеніе получило весьма сильное распространеніе среди польской шляхты, возмущенной поборами духовенства. Такъ, въ 1430 году польскіе гуситы совершаютъ набѣгъ на Ченстоховскій монастырь и оскорбляютъ даже чудотворную и чтимую икону Божьей Матери (не на это-ли намекаетъ приведенное выше стихотвореніе?²⁾). Король Ягелло побѣдилъ при своей жизни это движеніе и сурово расправился съ вождями польскаго гуситства, но послѣ его смерти, при малолѣтнемъ сынѣ Владиславѣ и его опекунѣ Збигнѣвѣ Олесницкомѣ, движеніе разрослось до очень опасныхъ размѣровъ. Подъ вліяніемъ тѣхъ анархическихъ теченій, которыя шли изъ Чехіи, часть шляхты уже теперь стремится къ избирательной системѣ въ наслѣдованіи королей, устраиваетъ сѣзды и т. под. Но гуситство несло Польшѣ и другое начало, національное сознаніе, недовольство исключительно латинскимъ просвѣщеніемъ, которое давала церковь, возмущеніе противъ хищничества духовенства. Во всякомъ случаѣ, оно создавало чрезвычайное оживленіе умственной и политической жизни въ странѣ. Церковь, со своей стороны, старалась привлечь къ себѣ шляхту, идя на извѣстный компромиссъ съ ней въ сборѣ десятины (Laudum cracoviense 1437). Но анархія разрасталась, и подъ 1438 годомъ Длугошъ отмѣчаетъ въ своей исторіи, что какое-то безуміе охватило умы людей въ польскомъ королевствѣ. Тогда возникаетъ Корчинская конфедерация шляхты для охраненія общественнаго спокойствія и преграж-

¹⁾ К. Hofler. Geschichtschreiber der husitischen Bewegung in Böhmen. 1856. I. 564.

²⁾ А. Prochaska. Napad Hussytów na Częstochowę w 1430 r. Kwart. Hist. XXI. 1907 и его же: W obronie społeczeństwa. Studium z dziejów Władysława Warneńczyka. Kwart. Histor. 1901.

денія пути гуситству и составляетъ чрезвычайно важный актъ, найденный въ архивѣ старой королевской канцеляріи и извѣстный подъ именемъ *Compositio clenodiorum*. Цѣль этого акта умиротвореніе (*volentes veteres et antiquas seditiones, discordias, homicidia et rancores et displicencias sedare*), средства — охрана верховныхъ правъ королевской власти, обязательство крѣпко хранить св. вѣру отъ еретическихъ покушеній и т. п. Организуется и противокатолическая партія, во главѣ которой стоитъ мятежный малопольскій вельможа, Спытекъ изъ Мельштына. Дѣло доходитъ до междоусобной войны, въ которой Спытекъ погибъ. Церковь восторжествовала, и молодой король становится естественнымъ представителемъ христіанскаго міра въ борьбѣ съ невѣрными. Логическимъ послѣдствіемъ побѣды католической ортодоксіи надъ гуситствомъ является и соединеніе осиротѣвшей венгерской короны (1440) съ польской въ лицѣ короля Владислава, и походъ этого послѣдняго на турокъ. Здѣсь около Варны (1444) палъ молодой Владиславъ, оставивъ свой престолъ единственному законному наслѣднику, брату своему, Казимиру Ягеллоновичу, который уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ избранъ великимъ княземъ Литовскимъ и жилъ въ Литвѣ, такъ какъ не желалъ идти на новыя ограниченія королевской власти вельможами и шляхтой. Какъ бы то ни было, гуситство составило въ исторіи Польши важный и яркій моментъ, и было бы удивительно, если бы оно не оставило никакого слѣда въ старопольской письменности. Такой слѣдъ, дѣйствительно, уцѣлѣлъ, правда, очень блѣдный и не связанный прямо съ именемъ Гуса, но въ прославленіи Виклефа, сохранившемся въ виршахъ польскаго протестанта, обнаруживается симпатія и къ гуситскимъ идеямъ. Объ этомъ стихотвореніи рѣчь будетъ ниже.

Долгое царствованіе Казимира (1444—1492) характеризуется такими важными событіями внѣшней политики, какъ присоединеніе значительной части Орденскихъ земель къ Польшѣ, водвореніе на чешскій и венгерскій престолы Ягеллоновъ (Владислава Казиміровича) и возвращеніе Польшѣ старыхъ удѣловъ, но внутренняя политика короля вела къ созданію того ненормальнаго положенія вещей, которое оказалось роковымъ для Польши: шляхта добивается важныхъ правъ, которыя дѣляютъ ее правящимъ сословіемъ въ государствѣ, но отдѣляютъ цѣлой пропастью отъ другихъ сословій, отъ городовъ и отъ крестьянъ. Первые терпятъ одно пораженіе за другимъ,

и расправа съ краковскими горожанами изъ-за Андрея Тенчинскаго (1461) должна уже была показать городамъ, какое безправное положеніе ихъ ждетъ при дальнѣйшемъ развитіи шляхетской политики. Что касается крестьянъ, то дѣлаются все болѣе настойчивыя попытки прикрѣпить ихъ къ землѣ, и вполнѣ легальный уходъ съ шляхетской земли разсматривается уже не рѣдко, какъ самовольный побѣгъ, караемый закономъ. Въ города начинается наплывъ евреевъ съ его экономическими послѣдствіями. Уже подъ конецъ царствованія короля Казимира Ягеллоновича матеріальное положеніе государства оказывается весьма тяжелымъ: привилегіи почти избавляли шляхту отъ налоговъ, духовенство платило мало, государственныя имущества находились въ громадномъ множествѣ въ залогѣ у богатей или банкировъ. Доходъ государственной казны при этомъ королѣ достигалъ уже весьма незначительной цифры: по вычисленію Фр. Папе, онъ могъ достигать въ благополучный 1485 годъ максимумъ 70 тыс. дукатовъ, тогда какъ въ это же самое время Герцогъ Бранденбургскій получалъ со своего небольшого государства 100 тыс., а венгерскій король Матвѣй Корвинъ собиралъ съ Венгріи до 400 тыс. дукатовъ. Такъ какъ содержаніе 1000 всадниковъ въ годъ составляло около 24 тыс. дукатовъ, то изъ этихъ данныхъ видно, въ какомъ тяжеломъ положеніи находилась Польша даже въ смыслѣ обороны своихъ границъ. Съ начала 16 вѣка она все болѣе ограничивается оборонительными войнами, которыя лишь на одинъ моментъ, смутное время при Федорѣ Ивановичѣ и Борисѣ Годуновѣ, а также при Лжедмитріяхъ, смѣняются новыми завоевательными экспедиціями. По даннымъ г. Рутковскаго о финансовомъ управленіи Польши при сынѣ Казимира, Александрѣ I (1501—1506), доходы государства при этомъ королѣ опустились на еще болѣе низкій уровень, составляя всего около 60 тыс. гривенъ въ годъ, т. е. менѣе 20 тыс. дукатовъ¹⁾. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ продолженіе всего 15 вѣка растетъ польскій парламентаризмъ, создается свободная, сознателная въ національномъ отношеніи шляхта, для которой уже не существуетъ прежнихъ средневѣковыхъ церковныхъ идеаловъ. Мало по малу углубляется и все шире разверзается пропасть между нею и духовенствомъ, которое теперь тоже набирается изъ шляхты, съ одной стороны, и горожанами и

¹⁾ *L. Rutkowski. Skarbowość polska za Aleksandra Jagiellończyka. Kwartal. Historyczny. 1909. XXIII. 1—77.*

крестьянствомъ, съ другой. Государство бѣднѣетъ и теряетъ свой авторитетъ, король безвластенъ и уже не стремится къ власти, а шляхта, подчинивъ себѣ бесплатный крестьянскій трудъ, уничтоживъ въ сбытѣ его продуктовъ конкуренцію городовъ, богатѣетъ и цивилизуется. Она проникается новыми взглядами на религію и отношеніе церкви къ государству, она стремится къ западному гуманистическому образованію и спѣшитъ въ заграничные университеты. Уже въ 15 вѣкѣ намѣчаются всѣ эти преобразованія средневѣковой жизни, но только въ 16-мъ они достигаютъ полной побѣды надъ стариной. Старый Длугошъ приходитъ въ ужасъ, видя, что обмирщеніе жизни такъ быстро идетъ впередъ: пошли новыя моды, которыя дѣлали мужчинъ похожими на женщинъ, повсюду царила безнаказанность, легкомысленная расточительность, и „что самое ужасное, пренебреженіе къ законамъ Божьимъ и церковнымъ;“ люди уже не думаютъ о будущей жизни и спасеніи, „не помнятъ о смерти и послѣднемъ концѣ всѣхъ вещей.“ Однимъ словомъ, создавалось новое мировоззрѣніе въ обществѣ, и переходъ отъ стараго церковнаго авторитета къ новымъ навыкамъ, къ новому способу мыслить и чувствовать вызывалъ неизбѣжный упадокъ общественной нравственности. Новая, свѣтская жизнь требовала и новой литературы, при томъ уже не латинской, но національной польской.

Г л а в а II.

Средневѣковое церковное просвѣщеніе. Университетъ. Монастыри.

Христіанское просвѣщеніе пришло въ Великую Польшу изъ Чехіи. Это было латинское просвѣщеніе. Послѣ изслѣдованій д-ра Абрахама, Стослава Лагуны и особенно кс. Шесняка ¹⁾ едва ли возможно сомнѣваться, что Кирилло-Меѳодіевская проповѣдь со славянскимъ богослуженіемъ не проникла въ Польшу. Въ самой Чехіи въ половинѣ 10 вѣка господствовало уже латинство. Это не исключало вліянія византійскаго искусства,

1) *Dr. Abraham. Organizacya kościoła w Polsce przed w. XII. Lwów. 1893. St. Zaguna Pierwsze wieki kościoła polskiego. Kwartal. Histor. 1891. Ks. W1. Szczęśniak. Obrządek Słowiański w Polsce pierwotnej. Warsz. 1904 (Bibliot. Dzieł chrześcijańskich).* Здѣсь и подробный обзоръ литературы предмета.

влянія, которое шло однако не прямымъ путемъ изъ Византии, но косвеннымъ образомъ—съ Запада, а особенно изъ Кіевской Руси, и при томъ въ эпоху уже болѣе позднюю, чѣмъ принятіе христіанства. Но со славянскимъ обрядомъ, какъ справедливо отмѣчаетъ кс. Щеснякъ (149—150), это художественное греческое вляніе (*opus graecum, mos graecus*) не имѣло ничего общаго. Римское христіанство несло съ собой латинское богослуженіе и латинскую проповѣдь. Оно давало и свою школу, которая уже успѣла получить права гражданства на Западѣ²⁾). Обязанностью ея служило образованіе будущаго духовенства для каѳедральнаго собора и цѣлой епархіи. Можно думать, что эту школу поспѣшили создать и въ новообращенной Польшѣ. Болѣе опредѣленныя свѣдѣнія относятся къ эпохѣ преемника Мѣшка, Болеслава Храбраго, при которомъ получаетъ большое значеніе орденъ бенедиктиновъ, одинъ изъ главныхъ ревнителей просвѣщенія въ Средніе вѣка. При немъ, какъ сообщаетъ традиція, св. Войцѣхъ во время своего пребыванія въ Гнѣзнѣ организовалъ миссіонерскую церковную школу.

Съ учрежденіемъ новыхъ епископствъ въ Краковѣ, Вроцлавѣ и Кольбергѣ (1000) должны были здѣсь возникнуть и каѳедральныя школы. Точно также и новые монастыри являлись новыми очагами просвѣщенія. Такимъ образомъ, еще до 1215 года, когда Латеранскій соборъ совершилъ реформу средневѣковой школы, необходимо предположить наличность въ Польшѣ обычнаго типа латинскихъ средневѣковыхъ школъ. О цѣломъ рядѣ такихъ школъ, каѳедральныхъ, коллегіатскихъ и монастырскихъ, собраны свѣдѣнія въ изслѣдованіи А. Карбовяка. Во главѣ каждой изъ этихъ школъ стоялъ членъ монашескаго ордена или членъ капитула. Онъ управлялъ всѣмъ учительскимъ персоналомъ школы, педагогами и надзирателями (*circatores*), и всей учащейся молодежи. Онъ носилъ то или другое званіе въ зависимости отъ того, какой школой завѣдовалъ: *magister principalis* въ монастырѣ, *magister scholarum* или *scholasticus* въ каѳедральной школѣ. Это было положеніе почетное, связанное съ епископской карьерой, съ однимъ изъ первыхъ мѣстъ въ капитулѣ, съ отвѣтственными дипломатическими или административными назначеніями. На содержаніе школы были опредѣлены извѣстные доходы, въ родѣ десятины

²⁾ По исторіи школы въ старой Польшѣ важно изслѣдованіе *Ant. Karbowiak. Dzieje wychowania i szkół w Polsce w wiekach średnich*, 2 части Спб. 1898.

или сбора съ учителей, желающихъ давать уроки въ предѣлѣ епархіи. Отъ себя схоластикъ, директоръ школы, нанималъ учителей и содержалъ учебное заведеніе, а то, что у него оставалось, составляло его личную экономію: опасный принципъ, который велъ къ злоупотребленіямъ.

Какъ во главѣ школы стояли духовныя лица, подчиненныя монастырю или епископу, такъ и ученики, вступая въ школу, какъ бы принимали посвященіе въ монахи. По уставу бенедиктинскаго ордена, въ него принимали и мальчиковъ (*oblatis*), за которыхъ подписывали обязательство родители или родственники. Эти дѣти, мальчики 7 лѣтъ, иногда даже младше, носили орденскую одежду и признавались дѣйствительными членами ордена, который давалъ имъ обученіе и приготавлиалъ къ будущей дѣятельности. На тѣхъ же основаніяхъ принимали дѣтей, *scholares canonici*, и соборы епархій (*каѳедры*). Ученики жили на средства церковныхъ бенефицій, по большей части вмѣстѣ, подъ надзоромъ схоластика, иногда у своихъ родственниковъ—канониковъ. Не всѣ готовились къ духовной карьерѣ: такіе, *extranei*, жили на свои средства. По мѣрѣ того, какъ въ число учащихся проникали и дѣти бѣдныхъ классовъ, демократизировалась жизнь школьника; *scholares* нерѣдко были вынуждены прибѣгать къ милостынѣ. Создавалась извѣстная пропасть между двумя категоріями учениковъ, и монастыри стали устраивать двоякія школы; „внутреннія“ для своихъ воспитанниковъ—монаховъ и „внѣшнія“ для постороннихъ. Примѣру ихъ послѣдовали и „каѳедры“, но здѣсь это различіе удержалось, повидимому, не долго. Въ школѣ преподаваніе шло на латинскомъ языкѣ, и ближайшей цѣлью его служило подготовленіе учащихся къ участію въ богослуженіи. Одновременно съ этимъ первоначальнымъ религіознымъ воспитаніемъ шло и обученіе тѣмъ свѣтскимъ наукамъ, которыя охватывались понятіемъ „семи искусствъ“ (*septem artes*). Для этого надо было умѣть читать и писать по латыни, и съ этого начиналось школьное образованіе. Назначеніе каждаго изъ семи „*artes liberales*“, свободныхъ искусствъ, опредѣляется въ стихотвореніи какого-то средневѣковаго монаха:

Gramm. loquitur, Dia. verba docet, Rhe. verba colorat,

Mus. canit., Ar. numerat, Ge. ponderat, As. colit astra.

Грамматика, которая учитъ правильно говорить, діалектика, которая наставляетъ въ подборѣ словесныхъ доказательствъ, риторика, украшающая рѣчь, составляютъ *trivium*, а „поющая

музыка, счисляющая арифметика, взвѣшивающая геометрія и почитающая звѣзды астрономія“ — высшій кругъ знаній, *quadrivium*. Уже первая группа искусствъ подготовляла людей, нужныхъ для жизни: „риторика“ учила писать подъ диктовку (*dictamen prosaicum*) и давала кое-какія юридическія знанія, такъ какъ клирики были нужны для несенія канцелярской службы. Послѣ этого можно было приступить къ трудному и долгому изученію *квадривіума*, которое было основано цѣлкомъ на упражненіи памяти. И здѣсь опять таки на первомъ планѣ практическая цѣль: подъ видомъ арифметики учили по преимуществу церковному календарю, а также давали кое-какія представленія о соотношеніи чиселъ, необходимыя для теоріи музыки. И эта послѣдняя изучалась для цѣлей богослуженія: нужны были музыканты и композиторы. Геометрія обнимала и энциклопедію естествознанія, т. е. отрывки изъ баснословной зоологіи и ботаники, астрономія также толковала календарь или вдалась уже въ область астрологіи. Вся эта чрезвычайно трудная и сложная система свободныхъ искусствъ требовала отъ учащагося и усидчивости, и большой памяти, и многолѣтняго досуга. Такіе способные люди, какъ св. Войцѣхъ, нуждались въ 9 годахъ обученія, чтобы одолѣть весь курсъ. Понятно, что подобныхъ образованныхъ людей было мало, что большинство ограничивалось или низшей группой наукъ, или просто кое-какими свѣдѣніями и грамотностью.

На основаніи списка книгъ, которыя краковскій епископъ Мацусъ пожертвовалъ въ 1110 году библиотекѣ краковского кафедральнаго собора, можно сказать, въ какихъ рамкахъ шло образованіе въ Польшѣ въ это время (*Karbownik* I. 55—56). Особенное вниманіе было обращено на грамматику, которой учили по слѣдующимъ руководствамъ: *Arator*, *Boëthius*, *Regulae grammaticae*, *Ovidius*, *Persius*, *Statius* и *Terentius*.¹⁾ Этихъ авторовъ читали въ школѣ для изученія латинскаго языка. Для діалектики имѣлись въ списокѣ Мавра два пособия: *Dialec-*

¹⁾ *Arator* (6 в. по Р. Х.) авторъ поэмы гекзаметромъ „*De actibus apostolorum*“, которую папа Вигилій велѣлъ читать вслухъ (544) въ храмѣ *Petri ad vincula* къ великому восхищенію слушателей. *Anicius Boëthius* (ок. 480—525) авторъ ряда философскихъ трактатовъ и особенно знаменитаго, написаннаго имъ въ темницѣ разсужденія „*De consolatione philosophiae*“. *A. Ebert*. *Allgemeine Geschichte der Literatur des Mittelalters im Abendlande bis zum Beginne des XI Jhs.* 2 изд. 3 тома. 1889 г. Изъ сочиненій Овидія въ краковскомъ списокѣ 1110 г. найдено „*Ex Ponto*“; Персія чтли за его суровый сатирический тонъ, и въ списокѣ имѣется 2 экз. Персія; Стацій, авторъ поэмъ „*Thebais*“ и „*Achilleis*“, былъ также излюбленнымъ поэтомъ средневѣковья.

tica и Isidorus, для риторики и связанныхъ съ нею дисциплинъ нѣсколько больше: *Breviarium, Decreta romanorum pontificum, Liber papiensis, Lombarda, Sallustius* и *Gallus* (польская хроника, по которой знакомились съ исторіей Польши). Никакихъ математическихъ книгъ въ списокѣ не было названо: это указываетъ на слабое знакомство съ квадривіумомъ въ Польшѣ, хотя историкъ польскихъ школъ въ Средніе вѣка находитъ въ средневѣковыхъ историческихъ произведеніяхъ польскаго происхожденія слѣды знакомства писателей, по крайней мѣрѣ, съ ариѳметикой и астрономіей. По нѣкоторымъ дисциплинамъ, которыя навѣрное преподавались въ краковской кафедральной школѣ, руководство въ списокѣ епископа не оказалось. Возможно, что это происходило отъ дороговизны рукописей. Вообще, имѣть свой учебникъ каждый ученикъ не могъ. Обычно, рукопись грамматики имѣлась только у учителя. Онъ читалъ ее, а ученики повторяли за нимъ, пока не выучивали наизусть и не записывали на табличкахъ. Обучение грамматикѣ сопровождалось чтеніемъ текстовъ, по большей части, стихотворныхъ, при чемъ переводъ на родной языкъ вовсе не являлся необходимостью: онъ дѣлался лишь до тѣхъ поръ, пока ученики не овладѣвали свободно латинскимъ языкомъ. Хорошимъ средствомъ для достиженія этой послѣдней цѣли служило составленіе (*dictamen*) собственныхъ латинскихъ текстовъ прозаическихъ или поэтическихъ. Руководствомъ по грамматикѣ должна была служить чрезвычайно популярная въ Средніе вѣка „*De partibus orationis ars minor*“ Доната (4 в. по Р. X.), грамматичка въ видѣ вопросовъ и отвѣтовъ, которая подвергалась въ послѣдствіи различнымъ исправленіямъ и измѣненіямъ съ цѣлью приспособить ее къ преподаванію дѣтямъ, не говорящимъ на латинскомъ языкѣ. Діалектика, обнимавшая начальныя свѣдѣнія по логикѣ, преподавалась по руководству Исидора Севильскаго „*XX libri originum seu etymologiarum*“, а когда Альбертъ Великій въ 13 в. очистилъ Аристотеля отъ языческихъ заблужденій, главнымъ учителемъ логики для всего Средневѣковья сдѣлался этотъ послѣдній. Риторика въ средневѣковой школѣ не преслѣдовала никакихъ ораторскихъ цѣлей; она служила лишь подготовительнымъ средствомъ для чтенія латинскихъ прозаиковъ и составленія собственныхъ текстовъ въ прозѣ, писемъ и разнаго рода документовъ. Обучающійся риторикѣ упражнялся въ составленіи диктаментовъ по плану: *salutatio, captatio benevolentiae, narratio, petitio* и *conclusio*. Какъ

видно уже изъ этого плана, онъ предназначался для составления дѣловыхъ бумагъ. Но клирику, причисленному къ канцеляріи, нужны были и юридическія знанія. Они давались по разнымъ сборникамъ законовъ, свѣтскихъ *Capitulare* и духовныхъ, папскихъ *Decreta*. И тѣ и другіе сборники уже рано проникли въ Польшу. Нужны были и труды Саллюстія, Цицерона и др. Наконецъ, хроника Галла, какъ позже Кадлубка, служила школьнымъ руководствомъ при преподаваніи риторики.

Только тотъ, кто прошелъ черезъ тѣснины *trivium'a* и *quadrivium'a*, могъ считаться достаточно подготовленнымъ къ изученію богословія. Для него требовалась уже въ началѣ 12 вѣка довольно обширная литература, часть которой имѣлась въ Краковской библіотекѣ въ 1110 году, а другая была также извѣстна польскимъ ученымъ. Такимъ образомъ чело-вѣкъ, желавшій проникнуться богословской мудростью средне-вѣковья, находилъ въ Польшѣ уже черезъ сто лѣтъ послѣ смерти Мѣшки достаточно богатый матеріалъ. Для характеристики жизни школяровъ въ этотъ первый періодъ въ исторіи польскаго просвѣщенія (966—1214) сохранились кое какія любопытныя данныя: суровая дисциплина въ школѣ, тѣлесныя наказанія за невниманіе и лѣнь, а въ свободныя минуты шалости и гамъ. Уже въ 1207 году по церквамъ происходили въ дни большихъ праздниковъ драматическія представленія. Въ праздники школяры бродили толпой по улицамъ и иногда безчинствовали. Кадлубекъ упоминаетъ, что „*iudaeum scholares casu percusserant, iidem penaе tamquam sacrilegi addicuntur*“ (IV 2). Въ началѣ 13 вѣка до самаго Рима доходитъ вѣсть, что краковскіе школяры безобразничаютъ и обижаютъ монаховъ Тынецкаго монастыря. Въ день Рождества Христова они перепились, забравшись въ монастырь, издѣвались надъ монахами-пѣли неприличныя пѣсни и лѣзли въ драку. Но совершенно, то-же самое происходило въ эту пору и въ Западной Европѣ. Ученики чувствовали свою кровную связь съ монастырями и стремились поживиться отъ нихъ. Знатные люди не шли въ большинствѣ случаевъ въ книжную науку и держались въ сторонѣ отъ нея. Но среди нихъ попадаются образованные люди; нѣкоторые изъ Пястовичей славились своей образованностью и даже среди женщинъ знатнаго происхожденія были *litteris imbutae*, особенно тѣ, кто шли въ монастыри и должны были знать латынь. А. Карбовякъ приводитъ данныя, указы-

вающія, что еще передъ 1215 годомъ въ заграничныхъ университетахъ, особенно въ Парижскомъ и въ сѣверо-итальянскихъ, учились и поляки, и что среди кафедральныхъ канониковъ встрѣчались уже не мало лицъ съ учеными степенями. До 1215 г., т. е. въ первый періодъ въ исторіи польскаго просвѣщенія, этотъ изслѣдователь насчиталъ до 30 человекъ, которые прошли университетскій курсъ и приобрѣли ученныя степени, и среди нихъ были юристы и медики, не было однако магистровъ и докторовъ богословія. Слѣдующій періодъ названный авторъ относитъ къ эпохѣ между 1215 и 1363 годами. Однимъ изъ характернѣйшихъ явленій за это время оказывается та роль, которую постепенно завоевываетъ польскій языкъ въ костелѣ. Дѣло въ томъ, что со второй половины 13 вѣка начинается наплывъ въ Польшу нѣмецкихъ учителей, среди которыхъ, какъ предполагаетъ А. Карбовякъ, было не мало нѣмецкихъ вагантовъ, разносителей веселыхъ пѣсенокъ, церковныхъ анекдотовъ и т. п. Одинъ латинскій языкъ, въ концѣ концовъ, не удовлетворялъ и духовнымъ нуждамъ населенія. Уже въ 1248 году папскій легатъ на одномъ изъ соборовъ польской церкви сдѣлалъ заявленіе, что въ діоцезіяхъ ему приходилось встрѣчать стариковъ, которые сами не знали, во что вѣруютъ. Онъ распорядился, чтобы въ праздничные дни и воскресенія священники произносили на родномъ языкѣ населенія молитвы или, по крайней мѣрѣ, Символь вѣры. Но во многихъ приходахъ священническія мѣста занимали нѣмцы, которые не знали польскаго языка, и мало по малу начинается борьба за проповѣдь на польскомъ языкѣ или за допущеніе въ школы лишь такихъ учителей, которые знали польскій языкъ ¹⁾). Такъ, въ первой половинѣ 14 вѣка считается уже совершенно необходимымъ для кандидатовъ въ ксендзы или учителя знаніе польскаго языка. На пути къ созданію національной литературы это, конечно, былъ весьма крупный шагъ. И интересъ къ самой школѣ возрастаетъ въ польскомъ обществѣ: силезскій князь Людовикъ жертвуетъ церквямъ и монастырямъ свою бібліотеку, Казиміръ Великій даритъ землю для постройки школы и т. д. Со своей стороны, легаты и папы заботятся о поднятіи образовательнаго уровня духовенства и такимъ образомъ вызываютъ необходимость создать хорошую школу, а для этого устранить опасность германизации школы и обще-

1) О польской проповѣди см. ниже, въ отдѣлѣ о проповѣди.

ства. Именно, для борьбы съ ней въ концѣ 13-го и въ первой половинѣ 14 вѣка собирается цѣлый рядъ соборовъ, которые принимаютъ ограничительныя мѣры по отношенію къ нѣмецкимъ притязаніямъ на господство въ польской церкви и школахъ. Въ эту эпоху создается новый типъ школъ въ Польшѣ, низшія латинскія грамматическія школы, которыя учреждались при приходскихъ церквахъ и назывались приходскими. За время 1215—1363 г. А. Карбовякъ насчитываетъ 119 школъ, о которыхъ имѣются свѣдѣнія. Это былъ уже извѣстный успѣхъ по сравненію съ рѣдкими и немногочисленными школами перваго періода. „Сфера дѣятельности школы расширилась. Научная программа подверглась извѣстной перемѣнѣ, въ значительной мѣрѣ измѣнились также источники школьнаго преподаванія, т. е. учебныя книги. Теперь въ школахъ, особенно приходскихъ, учатся не только тѣ, которые готовятся къ вступленію въ духовное сословіе, но также и свѣтскіе люди городского сословія. Въ школахъ каѳедральныхъ и коллегіатскихъ научная программа была оживлена большимъ, нежели прежде, вниманіемъ къ юридическимъ знаніямъ. Въ поискахъ высшаго образованія молодежь ѣздила за границу несравненно больше, чѣмъ въ предшествующій періодъ. Такихъ, которые имѣютъ за это время ученые степени, мы насчитали мимоходомъ, не дѣлая болѣе глубокихъ розысковъ, 317 человекъ... Міряне шляхетскаго происхожденія, какъ до 1215 года, такъ и въ 13 и 14 вѣкахъ еще отстраняются отъ школьнаго образованія въ томъ убѣжденіи, что не нуждаются въ немъ и не имѣютъ для этого времени. Отсюда слѣдуетъ, что какъ прежде, такъ и теперь школьнымъ образованіемъ обладаютъ духовныя лица. Въ этотъ періодъ времени къ нимъ присоединяется только незначительная горсточка мѣщанъ. Въ документѣ Пржемыслава отъ 1295 г. свидѣтели раздѣлены на *literati* и *illiterati*, т. е. на знающихъ и не знающихъ латинскій языкъ. Къ первымъ относятся только духовныя лица, къ послѣднимъ только свѣтскія. „(I, 127—128). О томъ, что среди мірянъ все еще была слабо распространена латинская грамотность и въ половинѣ 14 вѣка, свидѣтельствуешь процессъ 1339 г., въ которомъ выступало 83 свидѣтеля: изъ нихъ лишь 12 было *literati*, т. е. могло объясняться на латинскомъ языкѣ, 71 человекъ отнесенъ къ разряду *illiterati*. По категоріямъ эти образованные свидѣтели распредѣляются такъ, что изъ шляхты лишь 3,7% отнесено къ нимъ, тогда какъ изъ горожанъ 28,5%. А въ 1320 году изъ 14 свидѣтелей мірянъ,

выступавшихъ на судебномъ разбирательствѣ, всего одинъ зналъ по латыни.— Въ противоположность этому, среди духовенства грамотность обычное явленіе, а въ періодъ 1215—1363 уже отмѣчается рядъ монастырскихъ и духовныхъ школъ, въ которыхъ преподаваніе не ограничивается семью свободными науками, но обнимаетъ и богословіе, т. е. придаетъ школамъ характеръ высшихъ учебныхъ заведеній Средневѣковья. Въ обычныхъ монастырскихъ школахъ все болѣе выступаютъ на первый планъ духовныя задачи, тогда какъ „свободныя искусства“, т. е. общеобразовательные предметы, оттѣсняются на задній планъ. Одинъ изъ документовъ этой эпохи (1279) констатируетъ бѣгство духовныхъ лицъ (*monachi et religiosi*) изъ монастырскихъ школъ въ учебныя заведенія, гдѣ преподаются эти „искусства“, и грозитъ имъ проклятіемъ. Это указываетъ уже на извѣстные умственные запросы духовенства, которому не было достаточно тѣхъ жалкихъ свѣдѣній по грамматикѣ, богословію и логикѣ, какія давала монастырская школа. Церковная стояла несравненно выше.

Какъ и прежде, свѣтская власть не вмѣшивалась въ то, кѣмъ и какъ велось школьное преподаваніе. Это было дѣло не государства, но церкви, не князя страны, но епископа, такъ какъ задачей школы было созданіе духовенства или юристовъ, которые изучали опять таки не свѣтское, но „папское“ или же каноническое право. Шляхта занималась своимъ ремесломъ: воевала. Ей еще некогда было взяться за книгу, какъ позже, когда она фактически уклонилась отъ военной повинности и разбогатѣла на даровомъ крестьянскомъ трудѣ. Духовенство стремится поставить свою школу на высоту, и при каеэдрахъ учебныя заведенія охватываютъ три части: пригготовительную школу, *trivium* и *quadrivium* и два курса: богословскій и юридическій. Такимъ образомъ, такое учебное заведеніе представляетъ одно цѣлое, способное выпустить изъ своихъ стѣнъ уже вполне образованнаго человѣка. Отсюда былъ всего одинъ шагъ до основанія университета, который и дѣйствительно былъ учрежденъ Казиміромъ Великимъ. Тотъ типъ школы, о которыхъ мы говорили сейчасъ, нуждается уже въ нѣсколькихъ учителяхъ. Другое дѣло приходская школа, которая лишена права обучать семи свободнымъ искусствамъ. Это была *schola parva*, *schola parvulorum*, которая была такъ широко распространена, что ея существованіе отмѣчается даже въ маленькихъ мѣстечкахъ. Но и здѣсь она первоначально не выходила

за предѣлы латинскаго языка и церковнаго пѣнія, и лишь постепенно, контрабанднымъ путемъ, съ нарушеніемъ правъ, оговоренныхъ въ учредительныхъ актахъ каждой школы, въ кругъ преподаванія ея входили ариѳметика и стилистика. Очевидно, требованія жизни были настолько сильны, что приходская школа была вынуждена считаться съ ними, вводя у себя знаніе чиселъ и искусство писать документы. Такъ подготовленный человекъ могъ поступить въ школу высшаго типа, гдѣ изучались, какъ гласитъ привилегія Лигницкой школы (1309) *libri grammaticales, loicales, naturales et alii quicunque, ad quos audientium se facultas extendit* (т. е. книги грамматическія, логическія, естественно-историческія и всякія другія, которыя только могутъ понять слушатели). Но это было легче сказать, чѣмъ сдѣлать: какъ въ предшествующій періодъ до 1215 года, такъ и теперь, науки, входившія въ область квадривіума, преподавать почти не было возможности. Ариѳметику и астрономію, которыя были необходимы для церковныхъ цѣлей, преподавали еще кое-гдѣ, музыка и геометрія служили рѣдко предметомъ школьнаго обученія, а книгъ для *quadrivium*'а въ этотъ періодъ такъ же мало, какъ и въ предшествующій, тогда какъ литература тривиума уже значительно полнѣе и, оказывается, слѣдитъ за новѣйшими западно-европейскими приобрѣтеніями въ этой области. Спеціальное богословское образованіе, въ которомъ нуждалось духовенство, повидимому, стояло удовлетворительно (Karbowiak I. 211), такъ какъ въ синодскихъ постановленіяхъ не встрѣчается жалобъ на невѣжество клира, и для кандидатовъ на церковныя должности можно было создать извѣстный образовательный цензъ. Краковскій епископъ Панкеръ (1320) требуетъ отъ священниковъ пониманія ихъ обязанностей (*regimen et dispositio*), настаиваетъ на томъ, чтобы они произносили вмѣстѣ съ прихожанами извѣстныя молитвы и *по польски* объясняли Евангеліе. Синодъ 1357 г., какъ и раньше еще въ 1327 году, требуетъ отъ духовенства уже не общаго того или другого образовательнаго уровня, а спеціальнаго ознакомленія съ постановленіями церкви. Попадаются въ 14 в. и большія богословскія библіотеки: такія библіотеки существовали въ 1300 г. при Краковской каѳедрѣ, въ Гнѣзнѣ и при нѣкоторыхъ монастырскихъ школахъ.

Въ этотъ второй періодъ польскаго церковнаго просвѣщенія продолжается и усиливается наплывъ поляковъ въ заграничныя университеты. Въ Болоніи они составляютъ въ

13 вѣкѣ уже особую „націю“ въ числѣ octo nationes, а въ 1321 г. ректоромъ той части этого университета, которую составляли *ultramontani* (не итальянцы), оказывается полякъ Скотницкій, бывшій въ концѣ своей жизни гнѣзненскимъ архиепископомъ. Во второй половинѣ 13 в. въ Падуѣ учился полякъ Вителло, авторъ большого сочиненія объ оптикѣ. Извѣстны и другіе поляки, занимавшіе или видныя церковныя должности, или пріобрѣвшіе извѣстность своими учеными трудами, которые учились въ итальянскихъ университетахъ, въ Болонніи, Падуѣ, Римѣ. Изъ французскихъ университетовъ наибольшей популярностью среди польскихъ студентовъ Средневѣковья, ѣздившихъ учиться за границу, пользовался Парижскій, который въ 14 вѣкѣ достигъ блестящаго развитія. Здѣсь извѣстенъ своимъ ученымъ выступленіемъ въ 1339 г. магистръ *Petrus de Polonia*, который поставилъ вопросъ: *utrum res, cuius substantia et actio est in temporis et aeternitatis horizonte locata, eiusdem luminis evidentia utriusque emisporiorum ornamenta discernere possit*, очевидно, нѣчто хитрое и схоластически запутанное. Упоминается также цѣлый рядъ другихъ поляковъ, учившихся въ эту пору въ Парижѣ. Если въ Парижѣ процвѣтало богословіе, то въ Монпелье университетъ славился своимъ медицинскимъ факультетомъ, на которомъ училось въ 14 вѣкѣ и нѣсколько поляковъ. Когда въ 1348 г. возникъ университетъ въ Прагѣ, поляковъ оказалось здѣсь такъ много, что одна изъ „націй“, составившихъ университетъ, была названа Польской. Такъ какъ названіе это имѣло не столько національное, сколько территоріальное значеніе, то въ числѣ поляковъ были и нѣмцы изъ польскаго королевства, и, можетъ быть, литовцы, но преобладали все-таки настоящіе поляки, которые остались вѣрными университету и послѣ Кутногорскихъ декретовъ. Кромѣ университетовъ, польская молодежь посѣщала и другія учебныя заведенія, Кельнскую каѳедральную школу, Эрфуртскую школу и т. д. За время съ 1215 по 1364 годъ А. Карбовякъ нашелъ указанія на 319 польскихъ ученыхъ, имѣвшихъ степени магистра. Изъ нихъ 39 человекъ являлось специалистами по юридическимъ наукамъ и 26 по медицинскимъ, 253 обозначены просто, какъ магистры. Конечно, не всѣ тѣ, кто имѣлъ учениую степень, попали въ историческіе документы. Вѣроятно, лишь о меньшинствѣ изъ нихъ упоминаютъ эти послѣдніе, и такимъ образомъ слѣдуетъ признать, что ученый уже въ пястовской Польшѣ не былъ

рѣдкостью. Латинское образованіе, сближая Польшу со всѣмъ католическимъ міромъ и раскрывая передъ ней всѣ ученые очаги того времени, являлось той великолѣпной культурной почвой, на которой выросли сѣмена и національнаго просвѣщенія. Православныя страны Востока были поставлены въ этомъ отношеніи въ гораздо худшія условія: для нихъ источникомъ образованія служила лишь та незначительная литература, которая проникала изъ Византіи съ помощью переводовъ. Имѣло и свои выгоды перенесеніе въ Польшу съ Запада готовыхъ образцовъ школь монашескихъ и кафедральныхъ и уже установившагося уклада школьной жизни и школярскихъ традицій. Польша сближалась съ Западомъ такъ естественно и послѣдовательно, что кругъ западно-европейскихъ представленій Средневѣковья дѣлался, благодаря этому школьному вліянію и поѣздкамъ поляковъ въ заграничные университеты, обычнымъ міровоззрѣніемъ и польскаго образованнаго человѣка. *Clerici* въ Польшѣ живутъ такъ же, какъ въ Германіи или Франціи, и такъ же устраиваютъ маскарады, театральныя представленія и т. п., такъ же одѣваются въ длинную полумонашескую одежду, такъ же селятся въ коллегіяхъ и бурсахъ. Такъ уже до основанія краковскаго университета въ Польшѣ создается классъ духовныхъ образованныхъ людей (*litterati videlicet clerici et notarii*, какъ указано въ документѣ 1294 г.). Отъ населенія они, конечно, отдѣлены совокупностью своихъ классовыхъ интересовъ, своей карьерой духовенства и своимъ латинскимъ языкомъ, извѣстнымъ еще даже въ высшей шляхтѣ очень немногимъ. Но, вращаясь среди горожанъ, окалчиваясь около господскихъ домовъ, эти веселые школяры безсознательно несутъ съ собой и зародыши польской литературы, пѣсню на польскомъ языкѣ о чтимомъ святомъ, прибаутку о хитромъ клерикѣ, обманувшемъ самую смерть, какое-нибудь любовное посланіе. Создать большее, по условіямъ, изложеннымъ въ I главѣ, польская жизнь еще не могла.

Третій періодъ въ исторіи средневѣкового польскаго просвѣщенія А. Карбовякъ относитъ ко времени между 1364 и 1432 годами, когда, по его мнѣнію, заканчивается полное господство схоластики въ польской школѣ и литературѣ, и начинается проявляться вліяніе новыхъ гуманистическихъ идей. Въ этотъ періодъ верховная власть страны — сначала Казиміръ Вел., потомъ Ядвига и Ягелло принимаютъ горячее участіе

въ организаціи просвѣщенія, создаютъ университетъ въ Краковѣ, помогаютъ деньгами тѣмъ, кто ѣдетъ учиться за границу. Когда умеръ Ягелло, магистры университета постановили: „Sine intermissione orandum est pro eo“. Повышаются требованія къ образовательному цензу чиновниковъ: духовные соборы 1396 и 1406 г. выносятъ постановленія, согласно которымъ только люди, получившіе специальную подготовку, допускались къ должностямъ публичныхъ нотаріевъ. Бурныя времена, которыя переживала церковь на Западѣ, заставляли и польское духовенство стоять на стражѣ своей, близости къ населенію. 1402 синодъ краковской епархіи подтверждаетъ, что ксендзъ долженъ имѣть возможность непосредственнаго общенія съ прихожанами на ихъ языкѣ. На духовенство возлагается обязанность возможно частой проповѣди и произнесенія въ костелѣ совмѣстно съ прихожанами извѣстныхъ молитвъ на польскомъ языкѣ. Нѣсколько лѣтъ спустя сѣзжается на соборъ краковское духовенство, и соборъ опять налагаетъ на ксендзовъ обязанность проповѣдывать по воскресеньямъ и разъяснять народу Евангеліе. Въ виду умноженія школъ, въ которыхъ учителя не были достаточно образованы, разрѣшалось учить въ нихъ только начинающихъ (*parvuli*), а *adolescentes scholares* должны были учиться лишь въ такихъ школахъ, гдѣ преподавателями были магистры или бакалавры свободныхъ искусствъ. И другіе синоды польскаго духовенства по разнымъ епархіямъ настаиваютъ на произнесеніи извѣстныхъ молитвъ въ костелѣ по польски или по нѣмецки, но особенно заботятся о подъемѣ образованія въ духовенствѣ. Школьное дѣло чрезвычайно интересуетъ въ это время князей польской церкви, и въ это самое время создается могучее препятствіе для распространенія просвѣщенія среди духовенства въ видѣ тѣхъ шляхетскихъ привилегій, которыя все больше ограничивали для не-шляхтичей доступъ къ церковнымъ должностямъ. Такъ, въ 1414 г. папа Іоаннъ XXIII издаетъ декретъ, въ силу котораго на высшія должности въ гнѣзненской епархіи должны назначаться только шляхтичи, а изъ прочихъ люди, имѣющіе высшія ученныя степени магистра или доктора. Декретъ этотъ былъ вызванъ желаніемъ папы „устранить извѣстные скандалы (*scandalorum discrimina*), которые происходили вслѣдствіе допущенія незнатныхъ лицъ къ каноніямъ и пребендамъ“ и т. д. Вскорѣ это постановленіе было распространено и на краковскую кафедру и на познанскій капитулъ. Какъ извѣстно, это было только

начало дальнѣйшихъ ограничительныхъ мѣръ по отношенію къ людямъ не-шляхетскаго происхожденія, которые стремились къ духовной карьерѣ. И въ этой области, какъ во всѣхъ другихъ сферахъ государственной жизни, раскрывается пропасть между шляхтой и всѣми другими классами населенія, гибельная для просвѣщенія народа. Но вмѣстѣ съ тѣмъ главенствующее сословіе, шляхта, чувствуетъ уже извѣстное нравственное обязательство учить дѣтей. Разростается количество школъ. Низшихъ приходскихъ тривіальныхъ, т. е. съ преподаваніемъ начатковъ латинскаго языка и тривіума, А. Карбовякъ (II 22—113) насчитываетъ за это время очень много, свыше 180. Высшихъ училищъ съ квадриумомъ онъ указываетъ за этотъ періодъ около 40 при монастыряхъ, около 30 коллегіатскихъ и свыше 10 каедральныхъ. Такъ какъ всѣ эти школы вели преподаваніе болѣе или менѣе по одному и тому же образцу, подготавливая своихъ воспитанниковъ къ университету, то число средне-образованныхъ людей въ Польшѣ въ 14—15 вѣкахъ не могло быть очень мало. Что касается педагогическаго персонала этихъ учебныхъ заведеній, то низшая приходская школа должна была довольствоваться костельными служителями (*ministri ecclesiae*), которые и сами-то знали немного: умѣли читать и писать по латыни и знали церковныя пѣснопѣнія. Этому они обучали и своихъ учениковъ. Только въ Краковѣ ректоръ такой школы оказывается магистромъ; кое-гдѣ онъ исполняетъ, кромѣ своихъ педагогическихъ обязанностей, должность нотарія, т. е. писаря, вообще же это чловѣкъ безъ ученой степени и со скудной научной подготовкой. Другое дѣло наставникъ квадриумальной школы; отъ него требуется уже степень магистра или хорошее образование въ области богословія и каноническаго права. Среди такихъ учителей, конечно, преобладаетъ духовенство; свѣтскіе люди представляютъ рѣдкое исключеніе. Туда, гдѣ учитель получалъ больше, охотнѣе шли люди съ ученой степенью. Постояннаго жалованія не получалъ почти никто, и самое вознагражденіе вносилось частью натурой, дровами, матеріей на платье, съѣстными припасами; кое-гдѣ учителю доставалась часть церковныхъ доходовъ, или учитель совершалъ вмѣстѣ съ ксендзомъ обходъ прихожанъ и собиралъ „калядскіе подарки“. Во всѣхъ этихъ случаяхъ его связь съ населеніемъ была несомнѣнна, а отсюда вытекало и проникновеніе литературной струи въ обывательскую жизнь польскаго Средневѣковья. Что касается

народнаго языка въ низшей школѣ, то по прежнему ему удѣлялось самое скромное положеніе вспомогательнаго языка при первоначальномъ обученіи латыни. Но отъ учителя уже настойчиво требовалось знаніе польскаго языка, и въ 1402 году ученики Краковской каѳедральной школы грозили прекратить хожденіе на уроки, если имъ не дадутъ „добраго поляка, который умѣетъ объяснять книги на родномъ ихъ языкѣ“. Въ виду такой необходимости перевода латинскихъ текстовъ на польскій языкъ и пониманія ихъ возникали приспособленные для нуждъ школы словари, комментаріи и т. п., значеніе которыхъ для развитія самого польскаго языка заключалось въ томъ, что обогащался новыми понятіями и онъ, и устанавливалась его формальная сторона. Впрочемъ, объ этомъ мы еще будемъ говорить ниже. По справедливому указанію А. Карбовяка (II. 415), отъ переводовъ уже не далеко было до оригинальнаго сочиненія или подражанія. Такимъ образомъ, польскій языкъ дѣлаетъ въ 15 вѣкѣ свои первыя завоеванія на литературнымъ поприщѣ, проникая, однако, еще и робко, и рѣдко въ проповѣдь, школу и судопроизводство. Порядокъ прохожденія наукъ оставался старый. Сначала азбука, элементарная грамматика (по Донату), писаніе на деревянныхъ наощенныхъ табличкахъ. Потомъ тривиумъ, въ которомъ латинскій языкъ проходилъ или по Донату, или по стихотворной грамматикѣ Александра De Villa Dei, или по „Graecismus“ Эбергарда изъ Бетуниума, въ которомъ принимался во вниманіе и греческій языкъ, или по иному руководству. Въ 1423 г. краковскій ученый Вацлавъ изъ Оберниковъ составилъ грамматику и словарь подъ названіемъ: *Universa grammatica latinae linguae et dictionarium ad instar Calepini instituta Catholicon*. Цѣль тривиума и теперь заключалась прежде всего въ изученіи латинскаго языка, которымъ учащійся долженъ былъ овладѣть, и потому *colloquia* (разговоры на латинскомъ языкѣ съ переводомъ на польскій) служили чрезвычайно полезнымъ пособіемъ. Читали въ сущности тѣхъ же авторовъ, что и въ предшествующіе періоды польскаго просвѣщенія: Катона дистихи, Боэція и т. п. Присоединились, впрочемъ, кое-какія новыя христоматіи: такъ, въ 1320 году краковскій каноникъ Фровинусъ составилъ въ 430 леонинскихъ стихахъ грамматическо-нравоучительную поэму *Antigameratus (libellus continens doctrinas contra vitia gameratorum, пороковъ распушенныхъ людей)*. Затѣмъ слѣдовала реторика, имѣвшая и практическое назначеніе: она учила писать

дѣловыя бумаги, составлять протоколы и должна была сообщать извѣстныя юридическія познанія. На этомъ заканчивалось среднее образование: *quadrivium* съ открытіемъ Краковскаго университета былъ перенесенъ туда, и только въ нѣкоторыхъ коллегіяхъ и монастырскихъ школахъ сохранилось преподаваніе богословія и тѣсно съ нимъ связаннаго каноническаго права.

При томъ ростѣ средняго образованія, которое наблюдается въ Польшѣ въ половинѣ 14 вѣка, становится насущной необходимостью созданіе мѣстнаго очага высшаго просвѣщенія, т. е. университета. И королю, который такъ много сдѣлалъ для внутренняго преуспѣянія края, Казимиру Великому, глубоко запала въ душу мысль объ учрежденіи университета. Въ 1362 году явилась возможность осуществить ее: въ сентябрѣ былъ избранъ папой Урбанъ V, столица котораго находилась въ Авиньонѣ. Польскіе послы, везшіе ему поздравленіе, получили порученіе похлопотать и о разрѣшеніи на университетъ. 6 апр. 1363 года папа положилъ резолюцію: *Fiat*. Но такое общее разрѣшеніе еще не предусматривало формы, въ которую выльется первая высшая школа въ Польшѣ. Папа не далъ своей санкціи на созданіе полнаго университета изъ четырехъ факультетовъ, съ богословскимъ во главѣ, и были утверждены только три факультета: юридическій, медицинскій и свободныхъ наукъ. Образцами для устройства новаго университета служили итальянскіе, Падуанскій и Болонскій, въ которыхъ процвѣтало изученіе юридическихъ наукъ. Именно недостатокъ образованныхъ юристовъ (*viri legales*) являлся въ глазахъ и короля, и краковскихъ обывателей мотивомъ для учрежденія университета. Лицамъ, такъ или иначе причастнымъ къ этому послѣднему, были обѣщаны различныя привиллегіи. Прежде всего гарантировалась студентамъ большая свобода самоуправленія, какъ это было и въ итальянскихъ университетахъ. „Въ составъ университетскаго сообщества входили только школяры (*scholares*): профессора не принадлежали къ этому сообществу, или *universitas*, и вступали въ отношенія къ нему въ силу договора или выбора, совершеннаго школярами такъ, что каждый факультетъ выбиралъ своихъ докторовъ или магистровъ“. (А. Karbowiak. II. 120). Изъ числа студентовъ же и самими студентами выбирался и ректоръ, который на время исполненія своей должности лишался права держать экзамены. И въ области судебной университетъ имѣлъ полную автономію: верховнымъ судьей по всѣмъ гражданскимъ

дѣламъ студентовъ, профессоровъ и т. д. являлся ректоръ. Матеріальная сторона жизни новаго университета была обезпечена королемъ, который ассигновалъ на содержаніе 11 кафедръ и ректора доходы съ имуществъ и иныя поступления въ размѣрѣ 340 гривенъ въ годъ. Со своей стороны, и горожане облегчили студенчество фиксаціей цѣнъ на жизненные припасы, учрежденіемъ дешеваго (сравнительно, 25%-наго) кредита, удешевленіемъ платы на квартиры и т. п. Средневѣковой университетъ со всей сложностью своего обихода являлся для города чрезвычайно выгодной статьей. Мы знаемъ изъ исторіи Пражскаго университета, какой убытокъ населенію города нанесло удаленіе изъ Праги нѣмцевъ послѣ Кутногорскихъ декретовъ. Поэтому, краковскіе мѣщане старались удержать студенчество въ стѣнахъ своего города. Однако, широкіе замыслы короля не осуществились. Количество профессоровъ было слишкомъ ничтожно, и подъ конецъ 14 вѣка уцѣлѣлъ, какъ полагаетъ А. Карбовякъ, только одинъ факультетъ *artium*: юридическій факультетъ, если и былъ открытъ, то исчезъ послѣ смерти основателя, Казимира Великаго (1370), медицинскій же, повидимому, и не открывался вовсе.

Такимъ образомъ, подъ конецъ 14 вѣка Краковскій университетъ находился въ большемъ упадкѣ, и подъ вліяніемъ кружка образованнаго духовенства, собравшагося около Ядвиги или Ягелла, возникла идея „реформаціи“ его, возстановленія и преобразованія. Съ присоединеніемъ Литвы и огромной просвѣтительной работой, предстоявшей въ только что окрещенной странѣ, требовалось большое число духовныхъ лицъ, а отсюда вытекала необходимость создать въ государствѣ или внѣ его специальное учебное заведеніе для подготовки польскаго духовенства. Въ 1397 году Ядвига получаетъ отъ папы Бонифація X разрѣшеніе открыть въ Краковѣ *studium generale* съ богословскимъ факультетомъ и тогда же учреждаетъ при Краковскомъ университетѣ коллегію для литовцевъ и русскихъ, изучающихъ богословіе. Королева не дождалась открытія университета. Умирая (17 іюля 1399 года), она завѣщала часть денегъ, которыя должны были получиться отъ продажи ея платьевъ, драгоценностей и утвари, на нужды новаго учебнаго заведенія. Годъ спустя 26 іюня 1400 года оно было открыто, при чемъ теперь за образецъ были приняты уже не итальянскіе университеты съ ихъ юридическими факультетами, но *studium generale* Парижа, въ которомъ выше

всего стояло богословіе. И управление университетомъ перешло изъ рукъ школяровъ къ епископу Краковскому: отнынѣ студенты не избирали больше ни ректора, ни профессоровъ. Такъ же было и въ Прагѣ, и въ Парижѣ. Для университета былъ купленъ домъ, на улицѣ св. Анны, гдѣ находится и теперь бібліотека Ягеллонскаго университета. Въ матеріальномъ отношеніи новый университетъ былъ поставленъ сразу на гораздо болѣе твердую почву, чѣмъ раньше. Почетнымъ ректоромъ его былъ назначенъ родственникъ короля, князь Янъ, кустось и каноникъ Краковскій и Сандомірскій. Канцлеромъ университета, правомочнымъ для признанія экзаменовъ и законности присужденія ученыхъ степеней, являлся, согласно учредительной грамотѣ Ягелла, государственный канцлеръ. Это постановленіе противорѣчило верховнымъ правамъ папы на управление всѣмъ богословскимъ образованіемъ въ католическомъ мірѣ и повело фактически къ неисполненію этого пункта грамоты. Но, во всякомъ случаѣ, то почетное положеніе въ государствѣ, какое обезпечивалось Краковскому университету, должно было гарантировать этому послѣднему многолѣтнее существованіе. Канцлеромъ университета является уже въ 1427 г. не государственный канцлеръ, но краковскій епископъ Збигнѣвъ Олесницкій и послѣ него остается на долгое время въ рукахъ краковскихъ епископовъ. Дальнѣйшими органами управления университетомъ были консерваторы, стоявшіе на стражѣ университетскихъ уставовъ и привиллегій, общее собраніе профессоровъ *tota universitas*, которое избирало ректора и дѣлало общеуниверситетскія постановленія, затѣмъ *consilarii universitatis*, какой-то органъ, стоявшій выше ректорской компетенціи въ судебныхъ дѣлахъ, и наконецъ ректоръ и отдѣльныя факультетскія власти, деканъ, факультетское засѣданіе и т. под.

Ректоръ не всегда принадлежалъ къ числу профессоровъ университета. Иногда это былъ чловѣкъ, вообще, высокопоставленный и извѣстный своей ученостью. Конечно, онъ придавалъ особый блескъ учрежденію.

Краковскій университетъ сыгралъ въ продолженіе 15 вѣка огромную роль въ исторіи польскаго просвѣщенія. Подъ конецъ столѣтія онъ уже отставалъ отъ гуманистическаго развитія наукъ на Западѣ и мало по малу терялъ свое значеніе. За время же съ 1400 по 1433 г. каталогъ докторовъ и магистровъ Ягеллонскаго университета охватываетъ 128 именъ, при чемъ изъ этого числа своихъ профессоровъ онъ самъ воспиталь

половину, другую часть привлечь на свои кафедры изъ Праги и лишь сравнительно небольшое число, 26 изъ 128, изъ другихъ заграничныхъ университетовъ. Въ національномъ отношеніи на эти 128 человекъ приходится 89 поляковъ, въ сословномъ огромное большинство не могло похвалиться своимъ дворянскимъ происхожденіемъ: лишь 23 изъ 128—исключительно поляки—носили шляхетскія фамиліи. Для нихъ университетская кафедра, по большей части, не представляла конечной цѣли, но являлась лишь средствомъ для дальнѣйшаго движенія на высшія ступени церковной іерархіи или для полученія доходныхъ мѣстъ; юридическая же специальность открывала карьеру въ государственномъ управленіи.

Вообще же, ученая карьера была связана съ такой продолжительной и тяжелой подготовкой, такъ поздно давала хоть нѣкоторое матеріальное обезпеченіе, что въ профессора едва-ли шли люди, надѣявшіеся инымъ путемъ добиться положенія въ свѣтѣ. Для развитія польской науки въ этомъ заключалась большая опасность. Самое преподаваніе шло по тому же методу, что и въ квадриумѣ. Къ чтенію авторовъ присоединялись диспуты, какъ во всѣхъ средневѣковыхъ университетахъ. Чего нибудь своего, оригинальнаго, что отличало бы его отъ типа средневѣковаго университета, Краковскій, повидимому, не выработалъ. Но изъ самаго множества его учениковъ видно, какъ велика уже была въ это время потребность въ собственномъ очагѣ научнаго образованія въ Польшѣ. За время въ 32 года (1400—1432) Краковскій университетъ насчитывалъ 4254 студента, и между ними было не мало иностранцевъ: одна Силезія доставила 479 школяровъ. Пробудившійся интересъ къ знанію, однако, не довольствовался только мѣстнымъ университетомъ. Продолжались и теперь ученія путешествія за границу: въ Прагу, Вѣну, Лейпцигъ и другіе нѣмецкія города. Франція и Италія точно также привлекали польскихъ студентовъ, которые приобрѣтали здѣсь не только званія магистра или бакалавра, но и высшую ученую степень доктора. Такъ, въ 1423 году въ Болоніи добился званія доктора Adam filius Nicolai de Polonia. Естественно, что за границу ѣздили учиться или болѣе зажиточные люди, или тѣ, кто могъ получить пособіе отъ духовнаго ордена, кафедры, епископа. Бѣднота сидѣла дома. Въ Краковѣ ея было много, и вскорѣ послѣ основанія университета обнаружилась необходимость (1402) учредить бурсу для бѣдныхъ студентовъ,

бакалавровъ и магистровъ. Вотъ эти нищіе школяры, которые выходили изъ низшихъ классовъ населенія и чаще всего въ нихъ и возвращались, или среди нихъ вращались въ продолженіе долгихъ лѣтъ университетскаго зубренія богословскихъ премудростей, представляли огромной важности культурный факторъ. Они разносили и тѣ зачатки польской культуры, которые выросли на почвѣ церковной и схоластической латыни, и извѣстные книжные навыки.

Замѣчательный трудъ А. Карбовяка по исторіи средне-вѣковаго польскаго просвѣщенія заканчивается, къ сожалѣнію, на 1432 годѣ. Продолженіе, которое должно было охватывать время до 1510 года, такъ и не появилось донинѣ. Только статистическія данныя, относящіяся къ національному происхожденію студенчества Ягеллонскаго университета за время съ 1433 по 1509 годъ, были имъ обработаны въ спеціальной работѣ, напечатанной въ „Archiwum do dziejów literatury i oświaty w Polsce“ (томъ 12, за 1910 годъ). Изъ этихъ данныхъ видно, что изъ 17263 студентовъ, учившихся въ Краковѣ за этотъ срокъ, приходилось 44%, или 7611 человекъ, на иностранцевъ, пріѣзжавшихъ по преимуществу изъ Венгріи и Силезіи, но также изъ Чехіи, Моравіи, Поморья и другихъ странъ. Количество студентовъ, записанныхъ въ Album studiosorum за разные годы, колебалось между minimum 67 за 1396 годъ и maximum 558 въ 1499, въ общемъ, оно держалось между 200 и 300. Что касается молодежи, окончившей курсъ университета, то данныя указываютъ на весьма благоприятные результаты: изъ 17263 scholares, записанныхъ въ Album университета, 4992 человекъ вышло въ бакалавры, а степень магистра получили 822 т. е. 4,76% всѣхъ студентовъ. Для исторіи средней школы въ эпоху Казимира Ягеллоновича мы имѣемъ, однако, нѣсколько цѣнныхъ указаній въ названномъ выше трудѣ Ф. Папе. Онъ отмѣчаетъ значительный ростъ числа школъ: въ архіепископствѣ гнѣзненскомъ, гдѣ до конца 14 в. можно было насчитать только 64 школы, теперь, въ самомъ началѣ 16 в. (Libri beneficiorum Ласкаго) оказывается 225 школъ. Магистровъ, бакалавровъ, „ректоровъ“ и „министровъ“ теперь множество; школы отмѣчаются и въ маленькихъ мѣстечкахъ. Такъ, въ Старомъ Селѣ крестьяне заключаютъ въ 1494 году договоръ со своимъ ксендзомъ, что онъ отстроитъ новую школу на мѣсто сгорѣвшей въ маѣ къ 8 сентября того же года. По мнѣнію Фр. Папе, число

школь во всемъ Польскомъ королевствѣ должно было достигать 600, т. е. одна школа должна была приходиться на 2500 жителей. Грамотность становится такимъ образомъ общимъ достояніемъ, и если обиліе школь создаетъ перепроизводство низшаго духовенства, въ то же время оно дѣлаетъ латынь самымъ обычнымъ явленіемъ въ жизни болѣе зажиточныхъ классовъ. Люди читаютъ и пишутъ латинскія письма, документы и т. п., и чѣмъ будничнѣе становится прежде рѣдкое и недоступное искусство чтенія, тѣмъ естественнѣе дѣлается переходъ его къ своему языку, — вслѣдъ за демократизаціей наступаетъ постоянно сопутствующее ей явленіе націонализаціи. Цивилизующимъ факторомъ служили, конечно, и монастыри, которые и распространяли вокругъ себя извѣстное идеалистическое движеніе, и представляли культурное начало въ жизни.¹⁾ Уже вскорѣ послѣ крещенія Польши сюда проникаютъ бенедиктины, которые сохраняютъ здѣсь свое преобладающее значеніе до половины 12 в. Затѣмъ въ Польшѣ появляется цѣлый рядъ другихъ духовныхъ орденовъ Средневѣковья: францисканы, августины, паулины, кармелиты и др. Въ половинѣ 15 вѣка въ Краковѣ селятся и бернардины, которые сыграли особенно видную роль въ организаціи просвѣщенія. Въ 1453 году они устраиваютъ свой монастырь въ Краковѣ, въ слѣдующемъ году въ Варшавѣ, затѣмъ въ Познани, Люблинѣ, Львовѣ, Вильнѣ и т. д. Такимъ образомъ, благодаря своей тѣсной связи съ католическимъ міромъ, Польша съ конца 10 вѣка проникается постепенно тѣми же культурными и духовными интересами, какіе волновали и духовныя сферы Запада. Латинскій языкъ создавалъ братство всего духовнаго сословія, разсѣяннаго по обширному католическому міру: италянецъ въ Краковѣ былъ такимъ же своимъ человѣкомъ въ бурсѣ или коллегіи, какъ полякъ въ Падуѣ или Парижѣ. Но на Западѣ, кромѣ духовной литературы, уже создалась обширная свѣтская литература на народныхъ языкахъ для рыцарей и горожанъ. Въ Польшѣ, какъ уже указано выше, этого не было: государственныя сословія были поглощены дѣломъ государственнаго собиранія, процессомъ внутренняго устройства, они еще не нуждались въ литературѣ. А Западъ со своими крестовыми походами, съ рыцарской поэзіей, съ сатирой и

¹⁾ А. Malecki. Klasztory w Polsce w obrebie wieków średnich (Z dziejów i literatury. 1896).

моралью городской литературы былъ все-таки и далекъ, и чуждъ Польшѣ, у которой были *свои* политическія и культурныя задачи.

Г л а в а III.

Церковная латинская литература: проповѣдь, легенда, житіе, гимнъ, драма, схоластическая латинская литература.

Благодаря главнымъ образомъ трудамъ проф. Брюкнера, мы знаемъ въ настоящее время довольно подробно, что дала польскому Средневѣковью латинская церковная литература. Остановимся прежде всего на проповѣди ¹⁾. Уже въ 13 в. есть цѣлый рядъ указаній на то, что францисканы прибѣгали въ своей проповѣди къ польскому языку. Такъ же поступали, хотя, можетъ быть, и рѣже, доминиканы, но ни одинъ изъ этихъ орденовъ не далъ выдающихся проповѣдниковъ. Еще въ 1454 году, когда знаменитый краковскій архіепископъ Збигнѣвъ Олесницкій положилъ основаніе постоянной польской проповѣди въ Краковскомъ соборѣ, по словамъ Длугоша, рѣдки бывали во всей польской церкви проповѣди по польски для народа, такъ какъ при недостаткѣ книгъ и знаній не много было такихъ, которые умѣли говорить толково и правильно. Поляки предавались свѣтской дѣятельности, не питали влеченія къ наукѣ и пренебрегали проповѣдью, за немногими исключеніями, да и эти послѣднія прибѣгали къ чужому, нѣмецкому языку. Только учрежденіе университета измѣнило положеніе вещей, и польская проповѣдь слышалась не только въ большихъ городахъ, но и въ мѣстечкахъ и деревняхъ. Но это случилось уже поздно. Впрочемъ, если проповѣдь произносилась даже по польски или по нѣмецки, то записывалась она на общелитературномъ языкѣ Средневѣковья, латинскомъ. Два основные типа проповѣди были извѣстны въ католической церкви: гомиліи (*homiliae*, отъ гр. *ὁμιλεῖν* — „сердечно говорить въ духѣ любви“) и проповѣди (*sermōnes*). Первые представляли толкованіе текста св. Писанія,

¹⁾ A. Brückner. *Kazania średniowieczne*. 3 части. Rozprawy Akad. umiejęt., Wydział Filologiczny. Ser. II. tomy IX i X. 1895—1897, *Егоже*, *Literatura religijna w Polsce średniowiecznej*, I, *Kazania i pieśni*, Biblioteka Dzieł chrześcijańskich. Warszawa, 1902. *Ks. ds. Alojzy Jougan*, *Homilie polskie od czasów najdawniejszych po dobe obecna*, *Szkice bibliograficzne i krytyczne*. Lwów 1902.

прочитаннаго во время богослуженія; вторыя проповѣди, не стоявшія въ тѣсной связи съ текстомъ, ораторскія произведенія церковнаго краснорѣчія. Гомиліи были въ устахъ неопытныхъ и недостаточно образованныхъ богословски проповѣдниковъ довольно опаснымъ орудіемъ. Мало-ли что могъ наговорить такой толкователь евангелія. Польская церковь старалась оградить себя отъ этой опасности извѣстными постановленіями; такъ, краковскій синодъ въ 1320 году разрѣшаетъ только „способнѣйшимъ“ *evangelium vulguriter exponere*, и то придерживаясь самой простой, общедоступной формы. Постепенно и самый способъ такой проповѣди получилъ названіе постиллы (*post illa: explicatio post illa verba textus lecti*). Отъ 14 и 15 вѣковъ дошло довольно значительное число такихъ сборниковъ проповѣдей, Постилль: напр. *Postillae studencium s. Cracoviensis, postillae sermonum ad populum, solemniss postilla Матвѣя изъ Кракова* и т. д. По содержанію своему постилла близко примыкаетъ къ прочитанному отрывку, перикопѣ. „Рядомъ съ толкованіемъ, а иногда непосредственно за нимъ сообщалось, обыкновенно, нравственное примѣненіе истинъ, заключающихся въ перикопѣ, и рекомендовалось выполнять ихъ. Так. обр., постилла является сопоставленіемъ на основѣ перикопы нѣсколькихъ короткихъ указаній и наставленій въ формѣ, доступной для простаго слушателя и легкой для проповѣдника. Изложеніе св. письма бываетъ, по большей части, буквальнымъ, иногда мистическимъ, но ограничивается лишь отдѣльными мыслями, не относящимися къ совокупности перикопы. Кромѣ авторитета св. письма, первоначальные авторы постилль рѣдко ссылались на авторитетъ отцовъ церкви, а еще рѣже цитировали ихъ. Только впоследствии, съ проникновеніемъ схоластическаго метода и въ произведенія гомилетики, усилилось пристрастіе къ приведенію библейскихъ цитатъ и въ обработкѣ постилль“ и т. п. (Iougan. 14—15). Что касается проповѣди, *sermo*, то она строго придерживалась правилъ схоластической риторики, дѣлилась на отдѣлы и подъ-отдѣлы и иногда походила болѣе всего на сухой эскизъ. Такія *sermones* имѣли значительное распространеніе и въ средне-вѣковой Польшѣ.

Съ Запада въ Польшу шли вмѣстѣ съ латинскимъ просвѣщеніемъ и образцы проповѣди. Большой популярностью пользовались *sermones dominicales* Якова Де Воррагине, автора знаменитаго сборника „*Legenda aurea*“, и проповѣди силезскаго

нѣмца Перегринна, наполненныя, какъ и вышеупомянутыя, обильнымъ беллетристическимъ матеріаломъ. Иной характеръ имѣли *sermones de tempore et de sanctis* аббата Конрада фонъ Брундельсгейма (ум. 1231), которыя составлены учено, сухо, съ длинными извлеченіями изъ Августина и другихъ авторитетовъ, съ моральными наставленіями и аллегоріями. Цѣлый рядъ образцовъ имѣлъ и 15 вѣкъ: *postillae Guillermi*, „*Dormisecure*“, „*Discipus*“ и другіе сборники различныхъ авторовъ. Изъ Праги въ Польшу пришли проповѣди предшественниковъ Гуса въ требованіи церковной реформы, Конрада Вальдгаузера (*Postillae studentium Pragensium*) и Милича. По этимъ образцамъ составлялась и польская проповѣдь, такъ: Станиславъ Стойконъ, умершій въ 1395 году, составилъ *opus sermonum dominicalium*, который по своей сухости и абстрактности представляетъ подобіе проповѣдей аббата Брундельсгейма. Чрезвычайной популярностью пользовался въ теченіе всего 15 вѣка сборникъ перемышльскаго кононика, магистра и доктора декретовъ, Николая, сына Виганда. Это—объясненіе евангельскихъ воскресныхъ чтеній, лишенное, по собственному признанію проповѣдника, чего-либо оригинальнаго: онъ собиралъ мнѣнія старыхъ и новыхъ авторитетовъ и *gaussime* прибавлялъ что-нибудь отъ себя. Подбирался постепенно значительный гомилетическій матеріалъ, и въ началѣ 15 вѣка различныя авторы составляютъ латинскіе сборники своихъ проповѣдей, которыя произносились ими по польски (*vulgariter*). Въ половинѣ 15 вѣка очень популярень, какъ проповѣдникъ для простонародья, ставившій своей цѣлью не богословскія тонкости, но простыя поученія въ ясной, краткой, живой формѣ, какой-то монахъ Петръ изъ Милослава, чей сборникъ уцѣлѣлъ въ нѣсколькихъ спискахъ, хотя и не удостоился попасть въ Ягеллонскую бібліотеку. Исповѣдникъ Ягелла, Іеронимъ Пражскій, ученый аскетъ и ненавистникъ Гуса, и другой чехъ, Янъ изъ Штекна, обличитель Виклефа, проповѣдникъ въ Виѣлеемской часовнѣ въ Прагѣ, позже профессоръ въ Краковѣ, оставили послѣ себя ученые сборники проповѣдей. Но всѣ эти собранія проповѣдей, говоритъ Брюкнеръ, представляютъ скорѣе скелеты проповѣди, ихъ главные пункты, иногда просто подборъ цитатъ, нанизанный на тонкую нить собственныхъ размышленій оратора. „За эффектомъ, по крайней мѣрѣ, на письмѣ наши проповѣдники никогда не гнались: очевидно, они лучше говорили, чѣмъ писали; по крайней мѣрѣ, на современнаго читателя они не производятъ никакого впе-

чатлѣнія, что бы ни говорили о нихъ современные имъ источники“. (Brückner, 38).

Каждый моралистъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ обличитель, и въ проповѣдяхъ польскихъ ораторовъ должны заключаться многочисленныя указанія на бытъ ихъ народа. Такихъ указаній названный изслѣдователь нашель довольно много, но оторванность проповѣдниковъ отъ жизни, ихъ пристрастіе къ разъ данному авторитету и рабское подражаніе ему дѣлають то, что даже въ этой области творчества Средневѣковья проповѣдь даетъ гораздо меньше, чѣмъ можно было бы ожидать отъ нея. Не разъ польскій проповѣдникъ, говоритъ А. Брюкнеръ, повторяеть то, что могло имѣть примѣненіе только въ чужихъ краяхъ, совершенно въ иныхъ условіяхъ и въ другое время. Слѣдую иностранному источнику, онъ не обращаетъ вниманія на эти различія, приводитъ все, что нашель въ немъ, не обращая вниманія на то, соотвѣтствуетъ-ли это мѣстнымъ условіямъ или нѣтъ. Такъ напр., въ своемъ оригиналѣ польскій проповѣдникъ нашель длинный рядъ наименованій различныхъ гадалыщиковъ, кудесниковъ и т. п., и весь этотъ списокъ онъ приводитъ въ своей проповѣди, хотя въ быту народа эти категоріи волховства были неизвѣстны. Или заимствуя изъ готоваго шаблона обличенія роскоши, распущенности, испорченности общества, онъ громить и свою паству въ такихъ выраженіяхъ, которыя совершенно не соотвѣтствуютъ ея грѣховности. Самыя обличенія язычества съ его грознымъ римскимъ Олимпомъ получали совсѣмъ иной характеръ въ устахъ польскаго обличителя тѣхъ остатковъ язычества, какіе, несомнѣнно, еще жили въ польскомъ быту: боговъ не было, и вотъ сочиняются или аналогіи римскимъ Юпитеру, Венерѣ, Марсу и т. п., или просто какія-то неопредѣленныя божества, имена которыхъ выдумываются на основаніи народныхъ пѣсенъ или по другимъ источникамъ: такими божествами оказались *Alado* (*A! Lado!*), какой-то *Ajesze, Jleli, Tija*. Въ нападкахъ своихъ на народныя суевѣрія, на обряды, связанные съ Троицынымъ днемъ, Иваномъ Купалой и т. д., польско-латинская проповѣдь даетъ не мало цѣнныхъ этнографическихъ подробностей. И для исторіи нравовъ эти обличенія представляютъ живой интересъ. Однако цѣнны, какъ извѣстные литературные памятники польско-латинской письменности, проповѣди становятся только подъ конецъ Средневѣковья, а самое развитіе проповѣдничества начинается съ 13 вѣка. Такимъ образомъ, даже въ этой элементарнѣйшей формѣ

словесности польская жизнь не представляла въ продолженіе нѣсколькихъ первыхъ вѣковъ государственнаго строительства чего-либо самостоятельнаго. Это былъ только организаціонный періодъ въ жизни польскаго народа, когда церковь насаждала элементарное образованіе въ массахъ духовенства, шляхта же и простой народъ держались въ сторонѣ отъ общенія съ литературнымъ словомъ.

Кромѣ своего прямого нравственнаго значенія, проповѣдь имѣла еще то значеніе, что распространяла массу международнаго литературнаго матеріала, тѣхъ бродячихъ сюжетовъ, которые искони кочевали отъ одного народа къ другому, благодаря своей занимательности. По указанію А. Брюкнера, изъ проповѣди народъ почерпнулъ даже кое-гдѣ названія для демоническихкихъ созданій своего воображенія. Такъ напр., проповѣдь о поклоненіи волхвовъ (па trzech Króli), въ которой должна была идти рѣчь о гаданіи по звѣздамъ и т. п., могла создать названіе Планетниковъ, демоновъ, управляющихъ тучами. Богиня Мамуна пошла отъ Мамона, а одинъ изъ персонажей въ свитѣ Вельзевула, Смолка, упоминаемый въ старопольскихъ памятникахъ литературы и извѣстный также подъ именемъ Осмолейки, связанъ своимъ именемъ съ Асмодеемъ. Эти единичные факты указываютъ на сильное проникновеніе народной мифологіи тѣми представленіями о добрыхъ и злыхъ силахъ, которыя шли изъ церкви. Разумѣется, еще скорѣе проникали въ эту среду тѣ поучительные рассказы, exempla, которыя въ изобиліи встрѣчались въ проповѣди. Доминиканъ Мартынъ Полякъ, умершій 1279 въ Гнѣзненской епархіи, присоединилъ къ своему сборнику проповѣдей особое приложение, Promptuarium, которое заключало въ себѣ основанную на другихъ средневѣковыхъ собраніяхъ коллекцію примѣровъ, поучительныхъ рассказовъ. Изъ него щедрой рукой черпаютъ другіе проповѣдники, которые такимъ образомъ создаютъ цѣлую хрестоматію поучительныхъ рассказовъ или забавныхъ анекдотовъ: о внукѣ, который своей наивной просьбой сумѣлъ пристыдить отца, не жалѣвшаго дѣда, объ упрямой женѣ, о человѣкѣ, который напрасно сваливаетъ свою вину на искушенія чорта и т. п. Нѣкоторые сборники проповѣдей, предназначенныхъ, очевидно, для простаго польскаго люда, особенно изобиловали беллетристическимъ матеріаломъ. Таковы, напр., проповѣди Матвѣя изъ Грохова, относящіяся къ самому началу 15 вѣка. Этотъ матеріаль стали переводить поздно: только королева Ядвига,—значитъ въ самомъ

концѣ 14 в.—захотѣла имѣть у себя „sermones et passiones de sanctis, de latino in polonicum translatos“, для чего обильный матеріалъ представляла знаменитая книга Средневѣковья *Legenda Aurea* Якова де Ворagine ¹⁾, а также „Римскія дѣянiя“. Апокрифъ на ряду съ ортодоксальной легендой и житіемъ пользовался огромной популярностью въ народѣ и проникъ во всѣ его религіозныя представленiя. Но и онъ въ своей національной формѣ, на польскомъ языкѣ, появился въ Польшѣ лишь въ самомъ концѣ Среднихъ вѣковъ, когда переводятся латинская поэма 13 в. „*Vita gloriose Virginis Marie*“ и отдѣльные апокрифы, по преимуществу изъ исторiи Новаго Завѣта. Церковь старалась уберечься отъ апокрифовъ: въ каталогѣ древнихъ рукописей Ягеллонской библиотеки мало латинскихъ текстовъ этого рода. Но даже ученѣйшіе писатели и проповѣдники Среднихъ вѣковъ не всегда умѣли разобраться между каноническимъ ученіемъ о жизни Иисуса Христа, Б. Матери и святыхъ и тѣми наслоенiями, которыя создавались литературнымъ путемъ.

Обратимся къ латинскимъ житіямъ въ старопольской письменности. Среди того обширнаго рукописнаго матеріала, который описанъ Корженевскимъ ²⁾, встрѣчаются слѣдующія житiя: св. Войцѣха въ рукописи 14 в., *translatio* св. Войцѣха и св. Ядвиги, житiя Бригиды, Оттиліи, Маврикія и др. (15 в.), св. Екатерины изъ Сьены (15 в.), *in die beatorum Adalberti et Georgii martirum* (15 в.), *vita sanctorum Basilii et Athanasii* (15 в.). Цѣлый рядъ житiй польскихъ святыхъ напечатанъ въ „*Monumenta Poloniae historica*“ (1884), а такъ какъ именно эти житiя, возникшія въ самой Польшѣ, представляютъ особый интересъ съ точки зрѣнiя исторiи польской письменности, то на нихъ и слѣдуетъ остановиться подробнѣе. На первомъ мѣстѣ стоитъ, конечно, житіе св. Станислава, который канонизируется въ 1253 г. и становится патрономъ Польши. Но еще до канонизаціи его, въ ту пору, когда въ народныхъ массахъ стало складываться почитаніе польскаго святого, возникло первое житіе его. По мнѣнію издателя этого памятника, этотъ послѣдній возникъ около 1230 г. Авторомъ его

¹⁾ *A. Brückner. Literatura religijna w Polsce średniowiecznej. II Piśmię święte i apokryfy. Bibl. Dzieł Chrześcijańskich. Warszawa. 1903. III. Legendy i modlitewniki. Wъ томъ же изданiи за 1904 г. Его-же. Apokryfy średniowieczne. Rozprawy Ak. Um. 1900. т. XXVIII.*

²⁾ *J. Korzeniowski. Zapiski i wyciągi z rękopisów bibliotek polskich i obcych, do Polski się odnoszących. I Cesarska Biblioteka Publiczna w Petersburgu. Archiwum do dziejów literatury i oświaty w Polsce. т. XI. Kraków. 1910.*

былъ духовный, принадлежавшій къ проповѣдническому ордену доминикановъ; свое житіе онъ составилъ для монастырской братіи по обычному житейному шаблону, начиная съ *etymologia nominis*. Будучи человѣкомъ начитаннымъ, онъ пользовался не только св. писаніемъ, но и сочиненіями св. Иеронима, *gesta sanctorum ecclesiasticae historiae* Евсевія Кесарійскаго, хотя дѣлалъ заимствованія изъ нихъ только для риторическихъ цѣлей. Зналъ онъ также историческіе источники, относящіеся къ Польшѣ, и ссылался на лѣтописи о польскихъ князьяхъ, т. е. хроники Галла и Винцентія. Писалъ онъ высокопарно и литературно. „Блаженный Станиславъ, какъ свидѣтельствуя лѣтописи о польскихъ князьяхъ и исторіи о дѣянїяхъ ихъ, будучи по народности полякомъ, происходилъ изъ Краковской провинціи. Объ его предкахъ или даже именахъ ихъ не дѣлается никакого упоминанія въ настоящемъ трудѣ потому, что древность времени, кормилица невѣдѣнїя, мать неблагодарности, предала ихъ забвенію“. Такъ начинается это житіе. Въ противорѣчїи съ тѣмъ, что было указано о неизвѣстности происхожденія Станислава, авторъ настаиваетъ, что „онъ не только былъ рожденъ отъ честныхъ родителей, но и согласно пророчеству, заключавшемуся въ его имени, сталъ мужъ благородный и преславный“. Имя его означаетъ: *stans laus* или *stacio laudis*, или *instans laudi*. „Ибо явился мужъ Божїй Станиславъ во славѣ Божьей и слава (*laus*) Божья явилась въ сердцѣ его, и отъ всего сердца своего онъ восхвалилъ Господа, возлюбилъ Бога, который создалъ его, служилъ (*institit*) хвалѣ Господней: дондеже (*dum*), согласно апостолу, онъ воспѣвалъ (*psallebat*) Господу въ духѣ, онъ воспѣвалъ и въ умѣ. Явилась также хвала Господня въ устахъ его, и онъ могъ сказать вмѣстѣ съ пророкомъ: *Благославляю Господа во всякое время, всегда хвала Его въ устахъ моихъ*. А кромѣ того, пребывала хвала Божья въ дѣлахъ его, такъ какъ онъ не побоялся даже до смерти побороться (*agonizare*) за правду Божью и заслужилъ одежду славы (*stolam glorie*) за совершенство добродѣтели. Итакъ, достойно святой Станиславъ въ Господѣ похваляется, достойно Богъ возвѣщается чудесно въ святомъ Своемъ, достойно хвала его возносится въ церквѣ святыхъ и хвалѣ его никогда не будетъ оскудѣнїя въ устахъ человѣческихъ“. Уже это вступленіе обнаруживаетъ тотъ риторическій тонъ, въ которомъ излагается житіе „мученика“, еще не признаннаго церковью святымъ. Вотъ напр., характеристика Станислава. „Былъ онъ изящно рожденъ (*ele-*

gauter natus), избытень вѣщами, въ культѣ христіанской религіи воспитанъ, Богу посвященъ, умомъ стыдливъ, тѣломъ чистъ, обычаемъ почтенъ, нравами зрѣлъ, измышленіемъ остеръ, рѣчью скромнень и на все доброе способенъ и скоръ. Ибо, какъ мягкій воскъ воспринимаетъ вдавленный образъ печати и сохраняетъ его, такъ послушный отрокъ Станиславъ запечатлѣвалъ въ своей памяти то доброе, что онъ могъ услышать или понять. Вслѣдствіе этого родители его, видя, что отрокъ разумомъ одаренъ, духомъ прилеженъ, рѣшили отдать его въ школьное обученіе (*scolasticis disciplinis*)⁴. Мальчикъ, согласно житійному шаблону, обнаружилъ въ школѣ и необычныя способности, и аскетическій духъ; онъ сталъ „уклоняться отъ отроческихъ игръ, бѣжать отъ распущенности юношей“. Благодаря этому, мудрый отрокъ (*sagax puerulus*) все болѣе и болѣе совершенствовался въ наукахъ и пришелъ къ познанію истины. Глухо рассказываетъ житіе объ его университетскихъ занятіяхъ. „Въ достаточной мѣрѣ обогащенный отроческими начатками знаній, онъ, будучи уже зрѣлымъ юношей, достойно (*digne*) отправляется въ то мѣсто, гдѣ процвѣтало всеобщее изученіе (*generale studium*—университетъ), и не мало времени проводитъ на факультетѣ свободныхъ искусствъ. Нужно думать, что онъ изучалъ также каноническое и божественное право, такъ какъ въ той-же хроникѣ польской онъ называется мужемъ образованнымъ и просвѣщеннымъ въ божескихъ дѣлахъ“. Такъ скудны были источники агіографа и такъ простодушно онъ признается, что основываетъ свое прославленіе героя на догадкахъ. Ему приходилось отдѣлываться общими мѣстами. Вотъ Станиславъ, обративъ на себя вниманіе Краковскаго епископа Ламперта, попалъ въ число канониковъ Краковской церкви. Разумѣется, „онъ сейчасъ же (*statim*) возсіялъ между своими соканониками, какъ звѣзда среди небосклона, и какъ яркій лучъ среди звѣздъ (*iubar inter sidera*)“. Послѣ смерти епископа Ламперта Станиславъ „канонически и согласно“ былъ избранъ въ епископы Краковскіе и возсѣлъ на престолѣ первосвященническаго сана (*in sede pontificalis dignitatis sublimatur*). Дальше все тѣ же пустыя похвалы: божественное провидѣніе помѣстило его какъ бы свѣчу въ свѣтильникъ, украсило его, какъ тяжелую золотую вазу, драгоценными камнями добродѣтелей. На своемъ посту Станиславъ былъ бдителенъ и заботливо управлялъ ввѣренной ему церковью.

Столкновеніе его съ Болеславомъ изображается, согласно тому же житійному шаблону, какъ обличеніе праведникомъ

тирана. Агіографія, конечно, представляла обильный матеріаль для изображенія такихъ облеченій, которыя такъ обычны въ житіяхъ христіанскихъ мучениковъ. „А царь (rex) Болеславъ, поелику онъ былъ на неправомъ пути (in arcum gravium conversus), ни страхомъ Божьимъ, ни чудесами, ни отеческимъ увѣщаніемъ не былъ исправленъ и продолжалъ коснѣть въ своихъ преступленіяхъ“. Но тутъ же писатель спохватывается и проситъ не смѣшивать этого Болеслава съ его предкомъ, подвигамъ котораго онъ посвящаетъ длинный рядъ риторическихъ строкъ. Послѣ того славнаго Болеслава Храбраго царствовали его потомки, и житіе пользуется случаемъ, чтобы изложить вкратцѣ исторію Польши до Болеслава Смѣлаго. На событіяхъ этого послѣдняго царствованія оно останавливается такъ подробно, что св. Станиславъ совершенно теряется изъ виду. Только какъ бы указаніемъ на послѣдующее служить все время повторяющееся обвиненіе Болеслава въ порочности, хотя это обвиненіе, исторически вообще не обоснованное, совсѣмъ не вяжется съ энергичной государственной дѣятельностью этого короля. Самъ авторъ житія чувствовалъ, что дѣло съ обвиненіемъ обстоитъ не ладно, и поспѣшилъ замѣтить (гл. 30): „Насколько онъ сначала полезнаго и нужнаго сдѣлалъ для государства, настолько же впослѣдствіи совершилъ преступнаго, и сколько онъ заключалъ въ себѣ честной энергіи (honesti excitaminis), столько же онъ сдѣлалъ въ угоду своей гнусной безнравственности и распущенности“. Дальше слѣдуетъ сказка о томъ, будто-бы въ отсутствіе короля и воиновъ жены этихъ послѣднихъ склонили къ измѣнѣ рабовъ, и другія подробности, заимствованныя у Винцентія Кадлубка, который въ свою очередь взялъ ихъ изъ старой римской исторіи. Казалось-бы, королю надлежало по возвращеніи наказать и невѣрныхъ женъ, и рабовъ. Съ явно вымышленными подробностями авторъ рассказываетъ, однако, на основаніи того же своего источника, о невѣроятно жестокой расправѣ Болеслава только съ женами, „которыхъ ихъ мужья пощадил, движимые гуманностью“: такъ, напр., „онъ не содрогнулся передъ тѣмъ, что къ ихъ грудямъ прикладывалъ (applicare) щенковъ, отбрасывая младенцевъ, которыхъ пощадилъ бы даже врагъ, если-бы онъ былъ скиѣъ или язычникъ“. И вотъ „святой Станиславъ, Краковскій епископъ“, истощивъ всѣ убѣжденія, чтобы смягчить гнѣвъ короля, „воздвигъ мечъ анаѳематствованія и запретилъ ему входъ въ церковь. Но онъ, какъ искривленное и сухое

дерево, которое легче сломать, чѣмъ выпрямить, впадаетъ все въ большее безуміе и утверждается все въ большемъ упорствѣ. Итакъ, въ церкви св. Михаила на Скалкѣ, когда святой епископъ (praesul) Станиславъ совершалъ божественную литургію и замаливалъ отцеубійства святыхъ (patrocinia sanctorum implorante), онъ велѣлъ схватить его, оторвавъ отъ алтаря, влечь въ облаченіи, не взирая на важность его сана, мѣста, времени, святыхъ и презирая величіе Божіе“. Праведной кончиной Станислава, описанной со всей помпой схоластическаго краснорѣчія, и тяжелой судьбой Болеслава послѣ этого „отцеубійства“ неизвѣстный писатель 13 в. заканчиваетъ свой рассказъ. О чудесахъ, совершавшихся на мощахъ св. Станислава, онъ не говоритъ, очевидно, потому, что официально Станиславъ еще не былъ признанъ святымъ.

Въ виду той славы святого, которой Станиславъ пользовался уже ab antiquis temporibus, краковскій епископъ Прандота Бялочовскій и кустось каѳедральный Троянъ предприняли передъ куріей извѣстные шаги для канонизаціи польскаго мученика. Епископъ извлекъ „изъ земли кости (ossa) святого Станислава“ и помѣстилъ ихъ въ ракъ (1243—4) въ соборѣ, а нѣсколько лѣтъ спустя папа Инокентій IV назначилъ комиссію для изслѣдованія чудесъ, совершаемыхъ мощами. Такъ возникъ въ 1250 году литературный памятникъ, „Miracula sancti Stanislai“, представляющій протоколъ этого слѣдствія. Это простой и сжатый рассказъ о „чудесахъ“ при гробѣ (tumba) святого: у одного лопнулъ нарывъ въ горлѣ, когда онъ молился у мощей Станислава, въ другой разъ принесли къ его могилѣ мальчика, который былъ такъ боленъ, что даже мать отчаялась въ его выздоровленіи, и унесли въ лучшемъ состояніи и т. д. По инициативѣ того же епископа Прандоты, краковскій доминиканъ Винцентій (изъ Кѣльць, какъ считаетъ возможнымъ предположить издатель его „Житія“, В. Кентшинскій въ Monum. Pol Hist. IV) написалъ около 1260 г. новое обширное житіе св. Станислава, въ которомъ центръ тяжести лежалъ уже не въ жизни святого, изложенной на основаніи вышеназванной Vita minor, а въ чудесахъ. Біографическія данныя просто списаны изъ первоначальнаго житія, повторяя тѣ же самыя риторическія украшенія стили, но составитель этого памятника не счелъ нужнымъ вдаваться въ исторію первыхъ Пястовъ и самого Болеслава Смѣлаго, а также выкинулъ рассказъ о женщинахъ и рабахъ. Онъ ограничивается глухой ссылкой на испорченность короля.

Епископъ отличался усердіемъ въ проповѣди и въ обличеніи преступниковъ. „Вслѣдствіе этого и короля Болеслава, который послѣ смерти отца своего Казимира царствовалъ тогда въ Польшѣ, и жизнь котораго была ужасна (enormis), онъ непрерывно увѣщевалъ, чтобы тотъ исправился“. На этой почвѣ и произошелъ конфликтъ, которой кончился смертью Станислава. Повидимому, въ официальномъ сочиненіи, какимъ должно было явиться произведение краковскаго каноника, было неудобно, во-первыхъ, отклоняться отъ основного сюжета, а во-вторыхъ, приводить такія порочащія польскую знать и шляхту подробности, какъ рассказъ о связи польскихъ женщинъ съ рабами. За то, не довольствуясь вычурностью слога въ *Vita minor*, авторъ этой *Vita major* еще болѣе прибѣгаетъ къ изысканнымъ выраженіямъ, описаніямъ и сравненіямъ: очевидно, этого требовало схоластическое краснорѣчіе. Вотъ, напр., описаніе увѣщаній Станислава въ двухъ редакціяхъ:

Vita minor.

..paterna quoque sollicitudine prodigum filium ad penitentiam provocabat. Et quia incorrigibilis erat, letiferas inimicicias et persecuciones propter iusticiam ab eo sustinebat (съ отеческой заботливостью, какъ блуднаго сына, онъ призывалъ его къ покаянію. И такъ какъ тотъ былъ неисправимъ, то онъ терпѣлъ отъ него за правду смертельную вражду и гоненія).

Vita major (подчеркнуто то, что взято изъ *Vita minor*). *Sollicitudine quoque paterna tamquam prodigum filium ad penitentiam provocabat et quia incorrigibilis permanebat, quasi Samuel allium Saulem deplebat. Ipse vero typo superbie plenus et limo viciorum immersus, tamquam freneticus contra medicum salutis letiferas inimicicias in abyso sui cordis confovebat. Persecuciones quoque propter iusticiam libenter ab eo, licet immeritus, sustinebat.*

Во второй своей части житіе каноника Винцентія пересказываетъ содержаніе „чудесъ св. Станислава“, придерживаясь довольно близко дѣловаго тона протокола, составленнаго при канонизаціи польскаго патрона, а тамъ, гдѣ авторъ предоставленъ самому себѣ напр. въ исторіи канонизаціи Станислава, онъ ограничивается простымъ, толковымъ рассказомъ. Такимъ образомъ, въ исторіи польско-латинской житійной литературы „Житіе“ Винцентія представляетъ памятникъ, указывающій на большую свободу извѣстной части польскаго духовенства въ пользованіи различными средствами латинской стилистики и на знакомство его съ шаблономъ житійной литературы. Въ 13-же вѣкѣ написана „*Vita sanctae Hedwigis*“, вышедшая, какъ полагаетъ ея издатель въ *Monum. Polon. Histor. IV*, изъ круга польскихъ францискановъ, орденъ которыхъ былъ призванъ въ Бреславль именно сыномъ св. Ядвиги, жены силезскаго князя Генриха Бородатаго (ум. 1238). Св. Ядвига

была канонизирована 26 марта 1267 г. и, вѣроятно, тогда же возникло ея житіе, которое впоследствии (ок. 1300 г.) было дополнено генеалогическими подробностями. Это произведение пользовалось чрезвычайной популярностью въ Силезіи и Польшѣ, распространяясь не только въ княжескихъ семьяхъ, но и среди мѣщанъ. Оно подверглось различнымъ измѣненіямъ, дополненіямъ и сокращеніямъ, было украшено миниатюрами и широко распространило культъ св. Ядвиги и въ самой Польшѣ, и за ея предѣлами. Повидимому, неизвѣстный авторъ имѣлъ въ своихъ рукахъ значительный матеріалъ: свидѣтельства современниковъ, канонизаціонную буллу, небольшое житіе цистерціанскаго монаха Энгельберта. И въ обработкѣ своего матеріала онъ показалъ извѣстный опытъ: такъ, не довольствуясь пространной версіей (легендой), онъ далъ еще сокращенную редакцію для того, чтобы ее лучше могли запомнить читатели, и чтобы ее можно было прочесть во время стола (*ad mensam, cum placet brevis*). Пространная версія, дѣйствительно, очень обширна: въ изданіи Monumenta она охватываетъ свыше 120 страницъ. Во вступленіи авторъ излагаетъ свой планъ: сначала идетъ общая характеристика святой, за тѣмъ въ систематическомъ порядкѣ излагаются ея добродѣтели (смиреніе, терпѣніе, строгость жизни, молитвы и преданность Богу, дѣла милосердія и любви къ ближнему), затѣмъ идетъ рѣчь о чудесахъ, совершенныхъ ею при жизни, о духѣ пророчества, который имѣла святая, объ успеніи (*de transitu*) ея и чудесахъ, совершенныхъ послѣ смерти, о канонизаціи, о перенесеніи ея мощей и т. д. Идеаль агіографа, какъ видно уже изъ этого плана, аскетическій: *in carne praeter carnem vivere* (жить во плоти вопреки плоти)—таковъ былъ идеаль св. Ядвиги, который она распространяла до такой степени усердно, что въ Требницкій монастырь, основанный ею, она отдала собственную дочь, Гертруду, впоследствии аббатиссу этого монастыря. Сохраненіе чистоты тѣлесной, постъ („вставала она изо-стола, часто съ пустымъ желудкомъ—*coegre vasca*,—но съ умомъ, исполненнымъ духовной радости, и радуясь о Господѣ“), бдѣніе: вотъ добродѣтели Ядвиги. Благодаря ея постояннымъ увѣщаніямъ, и мужъ, *dux Henricus cum barba*, сталъ „въ родѣ монаха“. И любовь къ ближнему (*pietas ad proximum*), о которой пространно рассказываетъ житіе, рисуется по тому же аскетическому шаблону. Первымъ подвигомъ св. Ядвиги оказывается построение на собственные средства Требницакаго монастыря и дру-

гихъ обителей, затѣмъ слѣдуетъ учрежденіе больницъ, посѣщеніе тюремъ и защита заключенныхъ передъ мужемъ. Въ рамкахъ такого житія индивидуальность святой ничѣмъ, въ сущности, не проявляется: къ святой Кингѣ или другой святой изъ княжескаго рода можно было бы безъ труда примѣнить, *mutato nomine*, всѣ эти подробности. Но слѣдуетъ отдать справедливость составителю, что онъ весьма добросовѣстно подобралъ все, что могло дать поучительнаго житіе св. Ядвиги. Изложеніе же его ясно, плавно, не вдается въ риторическое пустословіе. Авторъ обнаруживаетъ даже извѣстный интересъ къ исторіи, приложивъ къ своему произведенію специальный генеалогическій трактатъ о происхожденіи своей героини. Для основной морализаторской цѣли, какову преслѣдовало житіе, это было излишне.

Сынъ Генриха Бородатаго, Генрихъ Благочестивый, убитый въ сраженіи съ татарами подъ Лигницею 1241, также привелъ въ Пястовскую династію святую. Это была жена его Анна, житіе которой, составленное въ 13 же вѣкѣ, сохранилось однако всего въ одной рукописи. Анна—подражательница Ядвиги, и авторъ ея коротенькаго и просто написаннаго житія, въ которомъ чувствуется столь рѣдкая въ житійной литературѣ непосредственная симпатія къ святой, останавливается особенно подробно именно на кротости и смиреніи молодой принцессы. „Во время Тайной вечера (*in cena domini*), когда св. Ядвига мыла ноги бѣднякамъ, св. Анна также мыла вмѣстѣ съ нею и раздавала имъ одежду ради (*per*) себя самой и ради своихъ мальчиковъ“. Проживъ съ мужемъ „чисто, какъ Господь повелѣлъ“, сейчасъ же послѣ смерти его она надѣла „сѣрую тунику, отказалась отъ мяса, обрѣзала волосы на головѣ своей“, стала усердно поститься и надѣла власяницу изъ конскихъ волосъ. Вскорѣ она ушла въ монастырь и посвятила себя исключительно дѣламъ благочестія и милосердія: посѣщала больныхъ въ больницѣ (*hospitale*), которую учредила, раздавала по церквамъ милостыню и т. д. Такимъ образомъ, и ея жизнь превратилась въ *martirium*, что давало ей въ средневѣковомъ міровозрѣніи право на канонизацію.

Вышерассмотрѣнныя житія 13 в. даютъ представленіе о латинской прозѣ, выработавшейся въ Польшѣ въ Средніе вѣка. Эта проза не уступаетъ западно-европейскимъ образцамъ: авторы житій хорошо знакомы съ техникой агиографической литературы и свободно владѣютъ изобразительными средствами ея. И кругъ идей ихъ тотъ же, что въ житійной прозѣ

Запада. Тѣсная связь польской схоластики съ западно-европейской, отмѣченная уже выше, въ обзорѣ исторіи польской школы, обнаруживается и въ этомъ единствѣ міровоззрѣнія, и въ сходствѣ техники. Житійная литература 14 вѣка развивается въ томъ же направленіи. Здѣсь надо указать прежде всего на обширное произведение: „жизнь и чудеса св. Кинги (Кунегунды), княгини Краковской“, которое, согласно предположенію издателя, В. Кентшинскаго, состоитъ изъ двухъ различныхъ произведеній: *vita*, составленнаго около 1320 г., и *miracula*, относящихся къ тому же времени и снабженныхъ отдѣльнымъ предисловіемъ.

„Объ авторахъ житія и чудесъ мы не имѣемъ почти никакихъ свѣдѣній; мы можемъ только предположить, что авторъ житія былъ исповѣдникомъ монахинь въ Сончѣ, потому что называетъ ихъ своими господами и только по ихъ настоятельной просьбѣ взялся за писаніе. Свою задачу онъ выполнилъ съ большой простотой, не стараясь дать произведение художественное по формѣ или изложенію. Напротивъ, изложеніе его чрезвычайно неуклюже, но за эти недостатки щедро вознаграждаетъ тщательность, съ которой авторъ собиралъ многочисленныя подробности, такъ ярко характеризующія тогдашнюю жизнь въ Польшѣ, что въ этомъ отношеніи житіе св. Кинги, несомнѣнно, занимаетъ первое мѣсто среди всѣхъ житій, помѣщенныхъ въ этомъ томѣ *Monumenta Poloniae historica*“ (W. Kętrzyński. IV. 681). Дѣйствительно, въ предисловіи авторъ извиняется за недостатки своего труда, ссылаясь на трудности и препятствія, которыя заключались въ „исключительныхъ достоинствахъ святой“, а также въ личныхъ причинахъ. Это, какъ говоритъ авторъ: „въ высшей степени неопредѣленное положеніе мое, невѣжество (*literarum ignorancia et obscuritas*) и явная, всѣмъ извѣстная слабость тѣла“. Повидимому, это не простое смиреніе средневѣковаго писателя, но указанія на дѣйствительное положеніе автора. Тѣмъ характернѣе, что и этотъ *obscurus et litterarum ignoans* писатель тѣмъ же старается подражать традиціонному житію краснорѣчію, прибѣгая къ повтореніямъ, синонимамъ и т. п. приемамъ. Это не мѣшаетъ ему чрезвычайно просто и ясно рассказывать о нѣкоторыхъ подробностяхъ изъ жизни его героини, передъ которыми остановился бы, пожалуй, въ нерѣшительности современный романистъ. Въ наивности разсказа, въ любовной тщательности подробностей, въ попыткахъ подняться до высокаго стиля заключается прелесть этого житія, которое указы-

ваеть, съ какой могущественной силой проникали въ затишьє польскаго монастыря вліянія европейской схоластической образованности. Чудесами, видѣніями, подвигами аскетизма кишить, конечно, и это произведеніе.

Къ тому же столѣтію, можетъ быть, къ половинѣ 14 вѣка, относится составленное въ Малой Польшѣ сообщеніе о перенесеніи мощей св. Флоріана въ 1184 году въ Краковъ. Это простой рассказъ, написанный хорошей латинской прозой. Въ слѣдующемъ столѣтіи передъ нами любопытная литература, связанная съ канонизаціей новыхъ святыхъ: именно, въ началѣ 15 вѣка (1426) гнѣзненскій архіепископъ Ястржембець назначилъ комиссію для изслѣдованія чудесъ, совершавшихся у могилы Ядвиги, рано умершей жены Ягеллы. Дѣло шло о канонизаціи этой доброй и просвѣщенной женщины, которая въ глазахъ народа уже считалась святой. Комиссія представила отчетъ, который до нынѣ не извѣстенъ. Но кое-какія чудеса были описаны и отдѣльно: это были исцѣленія, полученныя на гробѣ. Самый отчетъ комиссіи, какъ и многія другія польскія житія, или утерянъ, или еще не открытъ. Для нашихъ же цѣлей выше разсмотрѣнный агіографическій матеріаль достаточенъ. Онъ показываетъ, что съ 13 по 15 вѣкъ эта отрасль латинскопольской литературы не находилась въ забросѣ. Какъ въ области церковной проповѣди, такъ и въ этой сферѣ Польша, если и не дала выдающихся образцовъ, то и не отставала отъ средняго уровня, развиваясь тихо и спокойно.

Что касается гимнологіи и церковной пѣсни, то еще въ Польшѣ 16 вѣка, по свидѣтельству Гозія (*Confessio fidei catholicae* 1560), въ польской церкви пѣли духовныя пѣснопѣнія по латински, и въ нихъ принимали участіе даже крестьяне (*coloni et agricolae*). Только на Рождество, Пасху и Троицу пѣли по польски. Однако въ 15 вѣкѣ существовало уже довольно значительное число гимновъ и церковныхъ пѣсенъ на польскомъ языкѣ,¹⁾ о которыхъ рѣчь будетъ ниже въ главѣ о польской средневѣковой поэзіи. Но все же, приходилось слагать латинскія пѣснопѣнія для прославленія польскихъ святыхъ, св. Ядвиги, св. Станислава.

Образцы имѣлись, конечно, въ изобилии въ латинской церковной поэзіи, но со стихомъ труднѣе было сладить, чѣмъ съ прозой, и получались такіе удивительные продукты стихо-

¹⁾ Основное сочиненіе по этому предмету принадлежит *Н. Бобовскому*: *Polskie pieśni katolickie od najdawniejszych czasów do końca XVI wieku (Rozprawę Akad. Um. 1893)*.

сложенія, какова, напр., похвальная пѣснь въ честь св. Ядвиги (Monum. IV 353), сохранившаяся въ рукописи 15 в.

Hedvigis sancta, te magnificat voce tanta
 Virtus pontificis, cuius Slezia terra, radicis
 Nobilis Hock soboles Georgius est sua proles (Георгій
 Хокъ, епископъ Тридентскій, 1446—1465),

Quam facit intento celebrem servare Tridento
 Meranieque ducis Bertoldi natam magne lucis
 Coniugis Henricum simul hanc posuit cor amicum
 Qui vixere pares... Slezia pares,
 Excrevit fulta per signa, miracula multa,
 Unica mater dei foveat nos sorte trophæi.

Около 20 гимновъ въ честь св. Станислава по рукописямъ 15 в. мы находимъ въ Monum. IV. 355—362. Они прославляютъ святого за тѣ подвиги, которые положены въ основаніе его канонизаціи: „Онъ сражается за правду, не уступаетъ королевскому гнѣву, возстаётъ за обиду народа, какъ истинный воинъ Христа. Упорно обличая ужасныя дѣянія тирана, онъ стяжалъ мученической вѣнецъ, будучи изрубленъ на куски. Но съ небесъ было ниспослано новое чудо, возстановилъ въ цѣлости разбросанное тѣло небесный врачъ. Такъ преосвященный Станиславъ вступилъ въ небесную славу, чтобы, какъ щедрый дѣятель, вымолить намъ у Бога прощеніе“ и т. д. Стихъ во всѣхъ этихъ гимнахъ короткій, риѐма требуетъ ударенія на послѣднихъ слогахъ или же, вообще и чаще всего, на такихъ слогахъ, на какихъ оно не лежало въ латинской прозѣ. Ergo felix Cracovia, sacro dotata corpore Deum, qui fecit omnia, benedic omni tempore... Только при чтеніи Cracovia—omnia, corpore—tempore съ удареніемъ на предпослѣднемъ словѣ здѣсь получается риѐма. Точно также строки: splendor in sancto *celitus* и sparsum celestis *medicus* риѐмуютъ между собой лишь при чтеніи: celitús—medicús. Разумѣется, эта смѣлость въ обращеніи съ риѐмой, облегченная самымъ напѣвомъ, возникла вовсе не на польской почвѣ, но пришла въ Польшу вмѣстѣ съ образцами латинской гимнологіи.

На Тридентскомъ соборѣ были установлены церковныя пѣснопѣнія, и съ этого времени польскіе миссалы и бревиаріи получили новое содержаніе. По свидѣтельству кс. Польковскаго на историко-литературномъ съѣздѣ 1884 г. въ Краковѣ (Archiwum do dziejów lit. i ośw. V. 135), въ старыхъ польскихъ богослужб-

ныхъ книгахъ до Тридентскаго собора имѣлись почти на всякій день, особенно же на дни церковныхъ праздниковъ и польскихъ патроновъ, т. наз. секвенціи прозы и гимны. Почти всѣ они были напечатаны въ книгѣ „Expositio Hymnorum“, изданной въ Краковѣ въ 1539 г. Къ сожалѣнію, къ этому источнику польско-латинской гимнологіи, насколько мнѣ извѣстно, позднѣйшіе историки польско-латинской литературы не обращались, и самый источникъ остается малодоступнымъ. Между тѣмъ было бы весьма любопытно изслѣдовать эту область древнѣйшаго поэтического творчества польскаго народа.

Какъ гимны, проповѣди и житія, такъ съ Запада же шли въ Польшу и церковныя представленія. Сохранилось нѣсколько церковныхъ запрещеній 13—14 в., относящихся къ процессіямъ масокъ и къ театральнымъ безчинствамъ въ церквахъ. Таково посланіе папы Инокентія III къ архіепископу Кетличу въ 1207 г., имѣющее однако не спеціально польское, но общекатолическое назначеніе. Въ 1230 году папа Григорій IX посылаетъ Краковскому духовенству слѣдующее наставленіе: „Аббатъ и конвентъ Тынецкій въ своей жалобѣ указали намъ, что школяры, живущіе въ Краковѣ, подражая какому-то вредному и порочному обычаю, который укоренился въ этихъ мѣстахъ, справляютъ въ ихъ монастыряхъ праздникъ Рождества Христова и слѣдующіе за нимъ дни въ обжорствѣ и пьянствѣ, въ пѣсняхъ, представленіяхъ и другихъ нечестивыхъ развлеченіяхъ (*cantilenis, ludibriis et abominationibus aliis*), и препираются между собой до кровопролитія, отнимаютъ другъ у друга добро и совершаютъ другія страшныя неприличныя игрища (*ac alias ludificationes committunt horribiles et abscoenas*), отчего самые монастыри чрезвычайно страдаютъ, смущается спокойствіе братіи, и сердца ихъ подвергаются великому соблазну“. Затѣмъ, въ 1326 году было издано новое постановленіе синодомъ одной изъ польскихъ епархій, въ которомъ говорилось слѣдующее: „Мы предписали, чтобы вообще никакія духовныя или свѣтскія лица, нарядившись въ маски (*induti monstris larvorum*), не дерзали вступать въ церкви или кладбища при нихъ, особенно, въ то время, когда въ нихъ совершается богослужіе“. Если въ этихъ предписаніяхъ и запрещеніяхъ нѣтъ прямого указанія на церковную драму, то все-же они чрезвычайно важны тѣмъ, что устанавливаютъ и въ области праздничныхъ развлеченій польскаго духовенства тѣсную зависимость отъ вліяній западной церкви. Если въ Польшу проникали кощунственныя представленія, въ родѣ

festum stultorum, во время котораго молодежь, одѣтая канониками и ксендзами, врывается въ церковь, одѣвала одного изъ товарищей въ епископскія одежды, клала ему на голову инфулу, а потомъ пиновала, пѣла и гомонила въ церкви, или festum asinorum, представлявшее пародію на бѣгство Б. Матери въ Египеть; — если въ Польшу проникали эти кощунственныя пародіи, то должны были заимствоваться и серьезныя церковныя драмы. Въ одной изъ пергаментныхъ рукописей 12 в., сохранившейся въ архивѣ Краковской капитулы, Antifonarium de tempore et de sanctis, уцѣлѣла древнѣйшая въ Польшѣ церковная драма. ¹⁾ Это представление, въ которомъ принималъ участіе не только епископъ со священникомъ (presbyter ebdomadarius), но и монастырская братья, вѣроятно, Тынецкаго монастыря, съ которымъ Краковская каѳедра поддерживала въ это время ближайшія отношенія. Представленіе, о которомъ идетъ рѣчь, было связано съ Пасхальнымъ богослуженіемъ и называется officium sepulchri. Число дѣйствующихъ лицъ было семь: два мальчика сидѣли на могилѣ, три монаха исполняли роль Божьей Матери, двое изображали апостоловъ Петра и Іоанна. Сверхъ того, въ торжествѣ участвовали епископъ, хоръ и пѣвецъ—канторъ. Бутафорскими принадлежностями служили кадилъницы и простыни, мѣстомъ дѣйствія часть церкви отъ хоровъ и сакристіи до середины храма, гдѣ было устроено мѣсто погребенія. Вотъ эта древнѣйшая латинская драма въ Польшѣ ²⁾.

„Повторяется responsorium, при пѣніи котораго собраніе братьи выходитъ на середину церкви. По окончаніи респонзорія канторъ начинаетъ антифонъ: Maria Magdalena. Между, тѣмъ три брата, одѣтые въ бѣлое, съ ароматами въ рукахъ, направ-

¹⁾ *Windakiewicz. Dramat liturgiczny w Polsce średniowiecznej (Rozprawy, filol. т. 34, 1902).* Изъ литературы о церковной драмѣ въ Польшѣ см. *Kawczyński. O początkach poezyi polskiej. Kwart. Histor. III, Nehring. Początki poezyi dramatycznej w Polsce. Roczniki Tow. Przej. Nauk. Pozn. XV. М. Schreiber. Że studyów nad dawnym dramatem Niemiec i Polski. Pamiętn. literacki. т. IV и V. Предисловіе Бобовскаго къ его изданію польскихъ духовныхъ пѣсень. См. стр. 59. S. Windakiewicz. Teatr ludowy w dawnej Polsce (Rozprawy filolog. т. 36 за 1903), рецензія на эту книгу Б. Губриновича въ Pamiętn. literacki. A. Brückner. Początki teatru i dramatu średniowieczny. Bibliot. Warsz. 1894. II—III. O *Dialogus Mortis et Magistri* см. Nehring въ Archiv für slav. Philologie. т. XVІІ. 97.*

²⁾ Въ одномъ антифонаріи XI вѣка эта сцена ограничивается еще антифонами: Quem queritis in sepulchro, o christicole?—Jesum nazarenum crucifixum, o coelicole!—Non est hic, surrexit, sicut predixerat; ite, nuntiate, quia surrexit de sepulchro. Surrexit enim, sicut dixit dominus, ecce precedet vos in Galileam, ibi eum videbitis, aevia, aevia! Къ этимъ антифонамъ присоединилась сцена съ покупкой и хожденіемъ „трехъ Марій“ съ ароматами. *Jan Máchal. Staročeské sklady dramatické původu liturgického. Rozpravy české Akad. 1908.*

ляются изъ сакристїи къ могилѣ. Послѣ же того, какъ антифонъ будетъ сказанъ (*dicta*) конвентомъ, названные братья, какъ-будто разговаривая между собой, довольно тихо поютъ слѣдующій стихъ: *Quis revolvat nobis?* Спрашивая ихъ, два мальчика, уже ранѣе помѣщенные въ могилѣ (*intra sepulcrum*), говорятъ: кого ищите? На что тѣ отвѣчаютъ: Иисуса Назарѣянина. И тѣ: нѣтъ здѣсь того, кого вы ищите. И когда тѣ поютъ это, названные братья вступаютъ въ мѣсто погребенія (*intrantr in sepulcrum*), и осмотрѣвъ могилу, выходятъ и возвращаются черезъ хоръ съ пѣніемъ стиха: *Ad monumentum venimus*. И такъ они переходятъ къ сакристїи. Тогда двое изъ братьи, являя будто бы бѣгъ, (т. е. изображая бѣгъ), спѣшатъ къ могилѣ, а хоръ въ это время поетъ антифонъ: *Surrebant duo simul*. И такъ, взявъ въ могилѣ простыни (*linteamina*), возвращаются къ хору и, распростерши ихъ передъ лицомъ всего народа, поютъ слѣдующій стихъ: *Cernitis, o socii, присоединя антифонъ Surrexit dominus de sepulchro*". Таково это представление, въ которомъ еще такъ строго выдержанъ богослужебный характеръ. Оно сохраняло свое значеніе въ пасхальной заутренѣ до конца среднихъ вѣковъ. Въ рукописи первой половины 15 вѣка С. Виндакевичемъ былъ найденъ вариантъ къ вышеуказанной мистерїи, при чемъ чисто сценическія подробности здѣсь подверглись сокращенію. Для сравненія того, какъ эволюционировала чисто богослужебная драма въ Польшѣ за три столѣтія, я приведу, на основаніи указанной статьи С. Виндакевича, и этотъ вариантъ ¹⁾. „Хоръ, направляясь къ памятнику (*ad monumentum*), пусть поетъ респонзорїи: *Dum transisset*. Пока женщины шествуютъ къ могилѣ (*ad sepulchrum*), пусть хоръ поетъ слѣдующій антифонъ: *Maria Magdalena et alia Maria ferebant diluculo aromata, dominum querentes in monumento*. Передъ могилой пусть женщины поютъ слѣдующій антифонъ: *Quis revolvat nobis ab ostio lapidem, quem tegere sanctum cernimus sepulchrum*. Ангелъ въ могилѣ: Кого ищите, о трепещущія женщины, плачущія у этой могилы (*in hoc tumulo*). Женщины же: Иисуса Назарѣянина распятаго ищемъ. Ангелъ же: Нѣтъ здѣсь того, кого вы ищите, но, быстро идя, возвѣстите ученикамъ его и Петру, что воскресъ

¹⁾ Найденный въ Чехїи текстъ 14 в. представляетъ большое сходство съ даннымъ, хотя нѣсколько болѣе развитъ въ подробностяхъ. *Máchal.* 9—11. Болѣе распространена однако была сокращенная версія, приведенная здѣсь. Она была въ большомъ ходу съ начала 14 в. до 16 в. Почти тождественна съ найденной г. Виндакевичемъ версїей чешская, напечатанная I. Махалемъ въ названномъ изслѣдованїи (12—13 стр.).

Иисусъ. И еще ангель: Приидите и видите мѣсто, гдѣ былъ положенъ Господь, вѣчное аллилуя. Затѣмъ женщины пусть возвращаются къ хору и поютъ: *Ad monumentum venimus gementes, angelum domini sedentem vidimus et dicentem quia surrexit ihesus.* Послѣ этого двое бѣжали къ монументу, въ то время, какъ хоръ пѣлъ слѣдующій антифонъ: *Currebant duo simul.* Затѣмъ взявъ пелены (*sudario accerto*), пусть они возвращаются къ хору и, показывая пелены, поютъ антифонъ: *Cernitis, o socii, ecce lintheamina et sudarium et corpus in sepulchro non est inventum.* Затѣмъ пусть хоръ поетъ антифонъ: *Surrexit dominus de sepulchro.* Послѣ этого пѣвчіе начинаютъ громкимъ голосомъ *Te deum laudamus*“.

Такимъ образомъ, самое представленіе здѣсь уже все болѣе отодвигается на задній планъ по сравненію съ пѣніемъ антифонъ. И въ такомъ видѣ оно совершалось еще во второй половинѣ 15 вѣка, какъ показываетъ текстъ 1461 г., найденный С. Виндакевичемъ,—продержавшись въ употребленіи до начала 17 вѣка. Въ антифонаріяхъ половины 17 вѣка этой драмы уже нѣтъ. Насколько любимо было населеніемъ это представленіе, видно изъ постановленія городского совѣта городка Казимира (подъ Краковомъ) въ 1377 году отпустить изъ городскихъ средствъ 6 грошей въ видѣ пособія при постановкѣ пасхальной игры (*ludus pascalis domini*). Но въ то время, какъ въ Чехіи уже къ концу 14 в. восходятъ рукописи, въ которыхъ эти тексты записаны на чешскомъ языкѣ („Три Маріи“), а въ Германіи и Франціи еще раньше (съ 13 вѣка) они получили національный обликъ, польское Средневѣковье оставалось вѣрно латинскому языку. Это не значитъ, однако, что представленіе также совершалось исключительно по латыни. Какъ проповѣди, произносившіяся на польскомъ языкѣ, записывались на латинскомъ, такъ же и „Пасхальная игра“ могла по латинскимъ текстамъ происходить на польскомъ языкѣ. Далѣе, къ глубинѣ Среднихъ вѣковъ восходятъ и колядки, и процессіи въ день Трехъ Королей, и маски, въ которыя облакались участники этихъ процессій. Давно уже национализировавшись и потерявъ свой церковный характеръ, колядка въ Польшѣ и въ области распространенія польской культуры, въ Литвѣ и на Украинѣ, восходитъ своими корнями къ тѣмъ театральнымъ латинскимъ представленіямъ, съ которыми упорно и безуспѣшно боролась католическая церковь въ продолженіе всего Средневѣковья. Странствующие школяры и

актеры разносили эти обычаи, проникая въ народную среду, откуда они и сами выходили. Это были люди безъ родины и безъ цѣли въ своихъ странствованіяхъ, беззаботныя попрошайки милостыни и увесилители, не останавливавшіеся ни предъ чѣмъ. Въ Германіи, въ Тиролѣ, какъ во Франціи или Италіи, устанавливался благодаря имъ одинъ шаблонъ представлений объ Иродѣ, о бѣгствѣ Божьей Матери въ Египеть, о Рождествѣ Христовѣ, борьбѣ жизни со смертью и т. д. Записывать ихъ по латыни было чаще всего некому: вѣдь вся письменность преслѣдовала цѣли поучительныя и религіозныя, съ ludii церковь боролась, и потому въ своей первоначальной латинской формѣ въ Польшѣ они не сохранились. Но живучесть ихъ справилась со всѣми препонами, и огромный этнографическій матеріалъ „шопокъ“, разсѣянный по всей Польшѣ, представляетъ не мало параллелей древнимъ или новымъ западноевропейскимъ текстамъ этихъ и религіозныхъ представлений.

Кромѣ мистерій, входившихъ въ составъ стараго антифонарія на день Христова воскресенія, церковь устраивала и другія представленія, о которыхъ сохранились, однако, весьма скудныя извѣстія. Такъ, около 1470 г. львовскіе бернардины къ возмущенію образованнаго духовенства устраивали на Рождество Христова колыбель, около которой пѣлись колядки. „Соблюдая уставъ св. Франциска, они привлекали къ себѣ народъ суевѣрными церемоніями (superstitiosis caerimoniis). Въ день Рождества Христова они выставляли въ церкви быка и осла, а также подобіе ясель съ младенцемъ“. И уже при первомъ появленіи польской религіозной пѣсни колядки занимаютъ особенно почетное мѣсто, при чемъ развитіе ихъ относится, однако, преимущественно не къ 15 вѣку, но къ слѣдующему, когда польскій языкъ вообще завоевываетъ себѣ права въ литературномъ обиходѣ¹⁾. Точно также къ началу 15 вѣка восходятъ извѣстія о представленіи Страстей Господнихъ. Авторъ стихотворнаго описанія невзгодъ придворной жизни, *Vita curiatarum* упоминаетъ среди другихъ пустяковъ, которыми увлекаются придворные, и представленіе плѣненія І. Христа въ Геосиманскомъ саду. „Они, подобно разбойникамъ или какъ актеры, берутъ бутафорское оружіе, и отправляются съ пал-

¹⁾ *J. Pagaczowski*. Jasełka krakowskie. Rocznik Krakowski V. 94—137. *S. Dobrzycki*. Najdawniejsze koledy polskie. Przegląd powszechny 1903—1904. Перепечатано въ его книгѣ: *Z dziejów literatury polskiej*. 1907, см. также *S. Windakiewicz*. Teatr ludowy... (см. стр. 62) стр. 15, 44, 109—112.

ками вмѣсто мечей схватить Христа" (*Arma scurrilia portant, tamque latrones et velut histriones, Cumladiis fistibus ut Christus sit capiendus*). Уже въ 16 вѣкѣ крестьяне разыгрывали цѣлыя драмы Страстей, которыя заканчивались распинаніемъ нагого крестьянина. Рей подшучивалъ надъ этимъ обычаемъ и рассказывалъ въ своихъ „фрашкахъ“ анекдоты о томъ, какъ неожиданно кончалось иногда представленіе. Въ день Вознесенія изображалось, какъ Христось подымается на небо, а дьяволъ сталкивается внизъ. Ягелло будто бы въ 1402 г. никакъ не могъ понять, зачѣмъ это мальчики одну статую тянуть веревками вверхъ, а другую — змія, изображавшаго дьявола, бросаютъ внизъ. Еще Рей смѣется надъ человѣкомъ, который считаетъ своей религіозной заслугой, „если липоваго Іисуса втянулъ на небо на веревкѣ, какъ злодѣя, а дьявола свергнулъ сверху и бѣгалъ съ нимъ потомъ по улицамъ“. Такимъ образомъ, извѣстный комплексъ драматическихъ церковныхъ представленій можно констатировать уже въ эпоху польскаго Средневѣковья. С. Виндакевичъ предполагаетъ, что въ 15 вѣкѣ въ Польшѣ появились и чешскія произведенія въ этой области, которыя своимъ народнымъ языкомъ оказали вліяніе на созданіе чистонародной драмы. Повидимому, театръ и зрѣлища въ церкви стали развиваться въ Польшѣ только подъ конецъ Среднихъ вѣковъ. Только антифоны праздника Воскресенія Христова вошли въ сборники уже 12 вѣка; при нѣкоторыхъ представленіяхъ, можетъ быть, ничего и не произносилось, и это были, говоря современнымъ языкомъ, пантомимы. Интермедіи и поучительныя представленія, разнообразныя монологи, плачи и. т. п., связанные съ эпизодами Новозавѣтной исторіи, процессіи, имѣвшія драматическій элементъ, и подобныя имъ зрѣлища распространяются уже позже, дѣлаясь достояніемъ народнымъ въ 16—18 вѣкахъ и отчасти переживши до нынѣ въ видѣ народныхъ обрядовъ, связанныхъ съ извѣстными днями.

Изъ произведеній Средневѣковой латинской поэзіи въ Польшѣ я останавлиюсь въ этой главѣ лишь на такихъ, которыя имѣютъ ближайшую связь съ церковью или съ схоластическимъ школьнымъ образованіемъ, оставляя до дальнѣйшаго изложенія произведенія политическаго или общественнаго характера ¹⁾. Этихъ послѣднихъ произведеній польское Средне-

¹⁾ Матеріалъ собранъ А. Брюкнеромъ въ его работѣ: „Średniowieczna Poezya łacińska w Polsce“ *Rozprawy, filologiczne*, т. 16, 22 и 23 (1892—1894 г.).

вѣковъ представило довольно значительное число, и едва-ли справедливо обходить ихъ молчаніемъ въ исторіи польской литературы, какъ это дѣлають обыкновенно историки, потому что въ этихъ памфлетахъ, политическихъ трактатахъ, историческихъ стихахъ или поэмахъ отражается кругъ польскихъ идей и интересовъ въ извѣстную эпоху. Въ области дидактической поэзіи слѣдуетъ отмѣтить, прежде всего, возникшую въ Польшѣ поэму *Antigameratus*. Авторомъ ея, по предположенію проф. Брюкнера, былъ краковскій духовный (свѣтскій, а не каноникъ), упоминаемый въ 1322 году Фровинъ (*Frovinus scolasticus Scarbimiriensis*). Такимъ образомъ, въ краковской землѣ въ первой половинѣ 14 вѣка возникло произведение, получившее чрезвычайное распространение въ Германіи. Какъ толкуютъ коментаріи къ этой поэмѣ, *generatus* значить, какъ показываетъ самое заглавіе, человекъ пустой и порочный, такъ что *antigameratus* ставилъ своей задачей борьбу съ пороками. „*Causa efficiens huius libri*“, говоритъ коментарій въ рукописи 1461 года: „исторія возникновенія этой книги заключается въ томъ, что нѣкій епископъ краковской церкви (въ другомъ вариантѣ, нѣкій каноникъ или протонстарій, иначе еще: краковскій каноникъ) увидѣлъ въ этомъ мірѣ много заблужденій и пороковъ и ради этого сложилъ сію книгу, чтобы можно было избѣгать такихъ заблужденій“. Книга была особенно привлекательна тѣмъ, что заразъ убивала двухъ зайцевъ: учила морали и упражняла въ тонкостяхъ латинской грамматики, такъ какъ была написана леонинами съ омонимами по срединѣ, на примѣръ: „*Nos morum flores si carperis, ut rosa flores. His quoque disce regi; placet hoc summo quoque regi* или даже такъ: *Matris Eve, que fuit causa necis eve* (aevus-вѣчный), или *hec sunt a more scripta Iohannis amore*. Эти *differenciales* считались въ поэтикѣ Средневѣковья однимъ изъ высшихъ техническихъ средствъ поэзіи, такъ какъ, подобно схоластической эристикѣ, представляли трудное упражненіе ума и для автора и для читателя. Содержаніе поэмы, охватывающей 430 стиховъ таково: „сначала рѣчь идетъ объ одеждѣ, прическѣ волосъ и т. д., потомъ слѣдуютъ наставленія, обращенныя по очереди къ епископамъ, духовнымъ, царствующимъ, судьямъ, господамъ по отношенію къ слугамъ, къ самымъ слугамъ, къ супругамъ и т. д.; далѣе самыя общія правила о томъ, какъ вести себя за столомъ, предназначенныя какъ бы для того, чтобы замѣнить болѣе ранняго *Fagifacet'a*; слѣдуютъ предпи-

санія земледѣльцамъ, что имъ слѣдуетъ дѣлать въ отдѣльные мѣсяцы; въ послѣднемъ отдѣлѣ наставленія общаго содержанія, съ кѣмъ и какъ жить и т. д., даже о томъ, какъ вести себя на морѣ, какъ призывать Марію и произносить Отче Нашъ“ (Brückner).

Не такой популярностью, какъ „Антигамерать“, пользовались религіозныя поэмы Arator, Paraclitus и Palestra и др. Больше списковъ сохранилось отъ поэмы Auropa, авторъ которой, Петръ de Riga (ум. 1209), переложилъ въ гекзаметры почти весь Ветхій и Новый Завѣтъ. Переписывали также обширную библейскую поэму Седулія, Carmen Paschale. Содержаніе поэмы Paraclitus, состоящей приблизительно изъ 900 леониновъ и восходящей, можетъ быть, уже къ 11 вѣку, опредѣляется въ комментаріи къ поэмѣ слѣдующими словами: „Книга эта, сущность или матеріальная причина которой заключается въ утѣшеніи грѣшника, раздѣляется на три части, такъ какъ сначала грѣшникъ изображается развивающимъ злодѣйство въ душѣ, потомъ вызывающимъ къ милосердію Божию, въ третьихъ же представляется милость, оказанная грѣшнику, а цѣль поэмы, чтобы мы возвысились надъ пороками и бѣжали отъ отчаянія“. Указываются и средства, какъ очиститься отъ грѣха, это—покаяніе, слезы и т. п. Огромная поэма въ 1400 леонинскихъ стиховъ, Palestra Christi, сохранилась по преимуществу въ польскихъ латинскихъ рукописяхъ. Авторъ начинаетъ введеніемъ, сообщаетъ тему своего труда, затѣмъ призываетъ Христа и Св. Духъ и приступаетъ къ изложенію. Введеніе и обращеніе къ Богу написаны гекзаметромъ, а самое изложеніе состоитъ изъ леонинскихъ двустишій, хотя въ гексаметрѣ ихъ не разъ не хватаетъ рیمы. Авторъ начинаетъ отъ рая и паденія первыхъ людей, потомъ говорить о зачатіи Христа отъ дѣвы, возможность котораго онъ выясняетъ путемъ логическаго разсужденія, о распятіи Христа и положеніи во гробъ.

Потомъ онъ пространно передаетъ содержаніе апокрифа Никодима. А затѣмъ, какъ передаетъ комментарій къ поэмѣ, пришелъ Иисусъ и, изгоняя демоновъ, освободилъ святыхъ отцовъ и, выведя ихъ изъ ада, поручилъ ихъ Михаилу, который отвелъ ихъ въ земной рай, гдѣ они вмѣстѣ съ Іліей, Енохомъ и разбойникомъ участвовали въ пляскѣ (*tripudium habuerunt*), потомъ въ сороковой день Христосъ отвелъ ихъ на небеса. Демоны же, узнавъ про Его вознесеніе, бѣжали въ воздухъ (*in aera fugerunt*), а ангелы изъ низшихъ хоровъ ди-

вились. „Съ этого времени онъ сидитъ на престолѣ отца, гдѣ покоятся семь колоннъ, т. е. семь даровъ Святого духа, и ангелы, стоя со святыми около трона, вмѣстѣ восхваляютъ его; и держатъ книгу жизни въ рукѣ, гдѣ написаны всѣ святыя съ заслугами своими, сначала Пресвятая Дѣва Марія, потомъ ангелы и уже затѣмъ мученики. А такъ какъ нѣтъ имъ числа, и заслугъ ихъ ни одинъ художникъ не можетъ описать и славу ихъ осмыслить (*meditari*), то ради краткости полагая конецъ книжкѣ, спѣлъ (авторъ) метрическую пѣснь“. Кромѣ этихъ крупныхъ поэмъ, въ латинскихъ рукописяхъ, писанныхъ въ Польшѣ, сохранилось не мало большаго или меньшаго размѣра стихотвореній нравственнаго содержанія. Это, напримѣръ, *Alanus de problematibus (liber parabolarum)*, *Alanus de plapctu naturae* (жалоба природы на грѣхи человѣка), сборникъ сентенцій въ алфавитномъ порядкѣ подъ заглавіемъ *Tripartitum moralium*, гдѣ даны многочисленныя выписки изъ Аристотеля, Сенеки, Боэція, Помпея Трога, Августина и др. Рядомъ съ христіанскими поэтами въ ряду морализаторовъ выступаютъ и языческіе: *Avianus*, который составилъ сборникъ басенъ, служившій въ средневѣковой школѣ руководствомъ при первоначальномъ обученіи латинскому языку; *Cato Novus*, любимая книга схоластической школы, сборникъ въ четырехъ частяхъ нравственныхъ сентенцій, изложенныхъ въ 4 в. по Р. Х. въ двестишестидесяти гекзаметромъ; *Aesopus*, популярнѣйшій въ Средніе вѣка сборникъ басенъ Федра, который какой то анонимный авторъ передѣлалъ въ двестишестидесяти и раздѣлилъ на три книги, по 20 басенъ въ каждой; уже въ 13 вѣкѣ этотъ сборникъ былъ распространенъ повсюду въ школахъ.

Коснувшись этихъ сборниковъ, которые имѣли значеніе руководства въ средневѣковой школѣ какъ въ Польшѣ, такъ и въ Германіи или Франціи, слѣдуетъ упомянуть о трактатахъ, посвященныхъ наукамъ квадривіума и тривиума. Проф. Брюкнеръ открылъ въ сборникѣ Яна изъ Слупцы (ок. 1440 г.) произведеніе поляка Марка изъ Опатовца, посвященный искусству версификаціи. Это *metrificale*, состоящее изъ 158 строкъ. Въ первыхъ же строчкахъ авторъ открываетъ цѣль своего произведенія: „Я замѣтилъ, что многіе клерики не знаютъ метра, и потому съ Божью помощью я готовъ немного объяснить имъ, чтобы они различали всякіе метры (*metrorum partem aliqualem*)“. И затѣмъ идетъ ученіе о звукахъ и размѣрахъ. Вотъ образчикъ этой грамматики въ стихахъ. „*Suntque povem*

mutae: b, c, d, f, g, k, p, q, t; Nunc *l* et *r* liquide sunt, prius *n* fuit, *m*. Semivocales ter binas dicere debes, *m* simul *n*, *l* et *r* sociabiles et *x*. *X* semper tamen, *y*, cum zeta simplice voce Vim duplicis *wlt* retinere soni“. Удостоилась стихотворной обработки и теория музыки. Въ рукописи половины 15 вѣка сохранилось *Musices compendium*.

Кромѣ книгъ, посвященныхъ церковной поэзіи и схоластическому кодексу знаній, въ Польшу шла съ Запада и ѣдкая латинская сатира на испорченность духовенства. Въ той же рукописи Яна изъ Слупцы, въ которой сохранилось *Metrificale*, находится довольно распространенная сатира на безбрачіе духовенства. „*Triginta presbyteri simul consedere In quodam capitulo, simul et dixere: Nostras vult ancillulas presul amovere; Quid debemus super hoc sibi respondere?*“ (Тридцать пресвитеровъ вмѣстѣ сидѣли въ какомъ то капитулѣ и между собой говорили: игуменъ хочетъ прогнать нашихъ служаночекъ; что намъ слѣдуетъ предпринять по этому поводу?). Во всѣхъ спискахъ исходъ оказывается благополученъ; по одному изъ нихъ разговоръ гласить такъ: „Имѣйте, клерики, двухъ наложницъ (*habebatis clerici duas concubinas*); монахи и пресвитеры столько же или трехъ; деканы и каноники по четыре или по пяти, и такъ мы выполнимъ все-таки божественные законы (*et tamen implebimus sic leges divinas*)“. Въ сборникѣ Николая Люблинскаго, составленномъ въ 1448 году, сохранилась одна изъ излюбленныхъ книгъ Средневѣковья, пришедшая въ Польшу, быть можетъ, изъ Италіи. Это *Andreae Capellani regii Francorum de amore libri tres* или, какъ они здѣсь названы, *Gualterus doctor amoris*, руководство въ любви, которое вышло точно также изъ духовныхъ сферъ. Здѣсь же найдены и тѣ занесенныя съ Запада классическія комедіи, которыя въ видѣ передѣлки въ монологи (*comoedia elegiaca*) пережили Средневѣковье: таковъ былъ *Ramphillus maior* (исторія любви Памфила къ Галатеѣ), *Geta* (изъ „*Amphitruo*“ Плавта) и др. Схоластическая церковная книжность несла съ собой такимъ образомъ въ новообращенную страну огромный запасъ литературнаго матеріала, охватывавшаго какъ духовную, такъ и свѣтскую поэзію и прозу. Церковная драма, гимнъ, религіозная лирика, житіе, проповѣдь, съ одной стороны, и усвоенная католическимъ западомъ языческая мудрость, Аристотель, Эзопъ, Сенека или ранняя христіанская поэзія: все это шло и въ Польшу, благодаря общности латинскаго литературнаго языка, и подготовляло почву

для расцвѣта національной литературы и чисто народных видовъ ея, колядь, представлений и т. под.

Г л а в а ІУ.

Латинская исторіографія въ Польшѣ. Галль. Винцентій. Янь изъ Чарнкова. Лѣтописи. Хроника.

Исторіографія на латинскомъ языкѣ явилась въ Польшѣ однимъ изъ самыхъ раннихъ плодовъ новаго образованія, пришедшаго съ Запада. ¹⁾ Возникновеніе и этой отрасли литературы связано съ иноземцами, явившимися въ новоприсоединенную къ католичеству страну. Выраженіемъ ихъ стремленія связать Польшу съ католическимъ міромъ явилось житіе св. Войцеха (Адальберта), которое, однако, лишь косвеннымъ образомъ относится къ Польшѣ, такъ какъ князь Болеславъ Храбрый поддерживалъ миссіонерскую дѣятельность Войцеха въ Поморьѣ и впоследствии перенесъ его мощи въ Гнѣзно. ²⁾ Непосредственно же исторіи Польши посвящена хроника Галла, законченная около 1113 года. Личность автора неизвестна. Первые издатели этой хроники, Ленгнихъ (1749) и Бандтке (1824), называли ея авторомъ Мартына Галла, основываясь на двухъ ссылкахъ Длугоша на какого-то *Martinus Gallicus*, но одно изъ мѣстъ, приводимыхъ Длугошемъ изъ Мартына, найдено не въ его хроникѣ, а у историка Эккехарда, такъ что, по предположенію Цейсберга, Длугошъ имѣлъ передъ собой какой-то интерPELLированный кодексъ Мартына. Обычно польскіе писатели 16 в. называютъ автора или просто Галломъ, или анонимомъ Галломъ. Изъ самой хроники его можно извлечь не много данныхъ для біографіи автора: въ предисловіи онъ называетъ себя изгнанникомъ и странникомъ (*exsul apud vos et peregrinus*); пишетъ онъ свой трудъ (*tantum opus*) для того, чтобы „не ѣсть даромъ польскаго хлѣба“ (*panem Poloniae*), и чтобы „отнести какой-нибудь плодъ своего труда на мѣсто своего профессиональнаго служенія“ (*ut aliquem fructum mei laboris ad locum meae profes-*

¹⁾ Польской исторіографіи въ Средніе вѣка посвящено капитальное сочиненіе Цейсберга, до нынѣ не утратившее своего значенія. *H. Zeissberg. Die polnische Geschichtschreibung des Mittelalters. 1873* (есть польск. перев.).

²⁾ *W. Kętrzyński. Najdawniejsze żywoty św. Wojciecha i ich autorowie. Kraków. 1898.*

sionis reportarem), т. е., вѣроятно, въ свой монастырь, откуда онъ былъ отправленъ съ какой-то миссией въ Польшу. Не желая тѣшить свое тщеславіе, онъ рѣшилъ скрыть свое имя: *codicellum non nostro, sed vestris nominibus titolare*. Повидимому, въ самой Польшѣ онъ не былъ очень заваленъ занятіями, такъ какъ не ради желанія выставиться передъ другими или показать свое умѣніе обращаться съ литературной рѣчью (*quia non ut me quasi ceteris praeferendo vel quasi facundiozem in sermone referendo hunc laborem suscepi*), но чтобы избѣжать праздности и сохранить привычку къ диктованію, онъ взялся за свой трудъ. Авторъ стоялъ близко къ высшему польскому духовенству и выражаетъ свою благодарность какъ архіепископу Гнѣзненскому Мартыну, такъ и четыремъ епископамъ различныхъ польскихъ епархій и своему сотруднику (*cooperator*), Михаилу, „достопочтенному канцлеру, и совершителю начатаго труда“. ¹⁾ Галль былъ образованный человѣкъ, пользовался Саллюстіемъ, поэтомъ Луканомъ, щеголялъ вставками римованныхъ строкъ въ свою тяжеловѣсную и запутанную прозу, которая представляетъ типичный образецъ стиля средневѣковой схоластики. Во всякомъ случаѣ, авторъ, если это и не былъ полякъ, не смотрѣлъ на Польшу, какъ на совсѣмъ чужую ему страну: напротивъ, онъ видимо, сжился съ поляками и даже понималъ по польски. И трудъ его имѣетъ своей задачей приумноженіе „славы отечества“, написанъ „*ad laudem principum et patriae nostrae*“. Такъ могъ говорить человѣкъ, уже давно поселившійся въ странѣ, въ которой онъ уже не чувствовалъ себя чужимъ.

Нѣтъ-ли возможности опредѣлить яснѣе положеніе этого перваго историка Польши и отыскать его имя? Въ 1895 году молодой польскій историкъ, М. Гумпловичъ, выступилъ со смѣлымъ предположеніемъ, что подъ именемъ Анонима Галла слѣдуетъ подразумѣвать епископа Крушвицкаго, Балдуина Галла. По мнѣнію Гумпловича, изъ того факта, что вторая книга хроники посвящена польскому епископу Павлу, котораго онъ безъ достаточныхъ основаній признаетъ Крушвицкимъ епископомъ, вытекаетъ, что хроника была написана въ Крушвицѣ. Этимъ объясняется, что Галль даетъ сравнительно мало свѣдѣній

¹⁾ *Venerabili cancellario Michaeli coeptique laboris opifici*. Цейсбергъ переводитъ *opifex* черезъ *Förderer*, но это слово означаетъ активнаго участника въ работѣ, автора, изготовителя, ремесленника, художника, составителя плана и т. п. Быть можетъ, именно этотъ *cancellarius* Михаилъ писалъ подъ диктовку Галла.

о малопольскихъ отношеніяхъ, ограничиваясь, преимущественно, Великой Польшей и Куявіей. Въ Польшу онъ проѣхалъ черезъ Венецію, Каринтію и Венгрію, такъ какъ хорошо знаетъ страны, лежація между Италіей и Польшей. Въ виду того почтенія, которое онъ питалъ къ св. Лаврентію, можно думать, что онъ былъ монахомъ изъ какого-нибудь монастыря св. Лаврентія. Съ помощью такого рода сопоставленій, основанныхъ на произвольномъ толкованіи текста, Гумпловичъ приходитъ къ отождествленію автора хроники съ епископомъ Влоцлавскимъ, Балдуиномъ Галломъ. Передъ смертью Крушвицкаго епископа Павла онъ написалъ двѣ книги, послѣ его смерти третью, и за этотъ панегирикъ въ честь Болеслава Кривоустаго и за введеніе латинскаго обряда вмѣсто польскаго, котораго придерживались противники Болеслава, онъ получилъ крушвицкое епископство. Взглядъ Гумпловича встрѣтилъ со стороны польскихъ историковъ рѣшительный отпоръ: С. Кеитшинскій указалъ, что поводомъ для всей его гипотезы было названіе Gallus при имени этого епископа въ одномъ изъ позднихъ списковъ польскихъ епископовъ; по его мнѣнію, Анонимъ Галлъ былъ дѣйствительно французомъ по происхожденію и пріѣхалъ въ Польшу въ 1109 году изъ провансальскаго монастыря Ст.-Жилля и капелланомъ не былъ. Наконецъ, послѣдній изъ польскихъ историковъ, подробно остановившійся на хроникѣ Галла, К. Кротоскій, указываетъ на цѣлый рядъ мѣстъ въ этой хроникѣ, которыя заставляютъ думать, что авторъ предназначалъ свой трудъ по преимуществу для двора и для школь. Остановимся на этихъ мѣстахъ. Его *opusculum* было „разсказано въ доступной мальчикамъ формѣ во славу князей и отечества нашего“ (*ad laudem principum et patriae nostrae rueriliter exaratum*); „намѣреніе наше, говоритъ авторъ хроники въ предисловіи, есть разсказать о Польшѣ и преимущественно о князѣ Болеславѣ, ради котораго (слѣдуетъ) привести также нѣкоторыя достопамятныя дѣянія (его) предшественниковъ. И поэтому мы распредѣляемъ свой матеріалъ такъ, чтобы отъ корня дойти до вѣтви дерева“. Коснувшись одного канонически спорнаго вопроса о бракѣ, лѣтописецъ спѣшитъ отдѣлаться отъ него замѣчаніемъ: „Но мы не имѣемъ намѣренія разбираться въ правильности или грѣховности этого, но излагаемъ въ краткой формѣ (*sermone tenui*) дѣянія королей и князей Польши“. При этомъ въ самомъ предисловіи къ I книгѣ онъ оговаривается, что многія изъ славныхъ дѣлъ (*magnifica gesta*) онъ

обходить молчаніемъ, стремясь хоть нѣкоторыя передать памяти потомства. Особенно характерно предисловіе къ 3 книгѣ, въ которой Галль указываетъ на поводъ къ сочиненію хроники (нежеланіе ѣсть даромъ польскій хлѣбъ и стремленіе кое что отнести въ свой монастырь), и оправдывается въ томъ, что онъ началъ свое изложеніе прямо съ Польши, минуя исторію древности (Трою, Александра Великаго и т. д.). „Если бы цитировать только имена ихъ, то и тогда пришлось бы затянуть работу до безконечности“ (*opus hodiernum in diem crastinum prolongam*). „Какъ святые мужи прославляются добрыми дѣлами и чудесами, такъ мірскіе короли и принцы (*mundani reges et principes*) возвышаются военными триумфами и побѣдами; и какъ житія и мученія святыхъ религія велитъ проповѣдывать въ церквахъ, настолько же представляется достойнымъ читать (*recitare*) въ школахъ или дворцахъ о триумфахъ и побѣдахъ королей и князей; и какъ житія и мученія святыхъ, излагаемая въ церквахъ, наставляютъ въ религіи умы вѣрныхъ, такъ же войны и побѣды королей и князей, о которыхъ читаютъ въ школахъ или столицахъ (*capitoliis*), воспаляютъ и побуждаютъ къ геройству души воиновъ. Ибо какъ пастыри церкви должны стремиться къ духовной жатвѣ (*fructum animarum quaerere debent spiritualem*, необычный порядокъ словъ для вящаго краснорѣчія), такъ защитники отечества должны распространять честь и доброе имя родины и стремиться къ земной славѣ“. Сдѣлать отсюда выводъ, что Хроника предназначалась главнымъ образомъ для школъ (какъ полагаетъ К. Кротоскій), мнѣ кажется, нельзя: школа вовсе не преслѣдовала цѣлей мірской славы, еще менѣе думала о воспламененіи рыцарскихъ душъ, и между школой и дворомъ была пропасть. Мы знаемъ, что Gallus рано попалъ въ число руководствъ въ польской школѣ, но едва-ли возможно изъ глухого указанія: „*militiae vel victoriae regum atque ducum ad virtutem militum animos accendunt in scholis vel capitoliis recitatae*“ дѣлать выводъ, что и написана книга для школъ и дворцовъ: скорѣе, это просто общее мѣсто, которыхъ такъ много у Галла, и при томъ естественно, что образованное духовное лицо проявляетъ въ своемъ трудѣ знакомство и съ поэтикой, и съ риторикой, и съ литургией. Конечно, предвзятая идея сквозитъ въ выводѣ К. Кротоскаго, что въ ученыхъ замѣчаніяхъ Галла обнаруживается, *несомнѣнно*, учитель и именно преподаватель поэтики и метрики. Слѣдуя

далѣе за нитью своихъ домысловъ, этотъ изслѣдователь приходитъ къ убѣжденію, что Галль былъ учителемъ (схоластикомъ) въ Познани. Таковы—различныя возрѣнія на личность Анонима. Если откинуть не достаточно обоснованныя догадки различныхъ авторовъ, то можно сказать, что Галль былъ по происхожденію иностранецъ-французъ, который по неизвѣстной намъ причинѣ считалъ нужнымъ написать панегирикъ Болеславу Кривоустому и стоялъ въ близкихъ отношеніяхъ къ высшему духовенству, именно къ польскому архіепископу Познанскому, Мартыну. Былъ-ли онъ учителемъ, какъ долго оставался въ Польшѣ, какъ назывался: всѣ эти вопросы не могутъ быть разрѣшены при нашихъ данныхъ ¹⁾.

Историческій матеріалъ расположенъ въ Хроникѣ Галла очень неравномѣрно: въ то время, какъ первая книга охватываетъ древнѣйшую исторію пястовской династіи отъ Попеля до года рожденія главнаго героя этой хроники, Болеслава Кривоустаго (1086 г.), вторая содержитъ описаніе событій за время по 1109 годъ, третья же книга, написанная позже, представляетъ уже родъ мемуаровъ, такъ какъ посвящена детальному изложенію событій всего 4-хъ лѣтъ (1109—1113 г.). Вступленіе сообщаетъ о чудесномъ зачатіи Болеслава: мать его Юдию (fatali forsā omīne), будучи бесплодна, обратилась вмѣстѣ со своимъ мужемъ Владиславомъ къ покровителю роженицъ, св. Эгидію. Въ монастырь его, находившійся въ Провансѣ, была отправлена золотая статуя, изображающая челоуѣка, и много другихъ даровъ. Въ продолженіе трехъ дней монахи постились, и „въ то время, когда они постились, мать зачала сына“. Обо всемъ этомъ нашъ авторъ говоритъ съ такой увѣренностью, съ какой можетъ говорить, кажется, только очевидецъ событій. Переходя къ самой Польшѣ, Галль считаетъ нужнымъ познакомить читателей со страной, „такъ какъ она лежитъ въ сторонѣ отъ путей (ad itineribus perigrinorum est remota) и мало извѣстна кому, за исключеніемъ тѣхъ, кто отправляется въ Россію по торговымъ интересамъ“. Географическій очеркъ

¹⁾ Лучшимъ научнымъ изданіемъ хроники Галла является: *Fontes rerum Polonicarum in usum scholarum I Galli Anonymi Chronicon, recensuerunt L. Finckel et S. Kętrzyński. Leopoli. 1899.* Изъ литературы о Галлѣ: *M. Gumpłowicz. Bischof Balduin Gallus von Kruszwica. Polens erster lateinischer Chronist. Wien. 1895.* (Sitzungsberichte d. K. Akad. d. Wissensch. in Wien. Phil.-Hist. Cl. B. 132). Рецензія на эту статью К. Кротоскаго въ *Kwart Histor. X. 1896. St. Kętrzyński Gall Anonim i jego Kronika. 1898.* (Rozprawy Akad. Um., his.-fil. t. 37). *K. Krotoski. Gall, scholastyk Poznański, i jego kronika. Kwart. Histor. t. 13. 1899 г.* Другая литература объ этомъ хронистѣ въ названномъ выше изданіи его.

даетъ указанія на задачи внѣшней политики польскихъ князей: „по направленію къ сѣверному морю Польша примыкаетъ къ тремъ самымъ дикимъ народамъ языческихъ варваровъ, къ Силезіи, Поморью и Пруссіи, и польскій князь находится въ непрерывной войнѣ съ этими государствами, чтобы обратить ихъ въ истинную вѣру. Но ни мечомъ проповѣди сердце ихъ не могло быть отвращено отъ невѣрія (а perfidia), ни мечомъ покоренія не могло быть уничтожено ихъ неизмѣнно порочное поколѣніе. Однако, часто князья (principes) ихъ, побѣжденные въ битвѣ Польскимъ герцогомъ (a duce Poloniensi), обращались къ крещенію, а затѣмъ, собравшись съ силами, отвергали христіанскую вѣру и снова принимались за войну противъ христіанъ“. Самая же Польша рисуется въ радужныхъ краскахъ. „Хотя эта страна очень лѣсиста, однако она въ достаточной мѣрѣ изобилуетъ золотомъ, серебромъ, хлѣбомъ и мясомъ, рыбой и медомъ, и—что особенно важно—несмотря на то, что окружена столькими (вышеназванными) племенами, и языческими и христіанскими, и многократно подвергалась нападенію отъ нихъ всѣхъ разомъ или со стороны каждаго въ отдѣльности, все-таки ни одимъ изъ нихъ не была покорена. Это—страна (patria), гдѣ воздухъ полезенъ, почва плодородна, лѣсъ преизбыточествуетъ медомъ (silva melliflua), вода полна рыбой, рыцари воинственны, крестьяне трудолюбивы, кони выносливы, быки хороши для пахотной работы, коровы молочны, овцы многорунны“. Затѣмъ слѣдуетъ разсказъ о началѣ Пястовской династіи, лишенный баснословныхъ подробностей о томъ, какъ Попеля съѣли мыши. Исторія возникновенія Пястовской династіи связана въ хроникѣ Галла съ легендой о пирѣ, на которомъ таинственные гости предрекли престоль сыну Пяста. Самый разсказъ о гибели Попеля мало связанъ съ этой легендой и даже имя князя передается здѣсь въ совершенно иной формѣ. Тамъ Popel, здѣсь Pimpil. Повидимому, не сумѣвъ примирить между собой два различные разсказа о Попелѣ, изъ которыхъ одинъ дошелъ до лѣтописца съ латинизированной формой имени, Галль прибѣгъ къ неискусной комбинаціи ихъ. Для того, чтобы выпутаться изъ затрудненія Галль замѣчаетъ: „Предадимъ однако забвенію дѣла тѣхъ, самую память о которыхъ стерло время, и которыхъ запятнали (defoedavit) порокъ и идолопоклонство, и упомянувъ вкратцѣ о нихъ, перейдемъ къ изложенію того, о чемъ хранится живая память“.

Эта осторожность, вообще, характерна для Галла: и тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о такомъ жгучемъ вопросѣ, какъ положеніе Станислава въ конфликтѣ съ Болеславомъ Смѣлымъ, онъ остерегается встать на ту или другую сторону, но, кажется, ограничивается только цитатой изъ папской буллы, осудившей убійство „епископа-измѣнника“. Въ конфликтѣ Болеслава Кривоустаго съ его братомъ, Збигнѣвомъ, авторъ стоитъ, разумѣется, на сторонѣ перваго, но подчеркиваетъ свою точку зрѣнія не столько явнымъ осужденіемъ Збигнѣва, сколько восхваленіемъ Болеслава и приписываніемъ ему горестныхъ чувствъ по поводу „нарушенія братства“ (*violata fraternitas*). Вообще, моральная оцѣнка событій и лицъ доминируетъ въ этой первой хроникѣ въ польской литературѣ. Авторъ подходит къ нимъ съ религіознымъ критеріемъ, какъ живой свидѣтель событій, которыя знаетъ очень хорошо. И условія, въ которыхъ велась внутренняя или внѣшняя борьба его героемъ Болеславомъ, хорошо извѣстны Галлу.

Такъ, упомянувъ о вторженіи Болеслава въ „довольно варварскую землю“, Пруссію, откуда король ушелъ съ большой добычей, „поискавъ, но не найдя войны“, авторъ описываетъ природу Пруссіи. Рассказывая о нападеніи поморянъ на Гнѣзно, Галлъ говоритъ такъ, какъ могъ говорить лишь очевидецъ. Онъ любилъ вставлять въ свой рассказъ рѣчи дѣйствующихъ лицъ, письма и т. под. Въ стремленіи къ живописности изложенія Галлъ даетъ иногда бойкія картины сраженій. Такъ, на примѣръ, очень любопытно описаніе битвы между поляками и чехами на ручьѣ Трутинѣ въ октябрѣ 1110 года. Я привожу его въ возможно близкомъ переводѣ: „(III 23). Воинственный Болеславъ (*belliger*, обычный же эпитетъ этого князя у Галла — *impiger*), видя, что враги уже по сосѣдству, воскликнулъ: „Юноши, пусть наступаетъ начало торжества нашего, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нашъ конецъ!“ Сказавъ это, онъ тотчасъ же положилъ на мѣстѣ копьемъ перваго въ ряду съ правой стороны и вмѣстѣ съ нимъ предложилъ смертоносный напитокъ другому, какъ виночерпій Дирсекъ. Тогда же польскіе юноши взапуски бросаются въ бой, сначала открываютъ битву метаніемъ копій, а потомъ, наигравшись ими, обнажаютъ мечи. Тамъ щиты не многихъ изъ чеховъ наступающихъ прикрываютъ (игра словъ: *clipei—clepunt; clepere*—греч. κλέπτειν, воровать, похищать, укрывать), панцыри придають только тяжесть, а не защиту, тамъ шлемы доставляютъ головамъ только честь, а

не спасеніе. Тамъ желѣзо о желѣзо острится, тамъ познается мужественный воинъ, тамъ доблесть доблестью побѣждается. Лежать поверженныя тѣла, съ лицъ и грудей каплетъ потъ, ручьи текутъ кровью, юноши польскіе кричатъ: ¹⁾. „Вотъ какую доблесть слѣдуетъ одобрять въ мужахъ, такъ должна добываться нѣкоторая слава, а не тайнымъ похищеніемъ добычи и не укрывательствомъ въ лѣсу, по образцу жадныхъ волковъ.“ Тамъ блестящій строй латниковъ, чешскихъ и нѣмецкихъ, который былъ первымъ, первый и рухнулъ, не помогла ему, но подавила его тяжесть. Но все еще князь чешскій, когда и второй, и третій строй были поражены, и уже цвѣтъ его воинства былъ поверженъ, старался отмстить за свой уронъ, обращая назадъ полки, и все увеличивалась толпа поверженныхъ воиновъ его. А Скарбимиръ съ дворцовымъ отрядомъ сражался съ другими войсками чеховъ, но лѣсъ раздѣлялъ ихъ, и Болеславъ не зналъ о Скарбимирѣ и Скарбимиръ не вѣдалъ о Болеславѣ, гдѣ тотъ стоитъ и продолжаетъ-ли сраженіе. На обѣихъ сторонахъ Марсъ напрягаетъ свои силы, Фортуна улыбается, быстро опускается колесо чеховъ (*rota Bohemorum eversatur*), нити чеховъ перерѣзываются Парками, Церберъ раскрываетъ жадную пасть, перевозчикъ черезъ Ахеронтъ трудится надъ весломъ, Прозерпина смѣется, Фуріи распахиваютъ имъ змѣиные одежды, Эвмениды готовятъ имъ ванны изъ сѣры (*balnea sulfurea*), Плутонъ велитъ циклопамъ изготовить короны, достойныя воиновъ, по заслугамъ дождавшихся этой чести, со змѣиными зубами и драконовыми языками“. Такъ описывается этотъ бой. Описаніе включаетъ въ себѣ кое-какія эпическія черты, напоминающія батальную живопись нашего „слова о Полку Игоревомъ“. Эти *iuvenes poloni*—отроки, дружина старопольская, ищущая себѣ чести, а князю славы! И приверженецъ князя, анонимный монахъ Галль, съ такимъ же усердіемъ стоитъ на сторонѣ своего государя, какъ неизвѣстный авторъ старорусскаго „Слова“ горячо сочувствуетъ Игорю Святославовичу. Это свидѣтельствуетъ о томъ, что въ польскомъ быту начала 12 вѣка дружинное начало было еще настолько сильно, что человекъ, близкій къ князю и его дружинѣ, не могъ удержаться въ описаніи подвиговъ его отъ эпическаго тона. Вотъ, напр., палъ соперникъ Болеслава, его коварный братъ Збигнѣвъ. Онъ

¹⁾ Съ римами: „*Sic est virtus approbanda viris, sic fama quaedam, non praedam furtim rapiendo silvamque petendo rapidorum more luporum*“. И далѣе слѣдуютъ такія же рифмующіяся строки.

идеть къ брату своему (III. 25). „Но, полагаясь на совѣты глупцовъ, всего менѣе помня объ обѣщанномъ подчиненіи и униженіи, Збигнѣвъ вошелъ къ Болеславу не смиренно, но нагло, не какъ человѣкъ, покаранный столь долгимъ изгнаніемъ, утомленный столькими трудами и несчастіями, но, скорѣе, какъ господинъ въ предшествіи меча (*cum ense praecedente*), слѣдующій за симфоніей (оркестромъ) музыкантовъ, играющихъ на трубахъ (*tympanis*) и киворахъ; онъ держался такъ, точно собирался не служить, но царствовать, не сражаться подъ властью брата, но господствовать надъ братомъ“. Таковы были воинственные нравы того двора, дѣянія котораго сталъ описывать французскій монахъ, превращаясь по мѣрѣ разказа все болѣе и болѣе изъ сухого латинскаго хрониста въ поэта дружиннаго эпоса. Изъ своей оболочки, тяжеловѣсной латинской прозы, пересыпанной рѣзкованными строками и словами, чуждыми классической латыни, онъ не вышелъ. Но національно польское значеніе хроники анонима было очень велико: она внесла живые образы польскаго прошлаго въ схоластическую школу, и книгой Галла пользовались для изученія реторики наравнѣ съ Саллюстіемъ. Будучи сама продуктомъ пробуждавшагося польскаго національнаго сознанія, она давала сильный толчекъ возникновенію класса духовенства, привыкшаго чтить родину и ея князей.

Черезъ сто лѣтъ послѣ Галла явился другой польскій историкъ, краковскій епископъ Винцентій сынъ Кадлубка (ум. 1223 г.)¹⁾. О жизни этого историка мы знаемъ очень мало. Въ современныхъ ему источникахъ онъ называется просто *Vincentius*, или *Vincentius episcopus*, или *Vincentius magister*; въ тѣхъ документахъ, въ которыхъ сохранилось его имя, какъ свидѣтеля или участника событій, онъ называетъ себя также *Vincentius magister, episcopus* или *Cracoviensis ecclesiae humilis minister*. Позже, повидимому не ранѣе 14 вѣка, къ этому имени присоединяется *Katlubonis, Kadlublonis, Kadlubkonis* и наконецъ *Cadlubowicz*, наконецъ писатели конца 16 вѣка создаютъ употребительную нынѣ форму имени: *Vincentius cognomento Cadlubcus* (Кромерь 1555), *Cadlubkus* (Сарницкій 1587) и даже *Kadlubek* (Стрыйковскій 1582). Такимъ образомъ, отчество Винцентія въ позднѣйшей литературной традиціи превратилось въ его

¹⁾ *H. Zeissberg*. *Vincentius Kadlubek, Bischof von Krakau (1208—1218, † 1223) und seine Chronik Polens*. Archiv für österreichische Geschichte. т. 42. 1869. *Zeissberg*. Die polnische Geschichtschreibung (см. стр. 71). Хроника Винцентія издана А. Бѣлевскимъ съ ученымъ предисловіемъ въ *Monumenta Poloniae Historica* т. II. 1872.

собственное имя и подъ этимъ названіемъ, какъ видимъ, не основаннымъ на дѣйствительныхъ фактахъ, т. е. подъ именемъ Винцентія Кадлубка, онъ остался въ исторіи польской письменности. Отца его одинъ источникъ 16 в., именно „Catalogus episcoporum Cracoviensium“, называетъ Богуславомъ и, если принять это указаніе за достовѣрное, тогда Кадлубъ было-бы прозвищемъ, значеніе котораго все-таки осталось бы неясно (Kadlubчурбанъ, но упоминаются въ 15 в. Dzik de Kadlub и Przbislaus Dzik de Kadlub). Происхожденіе историка не вполне извѣстно: Длугошъ сообщаетъ недостовѣрныя свѣдѣнія объ его знатности, но вышеупомянутый каталогъ епископовъ замѣчаетъ, что относительно этой послѣдней существовали сомнѣнія. Но богатство Винцентія, который цѣлый рядъ земельныхъ имуществъ жертвуетъ Краковской каедрѣ и другимъ церквямъ и монастырямъ, позволяетъ думать, что традиція, сохранившаяся въ разсказѣ Длугоша, основана на памяти о дѣйствительномъ происхожденіи епископа. Несомнѣнно, что Винцентій былъ полякъ. Онъ происходилъ, вѣроятно, изъ Сандомирскаго воеводства, родился въ деревнѣ Карвовѣ, неподалеку отъ Опатова. Въ актѣ его канонизаціи, напечатанномъ въ Римѣ въ 1697 г., за годъ рожденія Винцентія признается 1160. Гдѣ получилъ свое образованіе польскій историкъ, неизвѣстно. Такъ какъ онъ былъ магистромъ, то не подлежитъ сомнѣнію, что высшее образованіе онъ получилъ за границей, — должно быть, въ Парижѣ, гдѣ университетъ пользовался славой уже въ 12 вѣкѣ, и гдѣ учились и другіе поляки, Казиміръ Обновитель и св. Станиславъ, оба еще въ 11 вѣкѣ. Историкъ обнаруживаетъ хорошее знакомство съ науками какъ *trivium*, такъ и *quadrivium*. Впервые подпись его съ прибавленіемъ *magister* встрѣчается подъ документомъ 1189 года, въ которомъ князь Казиміръ объявляетъ, что беретъ назадъ себѣ имѣнія, пожалованныя 1086 Владиславомъ Германомъ краковскому капитулу. Между стилемъ этого акта и слогомъ хроники Винцентія сходство настолько велико, что слѣдуетъ предположить извѣстную зависимость между этими памятниками. Г. Цейсбергъ предполагаетъ, что въ составленіи документа 1189 года участвовалъ историкъ Кадлубекъ. Документъ, подъ которымъ въ качествѣ свидѣтеля фигурируетъ *Vincentius Magister*, былъ подписанъ 12 апрѣля 1189 года въ Опатовѣ, стало быть не подалеку отъ родины Кадлубка, который по этому случаю могъ стать извѣстнымъ князю.

Къ 1207 году относится другой документъ, въ которомъ упоминается имя историка. Князь Лѣшко подтверждаетъ пожертвованіе магистромъ Винцентіемъ, настоятелемъ Сандомирскимъ (*Sandomiriensis praepositus*), двухъ имѣній цистерціанскому Сулеевскому монастырю „*pro remedio animarum parentis nostri et matris nostrae nec non omnium parentum nostrorum et suorum*“. Такимъ образомъ, уже въ 1207 году Винцентій стоялъ въ извѣстномъ отношеніи къ цистерціанскому ордену, въ которомъ онъ закончилъ свою жизнь, и былъ уже близокъ къ династіи: иначе его религіозное усердіе, проявленное въ заботѣ о душевномъ блаженствѣ родителей и предковъ князя, было бы непонятно. Съ другой же стороны, послѣдовавшее вскорѣ послѣ этого избраніе магистра Винцентія послѣ смерти епископа Фулькона (11 сент. 1207 г.), въ епископы Краковскіе едва-ли не было связано съ особеннымъ расположеніемъ къ нему въ княжеской средѣ. Папа Иннокентій III предоставилъ капитулу свободу выбора, и этотъ послѣдній палъ на Кадлубка. Краковская лѣтопись даетъ объ этомъ совершенно достовѣрное извѣстіе: „1208. Умеръ Фулько, епископъ Краковскій, которому наслѣдовалъ магистръ Винцентій; будучи посвященъ (какъ мы знаемъ, гнѣзненскимъ архіепископомъ Генрихомъ), онъ былъ утверждёнъ папой Иннокентіемъ III“. Избраніе, произведенное капитуломъ безъ вмѣшательства князя, разсматривалось, какъ торжество каноническихъ правилъ, но дарственная запись, предшествовавшая ему и произведенная въ заботѣ о душевномъ блаженствѣ княжескаго рода, указываетъ скорѣе на то, что княжеское расположеніе уже заранѣе было пріобрѣтено Винцентіемъ. О дѣятельности его въ санѣ епископа извѣстно очень мало. Есть предположеніе, что вмѣстѣ съ „другими“ (венгерскими) епископами онъ стоялъ на сторонѣ венгерскаго принца Коломана, женатаго на дочери Лѣшка, Соломеѣ. Подъ нѣсколькими пожалованіями имѣній церквамъ и монастырямъ сохранилась его подпись въ качествѣ свидѣтеля; участвовалъ онъ и въ сѣздахъ епископовъ. Но чего-нибудь особеннаго въ организациі церковной жизни въ Польшѣ съ его именемъ не связано. Въ 1218 году Винцентій сложилъ съ себя обязанности епископа и удалился на покой въ цистерціанскій монастырь, *Łędrzejów*, гдѣ и скончался нѣсколько лѣтъ спустя (1223), уже тогда окруженный славой святого. Въ 1764 году онъ былъ канонизированъ. Изъ сохранившихся извѣстій о жизни Винцентія мы видимъ, что въ продолженіе многихъ лѣтъ

польскій историкъ стоялъ въ центрѣ событій, связанный тѣсными узами съ династіей, что онъ былъ человекъ, выдающійся по своему образованію, происхожденію и положенію: однимъ словомъ, что онъ былъ въ состояніи дать историческій трудъ, соотвѣтствующій требованіямъ времени. Поэтому, его хроника рано сдѣлалась достояніемъ школъ, переписывалась и усердно комментировалась. При изданіи ея въ Monumenta Poloniae historica А. Бѣлевскій имѣлъ въ своемъ распоряженіи 30 рукописей 14 и 15 вѣковъ, но сохранились указанія еще на цѣлый рядъ старыхъ списковъ. Къ сожалѣнію, среди нихъ нѣтъ ни одного современнаго автору, и лишь два восходятъ къ 14 столѣтію. Вѣроятно, именно популярность сочиненія создали такое положеніе вещей: рукописи слишкомъ зачитывались и приходили въ негодность.

Хроника Винцентія состоитъ изъ четырехъ книгъ и предисловія, принадлежащаго, несомнѣнно, также ему. Первые три книги изложены въ видѣ діалога двухъ старцевъ, епископовъ — гнізненскаго Іоанна и краковскаго Матвѣя.

Такъ какъ оба они умерли въ 1165 году, а хроника доведена до 1202 года, то послѣдняя четвертая книга написана въ видѣ связнаго разказа. Время, когда Винцентій писалъ свое сочиненіе, едва-ли можетъ быть точно установлено, хотя по этому вопросу создавалась цѣлая литература: съ одной стороны, есть основанія думать, что автографъ обрывался на 17 главѣ IV книги, которой кончаются нѣкоторые кодексы, и былъ написанъ ранѣе 1194 года, съ другой же установилась прочная традиція, что Винцентій писалъ свою хронику уже подъ старость, и предисловіе какъ будто-бы подтверждаетъ этотъ взглядъ. Цейсбергъ убѣжденъ, что хроника создана въ тишинѣ монастырскаго затишья, и основатель монастыря Іоаннъ является въ разказѣ Винцентія однимъ изъ собесѣдниковъ, именно выразителемъ извѣстнаго этического отношенія къ фактамъ, которые сообщаетъ другой собесѣдникъ, Матвѣй. Въ этомъ краковскомъ епископѣ Винцентіи, по выраженію Цейсберга, какъ бы символизировалъ самъ себя. Ибо въ хроникѣ своей Винцентій преслѣдуетъ прежде всего нравственную задачу поученія. Исторія является фономъ для философскихъ разсужденій. „Пусть никто не обвиняетъ насъ въ хвастовствѣ, говоритъ одинъ изъ собесѣдниковъ Матвѣй, что въ нашу серію (series) князей мы вставили кое-что изъ исторіи другихъ; наше усердіе не позволяло намъ обходить это

молчаніемъ какъ потому, что сходное напоминаетъ другое сходное (*similia similibus gaudent*), такъ и потому, что тождество есть источникъ соединенія (*identitas mater est societatis*); кромѣ того, надо было дать читателю кое-что для наставленія. Ибо кто пройдетъ мимо, не обращая вниманія на виноградныя лозы, на фиги, которыя висятъ по обѣимъ сторонамъ дороги и сами (*in sua sponte*) какъ будто просятся въ ротъ? Прилично—насладиться ихъ вкусомъ, но не навалить на себя цѣлый мѣшокъ ихъ (*adecet ergo talium hilarescere gustu, non opera sarcinari*). Слѣдуетъ также, чтобы изъ полного сосуда, имѣющагося у тебя, чѣмъ-нибудь самымъ приятнымъ была угощена жаждущая душа. На это отвѣчаетъ другой собесѣдникъ, епископъ Іоаннъ: „Я не могу достаточно благодарить тебя за то, что ты не отвратился отъ укусоподобной терпкости моего ничтожества (*meae tenuitatis acetosam non fastidis acredinem*); и я не полѣнился бы (рассказать то), что было бы необходимо потомству, если-бы угнетающее меня соперничество (*detrectans emulatio*) не навѣсило на мои уста какого-то замка молчанія. Ибо говорится: не легко изловить того, кто лжетъ, рассказывая о вещахъ никому неизвѣстныхъ, и трудно избѣжать лжи тому, кто много болтаетъ о неизвѣстномъ. Но пусть далеко, далеко отъ праваго будетъ утвержденіе ложнаго, чтобы небольшая масса дрожжей не испортила все тѣсто“. Уже изъ этого образца видно, какимъ витіеватымъ слогомъ написана хроника Винцентія. Самое единство этого стиля, испещренного рѣдкими словами, цитатами, сравненіями, стихами, опровергаетъ предположеніе, что Винцентій использовалъ подлинныя письма епископовъ. Про него можно сказать: „стиль—это человѣкъ“. Средневѣковый схоластикъ, заграничный магистръ, сумѣлъ блеснуть своимъ образованіемъ и дать книгу, для пониманія которой требовалось и отличное знаніе латыни, и напряженная мысль.

Винцентій внесъ въ польскую литературу цѣлую энциклопедію цитатъ. Прежде всего, это различныя мѣста изъ Библии, особенно изъ псалмовъ и историческихъ книгъ, кое какія цитаты изъ отцовъ церкви. Затѣмъ слѣдуетъ отмѣтить цитаты изъ римскаго и каноническаго права. Правовые вопросы, вообще, настолько интересуютъ ученаго историка, что онъ постоянно останавливается на нихъ, и разрѣшаетъ онъ казуистическіе случаи согласно съ римскимъ правомъ (*Zeissberg 104--105*). Изъ одного *Decretum Gratiani* Винцентій заимство-

валъ около 20 мѣствъ. Изъ латинскихъ историковъ онъ черпалъ также щедрой рукой, пользуясь иногда указаніемъ своего источника для пространныхъ самостоятельныхъ разсужденій. Такъ, „Prologus super chronicam“ начинается слѣдующимъ страннымъ разсужденіемъ: „Три человекъ по тремъ причинамъ возненавидѣли театральныя торжества: имя перваго Кодръ, втораго Алкивіадъ, третьяго Діогенъ. Кодръ потому, что былъ бѣденъ и покрытъ лохмотьями, второй потому, что славился своей красотой, третій же потому, что былъ замѣчательнъ стойкостью своей нравственности и выдавался серьезностью души. Первый—чтобы не выставить всѣмъ на смѣхъ бѣдности, которая и такъ казалась смѣшной; второй, чтобы не навлечь на себя опасность чаръ (fascini); третій, чтобы не бросать подъ ноги шутовскому нечестію чистѣйшее величіе мудрости. Ибо Кодръ предпочиталъ не видѣть никого другаго, чѣмъ сдѣлать изъ себя забавное зрѣлище для другихъ; не можетъ существовать союзъ товарищества между пурпуромъ и лохмотьями. И Алкивіадъ предпочелъ лучше дома отречься отъ славы, чѣмъ славиться своей красотой, рискуя ею; ибо не создано природой ничего столь прекраснаго, что не могло бы пострадать отъ злого глаза зависти. И наконецъ Діогенъ рѣшилъ пренебречь общеніемъ съ людьми вслѣдствіе мудрости, такъ какъ лучше быть почитаемымъ въ одиночествѣ, нежели быть презираемымъ въ общеніи“. Повидимому, это былъ какой-то средневѣковый анекдотъ, который разработанъ Винцентіемъ подъ вліяніемъ латинскихъ писателей, Юстина (Historiae Philippicae) и Ювенала. Первый изъ нихъ, Юстинъ, составилъ для Винцентія обильный источникъ всяческихъ заимствованій: онъ бралъ у него отдѣльныя выраженія, характеристики, въ которыхъ замѣнялъ имена оригинала польскими (Polonos autem animi virtute... censerі у Винцентія, а у Юстина: Scythas autem virtute animi... censerі и т. п.). Несомнѣнно также близкое знакомство польскаго историка съ Цицерономъ, Квинтиліаномъ, Ювеналомъ, Виргиліемъ, Овидіемъ и друг. Изъ писателей и произведеній Средневѣковья Винцентій обнаруживаетъ знакомство съ легендой объ Александрѣ, съ которой онъ поступалъ такъ же, какъ съ Юстиномъ: какъ тамъ скиѣ были превращены въ поляковъ, такъ здѣсь названіе озера *Lychnitis* въ Иллиріи, гдѣ воевалъ отецъ Александра Македонскаго, Филиппъ, было передѣлано въ лехитовъ подъ вліяніемъ извѣстнаго Винцентію названія поляковъ у южно-русскихъ племенъ—ля-

хами¹⁾. Винцентій превратилъ легендарнаго основателя Кракова въ *Graccus*, Краковъ то въ *Graccovia*, то даже въ *Carantae*, Силезію въ *Silencia* и т. п. Онъ рассказывалъ о походѣ Александра Македонскаго въ Польшу, о хитрости одного мастера, изготовлявшаго оружіе, и о полномъ пораженіи войскъ Александра: *inermes a Polonis obruuntur et improvidi; initur proelium, argyaspida Lechitae signa proclamant*. Другое упоминаніе о лехитахъ хронистъ заимствовалъ будто бы изъ писемъ Александра къ Аристотелю, которые въ Средніе вѣка составляли очень распространенное (апокрифическое) произведеніе. Здѣсь Александръ будто бы сообщалъ своему учителю, что ведетъ успѣшныя дѣла среди лехитовъ (*nos apud Lechitas peramplicissime prosperari*). Такимъ образомъ, лехиты оказались синонимомъ поляковъ. Малополянинъ Винцентій не могъ не знать, что *лехи* составляютъ народное названіе поляковъ на Руси. Со времени Винцентія и вкралось въ польскую историографію это названіе, которое произвело такой сумбуръ въ толкованіи древнѣйшаго періода польской исторіи, вызвавъ „лехитскую“ теорію Шайнохи и ученіе Пекосинскаго о лехитахъ, переселенцахъ откуда-то изъ Азіи.

Винцентій находится до такой степени во власти своихъ классическихъ образцовъ, что для современныхъ ему народовъ и странъ старается сохранить повсюду классическую номенклатуру: пруссы превращаются у него въ пароянъ, датчане въ даковъ, поморяне въ *maritimi* и т. д. Польскія имена онъ латинизируетъ, выдумывая разныхъ *Casimirides*, *Boleslaides*, *Wlostides*, польскія отношенія описываетъ терминами, заимствованными изъ классической литературы и совершенно не соответствовавшими польской обстановкѣ: такъ во главѣ Польши, которая названа *respublica*, стоитъ *princeps*, около него *sacer separatus*, состоящій изъ *patres conscripti* или *primates*. Какъ справедливо отмѣчаетъ Цейсбергъ (143 стр.), изъ наименованій должностныхъ лицъ въ хроникѣ Винцентія „*fascis, prefecturae, tribunatus, consulare decus, consules, viri consulares*“ и т. под. нельзя извлечь никакого представленія о дѣйствительномъ содержаніи этихъ названій. А такими римскими терминами изъ разнообразнѣйшихъ областей государственной жизни Польши

¹⁾ *A. Matecki*, *Lechici w swietle historycznej krytyki*. Lwów 1897. *K. Potkański* *Lachowie i Lechici Rozprawy Ak. Um. filol.*, 1898, т. 27. Ср. также относительно „полонизаціи“ древнихъ историческихъ и географическихъ названій въ хроникѣ Винцентія *Gutschmid*. *Kritik der polnischen Urgeschichte des Vincencius Kadıubec*. *Archiv für Kunde d. oester. Geschichtsquellen*. 1857, т. 17.

кишитъ хроника ученаго магистра. Разумѣется, подобное стремленіе обнаружить по всякому поводу свою эрудицію сильно вредитъ достовѣрности и исторической цѣнности хроники Винцентія. Той добросовѣстности, какую обнаруживаетъ Галль въ пересказѣ легендъ о старомъ прошломъ Польши, у Винцентія нельзя найти, такъ какъ его главная задача заключается въ морализаторствѣ, въ подражаніи классическимъ образцамъ и въ перенесеніи ихъ стиля въ польско-латинскую литературу. Такъ, въ изложеніи легендарнаго періода Польши Винцентій придерживается Юстина, уснащая свой рассказъ разсужденіями, мало относящимися къ дѣлу. Во второй книгѣ своей хроники авторъ пользуется по преимуществу Галломъ, но въ третьей онъ уже выходитъ за предѣлы того, что сообщаетъ его предшественникъ, но самъ еще не является современникомъ описываемыхъ событій и долженъ пользоваться устными разсказами и кое какими документами. Дѣятельности и прославленію Казиміра Справедливаго посвящена четвертая книга. *Pius Casimirus*: таково пониманіе этого князя въ исторіи Винцентія.

Современная историческая критика относится отрицательно къ авторитету Кадлубка. Иначе судили Средніе вѣка, восхищаясь соразмѣрностью частей въ изложеніи Винцентія и умѣлой группировкой фактовъ въ его исторіи и не замѣчая безвкусоности, надутости его слога. По выраженію Цейсберга (*Poln. Geschichtschreib.* 74), въ литературномъ отношеніи самымъ значительнымъ явленіемъ у него оказывается умѣніе сгруппировать всѣ свои ученые знанія, чтобы самымъ прихотливымъ образомъ разукрасить ими свой рассказъ. Такія несовмѣстимыя вещи, какъ Юстинъ и библія, римское и каноническое право, латинскія поэмы и изреченія изъ Сенеки, всевозможные анекдоты и басни: все это годится для его цѣли. А при этомъ полное отсутствіе исторической критики, которое нисколько не бросалось въ глаза его современникамъ и многочисленнымъ поклонникамъ. Потомъ явились и подражатели и продолжатели. Одинъ изъ нихъ, *Dzirsza*, какъ онъ названъ въ спискѣ 15 вѣка, изложилъ рассказъ Винцентія въ связной формѣ и снабдилъ его продолженіемъ.

Только въ концѣ 14 вѣка появляется новый самостоятельный историкъ Польши, гнѣзненскій архидіаконъ Янъ изъ Чарнкова, которому принадлежатъ мемуары о событійхъ перваго междуцарствія послѣ смерти Казиміра Вели-

каго¹⁾). Авторъ стоялъ очень близко къ событіямъ, которыя онъ описываетъ: онъ хорошо зналъ дѣятельность короля Казимира и говоритъ о немъ съ большимъ чувствомъ; онъ присутствовалъ при послѣдней болѣзни короля и со словъ послѣдняго передавалъ упреки больного врачамъ, которые не уберегли короля въ дорогѣ. Авторъ исполнялъ и другія порученія Казимира и имѣлъ точныя свѣдѣнія объ его завѣщаніи, на соблюденіи котораго онъ же особенно горячо настаивалъ. Рассказывая далѣе о томъ, какъ неожиданно ослѣпъ гнѣзненскій архіепископъ Ярославъ, онъ влагаетъ въ уста этому послѣднему обращеніе къ автору хроники: „Archidiacone ecclesiae, nihil video“ или просто „Archidiacone“... Архидіакономъ Гнѣзненской церкви въ это время былъ Янъ изъ Чарнкова, подканцлеръ короля Казимира Великаго, человѣкъ, который, дѣйствительно, имѣлъ возможность знать о происходившемъ въ Польшѣ. Къ тому же къ моменту смерти короля это былъ человѣкъ уже пожилой, такъ какъ, повидимому, еще въ 1341 году онъ былъ однимъ изъ видныхъ дѣятелей польской церкви, а въ 1366 г. ѣздилъ въ Авиньонъ, къ папскому двору. Смерть Казимира Великаго измѣнила положеніе автора хроники; новая династія имѣла своихъ приверженцевъ, и Янъ былъ лишень званія подканцлера. О своихъ врагахъ, вызвавшихъ его политическое паденіе, онъ говоритъ пространно и гнѣвно. Но и враги не дремали: найденъ документъ, въ которомъ Янъ обвиняется въ цѣломъ рядѣ преступленій: напр., въ утайкѣ 16000 гривенъ, полученныхъ отъ краковскихъ евреевъ, въ содержаніи наложницы, даже въ такомъ „преступленіи“, какъ низкое происхожденіе, и т. д. Послѣ этого, т. е. съ 1371 года, Янъ уже изъ вторыхъ рукъ черпаетъ свои свѣдѣнія о придворной жизни, но въ качествѣ архидіакона продолжаетъ принимать дѣятельное участіе въ политической жизни страны, особенно въ духовныхъ дѣлахъ Великой Польши. Послѣднее событіе, о которомъ говоритъ Янъ, относится къ маю 1384 г.; послѣдующія, какъ прибытіе въ Польшу Ядвиги и ея коронація уже не описаны въ его хроникѣ, хотя онъ, вѣроятно, дожилъ до начала 1387 г. Рассказъ его обрывается такъ нелогично, на сравнительно мелкомъ событіи (осадѣ городка Бытыня), что этотъ конецъ

¹⁾ Мемуары изданы въ Monumenta Poloniae Historica II. Польскій переводъ ихъ съ вступленіемъ и примѣчаніями напечаталъ въ 1905 году Я. Жербило. „Kronika Jana z Czarnkowa, archidyakona Gnieźnieńskiego, Podkanclerzego Królestwa Polskiego (1370—1384). Przełożył z Jacińskiego, wstępem i przypisami uzupełnił J. Zerbiński“. Warszawa. 1905.

производить впечатлѣніе катастрофы, прервавшей нить изложенія. Но то, что сохранилось, представляет источникъ огромной важности: Янъ изъ Чарнкова единственный или почти единственный источникъ для цѣлаго періода послѣ смерти Казиміра, и позднѣйшіе историки были принуждены брать свои свѣдѣнія у него: дальше Яна не пошелъ въ изложеніи этихъ 14 лѣтъ (1370—84) и Длугошъ, который только пересказалъ найденное у предшественника. Прекрасный знатокъ современности, острый наблюдатель, Янъ изъ Чарнкова обладалъ еще даромъ простого и живого разсказа: его латинская проза неизмѣримо выше стила Винченція.

Авторъ хроники иногда впадаетъ въ тонъ дневника. Чувствуется въ немъ старикъ, который на покоѣ, уже въ сторонѣ отъ событій, еще съ удовольствіемъ вспоминаетъ о своей прошлой роли и любитъ поговорить о ней. Всякая подробность для него дорога: это не морализаторъ, который смѣшиваетъ достовѣрное съ вымышленнымъ, свое съ чужимъ, лишь-бы получился нравоучительный выводъ, это не монахъ-лѣтописецъ, посвятившій свое перо прославленію династіи. Это живой, страдающій или радующійся человекъ, настоящій предшественникъ гуманизма, для котораго, какъ для Петрарки, уже представляетъ громадный интересъ его собственная личность. Вотъ, напр., какъ описываетъ Янъ изъ Чарнкова извѣстный эпизодъ съ Гнѣзненскимъ архіепископомъ Ярославомъ. „Въ 1372 году, въ пятницу передъ Рождествомъ Христовымъ, я и другіе играли въ шахматы (*scaccos lusimus*) въ Жнейнѣ, а въ субботу утромъ, наканунѣ апостола Ѳомы, я отправился въ Гнѣзно для полученія сорока гривенъ грошей, которыя достопочтенный отецъ Ярославъ, архіепископъ Гнѣзненскій, одолжилъ мнѣ; а въ эту пору онъ еще видѣлъ вполне хорошо. Оттуда я проѣхалъ въ Познань и, устроивъ разныя дѣла, въ вигилію вигиліи (т. е. 23 дек.), въ часъ завтрака вернулся въ Жнейно. Тамъ я услышалъ кое отъ кого, что тотъ духовный отецъ ослѣпъ, но не повѣрилъ этому, пока въ тотъ же день не пріѣхалъ къ нему изъ (города) Жнейна и не вступилъ къ нему вмѣстѣ съ другими господами, чтобы пообѣдать съ нимъ. Онъ же, понявъ, что вхожу я и другіе, сказалъ мнѣ: „архидіаконъ, вотъ я ничего не вижу!“ Сокрушались мы надъ нимъ по поводу его внезапной слѣпоты, но еще болѣе сожалѣли церковь и себя самихъ. Когда же такъ ослѣпъ архіепископъ, который вслѣдствіе своей глубокой старости почти уже совсѣмъ потерялъ прирожденную

ему энергію, Николай изъ Кошутова, его родственникъ и настоятель въ Краковѣ, внушилъ съ помощью нѣкоторыхъ друзей господину архіепископу мысль, чтобы онъ уступилъ ему архіепископскій престоль. А тотъ, согласившись, далъ ему письменное утверженіе и нужныя грамоты. Однако, не получивъ согласія ни со стороны господина короля, ни со стороны Гнѣзненскаго капитула, онъ положился на свое счастье и пустился въ путь къ римской куріи. Узнавъ объ этомъ, Янушъ, сынъ Паска, Гнѣзненскій канторъ, созвалъ на совѣщаніе (*in capitulum*) нѣкоторыхъ господъ изъ прелатовъ и гнѣзненскихъ канониковъ и, посовѣтовавшись съ ними, во вторникъ послѣ воскресенія *Laetare* (9 марта 1372 г.), составилъ Капитульную грамоту (*litteras capituli*), чтобы помѣщать римской куріи совершить промоцію названнаго настоятеля. Съ этой грамотой и полномочіемъ, выданнымъ ему, онъ черезъ недѣлю самъ поѣхалъ къ римской куріи и, явившись туда послѣ праздника Пасхи, совершенно помѣшалъ промоціи названнаго настоятеля. Тѣмъ не менѣе, они оба оставались тамъ почти годъ, а затѣмъ настоятель вернулся во свояси, а названный канторъ въ 1373 г. въ день... мѣсяца августа отправился ко Христу вслѣдствіе огневицы (*a peste igniaria*), которая тогда свирѣпствовала въ куріи. А такъ какъ въ этомъ году и въ предшествующемъ нѣкоторые мазовшане, особенно Петрашъ, сынъ Кристина, воеводы плоцкаго, съ согласія, какъ онъ говорилъ, Земовита, князя Мазовецкаго, чинили въ Ловичскомъ округѣ много бѣдъ, грабежей и хищеній, то архіепископъ Ярославъ, не будучи въ состояніи склонить самого господина князя просьбами къ тому, чтобы онъ изволилъ удержать своихъ подданныхъ (*terrigenas*) отъ грабежей, наложилъ на всю Мазовецкую землю общій интердиктъ и не снялъ его до тѣхъ поръ, пока страшно встревоженные князь и подданные (*terrigenae*) не отдали ему и гнѣзненской его церкви въ возмѣщеніе убытковъ двѣ деревни А и В, которыя они предназначили въ вѣчное владѣніе этой церкви и въ достаточной мѣрѣ оградилъ (*robogarunt*) привиллегіями. Послѣ этого, въ тотъ же самый годъ, названный отецъ, мечтая объ удаленіи (на покой) съ архіепископства, рѣшилъ передать его достопочтенному мужу Янушу, доктору декретовъ, декану Краковскому и канонику Гнѣзненскому. Указанный же выше деканъ, получивъ отъ господина Ярослава архіепископа грамоту объ отставкѣ (*mandatum cedendi*), отправилъ къ господину Григорію папѣ IX господина Домарата

воина и Яранда, каноника Гнѣзненскаго, съ полномочіемъ и грамотой о назначеніи (*litterae promotoriae*), выданной королемъ Венгрии и Польши. Но, прибывъ туда, они ничего не добились особенно потому, что господинъ король Людовикъ, измѣнивъ свою волю и отправивъ господину папѣ письма въ совершенно иномъ духѣ, помѣшалъ дѣлу, отчасти же и потому, что онъ не имѣлъ согласія Гнѣзненскаго капитула. Такъ какъ они вернулись съ пустыми руками, то упомянутый господинъ деканъ, опять раздобывъ грамоты отъ господина короля и королевы, а также отъ Карла, императора Римскаго и короля Чешскаго и отъ капитула Гнѣзненскаго, въ 1374 году около дня Богоявленія лично отправился къ римской куріи. Названный же господинъ папа Григорій, благодаря поддержкѣ кардинала Гвилельма, двоюроднаго брата названнаго папы, далъ ему епископство и велѣлъ поставить его въ архіепископы въ воскресенье „*Misericordia domini*“. А такъ какъ тотъ сейчасъ же послѣ посвященія своего спѣшилъ домой, то онъ разстался съ куріей, особенно торопясь вслѣдствіе чумы, которая тогда свирѣпствовала въ городѣ Авиньонѣ, и въ третій день мѣсяца іюля вернулся въ Гнѣзно, и на слѣдующій день, въ воскресенье, совершилъ мессу. И на ней присутствовали отецъ епископъ Познанскій и многіе другіе знатные люди, въ каковой день и во всѣ другіе дни до среды непрерывно лилъ дождь. Господинъ же Ярославъ, прежній архіепископъ, сохранялъ всѣ доходы съ Поморья и замокъ Опатовъ съ прилегающими деревнями и десятины въ Калишскомъ округѣ для своего содержанія, каковое сохраненіе утвердилъ апостольскій престоль, разрѣшивъ ему пользоваться этими доходами. Онъ же вскорѣ переселился въ монастырь Ландскій, въ каковомъ монастырѣ провель почти два года, не принимая вмѣстѣ со своими приближенными (*cum sua familia*) устава и не принося орденской присяги“.

Изъ этой главы, которая представляетъ законченный рассказъ, видно, какой драгоценный источникъ для изученія быта конца 14 вѣка, представляетъ хроника Яна. Это отличный рассказчикъ, умѣющий передать безъ ненужныхъ отклоненій суть дѣла и изложить событіе наглядно и точно. Онъ знаетъ всѣ подробности того, о чемъ рассказываетъ, отлично понимаетъ соотношенія силъ въ его время. Отъ наивной безсвязности Галла, который остается въ плѣну у своихъ источниковъ, или высокопарной безсодержательности Винцентія, для котораго слово— все, особенно

выгодно отличается этот историк 14 вѣка, который свободно господствует надъ своимъ матеріаломъ. Янъ изъ Чарнкова продуктъ того расцвѣта Средневѣковой культуры въ Польшѣ, которой ознаменовалъ царствованіе Казимира Великаго. Изъ той картины общественныхъ отношеній, которая выступаетъ въ его рассказѣ, виденъ высокій уровень цивилизаціи и рыцарской этики. Такъ напр., князь Владиславъ Бѣлый, одинъ изъ типичныхъ Средневѣковыхъ авантюристовъ, неожиданно въ четверомъ захватилъ вооруженный замокъ, но, разумѣется долженъ былъ удалиться. Однако, „выходя изъ замка, князь потребовалъ, чтобы Бартошъ (королевскій воевода) помѣрялся съ нимъ копьемъ, и тотъ согласился, и вотъ, разогнавъ коней, князь со своимъ копьемъ стремительно бросился на Бартоша, а Бартошъ на князя, и князь получилъ отъ Бартоша въ правое плечо довольно тяжелую рану“. Характерныхъ чертъ быта, нравовъ, міросозерцанія разбросано въ хроникѣ Яна множество: Людвикъ Венгерскій требуетъ, чтобы паны присягнули на вѣрность его дочерямъ, и историкъ вскользь бросаетъ замѣчаніе: *Poloni—satis pudorose feminas sibi regnare praestiterunt* (поляки полагали, что довольно стыдно, чтобы надъ ними царствовали женщины). Николая, настоятеля одной краковской церкви, выбрали въ епископы Познанскіе, но архіепископъ Іоаннъ не хотѣлъ утвердить этого выбора вслѣдствіе какихъ-то несогласій съ Николаемъ. Тогда тотъ самовольно отправился въ Авиньонъ, несмотря на противодѣйствіе короля и другихъ лицъ, и добился отъ папы поставленія въ епископы. О шляхетскихъ сѣздахъ, зародышахъ позднѣйшаго парламентаризма, и объ украшеніи краковскихъ церквей роскошными оловяниными бляхами, и о сварахъ между духовенствомъ, и о судьбахъ Пястовичей, которые старались возстановить свою династію на престолѣ, и обо многомъ другомъ Янъ изъ Чарнкова рассказываетъ спокойно и обстоятельно, какъ совершенно освѣдомленный чело-вѣкъ. Въ бытовомъ отношеніи его хроника еще не вполне изучена, но она представляетъ цѣлую картинную галерею. Какъ писатель, Янъ стоитъ очень высоко.

Говоря о Средневѣковой исторіографіи въ Польшѣ, нельзя миновать лѣтописи, тѣ коротенькія погодныя записи, которыя велись при разныхъ церквахъ и монастыряхъ и пришли въ Польшу съ Запада уже въ старую пору, вѣроятно вскорѣ послѣ ея крещенія. Древнѣйшія польскія лѣтописи, разумѣется, на латинскомъ языкѣ, велись при Краковскомъ кафедральномъ

соборѣ; подобно русской первоначальной лѣтописи, онѣ сохранились только въ качествѣ общей основной части въ позднѣйшихъ спискахъ. Какъ полагаетъ Цейсбергъ, эти „*Annales Cracovienses vetusti*“ охватывали время съ 948 по 1122 годъ. Въ архивѣ Краковскаго капитула сохранилась рукопись, которая содержитъ въ себѣ некрологъ, старую Краковскую лѣтопись (*Annales capituli Cracoviensis*) и еще одну лѣтописную запись, всего эта рукопись насчитываетъ 60 листовъ, изъ которыхъ 34 заняты календаремъ. Въ этомъ послѣднемъ отмѣчены дни смерти польскихъ князей и королей, прелатовъ и другихъ видныхъ лицъ, а также и другія важнѣйшія событія. Послѣ этого календаря-некролога идутъ стихи, заключающія указанія, какъ находить точное время пасхи, эпакты и т. п. По различнымъ даннымъ можно предположить, что эта рукопись была закончена въ 1254 году, но оригиналъ ея относится къ болѣе древнему времени. Въ 1251 году, когда былъ поднятъ вопросъ о канонизаціи Станислава, папа Иннокентій IV предписалъ внимательно изучить *librum cronicorum, ad capitulum pertinens, ex archivo ducis Poloniae editum*. Самый *Rocznik* (отъ рок—годъ) краковскаго капитула, предназначенный, какъ указалъ Бѣлевскій (*Monum. Pol. II. 781*), для указанной папой цѣли, былъ составленъ „изъ многихъ частицъ, которыя нѣкогда представляли каждая нѣчто самостоятельное“. Этому рочнику предшествовалъ прологъ, затѣмъ извлечение изъ *Libri etymologiarum* Исидора Севильскаго. Далѣе слѣдуютъ *Aetates mundi*, перечисленіе событій отъ Адама до смерти императора Гераклія. Отъ 730 года, отъ смерти Беды, начинается погодная запись, при чемъ годъ стоитъ впереди событія и не при всякомъ годѣ указано происшедшее въ немъ. Съ 965 г. начинаются записи изъ польской исторіи, которыя лежатъ въ основаніи и другихъ рочниковъ, краткаго (*Cracoviae brevior Cronica*, событія 965—1135 г.) и великопольскаго (730—1190 г.). Эти записи имѣютъ такой характеръ: 965. *Dubrouka ad Mesconem venit*. 966. *Mesko dux Poloniae baptizatur*. 968. *Junior Otto per Leonem papam cum patre suo coronatur*. 969. *Willihalmus archiepiscopus obiit, Hatto successit*. 970. *Hatto archiepiscopus obiit, cui Robertus successit*. И такъ до 1003 года никакихъ указаній на Польшу. Подъ 1103 г. *Heremite in Polonia martirizati sunt*. 1009. *Bruno episcopus martirizatus est*. 1012. *Hermanus dux obiit*. 1015. *Wladimir dux Ruthenorum obiit*. 1016. *Kazimirus dux natus est 8 Kalendas Augusti, luna 16*. 1017. *Her-*

manus dux obiit (второй разъ). До 1079 г. все такія же краткія записи о смерти разныхъ лицъ или о рожденіи ихъ (1069. Mesko natus est, filius Volezlai). Только подъ 1079 годомъ помѣщены болѣе пространныя свѣдѣнія о кончинѣ св. Станислава, представляющія сокращеніе его житія. Послѣ этого опять идутъ краткія записи, но всѣ свѣдѣнія, не касающіяся непосредственно Польши, изъ нихъ уже выпадаютъ: очевидно, въ рукахъ составителя имѣлись продолженія нѣмецкихъ лѣтописей, составленныя въ Польшѣ. Кромѣ краткихъ указаній на годы рожденія и смерти выдающихся людей, все чаще встрѣчаются свѣдѣнія изъ общей исторіи государства: 1125. Craco combustum est, 1135. Wisliza cede destruitur 5 Jdus Februarii, 1200. Mesco edificat Borun и т. п. Съ начала 13 вѣка становятся все болѣе обычными довольно пространныя извѣстія о жизни государства.

Въ 14 вѣкѣ извѣстенъ составитель первоначальнаго свода польскихъ лѣтописей, доведеннаго до 1340 г. Это *Thratka* (вариантъ *Thrasca*), именемъ котораго заканчиваются двѣ рукописи (1340 г. и другая): *Thratka eciam fuit ibidem* (въ походѣ Казимира Великаго въ 1340 г.). Кромѣ указанныхъ лѣтописей, въ польской исторіографіи извѣстенъ еще цѣлый рядъ лѣтописныхъ записей: это *Annales Lubinenses*, *Annales Kamenzenses*, познанскія, гнѣзненскія, свентокшижскія и другія лѣтописи. Но по своему историческому и историко-литературному значенію польская лѣтопись, несомнѣнно, уступаетъ хроникамъ. Такой живой, проникнутой опредѣленнымъ національнымъ настроеніемъ, какъ первоначальная русская лѣтопись, польская средневѣковая литература не имѣла.

Г л а в а V.

Польскія глоссы. Польская церковная книжность и польская литература въ Средніе вѣка.

Въ древненѣмецкой письменности глоссы, т. е. слова на народномъ языкѣ, вставляемая въ латинской рукописи первоначально надъ непонятнымъ латинскимъ словомъ (потомъ при перепискѣ памятника они нерѣдко попадали и въ сплошной текстъ), восходятъ уже къ концу перваго тысячелѣтія. Писателю первой половины 9 вѣка, Храбану, принадлежатъ и собранія нѣмецкихъ глоссъ, и обработка латинско-нѣмецкаго словаря

къ Библии. Но въ это время въ отдѣльныхъ пунктахъ нѣмецкой образованности, въ Фрейзингенѣ и въ монастырѣ св. Эмерама, уже умѣли писать на хорошемъ нѣмецкомъ языкѣ (*ein geschaffenes deutsch zu schreiben*, какъ выражается Мюлленгофъ). Въ Баваріи и первая національная литература, и обычай снабжать латинскія рукописи нѣмецкими глоссами достигли наибольшаго развитія въ 9 вѣкѣ, тогда какъ въ 10 и въ началѣ 11-го эта литературная дѣятельность перешла главнымъ образомъ въ Алеманнію. Но развитіе ея совершалось непрерывно то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ германскаго народа и привело уже въ 12 вѣкѣ къ расцвѣту національной литературы¹⁾. Сравнительно рано возникаютъ и чешскія глоссы. Около 1200 г. латинская *Mater verborum*, проникнувъ въ Чехію изъ Германіи, была снабжена нѣмецкими и чешскими глоссами: въ 13 в. эта рукопись была переписана и 12 старыхъ глоссъ вошли въ текстъ, къ нимъ присоединили наверху между строкъ еще 42 глоссы, и нѣсколько позже еще около 300. Къ этому же времени относятся чешскія глоссы въ Опатовицкомъ сборникѣ гомилій и кое-какія чешскія приписки въ другихъ латинскихъ рукописяхъ 13 в.²⁾ Такимъ образомъ, въ Польшу рано могъ проникнуть изъ странъ, которыя по преимуществу оказывали на нее культурное вліяніе, обычай снабжать рукописи глоссами. Однако этого не случилось. Національная струя пробивалась въ старопольской письменности слишкомъ слабо, чтобы у книжнообразованныхъ людей была потребность прибѣгать къ народной рѣчи. Напротивъ, еще у анонима Галла чувствуется кое-какая связь съ польской рѣчью, и онъ объясняетъ, что Гнѣздо (Гнѣзно) есть латинское *nidus*, вставляетъ польское слово *cebry (cebri)* и т. д. Но за сто лѣтъ, отдѣляющія Галла отъ Винцентія, пропасть между національной жизнью и польсколатинской письменностью разверзлась еще шире, и Винцентій пишетъ уже на такомъ головоломномъ латинскомъ языкѣ, что для его пониманія нужно было отлично знать латынь, между тѣмъ его хроника сдѣлалась рано школьнымъ руководствомъ для изученія латинскаго языка. Съ другой же стороны, и это латинское образование

¹⁾ О Храбанѣ см. вышеназванное сочиненіе Эберта II. 127. О развитіи нѣмецкой глоссировки см. предисловіе Мюлленгофа къ I тому его изданія „Denkmäler deutscher Poesie und Prosa aus dem VIII—XII Jahrhundert“ (3-е изд. 1892). Собраны нѣмецкія глоссы въ изданіи: „Die althochdeutschen Glossen gesammelt und bearbeitet von Steinmeyer und Sievers“. 1879.

²⁾ *Ad. Patera i A. Baum* Ceské glossy a miniatury v *Mater Verborum*. *Časop. Česk. Mus.* 1877. *Ad. Patera*. Glossy homiliáře Opatovického. *Časop. Česk. Mus.* 1880. *J. Jakubec*. Dějiny literatury české. 1911.

въ теченіе долгаго времени было распространено не настолько широко, чтобы демократизироваться и вступить въ ближайшее единеніе съ народной рѣчью. Повидимому, и въ этомъ отношеніи крупное измѣненіе внесло только въ концѣ 14 в. основаніе Краковскаго университета. Съ этого времени, говоритъ Длугошъ въ своемъ *Liber beneficiorum*, „начались проповѣди ученыхъ людей не только въ городахъ и замкахъ, но и въ деревняхъ, вслѣдствіе умноженія книгъ и знаній“. Такимъ образомъ, только съ 14 вѣка польско-латинская книжность вступила на путь болѣе близкаго общенія съ народомъ. До 14 вѣка едва-ли была потребность глоссировать рукописи. Сохранилось, однако, значительное число польскихъ мѣстныхъ и личныхъ именъ въ документахъ и болѣе ранней эпохи. Первымъ изъ нихъ, нынѣ извѣстнымъ, является папская булла 1136 года, содержащая свыше 400 именъ; затѣмъ съ начала 13 вѣка такихъ документовъ становится все больше¹⁾.

Въ 14 вѣкѣ латинскихъ рукописей съ польскими глоссами однако еще очень мало²⁾: онѣ представляютъ единичныя явленія. Нерингъ упоминаетъ всего объ одной рукописи 14 вѣка, гдѣ текстъ латинскихъ проповѣдей снабженъ изрѣдка глоссами. Брюкнеръ нашелъ небольшой списокъ польскихъ названій растеній, восходящій къ началу 14 в. (*Archiv für slav. Phil.* X. 414). Такъ рѣдки были эти глоссы въ 14 в. I. Корженевскій нашелъ въ одной рукописи имп. публичной библиотеки 14 в. четыре польскія фамиліи. Подъ глоссами же въ юридическихъ памятникахъ (*Digestum vetus seu Pandecta cum glossis, Digesti veteris lib. I—IX cum glossis* и т. д.) въ рукописяхъ 14 вѣка подражуются, конечно, толкованія юристовъ иа римское право, вышедшія изъ школы итальянскихъ юристовъ. Такимъ образомъ, въ 14 вѣкѣ польскія глоссы являются вообще рѣдкимъ явленіемъ и служатъ тамъ, гдѣ они записаны, опредѣленнымъ

¹⁾ *I. Rozwadowski*. Bulla z r. 1136, jako najstarszy zabytek języka polskiego. Materiały i prace komisji językowej Akad. Um. 1909. т. 4 (здѣсь приведена и литература предмета). Булла издана въ „*Monumenta Poloniae palaeographica*“ (edidit St. Krzyżanowski. I. Cracoviae. 1907).

²⁾ О польскихъ глоссахъ см. *Nehring* *Altpolnische Sprachdenkmäler*. Berlin 1887. См. матеріалъ глоссъ (преимущественно 15 в.) въ журналѣ *Prace filologiczne* и названныя выше статьи проф. Брюкнера о средневѣковой латинской литературѣ въ Польшѣ, особенно *Rozprawy filol.* т. 22 (1895), стр. 1—6. Того же автора *Przyczynki do dziejów języka polskiego*. *Rozprawy filol.* т. 47 (1910) и *Średniowieczne słownictwo polskie*. *Prace filologiczne*. т. V. 1895; далѣе, разсмотрѣвъ матеріалъ глоссъ проф. Брюкнеромъ въ его извѣстной книгѣ „*Dzieje języka polskiego*“. Ср. также статьи Л. Малиновскаго въ разныхъ томахъ *Rozpraw Ak. um.*, wyd. fil.

практическимъ цѣлямъ: такъ, на примѣръ, было необходимо въ юридическихъ памятникахъ передать тотъ или другой польскій юридическій терминъ. Точно также въ свидѣтельскихъ показаніяхъ или въ извѣстныхъ судебныхъ формулахъ приходилось по неволѣ демократизировать латинскую рѣчь актовъ, прибѣгая къ отдѣльнымъ польскимъ выраженіямъ или цѣлымъ вставкамъ. Такъ, въ свидѣтельскихъ записяхъ, восходящихъ къ 1386 году, встрѣчаются цѣлыя фразы, въ родѣ: *tey yest wol obrzeczil swansek za pana Maczka, pobral Zytz moczq i tesz samborowz prawz, jakom prziteimbil* (формула: „такъ какъ я при этомъ былъ“) и т. п. Въ концѣ 14 вѣка формулы присяги уже изобилуютъ польскими вставками, въ родѣ: *bilesm przitem u widzal* (я при этомъ былъ и видѣлъ, опредѣленная формула показаній), или показаніями: *obwazala sije dlugu zidowskiego* (обязалась долгомъ передъ евреемъ), *dziedzina iest dzeczi* (наслѣдство есть дѣтей), *kedi zapissz zapisowano* (когда составлялась запись) и мн. др.¹⁾ Одна изъ такихъ формулъ польскаго лавника сохранилась въ рукописи 14 вѣка. Въ переводѣ она гласитъ: „Я присягаю Богу, нашему милостивому королю и тому закону, къ вершенію котораго я призванъ, что я этому судѣ, согласно закону, буду послушенъ и буду выносить справедливые приговоры (*ortel znaczcze*) людямъ богатымъ и бѣднымъ, и этотъ клятвенный столикъ (*przyschensnyczu stolecz*) буду защищать по нѣмецкому праву, какъ найду самымъ справедливымъ, какъ могу и какъ могу добиться послушанія (*folga tyecz mogq*), и ни за что не оставлю его. И такъ да поможетъ мнѣ Богъ, въ Троицѣ Единый“. Тѣ сборники приговоровъ по нѣмецкому праву, которые были извѣстны подъ названіемъ Магдебургскихъ приговоровъ, такъ какъ въ Магдебургѣ находилась высшая инстанція для польскихъ городовъ, судившихся по нѣмецкому праву, были распространены въ Польшѣ, конечно, въ 14 вѣкѣ, но только

1) *Nehring* loc. cit. 151—157. *W. Maciejowski*. *Pamiętniki o dziejach, piśmiennictwie i prawodawstwie słowian*. 1839, t. II, 331—352. *Rom. Hube*. *Roty przysiąg krakowskich z końca wieku XIV*. Bibliot. Warsz. 1874 t. IV (за годы 1397—1399). О графизмѣ и вокализмѣ этихъ присягъ *Hanusz*. *Sprawozdanie Komis. język. Krak. Akad. V. B. Ulanowski*. *Roty przysiąg krakowskich z lat. 1369—1418*. *Sprawozd kom. język. III* 185—197 (ко времени 1399—1400 г. относится 55 присягъ изъ 96). *Rom. Hube* *Zbiór rot przysiąg sądowych poznańskich kościarnskich, kaliskich, sieradzkich, piotrkowskich i dobrzyszyckich z końca wieku XIV i pierwszych lat wieku XV*. Warszawa. 1888. *Helcel*. *Starodawne prawa polskiego pomniki*. II. Остальную литературу и образцы формулъ см. въ изданіи *Адама и Мирослава Крынскихъ*. *Zabytki języka staropolskiego*. Вып. I. Warszawa. 1909.

подъ конецъ этого столѣтія образовался кодексъ, который былъ переведенъ на польскій языкъ подъ названіемъ *Ortyle Magdeburskie* въ первой половинѣ 15 вѣка.

Что касается глоссъ 15 вѣка, то количество рукописей, въ которыхъ онѣ сохранились, достигаетъ нѣсколькихъ сотъ (*Brückner*). Раздѣляются эти рукописи на двѣ группы: одна охватываетъ проповѣдническую литературу, гдѣ глоссы были нужны для практическихъ цѣлей. Въ 15 в. проповѣди уже произносились часто по польски и только записывались по латински, а глоссы избавляли отъ необходимости подбирать на самой каѳедрѣ нужныя слова; другая группа обнимаетъ памятники свѣтской и религіозной поэзіи, изрѣдка и прозаическіе. „Польское глоссованіе, говоритъ проф. Брюкнеръ, выросло и утвердилось на латинскомъ. Въ 15 вѣкѣ, когда школъ было много, а руководство мало, особенно словарей, учитель при объясненіи текста, или толкуя его устно (*dictando*), или давая его списывать, присоединялъ къ менѣ извѣстнымъ словамъ переводъ, къ хорошо извѣстнымъ синонимы; поэтому, надъ самыми обыкновенными словами, какъ напр. *tempus*, *ignis*, надъ обыкновенными союзами, въ родѣ *ac*, *atque*, мы находимъ глоссы: *Nota*, *bellum* и т. д. Здѣсь наконецъ было обращено вниманіе и на родной языкъ; въ школѣ ему не учили, но все-таки приходилось спрашивать, какъ можно перевести то или другое *in lingua vulgari*, *vulgariter*: какъ будто предчувствовали, что когда-нибудь и этотъ языкъ добьется такой чести, что на немъ будетъ литература; такъ сказать, старались собрать матеріаль для будущаго, создать словарь этого языка; это была своего рода умственная гимнастика; ходячія слова, въ родѣ названій растений, животныхъ и т. п., оставляли безъ вниманія; главнымъ образомъ, старались передать труднѣйшія слова, отвлеченныя понятія. Такимъ образомъ эти глоссы представляютъ первыя попытки созданія литературнаго языка, часто неудачныя, всегда нерѣшительныя попытки. Мы постоянно видимъ, какъ одно и то же слово въ томъ же самомъ значеніи одинъ разъ объясняютъ такъ, другой разъ иначе, какъ плохо соотвѣтствуетъ польское слово латинскому, какъ рабски польскій языкъ подражаетъ латинскому, и какъ этотъ буквальный переводъ уничтожаетъ смыслъ. Когда не хватаетъ польскихъ словъ, выковывается новое; въ 19 вѣкѣ не рѣдко вышучивали эту манію, безъ которой, однако, ни одинъ языкъ не обойдется; 15 вѣкъ не былъ слишкомъ разборчивъ и обогащалъ языкъ,

какъ могъ. Такъ, напр., попадалось въ латинскомъ текстѣ слово *cyclopes*, глосса объясняла его черезъ *fabri infernales* и переводила, совсѣмъ не удачно, черезъ *otchłannicy* (отъ *otchłań* — бездна, пропасть), хотя это слово могло служить для обозначенія и другихъ подземныхъ духовъ; или для *politor* (тотъ, который погрѣбаетъ тѣла) образуется слово *pogrzebca*, для *captor* — *otejmacz* и т. д.; сложныя слова передаются противно духу языка сложными, и такъ образуются *nocnobiegajęcy* для *noctivagus*, *skarborodzicielka* для *thesaurigena* и т. д. Къ одному латинскому слову дается точно на выборъ нѣсколько польскихъ: напр., *procella* — *potop albo wir albo nawalność morska, dirigit arma* — *rozpuszcza pokłada wzwira (broń)* и т. п.... Не слѣдуетъ, однако, думать, что глоссаторы приступали къ своей работѣ совершенно самостоятельно; и здѣсь, какъ въ каждомъ проявленіи умственной дѣятельности Среднихъ вѣковъ, пробивается традиція, какая-то духовная связь, школа: многіе термины повторяются постоянно, у самыхъ различныхъ глоссаторовъ: напр., для *substancia* — *podstata* и т. д.“.

Перейдемъ къ древнѣйшимъ памятникамъ польской церковной письменности. Священное писаніе было переведено на польскій языкъ поздно. Раньше всего духовенство почувствовало потребность имѣть на народномъ языкѣ Псалтырь, такъ какъ въ жизни средневѣковаго читателя именно эта книга имѣла особенно важное значеніе: съ Псалтыремъ справлялись въ трудныхъ случаяхъ жизни, по нему гадали, изъ него черпали всяческія наставленія. Поэтому въ средневѣковыхъ литературахъ Псалтырь раньше, чѣмъ другія книги св. Писанія, переводится на національные языки. Въ Польшѣ первый переводъ Псалтыря на польскій языкъ относится, по мнѣнію Брюкнера (*Bibliot. Warsz.* 1902, мартъ), къ концу 13 вѣка и былъ сдѣланъ для королевы Кинги. Списки съ этой редакціи представляютъ древнѣйшіе, сохранившіеся польскіе Псалтыри: флоріанскій, поднесенный, какъ полагаетъ тотъ же изслѣдователь, нѣмецкими мѣщанами въ Краковѣ королевѣ Ядвига, дочери венгерскаго короля Людовика Анжу, и Пулавскій. Флоріанскій Псалтырь, относящійся такимъ образомъ къ 14 вѣку, былъ написанъ на трехъ языкахъ: подъ латинской строчкой шла польская и подъ нею нѣмецкая. Псалмамъ предшествовали два пролога, представляющіе по сравненію съ переводомъ псалмовъ новѣйшую часть книги: одинъ изъ этихъ „прологовъ“ былъ переведенъ изъ сочиненія писателя 14 вѣка, Людольфа

Саксонскаго: „Объясненіе Псалтыря“. Кромѣ пролога и псалмовъ, та древняя редакція, къ которой восходятъ оба древнѣйшіе списка польскихъ псалмовъ, содержала еще церковныя пѣснопѣнія и символъ вѣры. Текстъ перевода мало по малу измѣнялся въ теченіе вѣковъ, соотвѣтственно развитію литературнаго языка, но до печатной редакціи 1532 года онъ оставался по существу тѣмъ же самымъ. Въ рукописяхъ онъ имѣеть широкое распространеніе, найдя себѣ мѣсто и въ молитвенникахъ. Про другія книги Ветхаго Завѣта нельзя сказать этого: онѣ представляли меньше интереса для обыкновеннаго читателя. Однако, въ срединѣ 15 вѣка для королевы Софіи, послѣдней жены Ягеллы, былъ сдѣланъ переводъ Библии, который находился подъ сильнымъ вліяніемъ чешскаго текста ¹⁾. Чешскія Библии, уже не рѣдкія въ 15 вѣкѣ, имѣли извѣстное распространеніе и въ Польшѣ. Этотъ текстъ былъ положенъ въ основаніе первой печатной Библии, вышедшей въ 1561 году. Длугошъ перечисляетъ въ числѣ книгъ, которыя имѣлись на польскомъ языкѣ въ библіотекѣ Ядвиги, и Ветхій и Новый Завѣтъ. Отрывки евангельскихъ чтеній въ 15 вѣкѣ встрѣчаются довольно часто, такъ что въ настоящее время опредѣлить, когда именно былъ совершенъ переводъ отдѣльныхъ частей Евангелія и Ветхаго Завѣта на польскій языкъ, едва ли возможно. Во всякомъ случаѣ, раньше 14 вѣка объ этомъ, кажется, не можетъ быть и рѣчи. Очень поздно встрѣчаются и польскіе молитвенники. Латинскихъ же сохранилось много. Въ рукописяхъ попадаются отдѣльныя польскія молитвы, начиная съ 14 вѣка. Въ латинской рукописи 1375 года *Compendium theoloyce veritatis beati Thome de Aquino* найдены польскіе тексты Символа вѣры, молитвы Отче Нашъ и обращенія къ Божіей Матери: *Zdrowaś Marya, miłości pełna* и т. д. Къ 14 же вѣку относятся древнѣйшіе польскіе тексты десяти Заповѣдей ²⁾.

Первый извѣстный сборникъ польскихъ молитвъ относится къ концу 15 вѣка. Это такъ наз. Молитвенникъ Навойки, какъ звали какую-то женщину, имя которой пять разъ повторяется въ этой книжечкѣ. Навойка—это ласкательное

¹⁾ Объ этихъ памятникахъ, которые относятся болѣе къ исторіи языка, чѣмъ къ исторіи литературы, см названное выше собраніе А. и М. Крынскихъ, гдѣ приведены образцы и литература предмета.

²⁾ *Jan Bystron* Rozbiór porównawczy znanych dotąd najdawniejszych (z w. XIV i XV) tekstów modlitwy pańskiej, pozdrowienia anielskiego, składu apostołskiego i dziesięciorga przykazania. Prace filologiczne t. I 1885.

имя вмѣсто Наталіи. Въ молитвенникѣ стоитъ на первомъ мѣстѣ молитва, обращенная къ Божьей Матери; затѣмъ идутъ молитвы, связанныя съ богослуженіемъ: „когда подносятъ Божье истинное тѣло“, „передъ принятіемъ Божьяго тѣла“ и т. д. Встрѣчаются и риёмованныя молитвы. Въ томъ же родѣ и другіе старопольскіе молитвенники, которые относятся уже къ 16 вѣку. Къ числу древнѣйшихъ памятниковъ польской письменности принадлежатъ проповѣди, которыя иногда записываются на польскомъ языкѣ уже въ 14 вѣкѣ. Конечно, и эти польскія проповѣди составляютъ совершенно исключительныя явленія, такъ какъ и въ 15 вѣкѣ проповѣдь писалась почти всегда на латинскомъ языкѣ, хотя уже нерѣдко произносилась по польски. Для облегченія произнесенія ея, какъ мы уже видѣли выше, имѣлось такое пособіе, какъ глоссы. Однако, никакъ не позже, чѣмъ къ 14-ому вѣку, относится древнѣйшій изъ извѣстныхъ пока сборниковъ проповѣдей, найденный въ Импер. Публичн. Библиотекѣ Брюкнеромъ. Это нѣсколько пергаментныхъ листковъ, которые были разрѣзаны на полоски для того, чтобы обвить ими шнуръ въ переплетѣ книги 15 вѣка. Эта книга была собственностью монаховъ изъ бенедиктинскаго монастыря св. Креста на Лысой горѣ. Поэтому и проповѣди названы Свентокжишскими и подъ этимъ названіемъ изданы впервые счастливымъ ихъ находчикомъ. Сборникъ, отъ котораго сохранилось четыре страницы, содержалъ проповѣди на дни разныхъ святыхъ, изложенныя чрезвычайно сжато, сухо и во вкусѣ схоластическаго подраздѣленія темы. Языкъ этихъ проповѣдей ясенъ, простъ и указываетъ уже на извѣстную выработку, кое-гдѣ и здѣсь встрѣчаются риёмованные стихи. Когда проповѣдникъ прибѣгаетъ къ примѣрамъ, онъ черпаетъ ихъ не изъ апокрифическихъ разсказовъ или сборниковъ легендъ, но изъ св. Писанія.

Въ 14 вѣкѣ какой-то великопольскій доминиканъ составилъ изъ латинскихъ и польскихъ проповѣдей цѣлый сборникъ, извѣстный подъ именемъ Гнѣзненскихъ проповѣдей¹⁾. Онъ состоитъ изъ 100 съ лишнимъ латинскихъ проповѣдей и всего 10 польскихъ. Характеръ этихъ послѣднихъ иной, чѣмъ въ свентокжишскихъ проповѣдяхъ: авторъ ихъ излагаетъ свою тему пространно, вставляя легендарные разсказы, апокрифы, поученія. Къ 15 же вѣку восходятъ отрывки проповѣди въдень всѣхъ святыхъ, изданные Л. Малиновскимъ (Rozprawu. 1895) и кое-какіе другіе

¹⁾ Литература приведена въ названномъ выше изданіи А. и М. Крынскихъ.

отрывки. Весь этот материал, польские псалтыри, молитвенники, переводы св. Писания и слѣдующія латинскимъ образцамъ проповѣди, представляетъ интересъ по преимуществу лингвистической. Для исторіи польской литературы онъ даетъ лишь косвенное указаніе на то, какъ поздно польскій языкъ проникъ въ церковную литературу. И то его проникновеніе было въ значительной мѣрѣ облегчено чешскими вліяніями. Въ Чехіи въ концѣ 14 вѣка происходило сильное національное движеніе, которое привело въ своемъ развитіи въ началѣ 15 столѣтія къ народной проповѣди Гуса и къ гуситскому движенію. И при тѣхъ живыхъ связяхъ, которыя соединяли въ это время Польшу съ Чехіей, было естественно, что національно-чешская струя въ литературѣ перешла и въ Польшу. На многихъ памятникахъ польской письменности 15 вѣка отражается въ большей или меньшей мѣрѣ чешское вліяніе, а нѣкоторые оказываются просто переводами съ чешскихъ оригиналовъ. Чехизмовъ много въ молитвенникѣ Навойки¹⁾, въ библии королевы Софіи, въ древне-польскихъ канціоналахъ, въ легендахъ о святыхъ и т. под. Особенно сильно это чешское литературное вліяніе отражается на памятникахъ старо-польской письменности, которые восходятъ или къ концу 14 вѣка, или къ первой половинѣ 15 вѣка. Когда съ паденіемъ чешской партіи среди революціонно-настроенной шляхты прекращается и вторженіе гуситскаго вліянія въ Польшу, когда, вообще, начинаютъ относиться осторожно, съ оглядкой къ тому, что идетъ изъ Чехіи, и литературное вліяніе чешской письменности становится болѣе рѣдкимъ и наконецъ только исключительнымъ явленіемъ. Въ проповѣдяхъ Гнѣзненскаго сборника издатель его, проф. Нерингъ (*Rozprawy, filol.*, t. 25. 1897), не указываетъ никакихъ чехизмовъ, хотя оригиналъ этого памятника восходитъ также къ 14 вѣку. Нѣтъ ихъ и въ другомъ древнѣйшемъ сборникѣ польскихъ проповѣдей, свентокшижскихъ проповѣдяхъ. Зато чехизмы очень обычны въ религиозныхъ пѣсняхъ, предназначавшихся для пѣнія. Переводить такія пѣсни на поль-

¹⁾ Fr. Krček. *Modlitewnik Nawojki. Studium językowe. Rozprawy, filol.*, t. 23 (1894). Проф. Брюкнеръ считаетъ мнѣніе Крчека преувеличеннымъ, но едва-ли онъ правъ („*Lit. religijna*“ III. 135), такъ какъ цѣлый рядъ выраженій и словъ (*wtobyecz* = чеш. *wtobieć*, *zbawienie naprawił* и др.) и самыхъ особенностей перевода можетъ быть объясненъ, какъ мнѣ кажется, вліяніемъ чешскаго текста. Самъ Брюкнеръ *loc cit.* указываетъ на широкое распространеніе чешскаго вліянія въ старопольской письменности. См. также книгу Неринга *Altpoln. Sprachdenkmäler* и его же статью „*Ueber den Einfluss der alttöchechischen Literatur auf die altpolnische*“ (*Archiv für Slav. Philologie*, т. I—VI). Специально чешскому литературному вліянію посвящена также статья *St. Dobrzycki. Studya nad średnio-wiecznem piśmiennictwem polskiem* (*Rozprawy, filol.*, t. 33. 1901).

скій языкъ было необходимо для удовлетворенія религіознаго чувства вѣрующихъ. Переводили не лучшее, но то, что попало подъ руку, что было доступно въ чешскомъ переводѣ съ латинскаго. При этомъ и надъ языкомъ польскаго перевода трудились не слишкомъ много, такъ что въ результатѣ получалась какая-то мѣшанина польскаго и чешскаго языковъ. Быть можетъ, что нѣкоторые изъ такихъ переводовъ были сдѣланы въ пограничной области, въ Силезіи, гдѣ люди понимали оба языка и плохо ихъ различали. Нѣкоторые изъ такихъ памятниковъ, дѣйствительно, сохранились въ Силезіи. Переводъ обычно буквальный: онъ слѣдуетъ за оригиналомъ слово за словомъ. Когда же оригиналъ представляетъ по своей формѣ нѣчто трудное, напр. написанъ рифмованными стихами, то переводчикъ оказывается уже не въ силахъ угнаться за нимъ и придаетъ своему переводу прозаическую форму.

Извѣстнѣйшей изъ старопольскихъ пѣсенъ является „Богородица“ (Bogurodzica). Текстъ ея въ реконструкціи Н. Бобовскаго гласитъ такъ: „Богородица Дѣвица, Богомъ прославленная Марія, у твоего сына господина, возлюбленная мать Марія, испроси намъ прошеніе грѣховъ. Киріе элейсонъ (Господи помилуй!). Ради своей крестной смерти, о Сынъ Божій, услышь гласъ, исполни мысли человѣческія! Соблаговоли дать то, чего мы просимъ, на свѣтѣ благочестивое житіе, а послѣ жизни райское пребываніе! Господи помилуй!“ Это была первоначальная часть пѣсни, которая современемъ была значительно увеличена, но позднѣйшее прибавленіе къ ней уже лишено рефрена на греческомъ языкѣ: „Киріе элейсонъ!“ Когда и какъ возникла эта пѣсня? По этому вопросу существуетъ обширная литература ¹⁾. Согласно традиціи, происхожденіе пѣсни „Богородицы“ восходитъ къ первымъ временамъ христіанства въ Польшѣ: сочиненіе ея приписывается св. Войцѣху и уже въ 15 вѣкѣ языкъ этой пѣсни не былъ вполне понятенъ. По мнѣнію Неринга, религіозныя пѣсни могли быть въ употреб-

¹⁾ Изъ литературы о „Богородицѣ“ я назову здѣсь: *Wl. Nehring* *Studia literackie. Poznań. 1884* (здѣсь обзоръ прежней литературы). *M. Bobowski. Polskie pieśni katolickie* (*Rozprawy, filol. t. 19, 1893*). *A. Brückner. Lit. relig. I 1902* (см. выше, стр. 144—170). *Ks. Jan Fijałek* *Bogurodzica, Pamiętn. Liter. t. II 1903*. *R. Piłat. Pieśni Bogurodzica. Pamiętn. wydz. filol. Akad. III 1880*. *K. Heck. Uwagi krytyczne nad najstarszymi tekstami i kompozycją pieśni Bogurodzica. Rozprawy, filol., t. XXV 1905*. Другая литература (напримѣръ, о музыкальной сторонѣ пѣсни, о малонаучныхъ попыткахъ признать оригиналъ пѣсни западнорусскимъ и т. д.) см. въ статьѣ А. Брюкнера „*Literatura najnowsza o Bogurodzicy*“. *Prace filolog. 1908, t. VI zeszyt II*.

лени въ Польшѣ еще передъ 1400 г., но, „навѣрное, не въ церкви, гдѣ согласно обычаю пѣснопѣнія были латинскія... Не подлежитъ сомнѣнію, что въ своемъ первоначальномъ видѣ, именно въ формѣ двухъ первыхъ строфъ, пѣсня Богородица гораздо старше 15 вѣка. Но неизвѣстно, была ли эта пѣсня первоначально церковной, а древнѣйшія упоминанія объ ея назначеніи указываютъ на нее обыкновенно, какъ на военный гимнъ“. Именно, различные источники говорятъ о томъ, что эта пѣсня пѣлась польскими воинами во время битвы при Грюнвальденѣ въ 1410 году. О томъ, что передъ битвами поляки пѣли религиозную пѣснь, есть указаніе и у Длугоша, относящееся къ 1208 году (*captem patrium*). Но относится ли оно къ „Богородицѣ“ или къ другой пѣснѣ, сказать навѣрное, конечно, нельзя. Но въ 15 вѣкѣ она имѣла уже постоянно именно такое значеніе. Уже въ раннюю эпоху Средневѣковья восклицаніе „*Kyrie eleison*“ было широко распространено на Западѣ въ качествѣ военного клича. Но совершенно справедливо Нерингъ указалъ на то, что текстъ пѣсни не вяжется съ этимъ восклицаніемъ, такъ что или „Господи помилуй“ оказалось прибавленіемъ къ пѣснѣ, или эта послѣдняя присочинена къ восклицанію. Сочинителя пѣсни уже нельзя указать, но, повидимому, онъ зналъ приписываемую св. Войцѣху чешскую пѣсню „*Hospodine pomiluj ny!*“ и воспользовался ею для польскаго гимна, однако не переводя ея дословно. Другой изслѣдователь, Н. Бобовскій, примыкая по существу къ выводамъ Неринга, приходитъ къ убѣжденію, что „пѣснь о Божьей Матери, не стоящая въ непосредственной связи съ первоначальнымъ восклицаніемъ вѣрующихъ: *Kyrie eleison*, предшествовала въ Польшѣ появленію пѣсни о Христѣ, которая первая распространила это восклицаніе“. Такимъ образомъ, уже эти двѣ строфы представляютъ два самостоятельныхъ лайса (*lais, leis*), которые отмѣчены оба сильнымъ чешскимъ вліяніемъ¹⁾. Время происхожденія „Богородицы“ Бобовскій относитъ къ 14 вѣку, не раньше.

Новый взглядъ на происхожденіе этой древнѣйшей религиозной пѣсни Польши высказалъ проф. Брюкнеръ. На основаніи указаній въ житіи св. Кинги († 1292), что передъ выхо-

¹⁾ Противъ чехизмовъ въ „Богородицѣ“ рѣзко высказывается А. Брюкнеръ по двумъ основаніямъ: 1) не было никакой чешской „Богородицы“, а 2) если бы слова *slawiena* и *zwolena* были чехизмами, то должны были сохраниться и другіе чехизмы.

домъ изъ костела она имѣла обыкновеніе произносить по десяти псалмовъ на народномъ языкѣ, ученый изслѣдователь польской средневѣковой культуры заключаетъ, что для королевы Кинги и была составлена эта пѣснь, которая такимъ образомъ восходитъ къ 13 вѣку. Затѣмъ проф. Брюкнеръ рассказываетъ о томъ, въ какой именно формѣ была сочинена „Богородица“ клирикомъ 13 вѣка, который хорошо зналъ латинскій языкъ. Къ этимъ предположеніямъ авторъ присоединяетъ языковой анализъ текста этой пѣсни, представляющаго особенности (*ślawiana zwolena* вм. *ślawiona zwolona*, *gospodzin*, *Bożyc* и т. д.) очень древняго времени. Это, по мнѣнію изслѣдователя, явленія польскаго языка 13 в., но, быть можетъ, сравненіе съ текстомъ „Свентокшижскихъ проповѣдей“ и древнѣйшихъ присягъ показало бы, что съ такимъ же правомъ этотъ памятникъ можно отнести къ 14 столѣтію. Дальнѣйшее — поиски автора „Богородицы“ (францисканъ Богухваль, около 1280 г.) — представляетъ только болѣе или менѣе остроумныя догадки, которыя едва-ли могутъ считаться пріобрѣтеніемъ объективной науки. Изъ выводовъ Брюкнера остается, по моему мнѣнію, самымъ цѣннымъ *terminus ante quem* не можетъ быть сочинена пѣсня: раньше королевы Кинги нѣтъ никакихъ свѣдѣній о національной церковной поэзіи, и раньше конца 13 вѣка не можетъ быть сложена „Богородица“. Такъ какъ первая рукопись ея относится ко времени около 1400 г., то и позже 14 вѣка она не могла быть составлена. Этимъ устанавливается, по мнѣнію проф. Брюкнера, время сочиненія этого гимна: конецъ 13-го или самое начало 14 вѣка. Другой изслѣдователь I. Фіялэкъ рѣшительно отрицаетъ, что „Богородица“ была военной пѣснью, выступая такимъ образомъ противъ мнѣнія Неринга, уже и ранѣе опровергавшагося Н. Бобовскимъ. По его убѣжденію, эта пѣсня пѣлась и въ 14 вѣкѣ, какъ позже въ 15-мъ, въ церкви во время богослуженія, послѣ проповѣди. Этимъ объясняется и множество ея записей, и постоянное наростаніе ея текста, вызванное богослужебными надобностями. Для того, чтобы подтвердить этотъ взглядъ, авторъ старается доказать, что во время богослуженія народный языкъ въ католической церкви пріобрѣтаетъ извѣстныя права уже очень рано. „Онъ входитъ въ латинскую литургію, потому что долженъ проникнуть въ нее съ первой же минуты, когда совершается обращеніе въ христіанство народа и государства, и остается въ ней до тѣхъ поръ, пока со-

храняется необходимость обученія народа катехизису и воспитанія его въ принципахъ христіанской вѣры и нравственности“. Надо однако замѣтить, что этотъ выводъ основывается на логическихъ умозаключеніяхъ изслѣдователя и не имѣетъ за себя ни одного факта изъ церковной исторіи Польши. Во всякомъ случаѣ, изъ его словъ вытекаетъ, что возникновеніе польской пѣсни уходитъ въ отдаленное прошлое. Держась, однако, вышеуказанныхъ, болѣе твердо обоснованныхъ взглядовъ, едва-ли возможно относить возникновеніе „Богородицы“ въ глубь вѣковъ дальше конца 13 столѣтія. Но, кажется, и это слишкомъ далекая дата. Какъ полагаетъ одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователь, К. Хекъ, пѣсня возникла лишь въ 14 в. Именно, онъ указываетъ на то, что первоначальный текстъ пѣсни, заключающей двѣ строфы, сохранился на бумажномъ листкѣ, приклеенномъ къ задней стѣнкѣ переплета рукописи 1619 года. По его мнѣнію, самый этотъ текстъ восходитъ къ 1410—1415 годамъ, представляя древнѣйшій текстъ „Богородицы“, который въ началѣ 15 вѣка еще не имѣлъ продолженія. Съ мнѣніемъ, что пѣсня возникла во времена св. Кинги, этотъ изслѣдователь не согласенъ, такъ какъ иначе едва-ли этотъ гимнъ сохранился бы въ неизмѣнномъ видѣ въ продолженіе болѣе вѣка, да, кромѣ того, онъ былъ бы совершенно обособленнымъ явленіемъ, безъ всякой связи со средой, оазисомъ въ пустынь. Лишь въ половинѣ 14 вѣка, когда создавался краковскій университетъ, когда понемногу пріобрѣталъ права отечественный языкъ, стало возможнымъ сочиненіе польскаго пѣснопѣнія. Такъ какъ въ гнѣзненской каѳедрѣ „Богородица“ была окружена особеннымъ попеченіемъ, и древнѣйшій списокъ ея сдѣланъ во владѣніяхъ гнѣзненскаго архіепископства, то, по правдоподобному замѣчанію К. Хека, „не кто иной, а именно гнѣзненскій архіепископъ, былъ тѣмъ лицомъ, кто первый позаботился объ установленіи формы польской пѣсни“. Такимъ образомъ, если справедливо мнѣніе названнаго изслѣдователя, а оно кажется очень правдоподобнымъ, то, какъ польскія глоссы, какъ первыя польскія слова въ юридическихъ актахъ, первыя польскія рукописи проповѣдей и т. д., гимнъ „Богородица“ долженъ восходить только къ 14 вѣку.

Къ 14 же вѣку восходитъ другая древнѣйшая религіозная пѣсня. Это тоже четверостишіе, которое гласитъ: „Христосъ изъ мертвыхъ всталъ, примѣръ народу далъ, чтобъ намъ изъ мертвыхъ встать и съ Богомъ кралевать, Кирие“! (Chrystus z

martwych wstał je Ludu przykład dal je, Eż nam z martwych wstaci, z Bogiem królewaci. Kirie!) Эта пѣсня сохранилась въ *graduale*, записанномъ въ 1365 году, такъ что ея существованіе при королѣ Казиміръ не подлежитъ сомнѣнію и является подтвержденіемъ того, что и пѣсня „Богородица“ была извѣстна въ это время. При сравненіи этого четверостишія съ латинскимъ оригиналомъ и чешскимъ переводомъ его въ 14 в. невозможно сомнѣваться, что польская пѣсня представляетъ лишь легкую модификацію чешской. ¹⁾ И эта пѣсня имѣла литургическое значеніе, какъ одно изъ пасхальныхъ пѣснопѣній. Потому она соединилась съ „Богородицей“, какъ одна изъ ея составныхъ частей. Въ рукописяхъ 15 вѣка извѣстно уже довольно значительное число религиозныхъ пѣсенъ; въ 1435 году Янъ, учитель и органистъ въ Пржеворскѣ, составилъ канціональ, въ которомъ нашель себѣ мѣсто рядъ польскихъ религиозныхъ пѣсенъ. Весь матеріаль, относящійся къ 15 вѣку, Н. Бобовскій ²⁾ распредѣляетъ по группамъ такъ: 19 пѣсенъ воспѣваетъ Божью Матерь, культъ которой былъ особенно распространенъ въ Польшѣ уже съ древнѣйшихъ временъ, 7 посвящено Рождеству Христову, 4 относятся къ Великому Посту, 6 къ Пасхѣ, 2 къ Троицѣ, 3 на Божье тѣло, 4 пѣсни восхваляютъ святыхъ и 5 излагаютъ заповѣди. Изъ всего этого числа религиозныхъ пѣсенъ (50) только 8 такихъ, которыя прихожане могли пѣть въ костелѣ во время богослуженія. Въ библіотекѣ Лысогорскаго монастыря сохранилась рукопись 15 вѣка, которая содержала 5 пѣсенъ о Божьей Матери и одну о Тѣлѣ и Крови Христовой. Это отчасти уже оригинальныя произведенія, болѣе или менѣе самостоятельно разрабатывающія обычныя темы средневѣковой религиозной поэзи: „жалобы Матери Божьей подѣ крестомъ“,

1) Латинскій оригиналь

Чешскій переводъ

Польскій текстъ 1554 г.

Christe, surrexisti,
Exemplum dedisti,
Ut nos resurgamus
Et tecum vivamus

Jesu Kriste vstalsi
nam na prikklad dal si,
žet nam z mrtvych vstati,
S tebu přebyvati.

Jesu Christe wstałeś,
Nam na przykład dałeś,
Że też mamy zmartwe wstać
Z tobą wiecznie przebywać.

Ксендзь Фіалэкъ, который приводитъ эти данныя, старается доказать, что польскій текстъ 1365 г. не заимствованъ изъ чешскаго, но 3-е лицо этого текста такъ же не соотвѣтствуетъ и латинскому оригиналу. Извѣстная чешская редакція предполагаетъ, по моему мнѣнію, вариантъ, который соотвѣтствуетъ тексту 1365 года. Сходство чешскаго и польскаго текстовъ слишкомъ велико, чтобы объясняться случайностью.

²⁾ Матеріалы, относящіяся къ 15 в. и собранныя въ книгѣ Н. Бобовскаго, дополняетъ проф. Брюкнеръ въ статьѣ „Drobne zabytki języka polskiego XV wieku. Pieśni. Modlitwy. Głosy“. *Rozprawy, filol.*, т. 25. 1897.

„благовѣщеніе Дѣвы Маріи“, „Приглашеніе воспѣвать пѣснь о Б. Матери“. (Начало: wyklad Szlopuchowskiego, строчка, которая стоитъ въ пѣснѣ особнякомъ, дало основаніе предполагать въ Слупуховскомъ автора стихотворенія, но это мнѣніе едвали правильно, ср. Bobowski. 46—47). Далѣе слѣдуютъ длинныя пѣсни о непорочномъ зачатіи и гимнъ на тему *Salve regina*¹⁾. Въ одной изъ пѣсенъ начало указываетъ на то, что авторъ ея былъ уже извѣстенъ, какъ поэтъ: „Сообщаю вамъ радость, что къ утѣшенію христіанскому я слагаю новую пѣснь о небесной царицѣ“. Такимъ образомъ, послѣ полного невѣдѣнія о начаткахъ польской религіозной поэзіи и послѣ первыхъ ея попытокъ въ 14 вѣкѣ, основанныхъ еще на чешскихъ оригиналахъ, въ 15 вѣкѣ передъ нами уже значительная по числу и не лишенная поэтического подъема религіозная національная пѣсня. Это согласуется съ общимъ ходомъ польской жизни, съ постепеннымъ проникновеніемъ въ нее національныхъ элементовъ. Это особенно бросается въ глаза въ пѣсняхъ, посвященныхъ святымъ (Алексѣю Божьему человѣку, Станиславу, Варварѣ, Доротѣ, Аннѣ и др.) и въ польскихъ колядкахъ, которыя появляются въ 15 вѣкѣ.

И ихъ необходимо коснуться болѣе обстоятельно въ виду того значенія, какое онѣ имѣли въ народной жизни, гдѣ пережили вѣка и сохранились до нынѣ. Древнѣйшая изъ нихъ извѣстна въ рукописи 1429 года, т. е. восходитъ ко временамъ Ягеллы. „Привѣтъ тебѣ, король ангеловъ, къ намъ въ міръ пришедшій во плоти; ты истинный Богъ, сокрытый, въ святое чистое тѣло влитый (воплощенный). Привѣтъ тебѣ, творецъ всего созданія, ты родился для страданія, за грѣхи своего народа. Привѣтъ тебѣ, Господь, родившійся отъ дѣвы насъ ради! Привѣтъ тебѣ, король Иисусъ Христосъ, соблаговоли принять нашу хвалу, соизволь дать добрую кончину ради заслугъ твоей матери, чтобы мы всегда тебя восхвалили и царствовали вмѣстѣ съ тобой. Аминь“. Въ этой колядкѣ рѣзко не всегда выдержана, молитва соединена съ восхваленіемъ; на современныя колядки эта древнѣйшая совсѣмъ не похожа. Она была записана въ постиллѣ магистра Щекны, который былъ профессоромъ сначала Пражскаго, а потомъ Краковскаго университета. Чехизмы позволяютъ думать, что эта коляда явилась переломомъ

¹⁾ Древнѣйшій текстъ этой пѣсни найденъ въ рукописи 1406 г. Ср. *L. Malinowski*. Tekst polski hymnu „Salve Regina“ podług rękopismu z r. 1438, oraz stosunek jego do innych tekstów z w. XV. *Rozprawy, filol.*, т. 13. 1889.

женіемъ съ чешскаго языка, сдѣланнѣмъ именно этимъ ученымъ. Чешская коляда *stalat'sye yest wyecz dywna* была переложена также на польскій языкъ и сохранилась въ рукописи 1442 г.: *Stalac się rzecz wielmi dziwna*. „Сталась вещь очень странная: двѣ сына породила, безъ всякой тѣлесной скорби. Это есть дивно и ново. Исая пророчествовалъ, ангель Гавріиль благовѣствовалъ: радуйся, госпожа любви, ты родиши сына безъ болѣзни. Repeticio: Возрадуемся, возвеселимся! Въ Виолеемѣ, маломъ мѣстечкѣ, Богъ народился. Пастушкамъ ангель явился и сообщилъ имъ новость, что народилось дитя, которое прославится по всему міру. Слыхалъ ли кто такое диво, чтобы три короля пріѣхали отъ восхода солнца къ нему, давая дары ему, творцу своему. (Repeticio, ut supra). Проси за насъ сына, о мать, чтобы была наша вина милостиво отпущена, благодаря его роженію“. Эти двѣ древнѣйшія польскія коляды представляютъ переложенія съ чешскаго или созданы подъ сильнымъ вліяніемъ чешскихъ колядъ. Но въ этой области религіознаго творчества, вѣроятно, довольно рано стало работать воображеніе народныхъ поэтовъ, такъ какъ остальные коляды 15 вѣка уже оригинальны. Особенно любопытна коляда, сохранившаяся въ рукописи 15 вѣка, гдѣ латинскіе тексты снабжены польскими переводами. Она пѣлась въ какой-то Бѣлой. Латинскій текстъ гласитъ: „*Vos bialinenses parvuli, Omnes et singuli, Date laudes Christo nato to to to domino*“; польскій переводъ: „*Nuż wy bielscy panowie, Papny, panie, żaczkowie, Dajcie Bogu chwałę za to, zato, zato, to, to, to, to, iż się narodził. Narodził się z dziewice, Na człowiecze oblicze. Dajcie Bogu chwałę zato*“ и т. д.“ Ну же вы, польскіе паны, дѣвицы, госпожи, школьники, воздайте хвалу Богу за то, что онъ народился, народился отъ дѣвицы по образу человѣческому“ и т. п. Такъ уже въ 15 вѣкѣ религіозная поэзія пошла въ народныя массы.

Такимъ образомъ, 14—15 вѣка оставили по себѣ уже довольно значительный запасъ религіозныхъ пѣсенъ на польскомъ языкѣ. Прозаическая легенда о святыхъ въ эту пору является еще рѣдкимъ явленіемъ. Изъ сборника Якова Де-Ворагине „*Legenda aurea*“ была переведена, повидимому, еще въ 14 вѣкѣ, какъ показываетъ архаическій языкъ, житіе св. Власія. Къ 15 вѣку восходитъ переводъ легенды о поклоненіи волхвовъ и только къ началу 16 вѣка другія польскія прозаическія легенды: напримѣръ о св. Алексѣѣ, Евпраксіи, Амандусѣ. Риёмованныхъ легендъ также мало. Такъ, отъ

15 вѣка сохранилось стихотворное житіе св. Алексѣя (*Vita Sancti Alexy in ulgari ritmice*), переведенное, вѣроятно съ латинскаго текста. Недостатки разсказа должны быть отнесены на счетъ оригинала, такъ какъ одна изъ извѣстныхъ редакцій этого житія на нѣмецкомъ языкѣ, восходя къ тому же оригиналу, представляетъ много общаго съ польской. Самый разсказъ сухъ и лишенъ психологической мотивировки. По мнѣнію Неринга (*Altpolun. Sprachdenkm. 200*), нѣкоторыя мѣста легенды предполагаютъ чешскій оригиналъ. Однако такихъ мѣстъ всего 5, и сомнительно, можно-ли сдѣлать изъ нихъ такой выводъ. Другой памятникъ риѳмованной житійной литературы на польскомъ языкѣ, легенда о св. Доротѣ (*Brückner. Archiv für slav. Phil. XIV*), представляетъ очень сильную зависимость отъ чешскаго языка, къ 15 же вѣку относится стихотворная пѣсня о св. Станиславѣ, которая состоитъ изъ 29 строфъ. Только первыя три занесены въ рукопись 1455—60 г., и подъ ними подписано „*ulteriora non habeo*“, изъ чего слѣдуетъ, что это продолженіе уже существовало въ 15 вѣкѣ. Вотъ начало этой пѣсни: „Хвала тебѣ, Господи (*gospodyne*), что прославляется честь твоихъ святыхъ, которая никогда не погибнетъ и во вѣки не преминетъ. Веселись, польская корона, что ты имѣешь такого патрона, достойнаго Станислава, который вышелъ изъ Щепанова. Еще во младости своей онъ былъ преисполненъ божественной любви; ведя свою жизнь въ добродѣтели, онъ оказался упоренъ въ праведности. (На этомъ обрывается отрывокъ въ рукописи 15 вѣка, слѣдуетъ часть, напечатанная въ „Постныхъ пѣсняхъ“ второй половины 16 в.). Видя духовное посольство (*poselstwo duchowne*),¹⁾ что о немъ хвалебныя вѣсти, призвавъ милаго Бога, взяли его въ свои епископы. Въ то время королевствовалъ Болеславъ, который надѣлалъ много злого; вслѣдствіе своихъ злыхъ поступковъ онъ не могъ видѣть святаго епископа. Обвинили его помѣщики (*ziemianie*), что онъ незаконно купилъ свѣтское имѣніе; хотѣли его достать близостью (? *chcieli go dostać bliskością*). Воскресилъ онъ Петра изъ Петравина, умершаго землевладѣльца, который лежалъ уже три года въ могилѣ. Воскресилъ его во свидѣтельство себѣ. Помогла ему Божья правда, освободила его отъ фальшиваго обвиненія: не нашли на немъ никакой вины, остался онъ при Петравинѣ...“

¹⁾ Надо, какъ въ Краковскомъ канціоналѣ 1643 года *pospolstwo* (т. е. толпа, масса; здѣсь — масса духовенства (*pospolstwo duchowne*)).

Въ такомъ духѣ протокола ведется разсказъ. Онъ кончается обращеніемъ къ св. Станиславу съ молитвой: „Милый святой Станиславъ, ты въ большой славѣ у Бога. Будь милостивъ къ полянамъ, удали отъ насъ невѣрныхъ язычниковъ. О достойный мученикъ, прославленный Богомъ и людьми, помоги грѣшному человѣку, избави отъ всякаго зла. Аминь.“ Полянами поляки называли себя еще въ 15 вѣкѣ, въ 16-же это названіе, кажется, уже вышло изъ употребленія, что позволяеть отнести эту стихотворную легенду о св. Станиславѣ цѣликомъ еще къ Среднимъ вѣкамъ. Къ этому же времени восходятъ и пѣсни о св. Варварѣ, Николаѣ, Войцѣхѣ, св. Екатеринѣ, Христофорѣ. Такъ, про Войцѣха пѣли: „Епископъ св. Войцѣхъ поспѣшилъ въ Польшу, невѣрные прусы убили его у себя“ (nievierni prusowie zabili go przi sobie). Эти польскія строки обнаруживаютъ стремленіе къ риѣмъ.

Въ двухъ спискахъ 15 вѣка найдена любопытная пѣснь съ обращеніемъ къ св. Аннѣ, матери Божьей матери. Вариантъ, отысканный проф. Вержбовскимъ на переплетѣ одной книги 1488 года, начинается такъ: „Святая и благочестивая Анна, милостивая и покорная, двадцать лѣтъ печалилась, потому что была неплодна. Богъ утѣшилъ св. Анну, удалилъ отъ нея скорбь, съ Іоакимомъ она зачала, чудесную Дѣву родила. Чудесная Дѣва святой Анны, на нее смотрите всѣ дѣвицы, а зовутъ ее Марія! Воспоемъ ей Аллилуй!“¹⁾

Средневѣковая польская поэзія оставила и нѣсколько поучительныхъ стихотвореній типично-аскетическаго содержанія, вышедшихъ изъ среды клириковъ. Въ рукописи конца 15 в. сохранилось очень обширное стихотвореніе (въ 490 стиховъ), De morte prologus. Рукопись занята проповѣдями (Homiliae in sancta Evangelia), такъ что благочестивая цѣль стихотворенія не подлежитъ сомнѣнію²⁾. „Господи всемогущій, начинается этотъ Prologus: превыше всякаго творенія, помоги мнѣ сложить это сочиненіе, чтобы я могъ хорошо изложить его къ умноженію твоей хвалы, къ исправленію людей. Всѣ люди, послушайте, познайте суровость смерти; вы, которые ею пренебрегаете, при смерти ее познаете. Будь это старый или молодой, никто не уйдетъ отъ смертной бѣды. Кого только

¹⁾ Th. Wierzbowski. Pieśń o św. Annie z końca wieku XV. Prace filol. V. 1895. Ср. Brückner. Rozprawy XXV 239.

²⁾ Оно напечатано Нерингомъ въ Altpoln. Sprachdenkmäler. 283—293. Новое изданіе І. Розвадовскаго въ „Materyały i prace Kom. Język“. I, 176—206.

смерть задушить, каждый въ ея школѣ (w gey scolye) быть долженъ. Удивительно она является своимъ ученикамъ, каждаго лишаетъ жизни. Я хочу привести примѣръ этого. Послушай его, кто хочетъ знать. Поликарпъ, такъ названный мудрецъ великій, избранный учитель (mysthrz wybrany), просилъ Бога о томъ, чтобы увидѣть смерть въ ея образѣ. Когда горячо молился Богу, отсталъ отъ всѣхъ людей въ костелѣ, увидѣлъ человѣка нагого, естества женскаго, образомъ отвратительнаго, полотенцемъ препоясаннаго; худая, блѣдная, желтое лицо блеститъ, какъ мѣдный тазъ; провалился у нея конецъ носа, изъ глазъ течетъ кровавая роса; перевязала голову платкомъ, какъ криворотая самоѣдъ (yako szamoyecz krzyvousta). Не было губъ на ея мордѣ (nyebulo wark vgyey gabij); зіяя пастью, она скрежетала зубами. Вращая глазами (myecze oczy szawraczayanс), держа въ рукахъ грозную косу, она выпятила ребра и кости, грозно сѣчетъ безъ милосердія. Магистръ, видя отвратительный образъ, желтыя очи, блѣдное тѣло, страшно перепугался и упалъ на землю, даже застоналъ. Когда онъ лежалъ навзничъ, какъ дуракъ (vyla), смерть промолвила ему: Почему ты такъ испугался? Кажется, ты здоровъ, а все стонешь! Господь Богъ устроилъ это такъ, какъ ты его усердно просилъ, чтобы я тебѣ показала и всю свою силу тебѣ явила“. Не безъ юмора смерть уговариваетъ магистра успокоиться, рассказывая о томъ, какъ страшно умирать въ дѣйствительности, какъ она бросается на людей, „jako koth па myszy“, какъ котъ на мышей. Смерть уговариваетъ мистра успокоиться. „Говори же со мной, вѣдь я занята; ты самъ хотѣлъ говорить со мной. Видишь, какая я работница. Чего же тебя взяла такая тоска? Коса моя сѣчетъ траву (ma kosza vystrawa syeczye). Отъ нея никто не убѣжить. Встань, мистръ, отвѣчай, если умѣешь, или ты по польски не разумѣешь? Знать, sortes (не совсѣмъ понятно: въ рукописи *sorkes*) тебѣ не поможетъ; сильно ты перепугался, бѣднякъ. Успокойся же теперь, несчастный, говори со мной, бѣдный школяръ. Не бойся сегодня моей школы, не дамъ тебѣ читать эпистолы“.

Вѣроятно, стихотвореніе вышло изъ среды, близкой къ схоластической школѣ, и перепугавшійся учитель (mistrz) представлялъ для школяровъ веселое и пріятное зрѣлище. Наконецъ, „Mayster respondit“. „Мистръ промолвилъ очень скромно Я такъ испугался, что ничего не помню. Очень мнѣ не мило, что ты меня такъ утратила. Если бы ты что нибудь страшное

мнѣ заявила, разорвалась бы во мнѣ каждая жила, сразу бы ты меня уморила и съ душой меня разлучила. Прошу тебя, отойди мало; не знаю, что со мною стало; я весь млѣю и блѣднѣю, теряю здоровье и надежду (риѣма: *bladzeja—padzeja*). Пожалуйста, брось свою косу, тогда я подниму голову“. Смерть опять уговариваетъ его не бояться. „Всталъ мистръ, едва дышетъ, дрожать у него ноги, перепугался“. Начинается разговоръ, наивный, какъ мудрость средневѣкового школяра. „Милая смерть, откуда ты взялась, давно ли ты уродилась. Хотѣлъ бы я знать до остатка, гдѣ твой отецъ или матка?“ Смерть передаетъ извѣстнѣйшій библейскій рассказъ о прегрѣшеніи Адама и Евы. Тогда магистръ спрашиваетъ, за что она убиваетъ людей, и нельзя-ли какъ нибудь подкупить смерть: „далъ бы добрый калачъ спечь, если бы могъ отъ тебя утечь“. Смерть возмущена такимъ предложеніемъ: „Береги для себя свои подарки, а то еще болѣе разсердишь меня. Если ты хочешь знать, я тебѣ все расскажу подробно. Создатель всего творенья далъ мнѣ столько мочи, чтобы я морила днемъ и въ ночи, отъ моря на восходѣ и на полудни, а знаю я то дѣло чудно. Отъ полуночи хожу къ восходу, не пытая нигдѣ броду. А это мнѣ самое большое веселье, когда я могу морить много живыхъ. Какъ начну плясать со своей косой, накошу я цѣлую тысячу. Вотъ моей силы знамя: я морю все человѣческое племя (риѣма *sznamiya—plemya*), морю мудрыхъ и глупыхъ (*vyly*)“. Смерть не разбираетъ и сана: „воеводы и сановники, всѣ мірскіе любовники (*myloszthnyku* отъ *miłość—любовь*), будь то князья или графы, всѣ попадутъ ко мнѣ. Съ короля я корону срываю, а самого за волосы хватаю и подъ косу кидаю; также бываю и въ цесарской землѣ зимою, лѣтомъ и осенью. Философовъ и квесторовъ всѣхъ я ставлю на своей дорогѣ (на *szvey sparze*). Ремесленники, купцы и пахари (*ogacze*): каждый скачетъ передъ моей косой“. Дальше идутъ подробности, которыя опять переносятъ насъ въ бытъ школяровъ. „Корчмари, что дурнымъ пивомъ угощаютъ, не часто обо мнѣ вспоминаютъ, а какъ свои карманы понабиваютъ, въ то время мою косу познаютъ. Когда попадутъ въ мою школу, будутъ имъ лить въ горло смолу. Какъ только я пошевелюсь, всѣхъ сейчасъ же должна задавить. Задавлю сначала (? *naproth*) дѣвочекъ и мальчиковъ, пока не смягчится сердце хлопа“. Далѣе смерть говоритъ о своей мощи, которая сокрушилась только передъ Христомъ, „ибо въ немъ была божеская сила“. Напуганному Поликарпу

смерть даетъ *понюхать* свою косу и посмотрѣть, какъ она остра. „Хочешь посмотрѣть, какъ она остра, заплачетъ надъ тобою сестра; уловки тутъ не помогутъ, въ одинъ мигъ задерешь ноги (*veszdrzysz nogv*)“. Богъ даль смерти великую силу. „Я великихъ (*obrzymy*) уморила: Соломона мудраго, Авесалома прекраснаго, Самсона очень сильнаго и Дитриха могучаго (*Vyethrzycha abrzymzkyego, вмѣсто obrzymkiego*)“. На хвастовство смерти *Magister respondit* совершенно разумно: „Когда ты всѣхъ людей погубишь, всѣхъ людей посѣчешь, куда ты сама дѣнешься? Вѣдь, все-же, тебѣ нужна людская пріязнь, чтобы они согрѣли тебя въ своей банѣ (*przyyasny-laszny*, ради рѣимы авторъ не пощадилъ смысла)“. Смерть разгнѣвалась надъ смѣлостью магистра, пригрозила его тутъ же убить, назвала его „очень глупымъ“ и потомъ стала доказывать, что въ человѣческихъ дарахъ она не нуждается: ей не нужна одежда, не нужно никакое имущество. Твой изюмъ и миндали всегда меня очень мало влекли; бархаты и поставцы (*examythy u posztawcze*) для меня ничего не значать. Для меня радость человѣческой грѣхъ, и его я никогда не оставляю безъ вниманія. Каждаго, духовнаго и свѣтскаго, я лишаю жизни; всякаго морю и луплю, и этого ни на что не промѣняю. Каноники и настоятели еще побываютъ въ моей школѣ (здѣсь авторъ не соблюдъ рѣимы: *sanopuszy u proboszcze bandv w поујеу scołyе yeszcze*), и плебаны съ мясистой шеей, которые слишкомъ много пьютъ пива. Добрыхъ купцовъ и ростовщиковъ (*roszthocharze*): всѣхъ накажетъ моя коса“. Въ угоду женоненавистничеству автора смерть переходитъ къ женщинамъ, которыхъ она грозитъ истреблять: „Женщинъ и толстыхъ бабъ (*panye u tluste пуууастhy* ¹⁾), которыя предаются распущенности, убійцъ и жестокихъ злодѣевъ: такихъ я посѣку за ихъ пороки: дѣвушекъ, вдовъ и замужнихъ. У шляхтичей я отбираю стрѣлы и луки и оставляю ихъ въ одной рубашкѣ; учениковъ и дворовыхъ, этихъ бѣдняковъ я тоже посѣку“ и т. д. Тогда *Mayster dicit*: „Если бы ты согласилась меня выслушать, я хотѣлъ бы еще спросить тебя: для чего существуютъ врачи, если они не освобождаютъ отъ твоей власти, а вѣдь они говорятъ, что лѣкарства (*зелья, szola*) имѣютъ великую силу?“ Къ медицинѣ

¹⁾ Женщина—*niewiasta*, не *kobieta*. Последнее название, прежде презрительное, проникло въ литературу только въ 16 вѣкѣ. См. А. Brückner. Z dziejów języka polskiego. Rozprawy filol. t. 47. 1910. стр. 374—381. Здѣсь такой же пребрежительный смыслъ имѣетъ слово *niewiasta*, противопоставленное дамѣ *pani*.

смерть относится совершенно отрицательно: лѣкаръ только хвастаетъ (chwasci, въ рукописи fasczy), а мѣры его не помогаютъ; человѣкъ живетъ, пока есть на то Божья воля. „Не помогутъ ни аптеки (apoteky), отъ меня не спасутъ никакіе лѣки, и каждый долженъ будетъ умереть. Тому, кто испробуетъ ихъ лѣкарствъ, только на короткое время они могутъ помочь“. Но въ концѣ концовъ и самъ врачъ „попадетъ въ школу“ къ смерти. Затѣмъ перечисляются самыя зелья, которыя врачъ ищетъ въ своемъ огородѣ противъ смерти: это любестикъ, полынь, шалфей. „Nye thbam o szathne lekarsthwa“ (Nie dbam o zadne lekarstwa — не обращаю вниманія ни на какія лѣкарства): опять заявляетъ смерть. Здѣсь саркастическая выходка противъ судей. „Я морю судей и подсудимыхъ, говоритъ смерть, причиняю имъ великія печали; когда свое семейство судятъ, часто въ приговорахъ дѣлаютъ большія ошибки, но когда придетъ судъ Божій, судья въ мѣхъ пищали вложить; ужъ не поѣдетъ на роки (на судъ), чиня неправую волокиту, беря отъ злодѣевъ подарки, оправдывая ихъ преступленія. Все это будетъ обнаружено, и за все наступитъ тяжкое возмездіе“. Магистръ, видя такую суровость и безжалостность смерти, проситъ ее немного помолчать и спрашиваетъ, нельзя ли отъ смерти спрятаться въ землю, замуроваться, скрыться и поставить стражу? Смерть только смѣется надъ этимъ и предлагаетъ магистру испробовать все, что онъ умѣетъ. Она же „напрасно не подниметъ косы, а хочетъ подбрить (pothgolicz) ею“ магистра, который и безъ того такъ напуганъ, что у него голова закружилась, и „хотятъ вылѣзти глаза“. Смерть съ гнѣвомъ совѣтуетъ своему собесѣднику не шутить съ нею и рассказываетъ, что даже лѣсной звѣрь не скроется отъ нея: она душитъ куницъ и горностаевъ, волковъ и сернъ и т. д. И богачи не убѣгутъ отъ нея, хотя бы укрывались въ своихъ замкахъ и дворцахъ за желѣзными воротами. Для нея одинаково не опасны папа и самый бѣдный нищій. „Кардиналы и епископы, задамъ я имъ великую трепку, подавлю и канониковъ, пробощей и суфрагановъ, и никто меня не будетъ бранить за это; безъ всякой уплаты (намекъ на корыстолюбіе духовенства, которое ничего не хотѣло дѣлать даромъ) перерѣжу я всѣхъ монаховъ и аббатовъ. Хорошіе монахи, которые ведутъ добрую жизнь, не пугаются, когда видятъ мою косу“. Дѣйствительно, хорошему человѣку нечего бояться смерти: „когда онъ умретъ, то ничего не потеряетъ, лишится мірской печали, пойдетъ въ небесное бла-

женство". При жизни „онъ принялъ отъ всѣхъ пренебреженіе, свѣтскіе надъ нимъ смѣялись, принимали его за настоящаго глупца (вилу)". Только, когда придетъ день судный, всѣ убѣдятся въ томъ, что самое важное имѣть сердце, свѣтлѣ солнца. „Развѣ намъ помогли (пышныя) одежды или суетное имѣніе; зачѣмъ же мы его такъ любили, зачѣмъ же мы отдали за него свои души". Иначе, продолжаетъ смерть, „я морю дурныхъ монаховъ, которые отличаются злыми нравами, изъ монастыря убѣгаютъ и живутъ по своей охотѣ. Когда монахъ начнетъ продѣлывать штуки (dzywy stroycz), никто не сможетъ его усмирить. Что только кто захочетъ сдѣлать на свѣтѣ, злой монахъ во все вмѣшивается". Слѣдуетъ сатирическая выходка противъ монаховъ, которые ѣздятъ верхомъ: „Если онъ сядетъ на кобылу, засунетъ шапку (kapuszą) за пазуху, вскачь (zavodem) на конѣ возвращается и часто пускается на всякія штуки (czasztho koszyelcze przeffraza). Когда монахъ скачетъ на конѣ, я не сталъ бы смотрѣть на это ни за какіе калачи, испачкается, какъ дуракъ (вила), а ему это и мило; а когда пустится бѣгать пѣшкомъ, я должна забѣгать ему спереди. Не черти-ли его носить?" Ругая въ томъ же духѣ злыхъ монаховъ, смерть прибавляетъ, что, когда наконецъ удастся догнать монаха, она „отдаетъ его чертямъ въ жертву", а одежду, его облаченіе пріора или аббата, раздаетъ людямъ: шапка его пойдетъ на „ногавицы", платье дѣтямъ на куклы и т. д. Наконецъ, мастеръ задаетъ послѣдній вопросъ: „Какая участь ожидаетъ у Бога женщинъ (госпожъ), которыя блюдутъ чистоту". И здѣсь смерть рисуетъ аскетическій идеалъ: „Развѣ ты не читалъ житій святыхъ, которыя переносили тяжкія страданія, какъ дѣвѣ (rapny) убивали, сѣкли и бичевали, до нага раздѣвали, тѣло жгли, груди отрѣзали, потомъ въ темницы уводили, нѣкоторыхъ голодомъ морили, потомъ на веревкѣ водили (w rowgozue wodzono), мучили ужасными муками, терзали ихъ пилами. Я этому дивовалась, когда видѣла у нихъ смѣлость; поразительно не обращать вниманія на страданія, терпя такую тяжкую боль (риѐма и здѣсь плоха: okrutnosczy-bolesczy)" На этомъ замѣчательнѣйшее произведеніе польской народной литературы въ Средніе вѣка обрывается. Авторъ его намъ неизвѣстенъ. Неизвѣстно и окончаніе стихотворенія. Быть можетъ, магистръ, какъ предполагаетъ проф. Брюкнеръ, „измѣнилъ образъ жизни, роздалъ имѣніе, вступилъ въ монастырь и умеръ добрымъ монахомъ". Однако о томъ, что онъ былъ богатъ, имѣлъ, что

роздаты, и вель раньше дурную жизнь, мы не слышимъ въ поэмѣ. Идеаль ея обычный средневѣковой, и нѣтъ основанія, по моему мнѣнію, предполагать, что авторъ самъ былъ монахомъ. Скорѣе, напротивъ: о хорошихъ монахахъ онъ выражается вскользь, бичуя своей сатирой нѣсколько разъ дурныхъ монаховъ и даже высшее духовенство. Школьные порядки, школьную номенклатуру онъ знаетъ отлично, и мнѣ кажется болѣе правдоподобнымъ, что этотъ Prologus de Morte вышелъ изъ школьной среды, что ея авторомъ былъ какой-нибудь розбитной школяръ, любитель выпить и пошутить, знатокъ родной рѣчи, съ ея прибаутками и летучими словами. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что это произведение по замыслу своему не оригинально; при безпомощности тогдашней польской литературы, обнаруживающейся и въ этомъ „Прологѣ“ въ видѣ постоянныхъ повтореній, плохихъ риѣмъ и т. п., не нашлось-бы челоуѣка, который оказался бы въ состояніи сочинить такую длинную поэму. Неутомимый изслѣдователь польской старины, проф. Брюкнеръ указываетъ, какъ на оригиналь Пролога, на латинскій трактатъ „De morte omnium“, найденный имъ въ современныхъ рукописяхъ. Это діалогъ между Ирландскимъ магистромъ Поликарпомъ и смертью. „Изъ латинскаго трактата нашъ авторъ заимствовалъ не только главную идею и рамки ея выполненія, но взялъ и ту постоянную, довольно неискусную манеру возвращаться къ своей основной темѣ, къ перечисленію людей, сословія, даже звѣрей, которые всѣ не могутъ уйти отъ смерти, къ изображенію могущества и дѣлъ смерти; онъ принялъ также много оборотовъ, напр. о школѣ смерти, о врачахъ и лѣкарствахъ и т. п.; но много подробностей. напр. о грѣхопадении, о мученицахъ и т. д. анонимъ привлекъ въ свое произведение самостоятельно; также ему слѣдуетъ приписать всѣ черты современнаго быта, грубыя, но характерныя“. ¹⁾

Въ той же рукописи, гдѣ помѣщенъ Prologus, найдено и другое польское стихотвореніе, описывающее тревогу умирающаго. Стихотвореніе состоитъ изъ 88 строкъ. Оно напечатано въ тѣхъ же изданіяхъ, что и Prologus. По техникѣ своей „Жалобы умирающаго“ уступаютъ прологу: нериѣмованныя строки падаются здѣсь очень часто, а риѣмы еще бѣднѣе. Нѣтъ здѣсь и того остроумія, которое проникаетъ нѣкоторые эпизоды

¹⁾ Bibliot. dzieł chrześcijańskich. 1902. Brückner. Literatura relig. I. Kazania i pieśni. стр. 215--222.

пролога о смерти. Это монотонныя жалобы, навѣянные ужасомъ передъ неизвѣстнымъ, ожидающимъ человѣка послѣ смерти. „Лежитъ тѣло, очень стонетъ (staka), душа очень боится, Богъ напоминаетъ о числѣ, дьяволъ вспоминаетъ о прегрѣшеніяхъ. Какъ молотокъ, бьется мое сердце, душа не смѣетъ выйти черезъ шею, видитъ небо затворенное, видитъ пекло отворенное. Нигдѣ нельзя отъ Бога скрыться, душа не смѣетъ на судъ явиться“ и т. д. Кончается жалоба молитвой ко Христу: „Христось, своей мученической смертью разсѣи обступившихъ дьяволовъ, дай душенькѣ благословеніе, дай тѣлу доброе сконченіе. Я твой блудный сынъ, ты же мой милосердный отецъ; жаль мнѣ того, что я тебя гнѣвилъ, но я отъ тебя не отрекался. Зажгите мнѣ, по крайней мѣрѣ, свѣчку (zaszy-czyszmy szwyczka alye), мои милые друзья, душа выходитъ съ кровавымъ потомъ. Что мнѣ теперь, то вамъ потомъ. Аминь“. Кромѣ страха передъ смертью въ этомъ стихотвореніи бросается въ глаза извѣстное недовѣрчивое отношеніе къ людямъ. Такъ, характерна строфа: „Дѣтки съ матерью рыдаютъ, а братья *будто бы* сожальютъ, нарваясь захватить имѣніе и не думая нисколько о моей душѣ“, т. е. не молясь за нее. Отсюда естественно вытекаетъ и слѣдующее: „Ахъ, ахъ, душа моя, очнись: долго уже ты спала, не на кого тебѣ положиться (pue masz wueryniejszego k szobyе)“. И дальше поэма продолжается въ томъ же скептическомъ духѣ, въ которомъ чувствуется глубоко отрицательное отношеніе къ мірской жизни. Повидимому, католическое духовенство охотно распространяло эту пѣсню, такъ какъ она сохранилась въ вариантахъ, въ видѣ жалобъ „злого человѣка“, до сихъ поръ ¹⁾. Кѣлецкая пѣсня, указанная Брюкнеромъ, содержитъ буквальные совпаденія съ вышеразсмотрѣнной средневѣковой „Жалобой“, но также и много отступленій отъ нея. Особенно понравился и сохранился въ нѣсколькихъ вариантахъ образъ выхода души черезъ шею и предсмертныхъ судорогъ, когда въ груди бьется молотъ. Таковы были темы и духъ польской литературы Средневѣковья, исходившей изъ круговъ, примыкавшихъ къ церкви и къ правовѣрной школѣ.

Сохранились, однако, и произведенія, которыя бросаютъ яркій свѣтъ на происходившую въ 15 вѣкѣ борьбу взглядовъ

¹⁾ А. Brückner. Drobne zabytki języka polskiego XV wieku. Rozprawy, filol. т. 25 1897 и названное выше сочиненіе о христіанской литературѣ въ средневѣковой Польшѣ.

партиї, сословій. Гуситскія вліянія не прошли безслѣдно въ исторіи польской письменности, какъ и въ исторіи польской государственной жизни. Шляхта интересовалась гуситствомъ, поскольку оно сулило уничтоженіе „десятинъ“ и другихъ духовныхъ поборовъ и обезпечивало независимость отъ какихъ нибудь попытокъ церкви привлечь ее къ духовнымъ судамъ. Все это повышало интересъ къ литературѣ, создавало общеніе между жизнью и интересами уже не одного духовенства. Уже въ первой главѣ было указано на нѣсколько данныхъ, относящихся къ распространенію въ Польшѣ гуситства. Здѣсь, при обзорѣ старопольскихъ памятниковъ письменности, надо указать на проповѣди, записанныя правда по латыни, но множествомъ польскихъ глоссъ и вставокъ. Нашедшій ихъ въ Петербургской публичной библіотекѣ и изслѣдовавшій („Kazania husyty polskiego“. Prace filol. т. IV. 1892), проф. Брюкнеръ отмѣчаетъ въ этихъ проповѣдяхъ несомнѣнные признаки осторожной гуситской пропаганды, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ ея частяхъ, которыя касались нападокъ на испорченность духовенства. Такъ, авторъ полагаетъ, что не слѣдуетъ посѣщать обѣдню, которую служитъ порочный священникъ, и что этого послѣдняго должна преслѣдовать свѣтская власть. Именно на этихъ пунктахъ настаивали пражскіе послѣдователи Яна Гуса. Менѣе опредѣленнаго характера тѣ нападки на духовенство, которыя попадаютъ въ польскихъ рукописяхъ 15 вѣка.

Отъ начала 15 вѣка дошелъ бумажный кодексъ богословскаго содержанія. Въ серединѣ его записано: Explicit super Capone per manus Mathei fratris ordinis Sancti Benedicti и указанъ годъ (1414), за этимъ идетъ любопытное польское стихотвореніе, къ сожалѣнію не приведенное современнымъ старымъ переписчикомъ цѣликомъ.¹⁾ Въ переводѣ (съ сохраненіемъ рѣимъ) оно звучитъ: „Капланъ, коли хочешь помочь душѣ своей, не говори часто: пива налей; вѣдь пиво есть странный елей. И такъ смѣется надъ ними хлопъ, и говоритъ: безумный попъ“ и т. д. Это простая прибаутка, какихъ уже не мало встрѣчается въ рукописяхъ 15 вѣка. Тотъ же издатель, Лелевель, приводитъ изъ рукописныхъ сборниковъ 15 вѣка съ содержаніемъ, совсѣмъ не располагающимъ къ шуткамъ, такія стихотворныя при-

¹⁾ Изъ библіотеки Варшавскаго университета Хлендовскимъ были переписаны для Лелевеля и изданы имъ въ „Bibliograficznych ksiąg dwoje“ II (1826) 56—57. О переписчикахъ у него же стр. 86—92. *J. Łoś*. Jakóba, syna Parkoszewego traktat o ortografii polskiej. Materiały i prace komis. język. Akad. Umiejętn. II. 1907

баутки: „Писали, за жбаномъ пива засѣдая, гренки поѣдая“, или „Dum bibo пиво, stat michi колѣно криво“, или какое-то любовное обращеніе къ „Марылькѣ“, которой авторъ желаетъ счастья: „gada rzyekala sbohem amen, buoh myly bud suamy amen“ (1423, чехизмы). Перепиской въ 15 вѣкѣ занималось уже много людей: здѣсь и почтенные люди, настоятели церквей, *coadjutor magistri*, капланы и викаріи, но попадались и личности довольно подозрительныя: напримѣръ, нѣкій Петръ изъ Боржикова, *exul* (1447) изъ своего ордена, или Святославъ клирикъ, или люди, при именахъ которыхъ нѣтъ никакихъ указаній на ихъ профессію и т. п. Такіе переписчики могли для разнообразія украшать свою скучную работу веселымъ стихомъ. Кажется, не безъ юмора называетъ себя (1460) Янъ изъ Костана „вѣрнымъ переписчикомъ, иначе рисовальщикомъ живыхъ картинъ“. Это множество рукописей стало требовать для себя сколько-нибудь упорядоченнаго правописанія, и изъ лона Краковскаго университета явилось предположеніе такой реформы, связанное съ именемъ Якова, сына Паркоша, изъ Жаровицы. Объ авторѣ этой реформы извѣстно не много. Онъ получилъ образованіе въ Краковскомъ университетѣ, въ 1422 году получилъ степень бакалавра, въ 1427 году степень магистра *artium*, въ 1441 году былъ въ третій разъ ректоромъ, при чемъ старался провести нѣкоторыя реформы въ университетѣ. Это *Cognitio comodosa Polonorum linguae* стремилась ввести различіе въ передачѣ долгихъ и краткихъ гласныхъ звуковъ и твердыхъ и мягкихъ согласныхъ, но въ то время, какъ Гусъ въ своей реформѣ правописанія предлагалъ такую удобную мѣру, какъ различеніе согласныхъ твердыхъ и мягкихъ съ помощью точекъ, сынъ Паркоша выдумалъ нѣчто неосуществимое: *grossum b* и *molle b*, *durum p* и *molle p* отличались другъ отъ друга круглымъ и прямоугольнымъ написаніемъ, представляли тонкости въ написаніи, которыя при скоромъ письмѣ непременно должна была стереться. Реформа, извѣстная подъ именемъ Паркоша, не вошла въ жизнь. Издатель этого трактата, проф. Я. Лось даетъ о немъ слѣдующій отзывъ: „Если сравнить трактатъ (1411 г.) Гуса съ трудомъ Паркоша, насъ поразитъ огромное превосходство пражскаго магистра надъ краковскимъ. Гусъ прекрасно отдавалъ себѣ отчетъ относительно того, чего онъ хотѣлъ, высказалъ свои взгляды кратко и ясно, не занимался критикой орфографіи, распространенной до него, но формулировалъ только свои выводы, и только

одинъ разъ оказался непослѣдовательнымъ, когда велѣлъ звукъ *j* писать черезъ *g*, при чемъ именно въ этомъ за нимъ послѣдовалъ Паркошъ, который вообще боялся подражать Гусу. Иначе пишетъ краковскій профессоръ: тягуче, съ возвращеніями къ тому же самому предмету, и вся его графическая система отчасти не послѣдовательна, отчасти не практична, отчасти и просто недостаточна и при томъ трудна для запоминанія. Неудивительно поэтому, что даже переписчикъ не всегда могъ справиться съ трудностями и переписывалъ польскіе примѣры Паркоша съ ошибками¹⁾. Изложена реформа Паркоша была, между прочимъ, въ стихотвореніи, ¹⁾ написанномъ новымъ правописаніемъ, однако, и здѣсь не соблюденнымъ въ точности: *Ktho chce pissać doskonał'e gŹzik pol'ski itesz prave imey obecado moye Kthorez thak napissal tobe* (кто хочеть писать въ совершенствѣ и правильно на польскомъ языкѣ, долженъ знать мою азбуку, которую я такъ написалъ тебѣ), а кончалось указаніемъ, что здѣсь „каждое слово даетъ въ себѣ письмомъ разный голось“. При сравненіи съ той тонкостью пониманія, которую обнаружилъ Гусъ въ своей реформѣ, видно, какъ уже выше указано, насколько отстала въ эту пору польская литература отъ современной чешской. Между тѣмъ реформа сына Паркоша, относящаяся къ половинѣ 15 вѣка, была вызвана, вѣроятно, не только практической необходимостью, но и влияніемъ реформы, совершенной Гусомъ, можетъ быть, даже желаніемъ противопоставить нѣчто свое его реформѣ, такъ какъ Гусъ былъ еретикъ.

Дѣло въ томъ, что Краковскій университетъ не только уберегся отъ гуситской ереси, но и рѣшительно выступилъ противъ нея. По словамъ Длугоша, университетъ будто бы и основанъ-то былъ съ цѣлью борьбы съ гуситствомъ. На самомъ дѣлѣ, это фактически быть не могло, но, быть можетъ, такъ смотрѣли на значеніе университета въ разгаръ гуситскаго вліянія въ Польшѣ, и эта точка зрѣнія передалась позднѣйшимъ поколѣніямъ. „Нашъ университетъ заботился о томъ, чтобы ересь не переступала границъ нашей земли“, писали въ Римъ. И, тѣмъ не менѣе, вліяніе Виклефа проникло и въ стѣны этой крѣпости правовѣрія. Въ 1422 году здѣсь приобрѣлъ ученую степень бакалавра искусствъ Андрей Галка изъ Добшина, который три года спустя сдѣлался магистромъ и вмѣстѣ съ

¹⁾ *J. B. Rakowiecki. Prawda ruska czyli Prawa...* и т. д. т. II (1822), 219 и у Я. Лося.

тѣмъ профессоромъ университета. Въ продолженіе двухъ десятилѣтій, 1423—1448, онъ сохранялъ свое профессорское положеніе, будучи даже два раза 1436 и 1441 деканомъ. Но въ книгу промоцій какая-то позднѣйшая рука занесла при его имени замѣтку: „hereticus pessimus, cum quo disputabant sancti“ (злѣйшій еретикъ, съ которымъ всѣ спорили). Ересь Галки заключалась въ его приверженности къ ученію Виклефа, особенно къ его *Universalia*; однако, время съ 1430 по 1440 годъ было эпохой наибольшаго распространенія гуситства въ Польшѣ, и если еще въ 1441 году Галка былъ деканомъ, едва-ли онъ былъ такимъ боевымъ, революціоннымъ дѣятелемъ. Изъ Виклефа онъ извлекъ прежде всего убѣжденіе, что церковь не должна обладать свѣтскимъ могуществомъ, и вмѣстѣ съ англійскимъ богословомъ онъ полагалъ, что современное ему католическое духовенство должно называться не Христовымъ, а императорскимъ константиновскимъ, такъ какъ обманутый папой Сильвестромъ Константинъ отдалъ папскому престолу Римъ, какъ его преемники стали отдавать духовенству города и деревни. Пусть и польскій король уступитъ епископу Краковъ, а самъ переселяется въ Прошовицы, не безъ ироніи замѣчаетъ Галка. Однако, пока продолжался Базельскій соборъ, Галку не трогали, и онъ спокойно услаждался перепиской сочиненій Виклефа, какъ это дѣлалъ когда-то Гусъ. Эти сочиненія далъ ему какой-то чешскій дворянинъ, и познакомившись съ „*De universalibus*“ и „*De ideis*“ Виклефа, Галка рѣшилъ, что они содержатъ неоспоримыя истины, и сталъ смотрѣть съ презрѣніемъ на схоластическія попытки прославленныхъ краковскихъ профессоровъ. Въ 1448 году разыгрался конфликтъ между той частью профессоровъ, которая отстаивала первенство собора надъ папой, и папскимъ легатомъ и его сторонниками, большинствомъ профессуры. Галка, подобно Гусу, не успокоился и заявилъ профессорамъ, что безъ знакомства съ сочиненіями Виклефа они не могутъ судить о логикѣ, философіи и Св. Писаніи, какъ слѣпой не можетъ судить о цвѣтахъ. Одержавшій побѣду Збигнѣвъ Олесницкій сослалъ смѣлаго профессора на полъ года въ монастырь на покаяніе, а въ Краковѣ былъ произведенъ обыскъ въ его вещахъ. И тогда Збигнѣву стало ясно, откуда Галка почерпнулъ свои „глупыя мнѣнія“, и куда онъ хотѣлъ вести церковь. Были посланы люди для ареста еретика, но онъ успѣлъ скрыться и бѣжалъ въ Бреславль къ Силезскому князю, вольнодумному Болеславу, и Бреславльскому

епископу Петру. Сохранилась любопытная переписка между Збигнѣвомъ, который требовалъ выдачи Галки, и силезскими властями, которыя сумѣли его отстоять; сохранились и посланія самого Галки къ какому-то польскому дворянину, къ профессорамъ и т. д. Эти письма показываютъ, что Галка мужественно отстаивалъ свои вѣрованія, но той среды, которая окружала Гуса и сдѣлала изъ него народнаго вождя и нравственнаго героя, вокругъ польскаго виклефиста не было. Послѣ 1449 года, къ которому относится его письмо со вложеніемъ стихотворнаго исповѣданія вѣры, не сохранилось никакихъ дальнѣйшихъ слѣдовъ Галки ¹⁾. Такъ, и въ этомъ отношеніи тогдашняя Польша была далека отъ уровня національной жизни, который уже былъ достигнутъ въ Чехіи. Въ исторіи польской литературы съ именемъ Галки связано, какъ уже упомянуто выше, полемическое стихотвореніе противъ Рима, которое, по мнѣнію Каро, обнаруживаетъ въ авторѣ уже не новичка въ писаніи стиховъ. Дѣйствительно, Галка съ большимъ мастерствомъ подбираетъ рѣмы и значительно превосходитъ въ техническомъ отношеніи, напр., автора „Пролога“. Содержаніе этой „*Excellentia magistri Ioannis Wikleph edita ab Andrea de Dobschino olim magistro artium studii cracoviensis*“ повторяетъ то, о чемъ онъ говоритъ и въ своихъ прозаическихъ посланіяхъ. Характерно, что ни тамъ, ни здѣсь онъ не упоминаетъ ни однимъ словомъ о Гусѣ ²⁾. „Ляхи и нѣмцы и всѣ народы (языки)—начинаетъ Галка свою *Santilena vulgaris* (какъ онъ самъ называетъ свое произведеніе)—стали сомнѣваться въ словѣ и рѣчи св. Писанія. Виклефъ вамъ скажетъ правду. Нѣтъ ему равнаго учителя, ни въ язычествѣ, ни въ христіанствѣ, и не будетъ болѣе великаго до самаго страшнаго суда. Кто хочетъ въ этомъ убѣдиться, пусть узнаетъ, что про него говорятъ: кто къ нему приступитъ и на его путь вступить, тотъ отъ него не отступитъ. Общія вещи (т. е. *Universalia* Виклефа), отъ многихъ мудрецовъ скрытыя, онъ дѣлаетъ доступными всѣмъ умамъ, отъ божественныхъ (высшихъ) разумовъ до (простыхъ) человѣческихъ умовъ. О единствѣ церквей (старое слово: *o cirkwnej jedności*), о святости церкви, о власти антихриста, о злости нынѣшнихъ

¹⁾ *J. Caro. Geschichte Polens IV, 405—418 (Gotha 1875). Также К. Моравски. Historia uniwersytetu Jagiellońskiego. I. 458—465.*

²⁾ Напечатано сначала въ *Pamiętnik Warszawski V (1816)*, потомъ Раковецкимъ II 217 и Нерингомъ *Altpoln. Sprachdenkmäler*.

поповъ онъ написалъ во всей полнотѣ (пять риѣмъ наosci). Христовы капланы, которые Христомъ призваны, за нимъ послѣдуютъ и то, что есть въ дѣйствительности, проповѣдуютъ. А императорскіе (константиновскіе) попы—это антихристы. Ихъ сила не отъ Христа, но отъ антихриста, въ силу императорской грамоты. Первый попь Ласота (Silvester, игра словъ: las-Silva) получилъ власть отъ хобота Константина дракона (неясное и еще невыясненное мѣсто), и въ церкви ядь его выливается сбоку изъ года въ годъ (въ погонѣ за риѣмами: smoka-boka-goка авторъ допустилъ неясность). Ласота рукъ не покладалъ, сатана его побуждалъ, чтобы онъ императору лгалъ. Ложью онъ имѣнье захватилъ, Римъ обманомъ получилъ. А послѣ него и мирянь захватилъ въ обманъ, но его преемники только намѣстники, всѣ въ великой скорби (тоже неясное мѣсто, указывающее на свѣтскую власть, захваченную духовенствомъ). Если хотимъ печаль избыть, покой добыть, должны Бога молить и мечъ наточить, антихристовъ избить. Не желѣзнымъ мечемъ антихриста съчемъ, святой Павелъ въ грамотѣ (z lista) велѣлъ убить антихриста словомъ Исусъ-Христа. Правда вещь христова, ложь антихристова; правду попы скрываютъ, ложь они людямъ бають (lezz polstwu baia), правды боятся. Христе, пусть за твои раны у насъ по правдѣ будутъ капланы, чтобы насъ вели, антихриста погребли, насъ къ тебѣ привели“. И въ своихъ посланіяхъ Галка возставалъ противъ матеріальной обезпеченности духовенства, противъ неправыхъ доходовъ его. Какъ Гуса и Лютера, его возмущали особенно индугенціи, этотъ важнѣйшій источникъ папскихъ доходовъ.

Внутри переплета одной старой книжки Мацеевскій нашель два полулиста бумаги, на которыхъ былъ написанъ цѣлый рядъ польскихъ стихотвореній. ¹⁾ Что они представляли въ своей совокупности сборникъ, видно изъ латинскихъ вступительныхъ словъ: „Cantica optima et utilis de VII verbis Christi, que in cruce moriendo pertulit, et de doctrinis eius..., cum uno exemplo terribili, quod in Budzyn uni contingit“. Это

---

¹⁾ О рукописи этихъ т. наз. „пѣсень Сандомирянина“ впервые сообщилъ W. Macejowski Piśmiennictwo polskie od czasów najdawniejszych aż do roku 1830. tom I 369—370. Warszawa. 1851. Текстъ ихъ напечатанъ имъ же въ „Dodatkach do piśmiennictwa polskiego“, стр. 133—141. Мастерской анализъ данъ Нерингомъ въ Altpoln. Sprachdenkmäler. На историческій источникъ этихъ пѣсень Нерингъ однако не указываетъ. По этому поводу ср. мою статью въ Biblioteka Warszawska. 1912, июнь.

заглавіе относится къ первымъ четыремъ стихотвореніямъ: 1) къ 13-строфной пѣснѣ о шести словахъ, завѣщанныхъ Христомъ на крестѣ людямъ, чтобы „всякій человѣкъ обращался въ своихъ нуждахъ къ богу, а не къ проклятымъ чаровницамъ“, 2) къ однострофному Testamentum Christi, 3) къ стихотворенію De maleficis въ 28 строкъ, въ которомъ авторъ грозитъ адскими мученіями всякимъ злодѣямъ, прежде всего любителямъ игры въ кости (kosthygowe), какъ это случилось въ Будѣ въ Венгріи съ однимъ изъ такихъ игроковъ въ кости. Содержаніе этого послѣдняго разсказа, который переписчикъ рекомендуетъ пѣть на голосъ кантаты о св. Николаѣ, или о св. Варварѣ, или о десяти заповѣдяхъ, или aliis multis potis слабо даже для наивнаго средневѣкового писателя: „Два игрока въ кости въ Венгріи жили-поживали, въ Будѣ другъ съ другомъ играли. Одинъ игралъ во имя Божье и тотъ проигралъ все, а другой игралъ во имя дьявола, и онъ совершенно обыгралъ брата. Тотъ на Бога разгнѣвался, побѣждалъ на кладбище, бросалъ въ образъ камни, обновлялъ божьи раны. Тамъ его черти схватили, на воздухъ его вознесли, чрево изъ него вырвали, душу съ тѣломъ взяли въ адъ. Плохо пришлось игроку, когда онъ былъ по уши въ аду; ужъ не помогутъ ему теперь другіе: тамъ, въ аду, онъ пьетъ смолу. Отъ этого ада насъ избавь, въ любви своей насъ сохрани, Іисусе, чрезъ твое мученіе соблаговоли намъ дать блаженную кончину“. Насколько нелѣпо содержаніе этой пѣсни, которая какъ будто бы оправдываетъ игрока, игравшаго во имя дьявола, настолько же она слаба въ техническомъ отношеніи: рима особенно хромаетъ. За этими четырьмя стихотвореніями, охваченными однимъ заглавіемъ, слѣдуетъ въ этомъ древнѣйшемъ польскомъ сборничкѣ пѣсенъ нѣсколько лирическихъ стихотвореній, вызванныхъ событіями. Первое изъ нихъ касается набѣговъ татаръ и волоховъ на польскія земли, которыя особенно страдали отъ нихъ подъ конецъ 15 вѣка. Авторъ зываетъ къ Богу, моля Его о милости. „Не наказывай насъ, Боже, полнымъ истребленіемъ, смилуйся надъ твоимъ твореніемъ: то голодомъ, то частымъ моромъ, то набѣгами разбойниковъ, то страданіями, а теперь уже и кровопролитіемъ (ты наказываешь насъ)“. Признавая правосудіе божьей кары, поэтъ сокрушается, что Богъ отдастъ поляковъ „въ языческія руки“ и молить Его: „вылей ужъ свой гнѣвъ на татаръ, турокъ, волоховъ и язычниковъ, которые на твою доброту надеждъ

не возлагають, славы твоей не знают, въ нашей крови себя умываютъ (sza omijwagią)“. Какихъ-нибудь указаній на мѣсто сочиненія этой пѣсни данные тексты не содержатъ.

Но въ слѣдующей пѣснѣ передъ нами драгоценныя остатки мѣстной стихотворной хроники, воспѣвавшей памятные событія въ Сандомирѣ. Народное происхожденіе ихъ не представляется вѣроятнымъ, такъ какъ въ народной словесности 15 вѣка не могли храниться такъ точно имена и мелкія событія изъ церковной жизни. Можно указать и на ближайшую зависимость этой пѣсни отъ извѣстнаго историческаго источника. Именно, въ концѣ 13 вѣка, какъ полагають издатели, въ бенедиктинскомъ Лысогорскомъ монастырѣ (въ *Сандомирскомъ* воеводствѣ) была составлена хроника (Monim. Pol. Histor. III), которая подъ 1259 годомъ рассказываетъ слѣдующее: „Татары... взяли Сандомирскій замокъ, при Петрѣ капитанѣ и владѣльцѣ Крампѣ (sub Petro kapitaneo et herede de Crampa, вариантъ: *de Crapy*); пока онъ могъ хорошо защищаться, онъ защищался, а затѣмъ, желая начать съ ними мирныя переговоры, онъ вышелъ къ ихъ палаткамъ, обѣщая дать имъ дань. Они же, видя его, задержали его вмѣстѣ съ братомъ его Збигнѣвомъ и стремительно вступили въ замокъ, и въ немъ перебили множество христіанъ. Князь же Болеславъ бѣжалъ съ другими знатными въ Сѣрадзь (Syradiam). Въ то же самое время, выйдя изъ лѣсовъ, Бодзанта, Сандомирскій деканъ, и каноникъ Альбертъ пустились въ путь къ римской куріи съ письмами князя Болеслава къ господину папѣ Бонифацію...“ Папа выслушалъ пословъ и, пожалѣвъ о такихъ страданіяхъ, donavit eis indulgencias ad ecclesiam sancte Marie Sandomiriensem и, кромѣ того, далъ имъ буллу, содержаніе которой приводитъ хроника. Изъ этой буллы слѣдуетъ привести слѣдующія строки. „Придя къ намъ, наши возлюбленные сыновья, Бодзанта, деканъ Сандомирской церкви, съ товарищемъ своимъ, по имени Адальбертомъ, который называлъ себя каноникомъ той же церкви, *слезно насъ умоляли* и говорили, что нечестивые язычники, которыхъ они называли татарами, вступивъ въ Сандомирскую землю и ниспровергнувъ (subvertentes) Сандомирскій замокъ, перебили тамъ великое множество христіанъ, которымъ не было числа, и кровь которыхъ стекала даже въ рѣку, которая называется Вислой“. Изъ дальнѣйшаго содержанія этой буллы приведу прошеніе посланниковъ Сандомирской церкви, которые хотѣли, чтобы папа разрѣшилъ omnibus penitentibus

et confessis in die Marie ad Martires in ecclesie sancte Marie in Sandomiria spiritualia apostolica largione 360 et 6 annos, vel quot sunt dies in anno, tot annos de vera indulgentia et carenas (carena grece, purgacio latine) totidem consequentur. Это щедрое пожалованіе индульгенціей превосходило тѣ ожиданія, съ которыми ѣхали польскіе послы, добывавшіеся только разрѣшенія на возстановленіе оскверненной церкви св. Маріи ad Martyres. Таковъ разсказъ хроники, составленной въ Сандомирскомъ воеводствѣ. Не можетъ быть сомнѣнія, что авторъ такъ наз. Сандомирскихъ пѣсенъ стоялъ въ тѣснѣйшей зависимости отъ приведенной хроники, слова которой онъ не разъ повторяетъ. Быть можетъ, монахъ одного изъ монастырей Сандомирскаго воеводства, пользуясь хранившейся здѣсь хроникой, и изложилъ въ своей пѣснѣ прошлое Сандомира, кое-что однако перепутавъ. Надо, однако, прибавить, что булла была дана не въ 1259 г., а въ 1296 году¹⁾. Составитель же пѣсни пользовался тѣмъ же текстомъ хроники, какой имѣется въ нашемъ распоряженіи теперь. „А въ Сандомирѣ приключилось плачевное дѣло отъ татаръ, говоритъ пѣсня: такъ много людей они побили, Вислу трупами заградили, дѣтки съ кровью по водѣ плавали (sanguis defluebat usque ad fluvium, qui vocatur wysla, говорится въ хроникѣ). Петръ съ Крапей въ то время старостой былъ (sub Petro capitaneo et herede de Crampa или въ вариантѣ *de Crapy*), князь Болеславъ въ Сандомирѣ его оставилъ, самъ спасся, убѣжалъ въ Серадзь (dux vero Boleslaus Syradiam confugit), съ старостой тамъ не защищался, спокойно замокъ отдалъ татарамъ. Versus. Съ каноникомъ Бодзанта деканъ пошелъ въ Римъ (Bodzanta decanus Sandomiriensis ecclesie, cum socio suo nomine Adalberto arripuerunt iter ad curiam Romanam), сталъ тамъ безпрерывно и со слезами умолять папу, чтобы онъ далъ ему разрѣшеніе поправить оскверненныя церкви (въ папской буллѣ: nobis lacrimose sup-

¹⁾ Эту буллу папа Бонифаций VIII далъ 11 ноября 1296 года (въ изданіи *A. Potthast. Regesta pontificum romanorum. vol. II, стр. 195-1, № 24423*: „Ecclesiae s. Marie in Sandomirz dat eandem indulgentiam, quam donavit ecclesiae Romanae quae Maria ad Martyres nuncupatur, i. e. concedit omnibus vere poenitentibus et confessis in die s. Mariae ad Martyres in ecclesia s. Mariae Sandomiriensis existentibus Secunda die mensis Junii 366 annos“. Эта булла была помѣщена въ текстѣ разсказа Сандомирской хроники подъ 1259 году, и самый разсказъ этой хроники о татарскомъ нашествіи въ 1259 годомъ восходитъ въ значительной мѣрѣ къ изложенію содержанія буллы, которая потомъ и приводится цѣликомъ. Очевидно, это могло произойти не раньше 14 вѣка, такъ что и возникновеніе хроники не можетъ относиться раньше, чѣмъ къ 14 вѣку. Помѣщеніе разсказа подъ 1259 г. основывалось на хронологическомъ указаніи буллы.

plicaverunt... nihil aliud petimus, nisi quod eadem ecclesia posset relevari ac exaltari in fide catholica). Милый папа Бонифаций, склоненный плачевными просьбами (въ папской буллѣ: *pos eorum lacrimas et petitiones admiramus*), далъ имъ великое разрѣшеніе: сколько дней въ году бываетъ, столько въ Сандомирѣ индульгенцій (*odpustow*)“ (въ папской буллѣ: *vel quot sunt dies in anno, tot annos de vera indulgentia et carenas totidem consequuntur*). Такова эта пѣсенка, которая основывается какъ на разсказѣ о гибели Сандомира, такъ и на присоединенной къ нему папской буллѣ. И въ самой хроникѣ, какъ мы видѣли выше, такое соединеніе основывается на позднемъ смѣшеніи: дѣло въ томъ, что событіе произошло въ 1259 году, а папская булла была дана въ 1296 г. Значить, какой-то поздній текстъ (не конца 13 в., какъ полагаетъ Бѣлевскій, а позже) находился въ рукахъ поэта, который рабски перекладывалъ его въ статьи. Въ вариантахъ имя полководца названо: *de Стару*, что еще ближе подходитъ къ „z Кгареіj“ пѣсни. На старопольскую письменность такое происхожденіе этой пѣсни бросаетъ яркій свѣтъ. Несомнѣнно, что это стихотвореніе вышло изъ круговъ, ближайше заинтересованныхъ въ томъ, чтобы всѣ знали объ индульгенціи, полученной Сандомирской церковью: это, какъ я думаю, были круги мѣстнаго духовенства, стремившагося привлечь въ Сандомиръ побольше богомольцевъ. Вслѣдъ за пѣсней въ той же рукописи шло слѣдующее стихотворное разсужденіе, указывающее опредѣленно на автора. „Изъ этого вы видите, что уже такъ давно напрасно разливаютъ человѣческую кровь, но теперь, навѣрное, еще больше, потому что люди грѣшатъ уже слишкомъ; за это Богъ наказываетъ ихъ явно. *Versus*. Исправимся же, христіане, пойдемъ съ крестомъ на язычниковъ, муку Божію вспоминая и святыхъ Его призывая. Господь отдастъ ихъ въ нашу власть. *Versus*. Вспомнимъ мужество нашихъ предковъ, крестъ, мечъ Божій, будемъ имѣть въ своемъ сердцѣ. *Запоемъ*: Господи помилуй, прибѣгнемъ къ Маріи, простимъ грѣхи и обиды. *Amen*. Воззритъ Господь на своихъ слугъ; покаравъ насъ, дастъ намъ долгій миръ, сорокъ лѣтъ іудеевъ караль, обѣтованную землю имъ далъ, далъ, далъ, (повтореніе указывающее на то, что пѣсня пѣлась), а намъ вѣчную обѣщаль. *Versus*. Этой землѣ, милый Иисусъ, мы всѣ просимъ твоей милости. Дай намъ здѣсь праведное житіе, при смерти добрую кончину, въ королевство

твое вступленіе. Тотъ, который сложилъ эту пѣсенку, къ чести и славѣ твоей, Христе, сложилъ ее; дай ему быть во Царствіи твоёмъ: ибо онъ былъ твоимъ капланомъ. А въ концѣ скажемъ всѣ: аминь“. И еще двѣ строфы, которыя первый издатель призналъ отдѣльнымъ стихотвореніемъ, должны быть отнесены къ той же пѣснѣ: онѣ описываютъ кровопролитія въ Іерусалимѣ, Римѣ и Троѣ и предшествуютъ выводу: „Отсюда вы видите“. Такимъ образомъ, неизвѣстный капланъ сочинилъ длинную пѣсню, которая исполнялась хоромъ. Въ концѣ рукописи сохранилась любопытная приписка о томъ, что двѣ упомянутыя строфы можно и выпускать и что слѣдуетъ (не сохранившаяся) „прекраснѣйшая пѣсня (*cantio*), недавно сочиненная, печальная и весьма поучительная для размышленій и благочестиваго настроенія“. Можно думать, что такое пользованіе историческими матеріалами для переработки ихъ въ стихи, какое отмѣчено выше въ поэзіи сандомирскаго каплана, не представляло единичнаго явленія: въ 1510 году была сложена польская пѣсня о Грюнвальденскомъ сраженіи, вѣроятно, къ столѣтію этого событія. Начало ея, по словамъ Неринга, напоминаетъ *Stonica conflictus* 1410. Гдѣ и когда пѣлись эти благочестивыя историческія пѣсни? Быть можетъ, предполагалось вытѣснить изъ употребленія обычай пѣть во время пировъ „думы“ и тѣ языческія пѣснопѣнія (*cantilenaе gentilium*), о которыхъ сохранились свидѣтельства въ старопольское время (Нерингъ, 216). Если теперь отъ народной эпической поэзіи не сохранилось почти никакихъ слѣдовъ въ польскомъ фольклорѣ, то все же есть рядъ указаній на то, что эта эпика существовала и изрѣдка уцѣлѣла до нынѣ, въ видѣ народной баллады. На берегахъ рѣки Ниды записана народная пѣсня¹⁾, которая по своему содержанію восходитъ къ балладамъ о смерти княгини Люитгарды, жены великопольскаго князя Пржемыслава, въ 1283 году. Длугошъ также зналъ эти пѣсни и происхожденіе ихъ относилъ ко времени самого князя, въ укоръ которому (*in dedecus*) и было сложено будто бы *publicum et vulgare carmen*. Войцицкій указываетъ въ своемъ сборникѣ на пѣсню, найденную имъ въ рукописи 1526 года и кое-гдѣ еще жившую въ устахъ народа въ его время. О какой-то битвѣ у Уяздова (теперь часть Варшавы) сохранилась точно также народная пѣсня, которая представляетъ нѣчто въ родѣ вступленія

1) *Pieśni ludu Biało-Chrobotów, Mazurów i Rusi z nad Bugu...* zebrane przez K. W. Wójcickiego, wydania I. Kaczanowskiego. t. I. Warszawa. 1836.

въ балладу: „Грабятъ татары въ Яздовецкомъ замкѣ, ничего въ немъ не нашли, кромѣ одного младенца“ (Wójcicki. I. 85). У писателей 16 вѣка ссылки на старыя народныя пѣсни объ историческихъ событіяхъ не представляютъ рѣдкости: такъ, упомянувъ о разбойникѣ Шафранцѣ, казненномъ въ 1482 г., I. Бѣльскій прибавляетъ („Kronika Polska“ 1597), что крестьяне до сихъ поръ поютъ о немъ старинную пѣсню. Стрыйковскій знаетъ о другой „старинной пѣснѣ“, которую пѣли по поводу польско-турецкихъ отношеній: „Были наши когда-то страшны туркамъ; да что объ этомъ говорить; теперь не то“. Книга 1566 г. упоминаетъ о старой пѣснѣ о Грюнвальденѣ, которая начиналась словами: „Heu, Polanie, z Bogiem panie“ (эй, поляне, съ Богомъ на нихъ). У Неринга указаны и другія данныя, относящіяся къ старопольской эпической поэзіи. Были-ли это народная поэзія, или она культивировалась при рыцарскихъ дворахъ, церковь, какъ видно изъ житія св. Станислава, все равно боролась съ ними. Религіозно-историческія пѣсни должны были ихъ замѣнить.

Но эта потребность сочиненія историческихъ и политическихъ пѣсенъ была настолько сильна, что остатковъ ихъ должно быть не мало и, вѣроятно, еще предстоятъ открытія въ этой области. Наиболѣе характернымъ явленіемъ до сихъ поръ оказывается рѣзко полемическая пѣсня о краковскихъ мѣщанахъ, убившихъ въ 1461 году шляхтича Андрея Тенчинскаго. Этотъ послѣдній, получивъ отъ кузнеца отданное въ починку оружіе, вступилъ съ нимъ въ споръ изъ за денегъ. Произошла ссора, которая мало по малу перешла въ публичный скандалъ: вспыльчивый вельможа, братъ кастелляна, избилъ на улицѣ кузнеца; за него вступились мѣщане, которые давно питали злобу противъ Тенчинскаго, и дѣло кончилось трагически: Тенчинскій былъ убитъ, трупъ его таскали по улицѣ и бросили на ней. Это столкновение мѣщанъ со шляхтой, которая при Казимірѣ Ягеллоновичѣ возростала въ своемъ могуществѣ, было искуплено множествомъ казней: шесть челоуѣкъ было обезглавлено, трое, которые были также привлечены къ дѣлу, избѣгли этой участи. Казнь шести обвиненныхъ была совершена въ январѣ 1462 года. Приблизительно въ это же время неизвѣстное лицо сложило стихотвореніе, сохранившееся на переплетѣ пергаментной рукописи 14 вѣка. Какъ рассказываетъ современный документъ, шляхта была чрезвычайно возбуждена убійствомъ магната: *permotā fuit universa procerum*

nobilitas, regem ad vindictam concitantes (Monum. Pol. Histor. III. 796). Стихотвореніе было сложено тогда, когда окончательный исходъ процесса еще не былъ извѣстенъ, и можно было ожидать новыхъ казней. Такимъ образомъ, оно передаетъ самый острый моментъ раздраженія. Впервые оно было напечатано Войцицкимъ въ Album literackie. 1848, но съ ошибками. Точный текстъ даетъ Нерингъ въ Altpoln. Sprdenk. 267. „Ахъ, какіе это злые люди, мѣщане краковяне, чтобы пана своего, великаго хорунжаго, вы убили, холопы, Андрея Тенчинскаго. Помилуй, Боже, его, человѣка добраго, который такъ жалко погибъ отъ неравнаго ему. Онъ хотѣлъ королю служить, свое знамя имѣть, а холопы погубили, дали его убить, въ костелѣ и убили, Бога не побоялись, святыней пренебрегли, каплановъ поранили. А, убивъ, тащили его по водосточной канавѣ (ginna), на востокъ ноги положили, этимъ ему срамъ учинили. Послали къ вrocławянамъ, такимъ же, какъ и сами, жалуясь на землевладѣльцевъ (па zemuяну), будто бы тѣ ихъ обижали. А вrocławяне имъ отвѣчали, что это вы плохо сдѣлали, что такъ разгорячились (szą vkwarуly), человѣка убили. Врете, холопы, какъ собаки, всѣ вы не стоите одного пальца его. Вы думали, холопы, что за него не отомстятъ: уже шесть ихъ порубили, а все еще мало. А тотъ Вальтко совѣтникъ, тотъ невѣрный измѣнникъ, съ Грегляромъ¹⁾ совѣтовались, какъ бы его убить. Панъ Краковскій, его милость, со своими друзьями, дай имъ Богъ здоровья, за него отомстили. Какой же это благородный сынъ Андрея Тенчинскаго, что онъ горячо мститъ за своего отца. Дай ему, Боже, избавленія отъ всякаго зла. Аминь“. Это стихотвореніе порождено уже сильно развитой сословной ненавистью. Шляхта уже смотрѣла съ презрѣніемъ на городское сословіе²⁾.

Такъ же третировала она и крестьянство. Выраженіемъ складывавшихся отношеній, когда стѣсненіе городского класса

¹⁾ Названныя здѣсь лица *Waltko procurator* и *Creidler consul* ровно ничѣмъ не были виноваты передъ Тенчинскимъ, какъ можно судить по документу. На жалобу вельможи на плохую работу ремесленника они велѣли ему явиться къ нимъ, и тотъ, будучи уже ранѣе избитъ Тенчинскимъ, при видѣ его воскликнулъ: „ну, теперь ты меня не побьешь опять!“ Это было достаточно для дикой вспышки гнѣва со стороны шляхтича. Очевидно, шляхта требовала отъ Вальткы и Крейдлера (Грегляра пѣсни) наказанія ремесленника безъ всякаго разбора дѣла и считала ихъ косвенными подстрекателями толпы и виновниками всего происшедшаго.

²⁾ Соціальное значеніе этого процесса подробно разсмотрѣно въ статьѣ *Fr. Papée. Zabicie A. Teczuńskiego i proces welki szlachecko — mieszczański 1461—3.* (Studia i Szkice. 1907).

въ торговлѣ и приобрѣтеніе выхода въ море въ 1466 году открывали передъ польскимъ хлѣбнымъ вывозомъ по Вислѣ огромныя перспективы и требовали напряженія всѣхъ рабочихъ силъ въ полѣ для подъема земледѣлія,—выраженіемъ стремленій шляхты прикрѣпить крестьянство къ барщинѣ является пѣсенка о лѣнивыхъ крестьянахъ (Nehring. 239).

Крестьянинъ названъ здѣсь еще своимъ старымъ названіемъ *kmieć*. „Хитро живутъ съ панами крестьяне“, жалуется неизвѣстный авторъ и прибавляетъ для риѣмы къ слову *kmiecie*: „много чего сплетается въ ихъ сердце (w gich sierczi plyecze). Когда они должны день работать пану, они часто отдыхаютъ. А работаютъ со всяческимъ обманомъ: едва-едва выходятъ къ полуднямъ, а на дорогѣ останавливаются, будто-бы плуги оправляютъ. Желѣзный лемешъ (wić) дома сложить, а деревянный въ плугъ вложить, впрягаетъ больную скотину, желая смошенничать (zlechnanycz) весь этотъ день. Въдь онъ только и норовитъ, чтобы у пана уродилось похуже. Когда панъ придетъ, онъ хорошо пашетъ, а когда уйдетъ, такъ худо, какъ только можно себѣ представить. Стоитъ на пашнѣ, уставивъ глаза на лемешъ, какъ будто не хочетъ и пахать. Нарочно потеряетъ клинья, бѣжитъ въ кусты за новыми. Убѣжитъ въ кусты, спрячется и уже не скоро назадъ покажется. Съ виду каждый чело-вѣкъ скажетъ, что это простакъ, потому что онъ держится, какъ теленокъ, а на самомъ дѣлѣ это хитрый мужичишко“. Пѣсня была найдена въ рукописи 1483 года, которую писалъ Petrus Svyanskonis de Uscie in scola Leopolis. (Archiwum do dziejów literatury i oświaty w Polsce. III. 1884, стр. 162). Начало обязательнаго крестьянскаго труда на землевладѣльца восходитъ въ Польшѣ къ 1421 г., когда одинъ день барщины былъ введенъ въ Мазовецкой землѣ; затѣмъ, 1477 этотъ законъ былъ распространенъ на Холмскую землю, 1518 на Велюньскую и 1520 на Торнскую и Быдогощскую. ¹⁾ Такимъ образомъ, приведенная эпитаграмма на лѣнивыхъ кметей имѣетъ въ виду уклоненіе крестьянъ отъ одного обязательнаго рабочаго дня въ недѣлю. Но, какъ отмѣчаетъ С. Кутшеба, новые законы измѣнили къ невыгодѣ положеніе только тѣхъ крестьянъ, которые ранѣе пользовались привиллегіями нѣмецкаго права; для остальныхъ они представляли извѣстныя гарантіи, кото-

¹⁾ St. Kutrzeba. Historia ustroju Polski w zarysie. 2 изд. 1908, стр. 88—89. О. Бальцеръ. Къ исторіи общественно-государственнаго строя Польши. 1908, стр. 208—209. Papée. Polska i Litwa na przełomie wieków średnich. 346—348 (1904).

рыя землевладѣльцамъ были совсѣмъ не на руку. И съ развитіемъ хлѣбной торговли во второй половинѣ 16 вѣка на этой почвѣ не разъ происходили конфликты. Сатирикъ, какъ видимъ, жалуется на то, что и этотъ единственный день крестьяне обрабатываютъ недобросовѣстно. Были сторонники старой системы натуральной хлѣбной повинности (десятины или иной) еще и въ 17 вѣкѣ, но такихъ становилось все меньше ¹⁾. На социальное зло это сатирическое стихотвореніе бросаетъ такой же яркій свѣтъ, какъ и элегія о Тенчинскомъ. Такъ, характерно указаніе на бережливость, проявляемую кметями по отношенію къ желѣзной части плуга. „У нашихъ крестьянъ желѣзо не было въ большомъ ходу“, отмѣчаетъ кн. Любомирскій, изслѣдованіе котораго до нынѣ представляетъ большую важность. Между тѣмъ здѣсь оно представлено, какъ обычное явленіе въ хозяйскомъ быту.

Яркую картину „хорошаго тона“ даетъ пѣсня о томъ, какъ надо вести себя за столомъ, и о почитаніи женщинъ. Авторъ этого стихотворенія, Słota (Злота?), ближе неизвѣстенъ. Не изучено также ближайшее отношеніе этого свода хорошихъ правилъ къ западноевропейскимъ образцамъ, хотя само собою является предположеніе, что онъ заимствованъ съ Запада. И здѣсь слѣдуетъ произвести поиски прежде всего въ чешской литературѣ, къ которой направляетъ совокупность словъ, имѣющихъ чешскій обликъ: *rzecz* (рѣчь, чеш. *řec*), *drzewiej* (раньше, ст.—чеш. *drève*, теп. *dríve*) *przez* (почему) и т. д. Вотъ текстъ этого отрывка изъ старопольскаго „Домостроя“, проникнутаго рыцарскимъ отношеніемъ къ женщинѣ и культомъ Божьей Матери. „Господи, дай мнѣ о томъ вѣдать, чтобы я могъ что-нибудь повѣдать объ обѣденномъ столѣ (о *chlebowem stole*). Заберетъ себѣ все поле, что въ торбѣ и что въ столѣ, что на нивѣ вырастаетъ, все на столъ онъ выставляетъ, потому что столъ — баронъ (*wieliki swieboda* — чехизмъ, чеш. совр. *svobodný pan* — баронъ *freiherr*). На немъ стоятъ вино и пиво и, кромѣ того, мясо и хлѣбъ и много другихъ потребъ, кто что можетъ поставить по своему достатку. Утромъ (на тощакъ) никто не бываетъ весель, а какъ сядетъ за столъ, такъ ото всѣхъ мыслей избавится, можетъ спокойно сѣсть, и при томъ вдоволь поѣсть. А другой идетъ за столъ, сидитъ за нимъ, какъ воль, какъ будто

¹⁾ T. Ks. Lubomirski. *Rolnicza ludność w Polsce od XV do XVI wieku*. Bibliot. Warszaw. 1857 и слѣд. Цит. мѣста въ *Bibl. Warsz.* 1858, стр. 257, 274.

воткнулъ въ землю колъ; не беретъ тарелки для своей ѣды и не только не нарѣжетъ другому, а самъ лѣзетъ въ блюдо впередъ и сладко ему, какъ медъ! А чтобъ у него вскочилъ вередъ на губахъ! А ѣсть онъ со многими прекраснымъ поломъ (*twaga ciuda*, чехизмъ—ст.-чеш. *ciidny*, прекрасный), а руки у него грязныя, и она ведетъ къ нему рѣчь неискреннюю (скрываетъ свое отвращеніе; *ana*—*a ona*, т. е. прекрасный полъ, *ana*—чехизмъ). И нарѣжетъ полное блюдо на мелкіе кусочки, точно мотыкой работаетъ: лѣзетъ въ блюдо раньше другихъ, ищетъ вкусныхъ кусковъ; не стоитъ онъ ничего хорошаго. Зато всегда видятъ, что сидитъ почтенный человѣкъ: каждый слуга къ нему подойдетъ, все ему хорошенько уставить, лучшія блюда передъ нимъ поставитъ. Многіе на это не смотря; сидятъ, гдѣ его посадятъ; хочеть самъ усѣсться повыше, а потомъ сядетъ гораздо ниже. Иной еще и не вошелъ въ двери (изъ тѣхъ), кто сядетъ на его мѣсто, и тогда ему придется позорно встать (*przez dzięki*—чехизмъ: *bez dieky*, теперъ *bez deky*); лучше бы и не начинать. Иной бѣдный панъ будетъ и князьями знанъ, и на доброе званъ; тотъ имѣетъ право выше сѣсть, ему всякій окажетъ честь. Не можетъ быть такимъ паничъ, долженъ его въ этомъ поучить¹⁾ всякій (неясное мѣсто; *wszaki*—чеш. *vsaky*—всякій); чего не знаетъ воспитанный дома, о томъ расскажетъ ему ѣздившій за границу. У воды начинается честь; раньше, чѣмъ сядутъ ѣсть, ее на руки подають; затѣмъ старшіе знакомятся между собой (*tu się więc starszy poznają*) и затѣмъ садятся за столъ. Вотъ какъ надо братья за ѣду: отложивъ одно, надо жевать; многіе на то не смотря, что имъ говорятъ о чести, и при томъ хватаются за многое; къ тому, кто съ кѣмъ сядетъ рядомъ, онъ все время пристаеть съ разговорами; не хочеть послушать добрую рѣчь и другому не даетъ ее слушать. Барышни, вотъ чего держитесь: маленькіе куски рѣжьте передъ собой. Нарѣзай часто и мало, а ѣшь, пока только пока будетъ хотѣться. Какъ барышня, такъ и дама должны знать, что считается неприличнымъ. Но, рыцарь или пажъ (*paņosa*), чтите женскій полъ, какъ это приличествуетъ. Что имѣешь лучшаго на столъ передъ собой, угождай ей, чтобы она жила съ тобой. Ибо кто хочеть ихъ себѣ сохранить, того онѣ будутъ всѣ любить и за глаза хвалить. Вѣнецъ

¹⁾ *Росzczie* не даетъ смысла; быть можетъ, надо замѣнить черезъ *rousczie* (поучить)?

(всего) есть добродѣтельная госпожа, пропади тотъ, кто ее порицаетъ. Отъ Матери Божьей женщины такую силу имѣютъ, что передъ ними князья встаютъ и великую хвалу имъ воздаютъ. Я васъ хвалю, дамы и дѣвицы: ничего нѣтъ лучшаго въ сравненіи съ вами. Кто чтитъ женскій полъ, того награди, Божья Матерь, тѣмъ, что прими его въ слуги свои, сохрани отъ смертнаго грѣха и отъ внезапной смерти. Ибо дамами стоитъ веселье, котораго отъ нихъ бываетъ много, и отъ нихъ мы получаемъ все хорошее. Но только и сами позаботимся объ этомъ! И плохи тѣ, что имъ вредятъ, потому что (женщины) приводятъ насъ къ большей чести. Кто не знаетъ, почему это такъ, я скажу ему, если ему угодно. Кто имѣетъ почтенную мать, отъ нея получаетъ всю честь; изъ-за нея его никто не станетъ порочить; такую силу имѣетъ каждая добродѣтельная дама. Поэтому, ее намъ хвалить пристало, всякому, въ комъ только есть добрая душа. Примите это стихотвореніе (powiedanie) въ честь вашу, дѣвицы и госпожи! И ты милый господинъ мой, Злота, грѣшный слуга твой, просить за то твоей милости, удѣли намъ всѣмъ твоей радости!“

По своему содержанію приведенное стихотвореніе не представляетъ единства: оно даетъ нѣсколько отрывочныхъ указаній на правила хорошаго тона во время ѣды, причемъ все время вноситъ въ нихъ этическій моментъ, сюда не относящійся. Современныя чешскія руководства въ этомъ отношеніи гораздо болѣе цѣльны: такъ напр., въ правилѣ, какъ держаться за столомъ (15 в., у *I. Hanuš. Malý výbor ze staročeské literatury. 1863*), говорится о чисто внѣшнихъ приличіяхъ, не переходящихъ въ область морали. Въ другомъ памятникѣ того же содержанія рекомендуется садиться за столъ въ веселомъ настроеніи духа (*s dobrou myslí*), но и здѣсь о морали ни слова. Обѣденный этикетъ въ старочешскомъ быту связывался съ хорошимъ воспитаніемъ, но не съ душевными добродѣтелями¹⁾. Специально женщинамъ давалось западно-европейской литературой много наставленій, которыя касались какъ моральной, такъ и свѣтской стороны жизни. Сочиненіе Франческо да Барберино „*Del Reggimento e Costumi di Donna*“ (начала 14 в.) могло быть знакомо нѣкоторымъ польскимъ книжникамъ при рано начавшихся связяхъ между Польшей и Италіей²⁾. Здѣсь

¹⁾ *Z. Wintra sebrané spisy. II. Z rodiny a domácnosti staročeské. 1911, 283—292.*

²⁾ *A. Thomas. Franc. Da Carberino et la Littérature provençale en Italie au moyen âge. 1883. A. Гаспару. Исторія итальянской литературы. 1895. I. 169 и дал.*

бросается въ глаза также культъ Мадонны (хотя бы въ качествѣ аллегоріи), связанный съ отношеніемъ къ женщинѣ, но эта связь, конечно, имѣетъ слишкомъ общій характеръ. Авторъ польскаго стихотворенія обнаруживаетъ большую беспомощность переводилъ-ли онъ съ чешскаго языка или просто, какъ человекъ образованный въ литературномъ отношеніи, не былъ чуждъ чехизмовъ въ литературной рѣчи, во всякомъ случаѣ, онъ не все цѣликомъ взялъ изъ чешскаго, а самъ скомбинировалъ двѣ части: обѣденный хорошій тонъ и культъ женщины. Передъ нимъ стоялъ рыцарскій идеалъ, но справиться съ нимъ онъ не сумѣлъ и сейчасъ же отмѣтилъ практическую цѣль „почитанія женскаго пола“. Очень низкій уровень общественной культуры обнаруживаетъ это стихотвореніе, такое одинокое среди житій, гимновъ и схоластическихъ преній со смертью. И эротика польскаго Средневѣковья, отъ которой уцѣлѣли кое-какіе остатки, представляетъ такое же впечатлѣніе даже по сравненію съ бѣдной и грубой эротической лирикой чеховъ. Причина этого лежала, конечно, въ самомъ отношеніи общества къ любви и къ женщинѣ. Культъ этой послѣдней, выраженный въ приведенномъ стихотвореніи, не могъ быть широко распространенъ въ мало развитомъ обществѣ, любовь же занимала какъ въ частной, такъ и въ общественной жизни слишкомъ второстепенное мѣсто. „Она никогда не поднялась до высоты идеи, какъ въ представленіяхъ западнаго рыцарства или поэтическихъ грезахъ Петрарки, и не вырождалась въ слѣпую страсть, не разъ трагически разрѣшавшую судьбы человека, какъ въ романахъ 15 вѣка, гдѣ она нерѣдко сваливаетъ на головы героевъ несчастія и кары... При такомъ положеніи литературы и при подобныхъ нравственныхъ понятіяхъ иностранный романъ, хотя бы и попалъ въ Польшу, не могъ достигнуть высокаго значенія. Появляется онъ, однако, только въ началѣ 16 в., но въ очень скромномъ видѣ, безъ всякихъ претензій на признаніе и занятіе выдающагося положенія въ литературѣ. Произведенія этого рода приходятъ въ Польшу по большей части отъ нѣмцевъ, гдѣ они писались на національномъ или на латинскомъ языкѣ, представляя переводы или подражанія итальянскимъ и французскимъ оригиналамъ. По большей части, они предназначались для развлеченія низшей шляхты и издавались людьми, неизвѣстными въ литературѣ. Никакого вліянія на современную

письменность они не оказывают¹⁾. Такъ же опредѣленно говоритъ объ этомъ отсутствіи свѣтской повѣсти въ старопольской литературѣ и проф. А. Брюкнеръ (въ статьѣ „*Powieści polskie z w. XV—XVI*“. *Prace filologiczne* т. V. 1895). „Какъ слабо тѣла умственная жизнь въ Польшѣ 14 и 15 вѣковъ, говоритъ онъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ немногочисленность памятниковъ этой жизни, а еще больше ихъ односторонность и исключительность, ихъ господствующій надо всѣмъ аскетизмъ, указывающій на то, въ какихъ кругахъ и въ какихъ размѣрахъ обнаруживалась умственная жизнь... Мы понимаемъ, почему самыя популярныя латинскія повѣсти не расходились въ многочисленныхъ спискахъ въ средневѣковой Польшѣ; относительно говоря, онѣ встрѣчаются всего рѣже въ нашихъ библіотекахъ; даже въ такихъ обширныхъ собраніяхъ, каково петербургское или краковское, трудно найти рукопись романа объ Александрѣ, объ Аполлоніи и т. д.; только „Римскія дѣянія“ встрѣчаются чаще, потому что сборникъ этихъ разнороднѣйшихъ рассказовъ всегда былъ сопряженъ съ моральнымъ и мистическимъ толкованіемъ, такъ что прекрасно годился для каждаго проповѣдника. Если трудно найти романъ въ оригинальной формѣ, нечего и говорить о переводахъ: въ то время, какъ у чеховъ уже въ концѣ 14 и въ началѣ 15 вѣковъ имѣлись почти всѣ популярныя романы въ переводѣ на народный языкъ, польскихъ переводовъ не было; первые изъ нихъ появляются только въ концѣ столѣтія, опираются на древнѣйшія печатныя книги, а не на рукописи и не разъ обнаруживаютъ одну и ту же манеру, точно вышли изъ подъ одного пера“. Разсмотрѣвъ романъ объ Александрѣ, польскій переводъ котораго вышелъ только въ 1550 г., „исторію трехъ королей“ и „исторію страданій Господнихъ“, авторъ констатируетъ, что потребность усвоенія самыхъ интересныхъ и популярныхъ произведеній латинской средневѣковой романистики возникаетъ въ Польшѣ только подъ конецъ 16 вѣка.

Таковыми же обособленными, случайными оказались и тѣ немногіе образцы польской средневѣковой эротики, которые уцѣлѣли до насъ: эта эротика охватываетъ, поскольку она теперь извѣстна, нѣсколько отдѣльныхъ строфъ любовныхъ пѣсенъ и кое какія „*epistolae amatoriae*“. Даже не впадая

¹⁾ А. *Belcikowski*. *Słówwilka o najdawniejszém romansopisarstwie polskiem*. *Ze studyów nad literaturą polską*. 1886, стр. 107—108.

въ манію исканія чешскихъ вліяній, можно рѣшительно утверждать, что въ этой польской эротикѣ чешское вліяніе очень сильно. Такъ, сохранившееся въ польско-латинской рукописи каноническихъ предписаній 1460 г. стихотвореніе: „Ахъ, милый Боже, вотъ больно, когда хлопъ голову брееть палкой, а еще больше болитъ, когда милая предпочитаетъ другого“ — представляетъ просто переводъ съ чешскаго ¹⁾. Мотивы, очень обычные въ чешской эротикѣ 15 вѣка, разрабатываетъ жалоба на любовь: „Ахъ любовь, что ты сдѣлала, что ты меня такъ ослѣпила, что я такъ любви подпалъ, какъ будто никого на свѣтѣ не зналъ“ ²⁾ (ср. у Фейфалика 63: „Ахъ, тяжкая любовь, сколько у тебя силы: даешь страданья вдоволь и днемъ, и ночью“). Затѣмъ сохранилось польское обращеніе къ милой: „Люби, милая, люби вѣрно; имѣй его въ сердцѣ всегда вѣрно; вѣрно любимъ, неизмѣнимъ; кто нарушитъ, пусть дьяволъ возьметъ его душу“. Это стихотвореніе, повидимому, испорчено, такъ какъ смыслъ его неясенъ. Въ чешской поэзіи подобныя обращенія, восходящія въ свою очередь къ нѣмецкому миннезангу, обычны и ясны. Такъ, у Фейфалика № LXXIV гласитъ: „Ты, дорогая, владыка сердца моего, люби (miluj, въ польск. стих.: miłuj, miła) меня, слугу вѣрнаго“ и т. д. На мелкихъ отрывкахъ польской эротики я не буду останавливаться здѣсь: это всего два отрывочныя двустишія. Зато чрезвычайно интересно стихотворное посланіе, сохранившееся въ рукописи 16 вѣка, содержащей „Образцы польскихъ и латинскихъ писемъ“, но восходящее, какъ полагаетъ его первый издатель, В. Брухнальскій, по меньшей мѣрѣ къ половинѣ 15-го. Оно написано безъ соблюденія всякаго размѣра, но съ римами, высокопарнымъ стилемъ.“ Въ единствѣ и постоянствѣ сердца моего никому я не открою этого; только тебѣ, моя возлюбленная. Мое почтеніе, и поздравленіе, и поклоненіе, какъ это устано-

¹⁾ Польское стихотвореніе приведено въ статьѣ В. Брухнальскаго „Polskie listy miłosne“ (изъ Przewodnik Naukowy i Literacki. 1907), чешское Ю. Фейфаликомъ въ „Altdeutsche Leiche, Lieder und Sprüche des XIV und XV Jahrhunderts“. Wien. 1862, № XCIII. Вотъ оба текста:

польскій:	чешскій:
Ach, miły Boze, toć boli,	Ach kak welmi boli,
Kiedy chłop kijem głowę goli,	kdyż trdlem hlavu holi:
Ale barziej boli,	vsak více bolí,
Kiedy miła inszego woli.	když milá jiného zvoli.

²⁾ Эта пѣсня найдена въ рукописи 1408 года и напечатана Мацѣвскимъ въ Dodatkach. 43. Другая пѣсенка, приводимая Мацѣвскимъ тамъ же, стр. 44, заимствована изъ рукописи второй половины 15 вѣка.

влено обычаемъ (не понятно: bo tego jest w obyczajach wiele), и во второй разъ поздравленіе, и поклоненіе на оба колѣна, до самой земли. При этомъ, о возлюбленная, спрашиваю о твоёмъ здоровьѣ и тебѣ сообщаю о своёмъ. А обо мнѣ вѣдаетъ на небесахъ Господь Богъ, что я тебя люблю сердечной любовью, такъ что не могу перестать думать о тебѣ ни днемъ, ни ночью; хорошо еще, что отъ меня здоровье не улетѣло. И я бы тебѣ ничего не пожалѣлъ, чтобы могъ съ тобой, моя милѣйшая, наговориться и вдоволь помилиться (do wolej pamiętował). Ибо, моя милѣйшая, вы знаете, что это есть обычай его навѣщать одинъ другого (to jest obyczaj tego nawiedzić jeden drugiego). О! Боже всемогущій, который господствуешь надъ своимъ твореніемъ, отдали теперь печаль, которая господствуетъ надъ моимъ сердцемъ, потому что я долженъ ежечасно вздыхать и тебя, милую, всегда вспоминать. Если бы даже всѣ доктора разсуждали (argowali), все же бы моей печали не описали, ибо такъ изранено мое сердце; если бы были собраны всѣ мази, и аптеки опустошены, и тутъ не могли бы дать мнѣ помощи, развѣ одна Божья сила. Только ты, мой дражайшій другъ, ты прелестнѣйшій изъ всѣхъ, ты утѣшишь, ты охладишь, ты соизволишь меня излѣчить. Если бы всѣ птицы слетѣлись, онѣ на такую любовь подивились бы. А еще, моя милѣйшая, этимъ письмомъ я спрашиваю тебя: скажи мнѣ что-нибудь веселое для утѣшенія сердца моего, чтобы я не тужилъ (tużenie) такъ сильно, а будетъ этого слишкомъ много, я долженъ буду принять печаль за веселіе. Вѣдь ты знаешь о моей любви; имѣй же, моя милѣйшая, въ любви постоянство. И не дивись тому, что я печалюсь, не знаю почему. Живу и не знаю, что со мной дѣлается, почему иногда мое печальное сердце смѣется; и довольно мнѣ также терзаться мыслями, и не нужно просить о разлученіи. И не имѣй, моя милѣйшая, отъ тѣхъ словъ отчаянія, а только изволь этому повѣрить вполнѣ. И прошу, моя милѣйшая, покорно: изволь все это принять отъ меня милостиво. А затѣмъ поручу тебя Тому, что служить весь міръ Кому (буквально), и во второй разъ поручаю я Господу Богу, который всталъ въ третій день изъ гроба. Имени, милая, я своего не пишу ради людского подозрѣнія; ибо теперь, что молодые люди замѣтятъ, о томъ и вороны кричатъ. И ты, мой милый, что будешь читать это письмо, обними и поздравь мою милую, и если бы меня крѣпко и вѣрно любила, дай Боже, чтобы она долго (любовь) хранила.

А если я тебѣ милъ, хочу, чтобы это письмо всегда на тебя смотрѣло, а пока не сдерутся слова этого письма, до тѣхъ поръ ты, моя милѣйшая, не выйдешь изъ сердца моего. Аминь“. Въ чешской эротикѣ такія „посланія“ (epistolae) не представляютъ рѣдкости, но извѣстные мнѣ образцы ихъ гораздо выше въ художественномъ отношеніи и чужды той тривіальности, которая бросается въ глаза въ приведенномъ польскомъ. Авторъ этого послѣдняго, хотя и не переводилъ съ чешскаго, все же писалъ подъ вліяніемъ чешскихъ посланій. Слишкомъ велики частичныя совпаденія, чтобы можно было говорить объ оригинальности польской „эпистолы“. Порядокъ этой послѣдней напоминаетъ чешское любовное письмо (Feifalik 56—58) и женщина, какъ тамъ, такъ и здѣсь называется „возлюбленнѣйшей“ (pajmilejsí, namilsza)“. Въ другихъ отрывочныхъ любовныхъ обращеніяхъ, напечатанныхъ Ганушемъ (см. выше) и Эрбеномъ (Vybor z lit. české. II 639—648), жалобы (*tuzenie*, какъ въ польскомъ посланіи) тѣ же. Но приведенная польская „эпистола“ гораздо красочнѣе и интереснѣе. Въ ней много простодушной удалы, вообще характерной для старопольской поэзіи, много юмора въ сравненіяхъ. Цѣлое по существу такъ своеобразно, что можетъ быть признано оригинальнымъ польскимъ произведеніемъ. Совершенно въ томъ же духѣ латинское посланіе, найденное А. Брюкнеромъ въ Берлинской бібліотекѣ. Въ рукописи 15 вѣка къ латинскому трактату о злости женщинъ приписано нѣсколько любовныхъ посланій. Epistola ad dominicellam (Rozprawy, filolog. XXII 59 - 60) содержитъ, напримѣръ, такую строфу: „Omnes tui inimici, Bodaj wrychle kijem zbici i kapustą pluskani; Credo huc non increpares, annaten conservares, I z twą matką, Сна Pani!“

Такія двуязычныя стихотворенія были въ ходу и въ Чехіи. Ихъ книжное происхожденіе несомнѣнно. По странной случайности героиня любви польскаго поэта—*panna Elena*. Въ лирической поэзіи Средневѣковья были очень распространены пѣсни: „Elska, milá Eličko“ (чеш.), „O Elsein, liebstes Elsein mein“ или „O Elsla, livstes Elsla“ (Feifalik 114). Не отсюда-ли попала въ эту польскую книжную лирическую пѣсню и эта „Elička“, превращенная въ Панну Елену? Здѣсь любопытная картинка нравовъ: „Pater mens verax, sed est multum tenax. utique est bonus, quia est polonus, habet affectus varios, diligit denarios, post emit villas, quoniam it ad ancillas; dormire non possum, nec vult dare grossum“ и т. д.

Быть может, и это не есть оригинальное описание скупца, но, во всякомъ случаѣ, оно полонизировано и приурочено къ мѣстнымъ отношеніямъ, являясь, такимъ образомъ, отраженіемъ жизни въ старой польской письменности. Наконецъ, къ той же категоріи любовныхъ и шуточныхъ посланій относится прозаическое польское письмо „ad dilectam“, написанное, какъ примѣръ посланія, въ латинской реторикѣ 1428—1429 г. Авторъ этого письма человекъ образованный, не какой-нибудь школяръ, который не можетъ удержаться отъ грубой шутки. Онъ заставляетъ своего возлюбленного писать сдержанно и учтиво, предлагать свою „службу“ наимилѣйшей паннѣ. „Недавно“, повѣствуетъ этотъ герой, „случилось со мной такъ, что я могъ полюбить очень красивую pannу, но, когда я вспомнилъ о тебѣ, я не захотѣлъ это сдѣлать. И я прошу твоей любезности, чтобы все это осталось въ тайнѣ между тобой и мной и прошу твоей любезности, чтобы ты поклонилась моей матушкѣ“. Такъ, очевидно, велѣлъ писать хорошій тонъ 15 вѣка. Случайно уцѣлѣвшіе остатки польской средневѣковой поэзіи обличаютъ въ большинствѣ своемъ книжное происхожденіе или же восходятъ къ средневѣковымъ бродячимъ сюжетамъ, разносимымъ школярами, бродячими пѣвцами и актерами. Національно польскаго здѣсь очень мало, но въ тонѣ разсказа, въ классовой враждѣ, въ культѣ Божьей Матери и т. д. изъ-за заимствованныхъ сюжетовъ, формъ и образовъ выглядываетъ нѣчто своеобразно польское, достигшее своего наиболѣе яркаго выраженія въ 16 вѣкѣ.

Прежде, чѣмъ закончить эту главу о средневѣковой польской литературѣ, необходимо остановиться на такихъ писателяхъ 15 вѣка, которые въ эту эпоху расцвѣтающаго гуманизма остаются еще всецѣло на почвѣ средневѣковаго міровозрѣнія. Это первый ректоръ Краковскаго университета, Станиславъ изъ Скалмира (Stanislaw ze Skalmierza)¹⁾, произнесшій при открытіи Ягеллоновскаго университета въ 1400 году рѣчь о значеніи четырехъ факультетовъ. Это латинская рѣчь, посвященная восхваленію богословія и свободныхъ наукъ и опирающаяся на обычные средневѣковые авторитеты, Боэція и др. Станиславъ былъ воспитанникомъ Пражскаго универси-

---

¹⁾ Подробныя свѣдѣнія о польскихъ писателяхъ и ученыхъ 15 вѣка въ исторіи Краковскаго университета К. Моравскаго. *K. Morawski. Historia uniwersytetu Jagiellońskiego*: Т. I. Kraków. 1900. (то же существуетъ во французскомъ переводѣ).

тета, среди бакалавровъ котораго онъ называется въ 1382 г., но, повидимому, онъ остается совершенно чуждъ тому движенію, которое уже тогда начиналось въ Чехіи и привело въ началѣ слѣдующаго вѣка къ гуситству. Станиславъ не вышелъ въ рамокъ средневѣковаго міросозерцанія, и его рѣчи (при открытіи университета, при погребеніи королевы Ядвиги и т. д.) являются яркими образцами средневѣковой риторики (ср. К. Morawski. I. 89). Какъ политическій писатель, на Констанцскомъ соборѣ видное положеніе занялъ другой Краковскій ректоръ, Павелъ Влодковичъ изъ Брудзева, составившій трактатъ о власти папы и императора надъ язычниками, гдѣ онъ доказывалъ безправіе орденской политики по отношенію къ Польшѣ. Павелъ Влодковичъ былъ также воспитанникомъ Пражскаго университета, по окончаніи котораго (онъ сталъ бакалавромъ въ 1396 г.) онъ изучалъ каноническое право въ Падуѣ (1404). Въ его трактатѣ „de Annatis“ выступаетъ уже вполне опредѣленно духъ оппозиціи противъ злоупотребленій и корыстолюбія куріи (этотъ трактатъ изложенъ К. Моравскимъ I, 131—134). Но въ еретическія разсужденія Галки онъ не впадалъ, оставаясь на почвѣ ортодоксальныхъ стремленій къ реформѣ католической церкви. Въ такомъ же духѣ составленъ и его трактатъ „De potestate papae et imperatoris respectu infidelium“. Университетъ выставилъ не мало и другихъ лицъ, оставившихъ свое имя въ исторіи схоластической науки въ концѣ 15 в. Но въ настоящемъ трудѣ приходится ихъ миновать, ограничившись общей ссылкой на трудъ проф. К. Моравскаго. Я ограничусь здѣсь указаніемъ на писателя, уже прибѣгнувшаго къ національному языку. Именно, къ концу 15 вѣка относится длинное польское стихотвореніе, приписываемое св. Владиславу изъ Гельнева, *Cantilenna beato patre Ladislao Gielnovio composita anno Domini 1488*. Это описаніе крестной смерти Спасителя, не лишенное живого реализма, но по формѣ чрезвычайно слабое. Въ это время уже складывалась новая польская поэзія, хотя и на латинскомъ языкѣ, но монаха бернардина новыя вѣянія не коснулись, и онъ остается на почвѣ привычныхъ образовъ. „Исуса Іуда предалъ за жалкія деньги; Богъ Отецъ послалъ Сына на спасеніе душъ, Исусъ, когда ужинъ вкушалъ (*wieczerał*), свое тѣло раздавалъ, Апостоловъ своихъ печальныхъ своей кровью поилъ. Исусъ въ садъ вступилъ со своими приверженцами трижды молился Отцу за всѣхъ грѣшниковъ“ и т. д. Въ такой же

элементарно простой формѣ разсказъ ведется и дальше, до самаго снятія Іисуса съ креста. Послѣднія три строфы содержатъ обращеніе къ вѣрующимъ: „Чтите Іисуса въ алтарѣ, часто о немъ пойте, Марію прославляйте, къ ней прибѣгайте. Марія за страданія, которыя ты терпѣла, удали отъ насъ печали, дай намъ вѣчную радость. Трижды пятьдесятъ разъ скажите: Богородице Дѣво, и за каждымъ десяткомъ скажите одинъ Pater Noster, пятнадцать размысленій о Божьихъ страстяхъ. Тотъ, кто такъ поступалъ, на небо попалъ. О Іисусъ Назарейскій, царь іудейскій, охрани христіанскій людъ отъ дьявольской силы. Ради твоей милой матушки (dla twey miley matuchny) отпусти намъ грѣхи, дай намъ послѣ смерти небесное блаженство“. Эта поэзія надолго пережила Средневѣковье. Въ народномъ быту она сохранилась такъ же, какъ древнія колядки, какъ церковныя представленія, выродившіяся въ „Шопку“. Въ 16 вѣкѣ, когда образованные классы уже пережили періодъ латинскихъ гуманистическихъ увлеченій и наслаждались роскошной польской поэзіей Кохановскаго, тотъ средневѣковой литературный типъ продолжалъ жить въ народныхъ массахъ со своими житіями, виршами, свѣтскими романами. И потомъ онъ опять поднялъ голову, когда эпоха темнаго іезуитскаго рабства прервала правильное развитіе свѣтской литературы. Въ область польской колонизаціи, въ Кіевъ, Литву, Украину, эта масса средневѣковыхъ литературныхъ переживаній перешла, чтобы сыграть здѣсь большую культурную роль. И, какъ извѣстно, южно-русская школа въ Московскомъ царствѣ явилась піонеркой свѣтской поэзіи, которой было суждено сблизить Россію съ Западомъ черезъ Польшу.

Г л а в а VI.

Историческая и политическая литература 15 в. Длугошъ, Остророгъ.

Въ предшествующей главѣ были упомянуты два польскіе писателя 15 вѣка, которые стояли уже на высотѣ тогдашняго европейскаго знанія. Это были ректоръ Ягеллонскаго университета, Станиславъ изъ Скалмира, авторъ цѣлаго ряда рѣчей, и Павелъ Влодковичъ. Оба они связали свои имена съ важнѣйшими событіями изъ жизни польскаго народа, съ учре-

жденіемъ его высшей школы и съ борьбой противъ грознаго напора рыцарей. Отъ нихъ идетъ цѣлый рядъ политическихъ и историческихъ писателей 15 вѣка, которые подготовили сближеніе Польши съ гуманистическими теченіями западно-европейской культуры. Не имѣя возможности подробно остановиться здѣсь на нихъ, ограничусь нѣкоторыми указаніями, пользуясь, преимущественно, извѣстнымъ сочиненіемъ Цейсберга, а также *Monumenta Poloniae historica* и исторіей Краковскаго университета проф. К. Моравскаго.

Такъ какъ борьба съ крестоносцами продолжалась и во второй половинѣ 15 вѣка, то трактатъ Павла „*Causa inter reges Poloniae et Cruciferos coram concilio Constantiense ex parte Polonorum dicta a. d. 1416*“ (Ср. Morawski. I. 145 и дал.) нашло себѣ подражателей. Въ 1456 году королю Казимиру посвятилъ „*Tractatulus contra cruciferos regni Poloniae invasores*“ Генрихъ Збигнѣвъ изъ Горы, богатый рыцарь и сынъ кастеляна. О жизни его извѣстно не много. Въ лѣтнемъ полугодіи 1454 г. онъ числится студентомъ Краковскаго университета, какимъ былъ и тогда, когда писалъ свой трактатъ. Въ 1465 г. онъ выступаетъ на судѣ въ спорѣ со своими братьями изъ-за имѣній. „Повидимому, поселившись въ деревнѣ, онъ посвятилъ свою жизнь земледѣльческому труду, потому что мы не встрѣчаемъ его ни на какомъ служебномъ посту. Быть можетъ, страшныя нападки, съ которыми онъ обрушился въ своемъ трактатѣ на новое направленіе политики Казимира Ягеллоновича, преградили ему доступъ къ дальнѣйшей карьерѣ“ (О. Бальцеръ *Mon. Pol. hist.* IV. 146). Моментъ, когда выступилъ со своей политической брошюрой Збигнѣвъ, былъ эпохой перелома отъ средневѣковыхъ политическихъ воззрѣній къ новымъ. Когда послѣ принятія въ польское подданство (февр. 1454) прусскихъ городовъ и шляхты, открывалась перспектива неизбѣжной долготѣней войны съ орденомъ, а у короля не было денегъ на наемъ солдатъ, особенно же нужныхъ ему чеховъ, то онъ рѣшилъ порвать со старой неприкосновенностью церковныхъ имуществъ. Осенью 1455 года обложенію подвергаются и духовныя имѣнія въ различныхъ епархіяхъ, при чемъ рѣшительное сопротивление оказываетъ только краковская, во главѣ которой стоитъ Збигнѣвъ Олесницкій. Въ самомъ началѣ 1456 года собирается соборъ въ Петроковѣ, который вступаетъ въ борьбу съ королевскими мѣропріятіями и объявляетъ ихъ незаконность. На сторонѣ

Олесницкаго стоитъ въ своей брошюрѣ и краковскій студентъ, Генрихъ Росперскій или De Gora. Это всецѣло партійное сочиненіе, отстаивавшее взгляды консервативной партіи вопреки „младшимъ“ (juniores), къ которымъ примыкалъ самъ король. Senes id est spirituales (старцы, т. е. духовныя лица) являются въ его глазахъ носителями всякаго авторитета; младшіе, administratores nostrae Reipublicae, лишены политическихъ добродѣтелей: это честолюбцы, чревоугодники, занятые больше всего своими развлечениями, змѣи, которыя разрываютъ лоно своей матери и т. п. Стоя на клерикальной точкѣ зрѣнія, Генрихъ такъ же гнѣвно набрасывается и на чешскихъ наемниковъ, которые служили съ самаго начала войны въ польскихъ рядахъ. И еретическая неблагонадежность этихъ „богемцевъ“, и еще больше то обстоятельство, что на нихъ приходилось тратить „не малыя суммы“, глубоко возмущаютъ автора, который, борясь за свой политическій принципъ церковнаго иммунитета, забываетъ свою первоначальную тему, доказательство справедливости войны съ Крестоносцами. Для уровня тогдашней образованности характерны какъ живой и яркій слогъ Генриха, такъ и множество авторитетовъ, на которые онъ ссылается: онъ знаетъ и отцовъ церкви, и латинскую юридическую литературу, и латинскихъ классиковъ. Это достойный предшественникъ позднѣйшей польской политической литературы на національномъ и латинскомъ языкахъ. Такой же характеръ переходныхъ воззрѣній носить дѣятельность Сендзивоя изъ Чехлія, который принималъ горячее участіе въ Базилейскомъ соборѣ и, вопреки лагерю Олесницкаго, считалъ войну съ орденомъ за правое и законное дѣло, но при этомъ горячо отстаивалъ принципъ независимости церкви отъ свѣтской власти и выступалъ во имя этого противъ Казимира Ягеллоновича. При этомъ онъ являлся горячимъ поклонникомъ „піерійскихъ музъ“ и античной литературы въ духѣ гуманизма и, какъ вообще кружокъ Олесницкаго, питалъ весьма живой интересъ къ исторіи. И по своей личности Сендзивой былъ яркимъ предшественникомъ позднѣйшаго польскаго гуманизма (Morawski. Hist. Uniw. Jagiel. II. 31—45).

Партія Збигнѣва Олесницкаго въ своей упорной борьбѣ съ Казиміромъ широко пользовалась литературой: она не удовлетворилась распространеніемъ памфлета Генриха во многихъ экземплярахъ, но прибѣгла и къ поэтической формѣ. Между 1460 и 1468 годами возникло стихотворное произве-

деніе въ формѣ разговора между тремя вымышленными собесѣдниками, которые названы Thomas, Ioannes, Gorias ¹⁾). Авторъ бесѣды былъ почитателемъ покойнаго епископа.

По его словамъ, „это была воплощенная справедливость, доброта, терпѣніе и добродѣтель, сильная вѣра и постоянство. Это былъ епископъ (вождь, praesul) въ полномъ значеніи этого слова и этими добрыми дѣлами онъ заслужилъ себѣ небесное блаженство“. Святые и мудрые люди, рассказываетъ далѣе авторъ, пріѣзжали познакомиться съ Олесницкимъ. „Самъ Капистранъ, украшающій міръ святыми (своими) добродѣтелями, явился (къ нему), будучи почетнымъ гостемъ царства. Я уже счастливъ, сказалъ онъ, и умру блаженный, послѣ того, какъ увидѣлъ лицо и добродѣтель Збигнѣва. И уходя печально, старецъ покрылъ тысячью поцѣлуевъ его помазанныя руки (manibus sacratis) и прибавилъ: привѣтъ тебѣ, твердая колонна вѣры, вѣчный привѣтъ. И тебѣ привѣтъ, новая звѣзда! Такъ отвѣтилъ епископъ дружественными словами и оба, залившись слезами, разлучились тѣлесно, соединившись во Христѣ въ любви“. Въ такой риторической формѣ ведется рассказъ въ этомъ разговорѣ, который еще болѣе замѣчателенъ по своему стиxu: это уже не средневѣковые леонины, не риѳмованные, грубо сколоченные вирши, но правильные гекзаметры, уже предвѣщающіе скорое наступленіе гуманизма въ Польшѣ.

Авторъ стоитъ на опредѣленной политической позиціи. Въ самомъ началѣ разговора онъ указываетъ на тяжелыя условія, въ которыхъ пришлось дѣйствовать Олесницкому. Онъ не ушелъ отъ зависти злыхъ людей (odiis malorum). Но это естественно, отвѣчаетъ другой собесѣдникъ: въ борьбѣ закаляется добродѣтель; фортуна преслѣдуетъ человѣка, имѣющаго высшее счастье (felicem). Такимъ былъ Збигнѣвъ. Въ чемъ же главная заслуга его? Здѣсь опять обнаруживается строгая католическая лояльность автора: онъ прежде всего подчеркиваетъ заслугу Олесницкаго въ борьбѣ съ „нечестивой, достойной геенны чешской ересью“, которая уже „загрязнила многіе слабые умы“. но съ опасностью для собственной жизни „бдительный епископъ“ подавилъ ее. Затѣмъ онъ основалъ Іерусалимскую бурсу для студентовъ Краковскаго университета, содѣйствовалъ укрѣпленію ордена бернардиновъ въ Краковѣ, для

¹⁾ X. Ludwik Piotrowicz. Dyalog o Zbigniewie Oleśnickim. Wiersz Iaciński. Archiwum do dziejów lit. i ośw. w Polsce t. II. (1882).

которыхъ устроилъ монастырь, благотворилъ. Не менѣ высоко авторъ стихотворенія ставитъ политическія заслуги Збигнѣва.

Ему Польша обязана своимъ единствомъ. „Напалѣ на Витовта (*Witowdo* вм. *Witołd*) злое желаніе замѣнить великое княжество королевскимъ скипетромъ. Онъ хотѣлъ отрѣзать это священное Литовское царство. Какъ много бѣдъ создалъ бы такой раздѣлъ; какія великія скорби и войны онъ сулилъ въ будущемъ христіанамъ, епископъ взвѣсилъ въ своемъ умѣ“. Благодаря усиліямъ Олесницкаго, старый Ягелло отказался отъ согласія, даннаго Витольду, на отдѣльную литовскую корону. Однако, Збигнѣву ставили многое въ вину: его противники говорили, что напрасно онъ посадилъ на венгерскій престолъ молодого Владислава Варненчика, что противъ воли короля онъ домогался кардинальской шляпы. У автора имѣются на все возраженія и, не отрицая, что Олесницкій стремился къ кардинальскому сану, онъ спѣшитъ прибавить, что этотъ послѣдній представляетъ честь для всего народа.

Но особенно интересно, что ему ставили въ вину и согласіе на принятіе прусскихъ городовъ въ польское подданство, хотя, какъ извѣстно, Олесницкій противился этому, лишь потому, когда это стало неизбежно, перейдя на сторону партіи войны. И справедливо одинъ изъ собесѣдниковъ, Горіасъ, замѣчаетъ: „Предусмотрительный умъ его предсказывалъ въ будущемъ войны вслѣдствіе этого шага, и потому совѣтовалъ спросить мнѣніе высшаго пастыря вѣрующихъ. Такимъ образомъ, происшедшее не было слѣдствіемъ его совѣтовъ, но мнѣніемъ совѣта болѣе сильнаго и смѣлаго (*consilii rocioris et magis audacis*, очевидно тѣхъ *juniores*, въ которыхъ металъ свои стрѣлы Генрихъ). И епископъ, сколько разъ его ни спрашивали о совѣтѣ, всегда указывалъ, какія битвы (*prelia quanta*) насъ ожидаютъ“. Въ заключеніи разговора авторъ обращается съ наставленіемъ къ королю Казимиру, уча его придерживаться во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ права и справедливости. Такъ въ половинѣ 15 в. около личности Збигнѣва Олесницкаго уже разгорѣлся политическій споръ. Въ сущности, это былъ споръ о положеніи церкви въ государствѣ. Партія Олесницкаго отстаивала средневѣковой принципъ преобладанія церкви, младшая партія, сгруппировавшаяся около короля, добивалась осуществленія иного, противоположнаго начала¹⁾. Какъ извѣстно, побѣдила послѣдняя партія.

¹⁾ Объ этой борьбѣ, которая выходитъ за предѣлы исторіи польской литературы, см. первая глава во второмъ томѣ „Исторіи ягеллонскаго университета“ проф. К. Моравскаго.

Характеренъ для этого времени образованія новыхъ политическихъ идеаловъ интересъ къ исторіи, къ ея изученію, собранію памятниковъ и новому историческому синтезу.

Въ школахъ изучали сочиненіе Винцентія Кадлубка, которое снабжалось глоссами и комментаріями. Изъ комментаторовъ извѣстенъ краковскій Янъ Домбровка, расцвѣтъ котораго относится къ половинѣ 15 вѣка: въ 1436 году онъ написалъ свой трудъ, который преслѣдовалъ главнымъ образомъ риторическія цѣли, но въ то же время возбуждалъ въ обществѣ интересъ къ своему прошлому. Къ школьнымъ же потребностямъ Цейсбергъ сводитъ и генеалогическіе труды, сохранившіеся въ рукописяхъ и относящіеся въ своей древнѣйшей части къ Винцентію. Эти генеалогическія таблицы представляютъ списокъ польскихъ князей и королей отъ Пяста до Ядвиги, или отъ Кракуса до Казимира Ягеллоновича. Къ исторіи польское общество 15 вѣка чувствовало тѣмъ болѣе живой интересъ, что при развитіи шляхетскихъ привилегій, открывавшихъ шляхтѣ участіе въ государственной жизни, было естественно заняться прошлымъ страны. А хроники, по выраженію Цейсберга, превратились, кромѣ того, въ арсеналы, откуда заимствовалось оружіе въ политическихъ диспутахъ. Самъ Збигнѣвъ Олесницкій, вызвавшій такую страстную полемику, былъ представителемъ этого новаго пониманія исторіи. Олесницкій былъ человекъ образованный. Онъ окончилъ курсъ въ Краковскомъ (Казиміровскомъ) университетѣ и, какъ шляхтичъ, участвовалъ въ битвѣ при Грюнвальденѣ, въ которой случай позволилъ ему спасти жизнь самого короля. Это обстоятельство на всю жизнь сблизило Ягелла съ Олесницкимъ, и въ 1422 году этотъ послѣдній былъ уже Краковскимъ епископомъ. До смерти короля онъ принималъ видное участіе въ управленіи государствомъ и, какъ отмѣчаютъ его панегиристы, ревностно отстаивалъ идею недѣлимости польско-литовскаго государства. Послѣ же Ягеллы, въ малолѣтство Владислава Варненчика положеніе Олесницкаго стало еще важиѣе, такъ какъ онъ сдѣлался его регентомъ. Враждующіе между собою папы Евгений IV и Феликсъ V, оба старались пріобрѣсти благосклонность могущественнаго епископа и пожаловали его въ кардиналы. Но Олесницкій занялъ нейтральную позицію, чѣмъ фактически освободилъ польскую церковь отъ всякаго папскаго авторитета, и впослѣдствіи призналъ законнымъ папой Николая V, который утвердилъ епископа въ званіи кар-

динала. Самовластный Олесницкій не терпѣлъ чужого авторитета; его конфликтъ съ младшимъ сыномъ Ягеллы, Казиміромъ, былъ неизбеженъ, но въ этомъ столкновеніи сочувствіе шляхты было не на сторонѣ епископа, и онъ умеръ вскорѣ послѣ своего политическаго паденія. Стоя въ продолженіе почти всей жизни такъ близко къ верховной власти, Олесницкій сталъ подбирать историческіе матеріалы, письма, родовую хронику и т. п., и существуетъ предположеніе, что свое собраніе краковскій епископъ передалъ для обработки Длугошу. Литературнымъ наслѣдіемъ Олесницкаго являются его письма, часть которыхъ собрана въ „Codex epistolaris saeculi XV“ (Monumenta Medii Aevi historica, res gestas Poloniae illustrantia). Я останавлиюсь на письмѣ, которое ярко характеризуетъ суровую личность епископа. Оно ¹⁾ писано въ 1453 г. королю Казиміру и содержитъ рѣзкія нападки на его правленіе въ видѣ объясненія, почему онъ не хочетъ ѣхать на сеймъ. „Мнѣ, удрученному годами и болѣзнями, ѣздить на совѣщанія становится тяжелой обязанностью. Напрасно и настаивать: прежде, при жизни вашего отца и брата, я часто бывалъ на сеймахъ, а теперь испытываю какое-то отвращеніе къ сѣздамъ, потому что нынѣ на нихъ не столько совѣщаются, сколько ссорятся“. Король не исполнилъ тѣхъ совѣтовъ, которые давалъ ему Олесницкій, и „ты это сдѣлалъ, прибавляетъ онъ, что я рѣшилъ удалиться отъ всякихъ государственныхъ и частныхъ Вашего Величества дѣлъ“. Что же ставилъ въ вину королю этотъ выдающійся государственный человѣкъ? Во первыхъ привилегіи, данныя евреямъ и признанныя королемъ, помимо епископа и совѣтниковъ, противорѣчація въ нѣкоторыхъ пунктахъ „вѣрѣ и религіи христіанской“. Это была пора чрезвычайнаго обостренія отношеній къ еврейству и въ Польшѣ, и въ сосѣднихъ странахъ. Нѣмецкій поэтъ Хельблингъ восклицаетъ: „Der Juden ist gar zu viel hie in diesem Lande“. Такимъ образомъ во первыхъ, привилегіи евреямъ старый епископъ ставилъ въ вину королю. Во вторыхъ, угнетеніе бѣднаго люда подводной повинностью. „По этому поводу дѣлается много недостойнаго; всякій, кто хочетъ, глумится надъ подданными В. Кор. Милости, а жители городовъ и мѣстечекъ, которыхъ отецъ В. К. Милости освободилъ отъ этихъ повинностей особыми привилегіями, отъ отчаянія и не будучи въ

¹⁾ *M. Wiszniewski. Pomniki historyi i literatury Polski (безъ года) 84—91.*

силахъ вынести такое угнетеніе, разбѣгаются“. Третья провинность короля въ глазахъ стараго епископа заключалась въ его отношеніи къ монастырскимъ имуществамъ: „что только нашлось въ монастырскихъ кладовыхъ, что только сумѣли прикопить трудъ и бережливость аббатовъ и настоятелей, ты все отбирашь и отнимаешь. И по этимъ причинамъ ты заставляешь меня выступить на защиту бѣдныхъ людей и монастырей“. Здѣсь тонъ Олесницкаго становится очень рѣзокъ, и епископъ грозитъ королю, что открыто выступить противъ него, какъ св. Станиславъ противъ Болеслава. Изъ дальнѣйшаго текста письма мы видимъ, что главной привиллегіей евреевъ, возмущавшей епископа, было разрѣшеніе имъ носить обыкновенное платье, которымъ они не отличались отъ христіанъ. По увѣренію Олесницкаго, въ оцѣнкѣ королевскихъ дѣйствій съ нимъ были солидарны и другіе епископы польскаго королевства. Но едва-ли онъ былъ правъ, такъ какъ въ общественномъ мнѣніи конечная побѣда досталась королю. Письмо Олесницкаго, какъ неоднократно подчеркиваетъ самъ авторъ его, предназначалось для общества. Это было политическое посланіе, которое ставило себѣ цѣли государственнаго характера. И потому ему мѣсто въ исторіи политической литературы Польши. Олесницкій явился выразителемъ того настроенія, которымъ жила извѣстная часть духовенства. Принципіально она стояла еще всецѣло на средневѣковой точкѣ зрѣнія, но ей уже не были чужды гуманистическія литературныя вѣянія, и латинскій языкъ, которымъ говорятъ приверженцы Олесницкаго, и Генрихъ, и авторъ „Диалога“, и самъ Длугошъ, уже не тотъ витіеватый и вмѣстѣ съ тѣмъ варварскій языкъ, на которомъ писалъ Винцентій.

Другой писатель 15 вѣка, Станиславъ Цѣлэкъ (1382—1437), славился своимъ обширнымъ образованіемъ и оставилъ послѣ себя, по свидѣтельству Длугоша, „много прекрасныхъ книгъ“. Онъ принималъ чрезвычайно дѣятельное участіе въ политической жизни страны, стоя близко къ королю Ягеллѣ, но постоянно измѣняя ему ради Витовта ¹⁾. Сохранившееся его стихотвореніе, какъ и дошедшія о немъ извѣстія, рисуютъ его личность въ очень непривлекательномъ свѣтѣ. Когда король,

¹⁾ Объ его политической дѣятельности, которая не входитъ въ рамки настоящихъ лекцій, см. въ книгѣ *St. H. Badeni. Stanisław Ciołek. Biskup Poznański. 1900.* Письма Ст. Целка напечатаны въ „Codex epistolaris Saeculi XV“ (3 части).

къ неудовольствію шляхты, женился на Елизаветѣ Грановской (1417), и началась борьба вельможъ противъ коронаціи ненавистой королевы, Ягелло пригрозилъ отреченіемъ отъ трона, и тогда оппозиція должна была замолчать. Къ этому же времени относится, навѣрное, и политическая сатира Целка, въ которой онъ изображаетъ короля въ видѣ льва, императора Сигизмунда въ видѣ орла и т. д., а самой Елизаветѣ удѣляетъ образъ свиньи¹⁾. Но авторъ отдѣлался кратковременнымъ удаленіемъ отъ двора и вскорѣ выступаетъ уже въ роли вице-канцлера, а потомъ становится епископомъ Познанскимъ. И онъ крѣпко держится за партію Олесницкаго. Ко времени, когда Целэкъ стоялъ во главѣ королевской канцеляріи, относится сборникъ документовъ, гдѣ среди дѣловыхъ бумагъ попадаются неприличныя латинскія стихотворенія, выдержки изъ Овидія, „эпитафія“ одной церкви. Циникъ, любитель старой классической литературы, поэтъ и дѣлецъ Целэкъ является уже типической фигурой въ духѣ гуманизма, провозвѣстникомъ позднѣйшихъ польскихъ гуманистовъ. Такъ, около самого Олесницкаго уже назрѣвали новыя теченія. Событія уже требуютъ своего отраженія въ поэтической и политической литературѣ. Битва при Варнѣ (1444) вызываетъ появленіе двухъ латинскихъ стихотвореній; такое мелкое событіе, какъ сраженіе между литовскимъ великимъ княземъ Сигизмундомъ и претендентомъ на престолъ Свидригайлomъ (1435), описывается очень обстоятельно какимъ-то польскимъ писателемъ въ письмѣ къ неизвѣстному важному духовному лицу. Пишутся мѣстныя хроники на латинскомъ языкѣ (мазовецкая, сандомирская и др.). Общее умственное движеніе отразилось и на духовной жизни, богословская наука оказала свое воздѣйствіе на церкви и монастыри. Въ 15 в. мы встрѣчаемъ отчасти старинныя учрежденія, въ которыхъ опять начинается живая дѣятельность, отчасти рядъ нововозникшихъ монастырей, уже одно основаніе которыхъ свидѣтельствуетъ объ усилившемся интересѣ къ умственной жизни. Эта же потребность создаетъ цѣлый рядъ людей, которые пользуются славой праведниковъ, но вслѣдствіе измѣнившихся условій времени уже не могутъ освѣтиться нимбомъ старыхъ святыхъ (Zeissberg 185). Проявляютъ значительную энергію и ордена. Такъ, крупная роль принадлежитъ

¹⁾ .... de nuptiis leonis cum quadam porca fetidissima multiplicitate fetus exhausta (о бракѣ льва съ какой-то свиньей, отродьемъ вонючаго стада). „Codex epistolaris saec. XV“. I. 50. Ср. Bardeni. Назв. соч. стр. 14-15.

теперь августинамъ (Canonici regulares Lateranenses S. Salvatoris, ordinis S. Augustini) и паулинамъ, которые въ концѣ 14 в. перебрались въ Польшу изъ Венгрии и устроились въ Ченстоховѣ на Ясной Горѣ, цистерціанамъ, изъ монастырей которыхъ въ 15 в. особенно процвѣталъ монастырь въ Могилѣ, и бернардинамъ, которымъ Іоаннъ изъ Капистрано создалъ въ Польшѣ много приверженцевъ среди наиболѣе образованныхъ людей страны. Такимъ образомъ, въ половинѣ 15 вѣка Польша была проникнута новыми политическими, религіозными и литературными интересами.

Однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ писателей 15 вѣка является Янъ Длугошъ, исторіографъ Польши.¹⁾ Отецъ его принадлежалъ къ небогатой шляхтѣ и происходилъ изъ Сѣрадзскаго воеводства, гдѣ его роду принадлежали два небольшіе фольварка. Благодаря важному подвигу, совершенному имъ въ битвѣ при Грюнвальденѣ, онъ приобрѣлъ расположеніе Витольда и получилъ въ награду видную должность бургграфа въ королевскомъ замкѣ Бржезницѣ близъ Радома, а потомъ королевскаго старосты (губернатора) въ Новомъ Корчинѣ. Эти должности приносили хорошій доходъ, и отецъ Яна Длугоша, тоже Янъ, продалъ свои родовые фольварки и купилъ нѣсколько имѣній въ Малой Польшѣ, а братъ его, капеланъ Ягеллы, Вареоломей, присутствовалъ во время сраженія и послѣ побѣды получилъ отъ короля пробощство въ мѣстечкѣ Клобуцкѣ, которое считалось особенно доходнымъ. Такимъ образомъ, небогатая и незнатная семья сразу приобрѣла вѣсъ и довольно большое состояніе. Но она уже слишкомъ быстро росла: у рыцаря Яна Длугоша было двѣнадцать сыновей, которыхъ всѣхъ онъ называлъ своимъ именемъ Янъ. Такая семья требовала и большихъ расходовъ, такъ что въ число магнатскихъ родовъ Длугоши не попали, хотя это былъ старый родъ: свидѣтельства о немъ начинаются съ 1310 года. Историкъ былъ четвертымъ сыномъ старосты. Два старшіе брата его умерли, и онъ оказался вторымъ по возрасту въ этой длинной вереницѣ Яновъ Длугошей. Онъ былъ слабъ здоровьемъ, серьезенъ по характеру, и уже съ дѣтства родители готовили ему духовную карьеру. Шестилѣтнимъ

¹⁾ *M. Bobrzyński i St. Smolka. Jan Długosz. Jego życie i stanowisko w piśmiennictwie. Krak. 1893. Semkowicz. Krytyczny rozbiór „Dziejów polskich“ Jana Długosza do r. 1374. Krak. 1887. Старшая литература у Цейсберга. Полное издание сочиненій Длугоша принадлежатъ гр. А. Пшездецкому. 1867 г. и слѣд. Въ своемъ изложеніи я придерживаюсь перваго изъ названныхъ сочиненій, а также изданія Пшездецкаго.*

мальчикомъ его отдали въ начальную школу въ Новомъ Корчинѣ, и легенда окружила уже первые шаги этого ребенка; увѣряли, что онъ былъ такъ прилеженъ, что до разсвѣта отправлялся изъ замка въ школу, плакалъ, когда стража не скоро открывала ему ворота крѣпости. Изъ Новокорчинской школы маленькій Янъ перешелъ въ другія, пока не оказался въ 1428 г. студентомъ Краковскаго университета на пригготовительномъ философскомъ факультетѣ. Приѣхавъ въ Краковъ въ сопровожденіи „магистра“, онъ оказался не въ состояніи вынести „суровую и холодную натуру“ этого послѣдняго и поступилъ въ „бурсу богатыхъ“, гдѣ получалъ за извѣстную плату содержаніе и научную помощь. Три года онъ провелъ въ этой бурсѣ и покинулъ университетъ, не получивъ никакой ученой степени. Повидимому, схоластическое направленіе философскаго факультета его не удовлетворяло. Въ предисловіи къ своей исторіи онъ даетъ это понятъ: „Извѣстно, что знакомство со старой исторіей и съ событіями какъ отечественными, такъ и иностранными, признаваемое мудрецами матерью добродѣтели и учительницей жизни, приноситъ человѣческому роду не меньшую пользу, чѣмъ философія. Философія учитъ добродѣтели и указываетъ дорогу къ ней, но исторія является болѣе сильнымъ побужденіемъ къ великимъ предпріятіямъ и подвигамъ. Философія только воспламеняетъ и побуждаетъ къ дѣламъ, исторія же представляетъ дѣла уже выполненныя, указываетъ высокіе примѣры мужества, энергіи, нравственной серьезности, благочестія и вѣры“ и т. д. По мнѣнію Длугоша, исторія воспитываетъ людей именно этимъ изображеніемъ героическаго, а не „диспутами и опредѣленіями“, которыми орудуетъ философія. Юношей Длугошъ покинулъ университетъ, не стремясь къ ученымъ богословскимъ степенямъ, но приобрѣтя въ стѣнахъ его знаніе латинскаго языка, привычку логически мыслить, охоту къ научной работѣ. Изъ университета Длугошъ поступилъ въ канцелярію З. Олесницкаго нотаріемъ, т. е. писцомъ. Въ этой незначительной должности Длугошъ оставался, кажется, довольно долго, но это не помѣшало его сближенію съ Олесницкимъ, о чемъ повѣствуетъ его старинный біографъ. Такъ, въ 1440 году онъ составилъ подробный реестръ епископскихъ имѣній, нѣсколько лѣтъ спустя отъ имени епископа совершилъ приобрѣтеніе части Силезіи, княжества Сѣверскаго (pro terra et ducatu Severiensi). Личное положеніе Длугоша было обезпечено пожалованіемъ ему бенефиціи (1434—5), въ 1436 г. онъ былъ посвященъ въ капел-

ланы, а еще раньше дядя уступилъ ему свое богатое пробощство. Вскорѣ Олесницкій пожаловалъ молодому капеллану очень важное званіе краковскаго каноника, но лишь нѣсколько лѣтъ спустя онъ получилъ санъ священника. Близкая дружба съ Олесницкимъ была упрочена въ это время помощью, которую Длугошъ ему оказалъ: во время неожиданнаго нападенія на епископа онъ защитилъ его „не безъ великой опасности для собственной жизни“. Такимъ образомъ, въ возрастѣ 30 лѣтъ Длугошъ стоялъ уже въ самомъ центрѣ тогдашней польской политики, воспитываясь въ школѣ Олесницкаго, который при Владиславѣ Варненчикѣ управлялъ почти самовластно высшими дѣлами государства, замѣняя короля и ведя сложную борьбу съ гуситствомъ. „Въ школѣ Олесницкаго, говорятъ авторы книги о Длугошѣ, онъ сталъ приверженцемъ теократической системы, которая отвергала самостоятельность государства, дѣлала его слугой церкви, представляющей высшій нравственный порядокъ. Изъ этой школы Длугошъ вынесъ искреннее увлеченіе всѣмъ тѣмъ, къ чему Олесницкій стремился съ неутомимой послѣдовательностью, не разъ одерживая побѣды, т. е. къ борьбѣ съ полумѣсяцемъ, къ распространенію польскаго вліянія на Русь и на Литву, къ возвращенію потерянныхъ польскихъ земель, особенно Силезіи. Изъ этой школы онъ вынесъ и глубокую неприязнь ко всему тому, что Олесницкому мѣшало выполнить его планы, а именно къ гуситскому движенію и къ сепаратическимъ стремленіямъ литовскихъ и русскихъ пановъ, и къ Ягеллонской династіи, которая въ лицѣ Ягеллы не разъ парализовала планы Олесницкаго, а въ лицѣ Казимира Ягеллоновича окончательно низвергла его. Что въ рукахъ Краковскаго епископа и министра оставалось политикой и средствомъ къ достиженію дальнѣйшихъ цѣлей, то для Длугоша становилось догматомъ его нравственной и политической вѣры“.

Только въ 1448 году Длугошъ выступаетъ въ отвѣтственной и самостоятельной роли. Въ Римѣ шла сложная интрига, связанная съ дарованіемъ Олесницкому кардинальской шляпы, и одно время дѣло казалось проиграннымъ для епископа; между тѣмъ въ начинавшейся борьбѣ его съ королевской властью это было бы огромнымъ пораженіемъ. Одно посольство за другимъ отправлялись въ Римъ, но все было безуспѣшно, пока Длугошъ не добился въ іюль 1449 года осуществленія желанія честолюбиваго епископа. Вернувшись домой, онъ

былъ отправленъ епископомъ съ новымъ важнымъ дипломатическимъ порученіемъ въ Венгрію, которое ему также удалось выполнить. Но, чѣмъ болѣе благопріятенъ для Олесницкаго былъ оборотъ, который принимали теперь дѣла, тѣмъ враждебнѣе долженъ былъ отнестись къ личности его друга король Казимиръ. Въ 1450 г. Длугошъ въ первый разъ встрѣтился съ нимъ и, хотя король ясно показалъ епископскому секретарю свое неблаговоленіе, но мягкой натурѣ Длугоша была чужда неприязнь, и онъ увѣрялъ Олесницкаго, что король еще молодъ и исправится, что кардиналу удастся направить его на добрый путь и т. д. Въ этомъ справедливо видятъ доказательство политической незрѣлости Длугоша, который, очевидно, плохо ориентировался въ значеніи конфликта между королемъ и кардиналомъ. Ему казалось, что достаточно избавить Казимира отъ дурныхъ вліяній, и все пойдетъ хорошо, согласно желаніямъ и пониманію Олесницкаго. Длугошу хотѣлось стать между двумя партіями и примирить ихъ, избавивъ отъ крайности обѣ. Отдѣльные дурные поступки онъ осуждаетъ, кто бы ихъ ни совершалъ. Онъ находитъ у себя достаточно гражданскаго мужества, чтобы рѣзко возмутиться поведеніемъ краковскаго воеводы Тенчинскаго, который, желая насолить королю, покровительствовалъ разбоямъ и беззаконіямъ, а между тѣмъ Тенчинскій былъ горячимъ сторонникомъ Олесницкаго. И еще разъ Длугошъ поддержалъ не епископа, а короля, когда этотъ послѣдній отстаивалъ свое право назначать епископовъ. Но общаго взгляда на отношеніе церкви къ современному ему государству у Длугоша или не было, или это былъ традиціонный взглядъ, заимствованный у Олесницкаго. Жизнь создавала противорѣчія, но надъ ними Длугошъ не задумывался. Только тогда, когда король на сеймѣ 1451 г. не захотѣлъ дать безусловнаго превосходства надъ гнѣзненскимъ архіепископомъ кардиналу Олесницкому, а согласился по очереди призывать ихъ на за сѣданія, Длугошъ рѣшительно выступилъ противъ этого рѣшенія, тѣмъ болѣе, что здѣсь малопольская епархія ставилась на одинъ уровень съ великопольской. Это оскорбляло мѣстный патріотизмъ епископскаго секретаря. „Изъ всѣхъ частей нашей земли я считаю первенствующей краковскую епархію: и небо въ ней самое мягкое, и почва самая плодородная, и люди самые образованные, и разуму здѣсь больше всего“. Произошелъ острый конфликтъ между Казимиромъ и Олесницкимъ, который захотѣлъ поугатъ короля претендентомъ на литовскій великокняжескій

престоль, Михаиломъ Сигизмундовичемъ. Изъ этихъ претензій ничего не вышло, но въ глазахъ партіи Олесницкаго этотъ авантюристъ получилъ характеръ какого-то мученика за правду.

Такая партійная точка зрѣнія окрашиваетъ все историческое міровоззрѣніе Длугоша опредѣленными цвѣтами; тѣ, кто на сторонѣ Олесницкаго, или кого поддерживаетъ Олесницкій, хороши и справедливы, враги же его люди злые, порочные, шайка негодяевъ. И даже, когда кардиналъ, ослѣпленный ненавистью, приноситъ въ жертву своимъ личнымъ чувствамъ миръ въ государствѣ, Длугошъ продолжаетъ имъ восхищаться, цитируетъ его рѣчи, считаетъ, что король, нарушившій привилегіи клира, достоинъ низложенія. Идея избранія новаго короля кажется ему „спасительной“, хотя въ концѣ концовъ вся борьба сводилась не къ принципиальному вопросу объ отношеніи свѣтской власти къ духовной, а къ личной обидѣ Олесницкаго на Казимира. Однако, въ вопросѣ о присоединеніи Поморья, которое было такъ дорого польскому сердцу, Длугошъ разошелся съ кардиналомъ и только привелъ его соображенія противъ политики вражды съ Орденомъ.

Олесницкій приблизилъ къ себѣ молодого Длугоша, сдѣлалъ его чиновникомъ своей канцеляріи, потомъ далъ ему возможность проявить свои дипломатическія способности. Онъ же побудилъ Длугоша взяться за историческій трудъ. Къ этой работѣ секретарь Олесницкаго былъ уже подготовленъ трудомъ, который онъ совершилъ въ 1440 году: „проникнувшись жалостью къ печальному положенію краковской церкви, говорить онъ: я переписалъ замки, города, деревни, десятины и всѣ иные доходы и всѣ права и привилегіи этого епископства“. При составленіи реестра приходилось использовать тѣ документы и историческіе матеріалы, которые хранились въ архивѣ епископства. Пришлось завязать отношенія и съ людьми, у которыхъ имѣлись нужные свѣдѣнія и собранія матеріаловъ. При дворѣ Олесницкаго онъ вращался среди самыхъ образованныхъ и блестящихъ людей своего времени, и онъ убѣждался, что съ его скромнымъ образованіемъ ему далеко до ихъ стили: „они ничего не хвалятъ, что не имѣетъ элегантности и гладкости стили Цицерона, а мнѣ до этого далеко“, говоритъ Длугошъ въ предисловіи. Дворъ епископа былъ однимъ изъ центровъ гуманистическаго „возрожденія“, которое встрѣчало оппозицію въ Краковскомъ университетѣ. А дальнѣйшія путешествія въ Италію привели Длугоша въ соприкосно-

веніе съ самымъ источникомъ гуманизма. Какъ ни мало своимъ скуднымъ образованіемъ онъ годился въ „гуманисты“, все же эти вліянія не прошли даромъ въ образованіи его личности, но глубоко на ней не отразились. Его поѣздка въ Св. Землю 1450 была „хожденіемъ“ въ духъ Средневѣковья. Однако цѣльности въ характерѣ Длугоша уже нѣтъ; это чело­вѣкъ переходнаго времени, и найденная старая латинская рукопись Тита Ливія или другого писателя его такъ же радуетъ, какъ какого-нибудь итальянскаго гуманиста. И на языкѣ у него начинаютъ вертѣться имена классическихъ боговъ и героевъ. „Дальше онъ не пошелъ, а остановился на полѣ дорогъ между старымъ средневѣковымъ міромъ и новой системой мыслей, стремленій и убѣжденій, къ которой смѣло приводило все болѣе сильное движеніе Возрожденія“. (Jan Długosz. 62). Прежде всего Длугошъ и не былъ отъ рожденія. и не сдѣлался потомъ скептикомъ, отрицателемъ.

Къ 1448 году относятся первые литературные опыты Длугоша. Это были описанія тѣхъ знаменъ, которыя были взяты у крестоносцевъ во время Грюнвальденскаго сраженія и висѣли въ соборѣ надъ гробницей св. Станислава (Banderia Pruthenorum), и описаніе гербовъ польскихъ шляхетскихъ родовъ и всѣхъ частей Польскаго королевства (Insignia seu clenodia regni Poloniae). Для цѣльнаго труда онъ чувствовалъ недостатокъ въ матеріалахъ и горько жаловался на „небрежность и лѣнь“ польскихъ писателей, которые не позаботились оградить славу отечества отъ забвенія. Да и какъ взяться за работу, Длугошъ не зналъ до тѣхъ поръ, пока послѣ долгихъ исканій не познакомился наконецъ съ Ливіемъ и не увидѣлъ въ немъ своего идеала историка. Это было уже въ началѣ пятидеся­тыхъ годовъ 15 столѣтія, когда особенно обострилась борьба между Олесницкимъ и королемъ. Смерть епископа потрясла Длугоша и заставила его рѣшительно приняться за работу, на которой покойный такъ настаивалъ, и которую его памяти онъ теперь и посвятилъ. Съ 1455 года Длугошъ приступаетъ къ своей огромной задачѣ, стремясь дать первую связную исторію Польши. Онъ началъ сразу описаніе „древнихъ и современныхъ событій“ такимъ образомъ, что подвигалъ одновременно двѣ части своей исторіи: съ древнихъ временъ и съ 1410 г., когда впервые появляется на историческомъ поприщѣ Олесницкій; для этой современной исторіи у него уже имѣлся обширный матеріалъ въ видѣ тѣхъ или другихъ замѣтокъ,

идушихъ прямо или косвенно отъ Олесницкаго. Эта работа шла такъ быстро, что въ 1457—1458 году событія были доведены въ его изложеніи до 1443 года. Планъ у него уже былъ выработанъ заранѣе для всего труда. „Мнѣ казалось подходящимъ дѣломъ раздѣлить все это сочиненіе на 12 книгъ. Первая будетъ заключать въ себѣ печальную исторію славянъ и ихъ племени поляковъ, рассказывая о томъ, что дѣлалось у нихъ подъ управленіемъ языческихъ государей. Другая будетъ повѣствовать о томъ, какъ поляки обратились отъ язычества къ вѣрѣ Христовой и получили корону королевства. Третья о томъ какимъ образомъ польское королевство, обновленное Казимиромъ монахомъ, пало при Болеславѣ. Четвертая покажетъ преемника Болеслава Владислава и побѣдоносные подвиги его сына. Пятая распри между князьями вслѣдствіе распаденія королевства на многіе удѣлы. Шестая домашніе неурядки и несчастія. Седьмая жестокія опустошенія татаръ и канонизацію св. Станислава. Восьмая возстановленіе короны королевства княземъ Великой Польши, Пржемыславомъ. Девятая войны и побѣды Владислава Локотка и нанесенные Польшѣ чехами и крестоносцами при сынѣ его Казимирѣ страшные удары и угрозы. Десятая и одиннадцатая по очереди разсмотримъ времена государей иностранныхъ управленія. Двѣнадцатая событія войнъ, которыя польскій народъ велъ съ чехами, нѣмцами и турками, защищая вѣру и родину при двухъ короляхъ, Владиславѣ и Казимирѣ“. Этотъ планъ указываетъ на то, что Длугошъ, приступая въ 1455 г. къ писанію исторіи, имѣлъ достаточно ясное представленіе о совокупности польской исторіи, хотя по книгамъ матеріалъ его количественно сильно колебался.

При этомъ Длугошъ ввелъ въ свою исторію важное новшество, подробный географическій очеркъ страны, о судьбахъ которой онъ рассказываетъ, а также обзоръ исторіи сосѣднихъ странъ. Такимъ образомъ, достигалась гораздо большая ясность самой исторіи польскаго народа: было видно, въ какихъ географическихъ и хронологическихъ условіяхъ она складывалась. Къ этой цѣли Длугошъ стремился сознательно, какъ видно изъ его словъ: „Если кто станетъ упрекать меня въ томъ, что я не только описывалъ исторію Польши, но и касался событій чешскихъ, венгерскихъ, русскихъ, прусскихъ, саксонскихъ, литовскихъ и римскихъ, а кромѣ того, давалъ малоизвѣстную исторію папъ, императоровъ и королей, пусть онъ знаетъ, что я дѣлалъ это намѣренно, стремясь къ освѣщенію

истины". При отсутствіи подходящихъ источниковъ и обработанныхъ матеріаловъ, Длугошу приходилось въ осуществленіи этого намѣренія ограничиваться нерѣдко малосвязными указаніями на то, что происходило въ извѣстное время въ другихъ странахъ. И дома онъ нашель мало готоваго матеріала, нужно было неутомимо рыться въ архивахъ монастырей, церквей, королевской канцеляріи и судовъ, чтобы раздобыть нужные источники. Въ этомъ отношеніи Длугошъ обнаруживаетъ большую добросовѣстность: онъ изучаетъ нѣмецкій языкъ, чтобы читать хронику Виганда, научается уже въ преклонномъ возрастѣ русскому языку, чтобы въ подлинникъ читать лѣтописи. И въ предисловіи онъ не могъ обойти молчаніемъ эту скудость своихъ матеріаловъ: „въ то время, какъ исторія другихъ народовъ и государствъ покрыта славой, потому что въ изображеніи ея соперничали самые замѣчательные писатели, поляки за столько вѣковъ имѣли лишь немного историковъ, да и тѣ оставили слишкомъ краткія извѣстія; ничтожное число польскихъ королей, князей и другихъ героевъ сохранило память о своихъ дѣйствіяхъ въ исторіи; слава многихъ другихъ сошла вмѣстѣ съ ними въ могилу и навѣки угасла". Такимъ образомъ, Длугошемъ, когда онъ принимался за свой многолѣтній трудъ, руководило желаніе представить самую обстоятельную исторію своего народа. Въ своемъ образцѣ, Титѣ Ливіи, онъ нашель идеаль яснаго, связнаго, прагматическаго изложенія, въ которомъ блестящія характеристики дѣйствующихъ лицъ даются ихъ собственными рѣчами. Длугошъ также хотѣлъ дать прагматическую исторію, причемъ долженъ былъ прибѣгать къ собственнымъ домысламъ и комбинаціямъ; но придуманныхъ рѣчей онъ избѣгалъ, такъ какъ художественнымъ даромъ не обладалъ. Напротивъ, задумавъ характеристику своего героя, онъ принимался за пространныя описанія его личности, вставлялъ анекдоты изъ его жизни и т. п. Какъ человѣкъ, исполнявшій при Олесницкомъ щекотливыя дипломатическія порученія и управлявшій обширными епископскими имѣніями, Длугошъ отлично понималъ все значеніе документовъ и сумѣлъ ихъ использовать въ своей исторіи лучше, чѣмъ его предшественники, хотя, напр., папскими буллами пользовались и анонимъ Галль (въ исторіи конфликта между Болеславомъ и св. Станиславомъ), и другіе писатели (въ Сандомирской хроникѣ папская булла 1296 г.). Благодаря этимъ особенностямъ своего образования, чуждаго схоластическаго педантизма, благодаря живости и воспримчивости своей личности, которая отозвалась

на новые запросы гуманизма, не разрывая однако и со стариной, благодаря наконец своему практическому смыслу и умѣнію разбираться въ документахъ, Длугошъ больше, чѣмъ кто-либо иной, былъ подготовленъ къ писанію исторіи Польши. При поискахъ матеріаловъ оказалось такое обиліе мелочей, что включить все въ исторію оказалось невысказано, и Длугошъ, сверхъ нея, составилъ каталоги епископовъ по епархіямъ. Эти списки дали въ своей окончательной обработкѣ сводку историческихъ данныхъ о жизни епископовъ вроцлавскихъ, познанскихъ, гнѣзненскихъ, плоцкихъ и краковскихъ. Эта работа заняла больше десяти лѣтъ.

Длугошъ не сдѣлался кабинетнымъ ученымъ и послѣ смерти Олесницкаго. Въ качествѣ каноника вліятельнаго и богатаго краковскаго капитула, онъ долженъ былъ принимать участіе и въ политической жизни страны, и въ финансовыхъ мѣропріятіяхъ капитула. Покойный краковскій епископъ назначилъ его своимъ душеприказчикомъ, и исполненіе его завѣщанія стоило Длугошу большихъ хлопотъ и непріятностей со стороны семьи Олесницкаго. Въ управленіи имѣніями капитула господствовала неурядица, и для приведенія въ порядокъ этого важнаго дѣла были избраны два каноника съ обязательствомъ ревизовать капитульныя имѣнія. Въ число этихъ двухъ визитаторовъ (ревизоровъ) попалъ и Длугошъ, который здѣсь то и познакомился съ „бенефиціями“ краковскаго епископства, описанными имъ впослѣдствіи въ выдающемся громадномъ трудѣ „*Liber beneficiorum*“. Не прекращалась и дипломатическая дѣятельность его, получившая теперь характеръ уже не церковныхъ переговоровъ по порученію епископа, но государственнаго дѣла по назначенію самого короля. При этомъ, однако, Длугошъ не выступаетъ на первомъ мѣстѣ, но, по большей части, при комъ-нибудь состоитъ, играя будто бы второстепенную роль, но, по существу, являясь, конечно, самымъ виднымъ, опытнымъ и вооруженнымъ историческими знаніями дипломатомъ. Первымъ изъ такихъ дѣлъ является поѣздка его весной 1457 г. въ Данцигъ съ цѣлью упросить подчинившіяся недавно Польшѣ прусскія „сословія“ дать въ займы около 20 тыс. дукатовъ для уплаты недостающей суммы наемнымъ войскамъ. Эта цѣль была достигнута съ помощью ловкихъ дипломатическихъ маневровъ, и затѣмъ мы находимъ Длугоша на сеймѣ, который долженъ былъ, не склоняясь на мирныя предложенія гросмейстера ордена, продолжать съ нимъ войну. Какъ знатокъ отно-

шеній ордена къ Польшѣ, Длугошъ могъ быть особенно полезенъ военной партіи, и дѣйствительно, эта послѣдняя въ 1460 году побѣдила. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, когда начались переговоры о наслѣдїи чешской короны и о другихъ дѣлахъ между Юріемъ Падебрадомъ и Казиміромъ Ягеллоновичемъ, Длугошъ постоянно принимаетъ и въ нихъ самое дѣятельное участіе. Но уже въ половинѣ 1460 г. произошло его рѣзкое столкновеніе съ королевской властью на почвѣ борьбы духовенства за право свободнаго избранія епископа, такъ какъ король требовалъ избранія своего кандидата. Въ наступившемъ расколѣ Длугошъ вмѣстѣ съ немногими людьми рѣшительно сталъ на сторону законно избраннаго епископа и долженъ былъ бѣжать изъ Кракова. Разгнѣванный король не только конфисковалъ всѣ доходы Длугоша, но даже велѣлъ забрать его личное имущество. Капитулъ краковскій, перейдя въ своемъ большинствѣ на сторону короля, не поддержалъ Длугоша, который послалъ ему письмо, исполненное большой горечи. Дѣло завершилось въ январѣ 1463 года примиреніемъ епископа съ королемъ, добровольнымъ отказомъ его отъ епископства и амнистіей его приверженцамъ, въ февралѣ Длугошъ опять засѣдаетъ въ капитулѣ. „Понемногу онъ примиряется съ королемъ, но это уже другой Длугошъ, не тотъ, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ ѣздилъсь посольствами въ Маріенбургъ или Бытомъ. Эти два тяжелые года борьбы вызвали важный переворотъ въ его жизни и воззрѣніяхъ“. Онъ понялъ, что тѣ времена, когда король склонялся передъ авторитетомъ церкви, прошли безвозвратно, и теперь онъ сближается съ Казиміромъ больше прежняго. Король цѣнилъ въ людяхъ независимость и самостоятельность убѣжденій, и Длугошъ, который проявилъ эти достоинства въ высшей степени, импонировалъ ему, такъ что сближеніе недавнихъ враговъ было психологически подготовлено. И вотъ опять Длугошъ среди дипломатовъ, отправляющихся въ 1464 г. на новый съѣздъ съ представителями ордена, и потомъ онъ остается въ числѣ людей, ведущихъ продолжительные и сложные переговоры съ орденомъ, прусскими и ганзейскими городами и т. д. Наконецъ, 19 окт. 1466 г. былъ заключенъ Торнскій миръ, подчинившій орденъ верховному владычеству Польши и вернувшій ей Поморье. О томъ, какъ Длугошъ былъ радъ этой побѣдѣ, видно изъ его исторіи, въ которой онъ со всей присущей ему душевной свѣжестью и непосредственностью озаглавливаетъ одинъ параграфъ: „Составитель

этой хроники радуется, что при жизни его Пруссія соединилась съ Польскимъ королевствомъ“ (въ изд. Пшездецкаго т. VI. 445). Вотъ что онъ пишетъ здѣсь: „(1467) И я, пишушій эти хроники, чувствую не малую радость по поводу окончанія Прусской войны, возвращенія странъ, давно отпавшихъ отъ Польскаго королевства, и присоединенія Пруссіи къ Польшѣ. Огорчало меня, что до сихъ поръ различные племена и народы терзали и разрывали Польское королевство. Теперь же я считаю счастливыми и себя, и своихъ современниковъ, что своими глазами мы видѣли соединеніе родныхъ странъ въ одно цѣлое, а еще счастливѣе я сталъ бы, если бы дождался возвращенія, по Божьей милости, и воссоединенія съ Польшей Силезіи, Любушской и Слупской земель, въ которыхъ находятся три епископства, основанныя великимъ королемъ Польскимъ Болеславомъ и отцемъ его Мечиславомъ, т. е. Брацлавское, Любушское и Каменское. Съ радостью я сошелъ бы въ могилу, и отдыхъ мой въ гробу былъ бы болѣе сладокъ“. Человѣкъ, который такъ чувствовалъ, не могъ быть чуждъ создателю широкой Ягеллоновской идеи, Казимиру, и мелкія свары изъ-за церковныхъ дѣлъ не могли надолго оторвать его отъ короля, проводника дорогой ему идеи воссоединенія польскихъ земель. И притомъ на этой почвѣ онъ соединялъ замыслы короля съ традиціями Олесницкаго, который возвращеніе Силезіи Польшѣ призналъ одной изъ важнѣйшихъ задачъ своей политики. Какъ бы подчеркивая свое согласіе съ мечтами Длугоша, король Казимиръ назначилъ его въ 1467 г. воспитателемъ своихъ сыновей.

Однако не прекращается и дипломатическая дѣятельность Длугоша. Въ чешскомъ вопросѣ онъ занялъ то положеніе, которое выставилъ король Казимиръ: именно, онъ настаивалъ на примиреніи Юрія Падебрада съ папой, тогда какъ этотъ послѣдній предлагалъ Казимиру низложить еретика Юрія и занять чешскій престолъ. Длугошъ отправился въ октябрѣ 1467 г. въ Прагу въ составѣ посольства, которое должно было склонить Юрія къ компромиссу съ папой. Объ этой миссіи Длугошъ подробно рассказываетъ въ своей исторіи (кн. 12). Онъ приводитъ содержаніе рѣчи, произнесенной послами, которые совѣтовали чешскому королю подчиниться во всемъ вмѣстѣ со своимъ народомъ папѣ, и указываетъ, что „это посольство было Юрію болѣе, чѣмъ его сенаторамъ, неприятно и тягостно. Ибо онъ не привыкъ слышать о католическихъ дѣлахъ,

и потому рѣчь королевскихъ пословъ показалась ему слишкомъ смѣлой и оскорбительной. Расходились и между людьми различные слухи, такъ какъ вслѣдствіе различія мнѣній одни превозносили польское посольство до небесъ, другіе же возмущались имъ, обижаясь на то, что польскій король предписываетъ имъ законы и обязанности въ дѣлахъ, касающихся вѣры. Но потомъ королевскіе послы въ частыхъ бесѣдахъ съ Юріемъ уговорили его и сумѣли побѣдить его твердое и гордое сердце совѣтами и увѣщаніями“. Посредничество Казимира было принято, но въ дальнѣйшемъ положеніе дѣла не удовлетворило никого, и по существу миссія Длугоша и его товарищей оказалась неудачной, вслѣдствіе чего въ новомъ посольствѣ Длугошъ уже не принималъ участія. Но онъ продолжалъ по прежнему горячо интересоваться чешскимъ вопросомъ, и когда въ іюль 1471 года его воспитанникъ, Владиславъ Казимировичъ, будучи избранъ преемникомъ послѣ умершаго чешскаго короля Юрія, поѣхалъ въ Прагу на коронацію, въ его свитѣ находился и Длугошъ, котораго католическая партія чешскихъ вельможъ просила принять санъ пражскаго архіепископа. Но положеніе архіепископа, назначеннаго королемъ, который самъ получалъ корону изъ рукъ утравкистовъ, было слишкомъ щекотливо. По тѣмъ или инымъ соображеніямъ Длугошъ не принялъ сана и вернулся домой, гдѣ получилъ новыя пожалованія и мѣсто въ гнѣзненскомъ капитулѣ. Тѣмъ не менѣе, Длугошъ испытывалъ какое-то чувство неудовлетворенія. Есть данныя, что и личныя отношенія его къ королю почему-то опять испортились, и событія 1474 года, ознаменовавшагося войной между венгерскимъ королемъ Матвѣемъ Корвиномъ и польскимъ королемъ, освѣщены Длугошемъ съ явнымъ пристрастіемъ. По его словамъ, польское войско отличалось только грабежами и насиліями, шляхта за долгій миръ привыкла къ бездѣйствию и „обабилась“, надъ королемъ Казимиромъ и друзья смѣялись и т. п. Однако въ 1478 г. онъ снова берется за исполненіе дипломатическаго порученія и ѣдетъ въ Будапешть для переговоровъ съ венгерскимъ королемъ, который подбивалъ къ новой войнѣ съ Польшей орденъ крестоносцевъ и готовился помочь ему нападеніемъ на Польшу. Длугошу удалось заключить съ нимъ трактатъ, „не столь почетный, сколько необходимый“, говоритъ онъ, прикрывая сущность дѣла, которая заключалась въ отказѣ отъ новыхъ завоеваній въ орденскихъ земляхъ. Въ Польшѣ, однако, не смотря на увѣре-

нія Длугоша, что ему удалось предотвратить „шесть пожаров“, отнеслись къ результатамъ его переговоровъ несочувственно, а король просто и не считался съ ними. Длугошъ, который былъ такъ хорошъ на вторыхъ роляхъ, въ качествѣ исполнителя чужихъ плановъ, толкователя чужихъ идей, проявилъ на этотъ разъ неспособность добиться успѣха въ сложныхъ комбинаціяхъ, дѣйствуя самолично. Тѣмъ не менѣе, громадныя заслуги его въ дѣлѣ просвѣщенія, устройства монастырей и бурсы для краковскихъ студентовъ, въ дѣлѣ дипломатическихъ переговоровъ и воспитанія королевскихъ сыновей получили наконецъ признаніе, и въ концѣ 1479 года шестидесятилѣтній старецъ былъ избранъ королемъ на должность Львовскаго архіепископа, но подтвержденія этого избранія со стороны папы Длугошъ такъ и не дождался: онъ умеръ 19 мая 1480 года, доведя почти до времени смерти своей работу надъ своей исторіей. Двѣ главы его исторіи описываютъ событія 1480 года: „король Казимиръ сидитъ въ Литвѣ дольше, чѣмъ этого хотѣлъ Польскій сенатъ“, и „Матвѣй, король Венгерскій, выздоровѣвъ скорѣе всякаго ожиданія, нападаетъ на Австрію“. Затѣмъ слѣдуетъ „нѣсколько словъ автора въ заключеніе“. Это трогательное прощаніе съ міромъ, радость, что не смотря на всѣ препятствія, „при горькихъ разочарованіяхъ и почти сходя уже въ могилу, онъ достигъ конца своего труда“.

Эта радость была законна. Громадныя собранія матеріаловъ, толстые томы польской исторіи съ древнѣйшихъ временъ до самыхъ послѣднихъ мѣсяцевъ жизни, списки епископовъ, представляющіе исторію нѣсколькихъ польскихъ епархій, инвентарь всего земельного имущества краковскаго епископства были результатомъ научной работы Длугоша, которая обнаруживаетъ неутомимый и живой умъ, свободный отъ схоластической заплѣснѣлости и обладающій достаточно широкимъ кругозоромъ. Онъ совершилъ въ польской литературѣ переходъ отъ хроники, какой была вся польская исторіографія до него, къ исторіи. Не будучи умомъ смѣлымъ и оригинальнымъ, Длугошъ не внесъ чего-нибудь новаго въ пониманіе польской старины и слѣпо держался своихъ старыхъ источниковъ, Галла и Кадлубка. Пониманіе историческаго процесса въ новѣйшемъ значеніи этого слова, историческая перспектива, интересъ къ исторической истинѣ безъ всякихъ побочныхъ соображеній: все это, конечно, чуждо Длугошу. Древнѣйшій бытъ польскаго народа представляется ему въ идиллическихъ очертаніяхъ: въ это время не

было „ни враговъ, ни ненависти, не было войнъ съ посторонними народами...; всѣ жили въ мирѣ и согласіи, свободные, счастливые и безопасные, такъ что вѣкъ царствованія Леха, его сыновей и внуковъ можно назвать правильнѣе золотымъ вѣкомъ, а не Леховымъ“. Затѣмъ въ исторіи Длугоша выступаетъ весь пантеонъ миѳическихъ польскихъ королей, при чемъ Краку удѣлено опять восторженное описаніе. „Въ царствованіе его старые города и села украшались новыми постройками, и въ обширныхъ пущахъ возникали новыя поселенія“. Но, какъ послѣ смерти потомковъ Леха наступило разложеніе монархическаго строя, анархія и упадокъ государства, такъ и послѣ Крака „поляки захотѣли, освободившись отъ ярма самовластия, вернуться къ давней свободѣ“. И на этотъ разъ однако не вышло ничего хорошаго. Длугошъ является такимъ образомъ рѣшительнымъ сторонникомъ сильной монархической власти. Но, человекъ эпохи, въ которую представленія о шляхетской и церковной свободѣ были уже сильно развиты, Длугошъ доказываетъ, что монархическій принципъ, лежавшій въ основаніи польской исторіи отъ Попеля до его времени, связанъ со свободнымъ признаніемъ монарха со стороны народа. Вообще, говорятъ авторы названнаго сочиненія объ этомъ историкѣ: „Длугошъ признаетъ современный ему строй нормальнымъ и отодвигаетъ начало его въ очень далекія баснословныя времена. Укрѣпляется же этотъ строй еще въ до христіанскую эпоху, какъ результатъ долгихъ колебаній между желѣзнымъ деспотизмомъ и республиканской свободой. Уже при Кракусѣ Польша получила права, которыя она сохранила въ ненарушимомъ видѣ до временъ Длугоша; даже должность воеводъ восходитъ своими корнями къ этой эпохѣ“ (J. Długosz. 153). Да и размѣры этого первоначальнаго польскаго государства представлялись историку громадными: оно охватывало все западное побережье Балтійскаго моря и на югѣ достигало Карпатъ. Не имѣя никакого представленія, вслѣдствіе тогдашняго состоянія историческихъ источниковъ, о борьбѣ этого первоначальнаго польскаго государства съ нѣмцами, Длугошъ рисовалъ себѣ его могущество въ самыхъ яркихъ чертахъ.

Подходя къ явленіямъ съ моральной точки зрѣнія, Длугошъ не могъ не замѣтить, что зло вовсе не наказуется на землѣ. Онъ задумался надъ этой проблемой и разрѣшилъ ее по обычному религіозному шаблону: „Такая судьба могла бы

показаться людямъ очень скверной, если бы души, покинувъ тѣло, не переносились въ вѣчныя селенія для полученія наказанія за злыя дѣла и награды за добрыя“. Разъ эта моральная точка зрѣнія не объясняла событій, приходилось искать иного толкованія ихъ, и Длугошъ предлагаетъ въ качествѣ причины то „распоряженіе слѣпой судьбы“, то астрологическія комбинаціи. А въ концѣ концовъ судьбами людей руководить все-таки праведный и всемогущій Богъ. Такимъ образомъ, та часть исторіи, которая изложена Длугошемъ по старымъ источникамъ, остается суховатымъ разсказомъ, въ который вплетены тѣ или иныя размышленія автора. Эпоха, о которой онъ могъ имѣть уже устныя свѣдѣнія, окрашенныя традиціями, господствовавшими при дворѣ Олесницкаго, изображена имъ иначе: здѣсь были ясны мотивы дѣйствія, причины успѣха или неудачи, и моральная оцѣнка подсказывалась міровоззрѣніемъ историка. Но и это послѣднее за тѣ десятки лѣтъ, когда писалась исторія, подвергалось не разъ измѣненіямъ. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого было разнообразіе сужденій объ одномъ и томъ же современномъ лицѣ (напр., о королѣ Казимирѣ). Подъ вліяніемъ тенденціозности, Длугошъ не колебался извѣстные факты совсѣмъ обходить молчаніемъ (такъ, онъ совсѣмъ замалчиваетъ гуситство, имѣвшее такое значеніе въ Польшѣ въ 1430—1440 г.), другіе искажаетъ въ своемъ изложеніи такъ, чтобы они соотвѣтствовали его политическимъ стремленіямъ. Иной разъ онъ сообщалъ сознательно совершенно невѣрныя свѣдѣнія (напр., краковскій капитулъ, по его словамъ, не позволилъ королю заложить церковныя сосуды, на самомъ же дѣлѣ было иначе). Несмотря, однако, на эти недостатки, въ совокупности своей обширный трудъ Длугоша былъ яркимъ выраженіемъ того, что культурная жизнь Польши, уже порывавая со Средневѣковьемъ, рвалась къ новымъ задачамъ и достигала значительной интенсивности.

Другимъ извѣстнымъ польскимъ писателемъ 15 вѣка, ближайшимъ современникомъ Длугоша, является Григорій изъ Санока,¹⁾ болѣе яркій представитель начальнаго польскаго гуманизма, чѣмъ Длугошъ. Онъ родился въ началѣ 15 вѣка, а умеръ въ 1477 году, состоя въ важномъ санѣ львовскаго архіепископа. Какъ администраторъ онъ обнаружилъ большія

¹⁾ О немъ см. *K. Morawski. Historia Uniwersytetu Jagiellońskiego. I. 311—317. Thad. Sinko De Gregorii Sanocei Studiis humanioribus* (здѣсь указана и другая литература). *Eos. 1900. A. Miodoński. Spicilegium Gregorianum. Eos. 1907.*

способности, введя порядокъ и безопасность въ области, которая особенно терпѣла отъ постоянныхъ нападений татаръ. Это не помѣшало Григорію, однако, вести разгульный образъ жизни, какой, вообще, вели многія духовныя лица, примыкавшія къ гуманизму. Серьезный и нравственно чистый Длугошъ посвятилъ ему нѣсколько горькихъ строкъ въ своей исторіи: „29 января (1477 г.) неожиданно умеръ Григорій, архіепископъ львовскій, человекъ великой науки, магистръ, очень свѣдущій въ свободныхъ искусствахъ; онъ пробылъ на своей кафедрѣ почти 30 лѣтъ (съ 1451 г.) и значительно обогатилъ львовское архіепископство, прикупивъ къ нему, съ дозволенія короля, нѣсколько деревень, а скончался онъ въ городѣ Рогатинѣ, принадлежащемъ къ его архіепископству, безъ всякой предварительной болѣзни, исповѣди и церковнаго отпущенія; его нашли въ собственной комнатѣ растянувшимся на землѣ въ видѣ креста. Это *былъ* (привожу въ подлинникѣ) *vir Musis amicissimus et tam in prosa Pierica, quam carmine caeterisque humanitatis studiis, in declamationibus quoque ad populum memorabilis.* Жизнь его описалъ Филиппъ Каллимахъ, итальянецъ изъ Флоренціи, своимъ краснорѣчивымъ перомъ. Послѣ его смерти львовская кафедра пустовала почти два года. Неизвѣстно навѣрное, умеръ-ли онъ естественной смертью, или отъ яда, даннаго ему одной изъ женщинъ, съ которыми онъ слишкомъ любилъ проводить время“. Сохранилось и сочиненіе Каллимаха,¹⁾ о личности котораго еще будетъ рѣчь далѣе. Въ его характеристикѣ Григорій изъ Саноча является очень любопытной фигурой. Происходилъ польскій гуманистъ изъ небогатой шляхетской семьи; онъ родился въ деревнѣ и еще мальчикомъ переѣхалъ съ отцомъ въ сосѣдній городъ, гдѣ его отдали въ школу. Однако, уже на 12-мъ году жизни онъ пустился въ свѣтъ искать счастья, „готовый вынести все самое тяжкое, только не жестокость отца, терпѣть которую онъ не хотѣлъ, а возражать отцу, онъ считалъ нечестивымъ (nefas)“. Началась скитальческая жизнь, пока Григорій не добрался до Кракова. Здѣсь онъ предался наукамъ, но замѣтивъ, что „всѣ общественныя

¹⁾ Оно было издано нѣсколько разъ: Вишневымъ въ „Pomnikach“ (см. выше) т. IV, въ Rocznikowarz. naukow. XVI, а также въ 6 томѣ Monum. Polon. histor. Медонскимъ въ „Philippi Buonacorsi Callimachi Vita et mores Gregorii Sanociei Archiepiscopi Leopoliensis“ 1900 Ср. Dembitzer. Ad Callimachi libellum de vita et moribus Greg. Sanadnotaciunculae (Symbola in honorem Lud. Cwikliński. 1902). A. Miodoński. Ad Callimachum Geminianensem. Eos. 1906, а также Zeissberg. Poln. Geschichtschr. 344—349.

и частныя дѣла вершатся на нѣмецкомъ языкѣ, онъ пробрался въ Германію за Эльбу, и здѣсь въ разговорахъ такъ быстро научился чужому языку, что являлось сомнѣніе, на какомъ языкѣ онъ выражается лучше: на родномъ или на иностранномъ“. Въ Германіи Григорій пробылъ пять лѣтъ, зарабатывая себѣ пропитаніе уроками (*litterario ludo*) и ровно ничего не получая изъ дому. Другимъ его заработкомъ была переписка учебниковъ для школьниковъ, такъ какъ онъ обладалъ прекраснымъ почеркомъ, а также исправленіе дурныхъ почерковъ и пѣніе. „Онъ имѣлъ какое-то прирожденное влеченіе къ музыкѣ, для которой онъ былъ какъ будто рожденъ“. Прекрасный слухъ, сильный и звучный голосъ, „въ которомъ было не меньше нѣжности, чѣмъ блеску“, принесли ему много пользы и почета: кого онъ не могъ восхитить своимъ почеркомъ (*propter litteraturam*), тѣхъ покорялъ музыкой. Особенно же пригодилась ему эта послѣдняя, когда онъ вернулся въ Краковъ, гдѣ, — какъ сообщаетъ Каллимахъ любопытную черту изъ культурной жизни Кракова въ первую четверть 15 вѣка, — „остальныя свободныя искусства были почти въ забросѣ, но музыка особенно процвѣтала“. Въ 1428 г. Григорій записался въ слушатели Краковскаго университета, гдѣ онъ въ 1433 г. получилъ степень бакалавра, а въ 1439 г. магистра. Но еще до полученія этой послѣдней степени онъ сталъ читать лекціи, привлекая толпу слушателей своимъ толкованіемъ „Буколикъ“ *Виргилія*. Между тѣмъ это произведеніе раньше совершенно не было извѣстно Краковскому обществу, и въ аудиторіи Григорія тѣснились всѣ, кто имѣлъ хоть какое нибудь образованіе, и вскорѣ въ качествѣ піонера „*antiquae orationis*“ въ Краковѣ онъ былъ провозглашенъ не только вопреки ожиданіямъ, но даже противъ воли „магистромъ свободныхъ искусствъ“. Покончивъ съ *буколиками*, Григорій собирался приняться за *Георгики*, когда Тарновскій поручилъ ему воспитаніе своихъ сыновей. Съ этого времени Григорій начинаетъ писать стихи и составляетъ эпитафію въ честь дѣда и дяди своихъ учениковъ. Это было не задолго до смерти Ягеллы (1434); эпитафія „была въ ту пору такой необычной вещью и такъ прельстила своей пріятной новизной все общество, что вскорѣ, когда умеръ король Владиславъ, вельможи королевства стали настаивать, чтобы онъ почтилъ эпитафіей короля“. Ловкій гуманистъ не терялъ времени и не хотѣлъ пропадать въ глуши: онъ уговорилъ Тарновскаго по-

слать своихъ сыновей въ Краковъ и здѣсь, пользуясь близостью ихъ къ царевичамъ (reguli) Владиславу и Казиміру Ягеллоновичамъ, не только познакомился и самъ съ этими послѣдними, но даже „вошелъ въ дружбу“ съ ними. Пріорѣталъ онъ почитателей и среди другихъ круговъ: такъ, ученый докторъ Домбровка, который „тогда писалъ комментаріи на исторію Польши“, все написанное предлагалъ сужденію Григорія и другіе совѣтовались съ нимъ, принося ему на толкованіе „всякую неизвѣстную книгу, какую кто либо находилъ“. Такъ ему попались подъ руки комедіи Плавта, и онъ былъ такъ восхищенъ ими, что принялся въ подражаніе писать новую комедію. Приходилось, однако, подумать объ обезпеченіи жизни, и Григорій, „отъ природы не чувствуя себя склоннымъ къ браку, рѣшилъ посвятить себя духовному сану“. Какъ мы знаемъ изъ Длугоша, Григорій былъ большой женолюбовъ, такъ что, повидимому, не склонность къ безбрачной жизни, а матеріальные расчеты руководили имъ, когда, по совѣту друзей, онъ отправился во Флоренцію просить прихода въ королевскихъ соляныхъ копяхъ, Величкѣ около Кракова. Папа Евгеній посвятилъ его въ священники и просилъ, восхищенный его способностями, остаться въ Папской „Коллегіи музыкантовъ“, но Григорій, получивъ приходъ, вернулся на родину, гдѣ „началъ порученную ему паству наставлять словомъ и примѣромъ идти по пути Господню“. Каллимахъ не находитъ словъ, чтобы описать праведный образъ жизни, ученость, благотворное вліяніе своего героя. Не останавливаясь здѣсь на дальнѣйшихъ подробностяхъ жизни этого типичнаго гуманиста, блестящаго, ловкаго пролаза, преданнаго поэзіи столько же, сколько матеріальнымъ удовольствіямъ, достаточно сказать, что онъ сумѣлъ сохранить свое вліяніе и при Казимірѣ Ягеллоновичѣ, и что самъ Олесницкій посвятилъ его въ 1451 году въ архіепископы Львовскіе. На этомъ посту Григорій проявилъ большую энергію, и въ странѣ, опустошаемой татарскими набѣгами, онъ сумѣлъ поддерживать земледѣльческую культуру. Будучи, какъ и многіе другіе гуманисты, сторонникомъ сильной государственной власти, онъ не угодилъ партіи вельможъ и держался въ сторонѣ отъ политики. Вообще, свободная независимая жизнь, вдали отъ политическаго центра страны, особенно нравилась ему; любилъ Григорій также общество иностранцевъ, особенно итальянцевъ, и живо интересовался происходящимъ на свѣтѣ. „Онъ разспрашивалъ, что дѣлаютъ итальянцы или французы, каково

положеніе вещей въ Германіи или Испаніи, какія вѣсти идутъ изъ Африки или изъ Азіи“. Не даромъ Каллимахъ отмѣчаетъ, что излюбленнымъ философомъ Григорія былъ Эпикуръ, и что онъ доказывалъ его неопровержимость въ вопросахъ конечныхъ цѣлей жизни, даже въ вопросѣ о томъ, слѣдуетъ-ли признавать безсмертіе души. Дѣйствительно, тотъ образъ жизни, который описываетъ панегиристъ архіепископа, Каллимахъ, обличаетъ въ немъ человѣка, широко смотрящаго на вещи, далеко не аскета, но и не чревоугодника или развратника. Это былъ новый типъ, и Длугошъ, который не безъ ядовитости отмѣчаетъ любовь Григорія къ женщинамъ, вѣроятно, косился на этого гуманиста, какъ и все духовенство, не рѣшавшееся такъ смѣло порывать съ традиціями Средневѣковья. А Григорій не слишкомъ любилъ посты (*jejuniiis haud frequenter indulgebat*), въ Венгріи пріучился пить вино, „немного однако и только за ѣдой“, славился, какъ остроумный эпиграммистъ. „Особенно онъ владѣлъ стихомъ. Но и въ прозѣ онъ обладалъ такимъ стилемъ, выработаннымъ на старыхъ и новыхъ писателяхъ, что не только превосходилъ всѣхъ современниковъ своихъ въ этихъ мѣстахъ, но и служилъ для нихъ предметомъ удивленія“. Кромѣ эпитафій, эпиграммъ и т. п., Григорій написалъ въ двухъ книгахъ сочиненіе по исторіи, о призваніи Владислава Ягеллоновича на венгерскій престолъ и о битвѣ подъ Варной, при которой присутствовалъ и самъ Григорій. Къ сожалѣнію, эти сочиненія, столь цѣнные для исторіи польскаго гуманизма, въ настоящее время не извѣстны, хотя еще въ 18 вѣкѣ Залускій видѣлъ въ архивѣ Львовскаго капитула различныя произведенія Григорія изъ Санока. Однако, по мнѣнію Т. Синко, содержаніе этого труда вошло въ сочиненіе Каллимаха (*Libri III de rebus gestis a Vladislao, Polonorum atque Hungarorum rege*“). Итальянскій гуманистъ, прибывшій въ Польшу только въ 1470 г., исчерпалъ имѣвшіеся у него матеріалы, и въ томъ числѣ трудъ Григорія. Приведенная Длугошемъ латинская элегія на смерть послѣдней жены Ягеллы, Софіи, сочиненіе которой основательно приписываютъ Григорію изъ Санока (ср. Th. Sinko, 249), представляетъ произведеніе, отъ котораго уже явственно вѣетъ духомъ гуманизма. Авторъ влагаетъ въ уста почившей ея собственную характеристику: она соединила узами любви подвластные народы, родила королю двухъ сыновей, „громы войны“ и, оставшись вдовой, отказалась, какъ горлица, отъ

новаго брака. Элегія заканчивается трогательнымъ обращеніемъ къ посѣтителямъ, приходящимъ взглянуть на ея могилу, просьбой вздохнуть о душѣ Софіи и помолиться за ея упокоеніе. Въ такомъ же духѣ и его стихотворное обращеніе къ Каллимаху, обнаруживающее знакомство не только съ классическими писателями, но и съ Петранкой. Стихотвореніе заключаетъ въ себѣ и такія эротическія строки:

Versibus Aoniis dominam mulcere laboro,
Ut veniat votis obsequiosa meis ¹⁾.

Всего сохранилось 163 строки (гекзаметровъ и пентаметровъ), вышедшихъ изъ подъ пера Григорія изъ Санока. Изслѣдованіе Т. Синко о стилѣ эпитафіи Григорія на смерть короля Владислава обнаруживаетъ нѣсколько иную картину гуманистической подготовки писателя, нежели даетъ ее восторженный почитатель архіепископа, Каллимахъ. По мнѣнію Т. Синко, Григорій въ своемъ знаніи латинскаго языка вовсе не превосходилъ уровня средневѣкового образованія, а въ стилѣ и стихѣ дѣлалъ не мало грубыхъ ошибокъ. Даже въ одномъ и томъ же произведеніи этотъ изслѣдователь отмѣчаетъ различіе стилей: такъ, первые 15 стиховъ элегіи на смерть королевы Софіи (въ которой Григорій воспользовался обычной въ ту пору формой, вложивъ слова въ уста самой королевы) не обнаруживаютъ никакихъ ошибокъ въ стихосложеніи, но остальные такъ плохи, что трудно приписать ихъ тому же самому автору: быть можетъ, въ этихъ стихахъ Григорій слишкомъ близко придерживался средневѣковыхъ образцовъ. Сохранился отрывокъ одного политическаго стихотворенія, въ которомъ престарѣлый львовскій архіепископъ защищалъ короля Казимира отъ насмѣшекъ по поводу его неудачнаго похода (1474) на Матвѣя Корвина,—насмѣшекъ, которыя заключались въ стихотвореніи венгерскаго епископа Гавріила. Въ сохранившихся политическихъ письмахъ Григорія обнаруживается умъ изворотливый, гибкій, но не слишкомъ обремененный „принципами“. Гуманистическая образованность этого писателя остается все-таки подъ нѣкоторымъ сомнѣніемъ: трудно различить, что принадлежитъ самому Григорію, и что его панегиристу Каллимаху въ той массѣ цитатъ изъ классическихъ писателей, которая указана изслѣдователями (Синко, Мёдонскимъ и др.). Во всякомъ случаѣ, въ лицѣ этого писа-

¹⁾ Оно напечатано А. Мёдонскимъ „*Philippi Callimachi et Gregorii Sanocei carminum ineditorum corrolarium*“. *Rozprawy, filol.* 36 (1903).

теля мы видимъ одинъ изъ самыхъ яркихъ типовъ возникающаго польскаго гуманизма.

Современникъ Длугоша, Григорій изъ Санока является, какъ и онъ, представителемъ польской культурной жизни середины 15 вѣка, когда окончательно сокрушались въ передовыхъ классахъ интеллигенціи идеалы Средневѣковья и складывались новыя воззрѣнія на смыслъ жизни, на государственную власть, на задачи литературы.

Гуманистическая струя уже въ первую половину 15 в. врывалась въ умственную жизнь Польши. Такъ Длугошъ рассказываетъ по поводу смерти рыцаря Завиши Чернаго въ битвѣ подъ Голубцемъ съ турками (1428), что эпитафію ему сложилъ Адамъ Свинка, „шляхтичъ изъ герба Свинка, королевскій секретарь, Краковскій каноникъ, поэтъ, вдохновленный Піерійскимъ духомъ. Онъ издалъ бы больше сочиненій на славу родины, если бы его не похитила ранняя смерть“. Длугошъ приводитъ и самую элегію Свинки, написанную уже гекзаметромъ. ¹⁾ Здѣсь есть характерный гуманистическій аппаратъ языческихъ боговъ, старыхъ географическихъ терминовъ, сравненій. Вотъ напр. мѣсто, гдѣ описывается геройство Завиши. „*Турокъ* сказалъ: что это, неужели гнѣвный сынъ *Θетиды*, котораго столько вѣковъ держали въ плѣну бездны *Оркуса*, вырвавшись изъ гроба, бросается разить *ѳракійцевъ*? Или новый *Аяксъ* начинаетъ съ нами ожесточенный бой? Я вижу его страшный образъ, я узнаю оружіе *Вулкана*: кто же этотъ герой, обладающей силой *Марса*? Я хочу это знать. Когда со щитомъ и мечемъ онъ устремляется на врага, безчисленные удары падаютъ на шлемъ *Спартанца*“ и т. д. Это стихотвореніе, въ которомъ такъ нелѣпо перемѣшаны классическія воспоминанія, видимо, очень нравилось современникамъ. Изъ отзыва Длугоша видно, какъ уже была подготовлена среда для воспріятія гуманистическихъ теченій. Менѣ этого классическаго блеска въ другой элегіи Свинки, написанной въ

¹⁾ Эта эпитафія сохранилась также въ латинской рукописи *Метаморфозъ* и писемъ *Овидія*, которую *Лукошевичъ* (*Historia szkół w Koronie i w Wielkiem księstwie Litewskiem I. 19—20*) относить, конечно, неправильно, къ концу 14 в. Вотъ начало стихотворенія Свинки:

Arma tua fulgent, sed non hic ossa quiescant
Dive memorie miles, o Zavische niger!
Alti quidem generis fueras, sed altior actis
Mire virtutis honor patriaeque decusque.
Non tue virtutis emulum, non merita laudis,
Non magni animi scribere gesta paro...

1431 году, на смерть дочери Ягеллы, Ядвиги. Она также сохранена Длугошемъ. Здѣсь самъ авторъ дѣлаетъ важное указаніе на свои предшествовавшія произведенія въ томъ же духѣ. „О, образецъ дѣвъ! О, украшеніе славнаго королевства, гербъ котораго бѣлокрылый орелъ на пурпуровомъ полѣ. Нѣкогда радостно я воспѣвалъ въ піерійской пѣснѣ похвалы тебѣ, достойная дѣва, когда съ восхищеніемъ созерцалъ тебя, сверкающую золотомъ и жемчугомъ и увѣнчанную цвѣтами, съ лицомъ небожительницы. И я принималъ тебя за богиню“. Такъ начинается элегія, которая потомъ переходитъ, какъ и элегія Григорія на смерть Софіи, въ жалобу самой почившей и въ просьбу ея помолиться за ея душу: „прошу васъ, помолитесь за меня, чтобы далъ мнѣ небесное царство зачатый отъ Духа Святого сынъ непорочной Дѣвы“. Григорій изъ Санокъ самый яркій представитель польскаго гуманизма въ 15 вѣкѣ, Збигнѣвъ Олесницкій—хранитель старыхъ средневѣковыхъ традицій, его ученики, неизвѣстный авторъ „Діалога“. Генрихъ изъ Гуры и Длугошъ, занимаютъ уже переходное положеніе, въ которомъ гораздо болѣе отчетливое мѣсто принадлежитъ Адаму Свинкѣ. Такимъ образомъ, польско-латинская литература 15 вѣка представляетъ намъ цѣлый рядъ градацій отъ стараго къ новому, обнаруживая, что это новое явилось не сразу, не было создано пріѣздомъ въ Краковъ того или другаго западнаго гуманиста, но подготовлялось медленно, въ теченіе полувѣка. А въ концѣ этого вѣка особенно сильный толчокъ развивающемуся гуманизму далъ пріѣздъ въ Польшу одного изъ самыхъ выдающихся итальянскихъ гуманистовъ, Филиппа Буанакорси Каллимаха.

Связи съ Римомъ въ области церковныхъ отношеній были весьма обычнымъ дѣломъ; папскіе легаты, чаще всего итальянцы, везли съ собой въ Польшу новые литературные вкусы. Такъ во второй половинѣ 15 вѣка Польшу посѣтили кардиналъ Марко Барбо, легатъ Александръ Форли и др. Но особенно крѣпко поселился здѣсь знаменитый гуманистъ Каллимахъ, который бѣжалъ отъ папскаго гнѣва и около 1470 г. укрылся въ Польшѣ, при дворѣ короля Казимира Ягеллоновича, гдѣ находился въ это время и родственникъ его, купецъ Айнольфо Тедалди. Однако настойчивыя требованія выдать Каллимаха дѣлали его положеніе въ Польшѣ небезопаснымъ, и онъ перебрался во Львовъ, гдѣ архіепископомъ былъ ревностный цѣнитель гуманизма, Григорій изъ Санокъ. У него то

Каллимахъ и нашель спокойное прибѣжище. Годъ спустя (1472) положеніе изгнанника уже настолько улучшились, что самъ король пригласилъ его преподавать латинскій языкъ своимъ сыновьямъ, воспитателемъ которыхъ былъ Длугошъ. Здѣсь именно обнаруживается тотъ фактъ, который подчеркиваетъ Шуйскій ¹⁾: „въ Польшѣ въ высшихъ слояхъ общества всегда господствовало неудержимое, болѣзненное влеченіе къ иностраннымъ новинкамъ“. Дѣйствительно, въ то время, какъ университетъ оставался еще вѣренъ схоластикѣ, и въ 1485 г. Михаилъ изъ Быстржикова защищалъ здѣсь диссертацию на схоластическую тему о существѣ первоначальной матеріи, дворъ и знать не боялись оказывать покровительство людямъ, явно зараженнымъ духомъ новизны. На этотъ разъ указанное Шуйскимъ стремленіе къ иностранному оказалось очень полезно для польскаго общества. Даже съ Длугошемъ у Каллимаха завязались отношенія, которыя, во всякомъ случаѣ, не были враждебны, потому что Каллимахъ посвятилъ Длугошу одно изъ своихъ стихотворныхъ посланій. Не довольствуясь литературными успѣхами, итальянскій гуманистъ хотѣлъ вліять и на политику, и когда племянникъ кардинала Олесницкаго, Збигнѣвъ сдѣлался въ 1472 году вице-канцлеромъ, онъ обратился къ нему съ двумя стихотвореніями, въ которыхъ не ограничивался поздравленіями, но и указывалъ на опредѣленные политическіе вопросы. Идея Каллимаха, которую онъ вывезъ еще съ своей родины, изъ Венеціи, заключалась въ созданіи какой нибудь коалиціи восточныхъ и западныхъ государствъ для борьбы съ Турціей. Нѣсколько лѣтъ спустя Каллимахъ исполняетъ уже въ самомъ Римѣ порученія короля, а затѣмъ принимается улаживать отношенія между Венгріей и Польшей. Вліяніе его на взгляды партіи „молодыхъ“, о которой говоритъ Длугошъ, несомнѣнно: „самые выдающіеся изъ нихъ—это гуманисты и легисты, соединенные въ одинъ кружокъ связью съ Каллимахомъ“ (F. Papée. Polska i Litwa. I 167). Это свое значеніе Каллимахъ сохраняетъ и позже. Но о немъ самомъ на нѣкоторое время исчезаютъ свѣдѣнія: несомнѣнно, онъ побывалъ вмѣстѣ съ королевскими сыновьями въ Литвѣ, а въ 1481 г. имя его встрѣчается въ русскихъ провинціяхъ Польши. Нѣсколько позже онъ опять выступаетъ горячимъ сторонникомъ крестоваго похода про-

¹⁾ Ср. *I. Szujski. Odrodzenie i reformacja w Polsce. (Dzieła. Serwa II. Tom VIII. 1888).*

тивъ турокъ, и въ дальнѣйшихъ событіяхъ (послѣ 1484 г.) Папе указываетъ не разъ „чисто Каллимаховскіе мотивы“. Послѣ смерти Казимира политическое вліяніе Каллимаха, по видимому, еще возросло, такъ какъ на престолѣ былъ ученикъ его Альбрехтъ, и къ этому времени относятся извѣстные „Совѣты Каллимаха“ (*Consilia Callimachi*), за достовѣрность которыхъ въ настоящее время высказываются такіе знатоки Польши этого времени, какъ Фр. Папе и Моравскій. По мнѣнію Папе, итальянскій гуманистъ писалъ свои „Совѣты“ въ Вѣнѣ въ октябрѣ 1492 г. въ ожиданіи того, какъ устроятся политическія отношенія въ Польшѣ послѣ смерти Казимира Ягеллоновича. 1) Проникнутые стремленіемъ къ укрѣпленію монархической власти, эти совѣты получили въ позднѣйшей польской традиціи одіозное значеніе. Однако ученый иностранецъ прекрасно видѣлъ, къ какой анархіи ведетъ развалъ монархической власти, происходившій тогда въ Польшѣ на почвѣ чрезмѣрнаго развитія шляхетскихъ привилегій. Пусть король отмѣнитъ ихъ, создастъ абсолютный режимъ и слушается не сената, а своихъ немногочисленныхъ личныхъ совѣтниковъ, по преимуществу же людей неженатыхъ. Всякіе сѣзды шляхты надо запретить, духовенство слѣдуетъ лишить привилегированнаго положенія, магнатскія фамиліи разорить и т. д. Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ Казимира умеръ (въ ноябрѣ 1496 г.) и Каллимахъ. Съ именемъ его связанъ, кромѣ политическихъ сочиненій, и цѣлый рядъ стихотвореній. Поэтическое творчество Каллимаха представляетъ два періода въ его жизни: въ 1465—67 г., еще въ Италіи онъ писалъ эпиграммы „*inter vina et epulas subita meditatione*“, и самъ не придавалъ имъ большого значенія. Такихъ эпиграммъ набралось свыше 200. Затѣмъ, пріѣхавъ въ Краковъ, онъ посвятилъ свое перо элегіи и любовной

---

1) *Wsetecka, Rady Kallimachowe. Pamiętnik Słuchaczy Uniw. Jagiellońskiego Kraków. 1887* Ср. слова Каз. Моравскаго „*Historya Uniwers Jagiel*“ II. 139.

„Эти совѣты и другіе совѣты, приписываемые Каллимаху и стремившіеся къ усиленію королевской власти въ Польшѣ, возбуждали противъ него ненависть у многихъ. Его не терпѣли крестоносцы, потому что онъ подумывалъ о перенесеніи Ордена на востокъ: историкъ Ордена называетъ его „дьявольскимъ измѣнникомъ“. Не любили его также въ Венгріи. У Туберона онъ является *homo flagitiosus*, чловѣкомъ преступнымъ. Да и въ Польшѣ у Каллимаха не было недостатка во врагахъ; роптали на его могущественное вліяніе, на его интригу, цѣль которой заключалась въ созданіи королевской тираніи, и неудовольствие открыто вспыхнуло послѣ смерти Казимира, такъ что Каллимахъ совѣмъ покинулъ Польшу. Правда, онъ вскорѣ возвратился, чтобы при дворѣ любящаго его молодого короля Альбрехта провести послѣдніе годы жизни въ официальной должности *magister epistolarum*, а не официально, какъ всемогущій совѣтникъ и руководитель политики.“

лирикѣ, героиней которой была Fannia Swentochna Bobritia (1470—1). Такъ возникъ сборникъ его Fannietum, который онъ переписалъ и послалъ своему родственнику Тедадьди. Каллимахъ съ юношескимъ увлеченіемъ пустилъ въ свѣтъ свой сборникъ (*iuvenili calore emisit libellos*), но потомъ самъ стыдился этого шага и считалъ его смѣшнымъ. Въ Польшѣ однако онъ получилъ большую популярность, и нѣсколько списковъ его попало за границу и даже въ Ватиканскую библіотеку¹⁾. Между прочимъ, самъ почитатель его, Григорій Саноцкій, составилъ собраніе поэтическихъ элегій Каллимаха. Въ этихъ стихотвореніяхъ воспѣвается любовь къ Фанни, отчего и сборники называются *Philppi Callimachi ad Fanniam Swentocham Elegiarum libellus* или просто *Fannietum Callimachi*. Кромѣ того, сохранилось нѣсколько посланій его къ Григорію Саноцкому. Какъ учитель новой поэзіи, Каллимахъ оказался вполне на высотѣ своей задачи: онъ до такой степени проникся классическими образцами, такъ свободно владѣлъ латинскимъ стихомъ, какъ будто самъ былъ поэтомъ Августовской эпохи. Послѣ наивныхъ, грубыхъ посланій къ возлюбленной, которыя тамъ и сямъ были извѣстны на народномъ языкѣ, и образцы которыхъ были мною приведены выше, можно догадываться, какое сильное впечатлѣніе должны были производить изящныя элегіи итальянскаго гуманиста, который жаловался въ обращеніи „къ Купидону“: *sic ego Fanniolae captus amore fui*. У Каллимаха оказались восторженные послѣдователи и ученики: напр., епископъ Петръ Бнинскій, усвоившій его политическія взгляды, Држевецкій и др. Въ 1489 году побывалъ въ Краковѣ одинъ изъ знаменитѣйшихъ гуманистовъ, Конрадъ Цельтисъ, большой руки авантюристъ, не останавливавшійся передъ прямымъ плагиатомъ. Когда въ 1486 г. онъ включилъ въ свою прославленную „*Ars versificandi*“ нѣсколько стихотвореній чешскаго гуманиста Богуслава, ему пришлось бѣжать изъ города, гдѣ была разоблачена его плутня, именно изъ Лейпцига. Переѣзжая изъ города въ городъ, онъ добрался и до Кракова, гдѣ въ 1490 году велъ въ качествѣ сторонняго преподавателя занятія со студентами по Аристотелю. Весной 1491 г. Цельтисъ оказывается уже въ Нюрнбергѣ, а вскорѣ послѣ того въ Прагѣ²⁾. Среди переписки

¹⁾ S. *Windakiewicz*. O rękopisach poezji Kallimacha. Kwart. Histor. 1891.

²⁾ О Цельтисѣ въ Краковѣ см. *K. Morawski* Historia Uniwersytetu Jagiellońskiego, t II, 175 и дал. *G. Bauch*, Deutsche Scholaren in Krakau in der Zeit der Renaissance 1460 bis 1520 (78-ter Jahresbericht der schlesischen Gesellschaft für vaterländische Cultur i. J. 1900. Breslau, 1901). *J. Fijałek* Niemcy w uniwer-

его есть нѣсколько написанныхъ по чешски; одно изъ нихъ писано отъ имени краковянки Hasilina (отъ 1500 г.), которой придана неприличная фамилія (Hasilina z Rzytonicz a Nakepsstanie). Письмо, въ которомъ она увѣщаетъ поэта быть серьезнѣе, имѣетъ признаки достовѣрности, по мнѣнію Моравскаго. Эротическая поэзія этого гуманиста, издавшаго описаніе своихъ скитаній подъ заглавіемъ Amoges, могла имѣть такое же вліяніе на образованное польское общество, какъ и Fannietum Каллимаха. Вокругъ Цельтиса сгруппировалась кампанія польскихъ и нѣмецкихъ студентовъ и магистровъ, челоѡкъ 15, Sodalitas Vistulana, настроенная очень оппозиціонно противъ направленія, господствовавшаго въ университетѣ. Романъ съ Хасилиной „принадлежалъ къ числу необходимыхъ атрибутовъ для выступленій гуманиста; до извѣстной степени это былъ плагіатъ, который могъ стать образцомъ для другихъ“ (Morawski II 187). Въ университетской жизни наступалъ поворотъ къ національной струѣ, въ политикѣ явственно намѣчались задачи борьбы съ Тевтонскими завоевательными стремленіями. Цельтисъ же и былъ, и чувствовалъ себя нѣмцемъ. Дѣло кончилось для него неблагопріятно: повидимому, онъ былъ вынужденъ покинуть безъ особенныхъ почестей столицу „сарматскаго тирана“. Съ его отъѣздомъ разсыпался и созданный имъ шумливый и саморекламирующійся кружокъ, который, во всякомъ случаѣ, являлся знаменемъ новыхъ временъ. О томъ, какъ проводила время эта молодежь, мы имѣемъ свѣдѣнія по письмамъ одного изъ участниковъ этой Sodalitas, Яна Урсина¹⁾. Урсинъ издалъ въ 1495 или 1496 г. книгу „Modus epistulandi eximii medicinae doctoris et legum licenciati Johannis Ursini Cracoviensis cum epistulis, exemplaribus et orationibus annexis“. Въ одномъ изъ этихъ писемъ онъ рассказываетъ объ экскурсіи за городъ, предпринятой нѣсколькими пріятелями—гуманистами съ женами. Отправились въ деревню. Сначала ловили птицъ, потомъ пошли удить рыбу. Раздѣвшись, мужчины вошли съ сѣтью въ рѣчку. „Мы кричали, точно пьяные, и такъ буянили, что насъ можно было бы принять за сумасшедшихъ... Женщины стояли по близости; нѣкоторыя дѣвицы были очень красивы, сверкали золотомъ и камнями и были украшены зеленью. Хотя стыдливость

sytecie krakowskim w w. XV i XVI (Pamiętn. Liter. I. 1902). О Цельтисѣ въ Краковѣ и Прагѣ см. также *J. Truhlár. Humanismus a humanisté w Cechách za krále Vladislava II. (Rozprawy české Akad. 1894).*

¹⁾ См. *K. Morawski Hist. Uniw. II. 184.* Нѣсколько писемъ его издано М. Лезенецкимъ въ „Eos“ 1901, стр. 220—234. Урсинъ былъ также нѣмецъ -- Bär.

не позволяла имъ забавляться вмѣстѣ съ нами, однако онѣ смотрѣли на насъ, чтобы украсить то, что мы дѣлали, своей веселостью и смѣхомъ. Констанція, отличающаяся красотою своихъ формъ, хотѣла попарить Юрія Туррона кропивою, но попала въ воду по поясъ, что насъ очень развеселило“. Потомъ отправились варить рыбу и пировать. Затѣмъ „началась пѣшая прогулка между золотыми хлѣбами, зелеными рощами и деревьями, склоняющимися подъ тяжестью плодовъ. Мы долго бродили, одни пѣли, другіе бряцали на цитрѣ, иные шутили и обнимали женщинъ и дѣвушекъ. Вернувшись къ рѣчкѣ, мы усѣлись на травѣ и принялись за кислое молоко. Смотрѣли до самаго заката на пляшущихъ крестьянъ, а они перепившись валились на землю и выпачкавшись представляли пресмѣшное зрѣлище“.

Если и въ Средніе вѣка польская молодежь охотно ѣздила въ западноевропейскіе университеты, то теперь, съ развитіемъ интереса къ наукѣ, наплывъ ея въ очагахъ западной науки еще усиливается, все возростая до второй половины 16 в. Въ 15 стол. ѣздили въ Прагу, какъ и раньше. Съ 1409 года, т. е. съ перваго года своего существованія, студентовъ поляковъ насчитываетъ среди своихъ слушателей Лейпцигскій университетъ. „Польская нація“, одна изъ „націй“ новаго университета, возникла здѣсь тогда же и состояла изъ 129 человекъ, такъ что сначала представляла сильнѣйшую часть университета. Въ составъ ея входили уроженцы не только Литвы и Польши, которыхъ здѣсь было меньшинство, но и студенты изъ Пруссіи, Лифляндіи, Моравіи, Чехіи и Силезіи. Такимъ образомъ, особую цѣнность имѣютъ указанія на мѣсто, откуда прибылъ тотъ или другой членъ Польской націи, и уже въ 1411 г. здѣсь упоминаются два брата Slepko de Cracovia. До конца 15 вѣка нѣтъ почти года, когда бы въ Лейпцигѣ не училось по нѣскольку человекъ поляковъ, особенно изъ Познани и Кракова. Попадаютъ и пріѣзжіе изъ Вильны и другихъ городовъ Польши и Литвы. Рѣже ѣздила молодежь изъ Польши въ Кельнъ, хотя университетъ его, основанный въ 1388 году, пользовался особенно громкой славой и былъ сразу поставленъ на широкую ногу. Но здѣсь не было обычнаго средневѣковаго подраздѣленія студентовъ на „націи“, т. е. въ широкомъ смыслѣ „землячествъ“, которыя облегчали иностранцу пребываніе въ заграничномъ университетѣ. За весь 15 вѣкъ I. Калленбахъ нашель въ метрикахъ Кельнскаго университета

всего двухъ поляковъ, въ 1414 и 1498 г. Послѣдняя запись, однако, очень любопытна: „Adam Lutini de Polonia ad artes iuravit, *pauper*“¹. Видимо, бѣдность не остановила Адама отъ путешествія въ далекій край, въ поискахъ науки. Въ Болоискомъ университетѣ за время 1381—1500 г. было около 50 поляковъ. Въ Падуѣ и Базелѣ *poloni* появляются только въ 16 вѣкѣ, когда значеніе Краковскаго университета уже упало. Въ продолженіе же 15 столѣтія польское общество, кажется, еще въ значительной мѣрѣ удовлетворялось своимъ университетомъ. Число его слушателей, въ томъ числѣ и иностранцевъ, все возрастаетъ, и въ 1500 г. въ метрики его записалось 508 человекъ. Иностранцы составляли почти половину всѣхъ слушателей: по вычисленію А. Карбовяка, на 17263 студента, записанныхъ въ метрикахъ Краковскаго университета въ періодъ времени съ 1433 по 1509 годъ, 7611 человекъ были иноземцами, главнымъ образомъ изъ Венгріи и Силезіи, но также и изъ Швейцаріи, Италіи, Бельгіи и даже Испаніи. Что касается предметовъ преподаванія, то и въ концѣ 15 вѣка преобладаетъ средневѣковое схоластическое направленіе¹). Такъ, въ 1485 г. Михаилъ изъ Быстржикова, *vulgo Parisi dictus, magister artium promotionis Parisiensis* велъ диспутъ съ 30 магистрами по вопросу: „*Utrum materia prima sit entitas actualis*“ и т. д. Выдержавъ диспутъ, онъ возвратился въ Парижъ и получилъ тамъ высшую ученую степень, *doctoratum et magistratum in theologia*. Въ 1487 г. этотъ *Parisiensis* уже значится среди профессоровъ университета и преподаетъ „Семь трактатовъ“ Петра Испанца. Въ этихъ рамкахъ толкованія „богослововъ“, Аристотеля, Платона, Сократа, Марона, Птолемея университетское преподаваніе остается за все время, за какое издано его расписание *Liber diligentiarum* (1487—1563), и даже Конрадъ Цельтесъ, который въ 1490 году велъ преподаваніе отъ себя, а не по порученію факультета

¹) *Dr. W. Wislocki. Liber diligentiarum facultatis artisticae Universitatis Cracoviensis. Pars I. 1487—1563. Cracoviae. 1886 (Archiw. do dz. lit. ośw. t. IV). A. Karbowskiak. Studya statystyczne z dziejów Uniwer. Jagiellońskiego 1433/4—1509/10 (Archiw 1910, т. XII). St. Windakiewicz. Informacye o aktach uniwersytetu bolońskiego (Archiw. 1892., т. VII). J. Kallenbach. Polacy w Kolonii (Archiw. 1890, т. VI). St. Tomkowicz. Metrica nec non liber nationis Polonicae Universitatis Lipsiensis ab anno 1409 usque ad 1600. (Archiw. 1882, т. II). K. Morawski. Wskazówki dla poszukiwania źródeł humanizmu polskiego (Archiw. 1886, т. V. Pamiętnik zjazdu historyczno-literackiego imienia I. Kochanowskiego). Прекрасное изслѣдованіе обо всей этой эпохѣ въ исторіи польскаго просвѣщенія представляетъ уже названное выше изслѣдованіе Каз. Моравскаго „Historya Uniwersytetu Jagiellońskiego“. т. II. (1900).*

(extraneus simpliciter seu non de facultate) читаль и объясняль „Aristotelis Parvulum philosophiae“.

Книгопечатаніе проникло въ Польшу въ послѣднія десяти-лѣтія 15 вѣка. Точная дата первоначальной польской книги неизвѣстна, но болѣе или менѣе она должна соотвѣтствовать появленію печатной книги въ Чехіи, съ которой Польшу именно въ это время соединяли крѣпкія политическія связи. Въ Чехіи первая книга „Троянская хроника“ была напечатана въ 1468 году въ Пильзень; древнѣйшая типографія въ самой Прагѣ была заведена только въ 1487 году.¹⁾ Такъ точно опредѣлить хронологію польской печатной книги невозможно: въ старое время (Бантке, Лелевель и др.) начинали ее съ 1465 года, когда въ Краковѣ долженъ былъ временно находиться Гинтеръ Цайнъ, швабъ изъ Рейтлингена, поселившійся съ 1469 г. въ Аугсбургѣ. Онъ будто бы напечаталъ книгу „Ioannis de Turcremata Cardinalis sancti Sixti vulgariter puncupati Explanatio in Psalterium (Cracis impressa). Но отсутствіе здѣсь указаній на годъ и на печатника не позволяетъ болѣе точно выяснить происхожденіе книги. Извѣстный польскій библиографъ, К. Эстрейхеръ, полагаетъ, что эту книгу напечаталъ не Цайнеръ, а какой-то другой Краковскій печатникъ. Затѣмъ въ девяностыхъ годахъ 15 стол. неизвѣстный ближе Святополкъ Фіоль, краковскій мѣщанинъ изъ нѣмецкой семьи, напечаталъ или издалъ пять богослужебныхъ книгъ на церковнославянскомъ языкѣ (въ 1491 г.). Только въ 1503 году краковскимъ купцомъ Яномъ Галлеромъ была устроена въ Краковѣ постоянная типографія, которая съ этого времени существовала десятки лѣтъ. Уже въ первой половинѣ 16 вѣка въ Краковѣ появляется рядъ другихъ типографій; постепенно возникаютъ типографіи и въ другихъ городахъ, большихъ и маленькихъ, въ Вильнѣ, Варшавѣ, Львовѣ, но также и въ Замостьѣ, Ловичѣ, Раковѣ и т. д. При этомъ, однако, еще не выходитъ изъ употребленія и рукопись. Конецъ 15 вѣка въ польской культурной жизни ознаменовался именно сліяніемъ старыхъ традицій съ новыми вліяніями: въ возрѣніяхъ на соотношеніе свѣтской и духовной властей, въ литературныхъ вкусахъ, въ міровозрѣніи общества совершается переломъ, который уже подготавливаетъ господство національ-

¹⁾ Z. Tobolka Český slovník bibliografický Díl I. České prvotisky (až do roku 1500). 1910 (Sbirka pramenův ku poznání literárního života v Čechách, na Moravě a v Slezsku. III. 7). 1. Lelewela Bibliograficznych ksiąg dwoje t. I. 1823 R. Pilat. Historia literatury polskiej. t. II, cz. I. 1909.

ной идеи въ 16 вѣкѣ, когда польскій языкъ такъ мощно прокладываетъ себѣ путь въ литературѣ и полная свобода индивидуальнаго развитія становится идеаломъ шляхтича. Этотъ переломъ совершался, какъ мы видѣли, и во взглядахъ Длугоша на королевскую власть. Но уже по другую сторону его, какъ человѣкъ новой эпохи, стоитъ другой замѣчательнѣйшій писатель конца 15 вѣка, Янъ Остророгъ, авторъ „*Monumentum pro reipublicae ordinatione*“, написаннаго въ 1473 году, какъ доказываетъ одинъ изъ компетентнѣйшихъ изслѣдователей польскаго Средневѣковья, Прохаска. Къ вопросу объ авторѣ и времени происхожденія этого „напоминанія“ я еще вернусь въ дальнѣйшемъ изложеніи. Необходимо для оцѣнки взглядовъ на этотъ вопросъ привести прежде всего детальное изложеніе самаго памятника.

Въ обычномъ своемъ видѣ, въ рукописяхъ 16 в., этотъ памятникъ состоитъ изъ введенія, 67 параграфовъ основного текста и заключенія. Такъ онъ напечатанъ и въ изданіи Павинскаго, которымъ я здѣсь пользуюсь. Проф. Вержбовскій издалъ въ 1891 году нѣсколько иной текстъ, въ которомъ нѣтъ вступленія и одного изъ параграфовъ, а другіе поставлены въ иномъ порядкѣ. Нѣтъ основанія считать этотъ послѣдній текстъ болѣе правильнымъ, а обычный текстъ какой-то позднѣйшей фальсификаціей. Именно его я и буду придерживаться въ дальнѣйшемъ изложеніи. Цѣли свои Янъ Остророгъ излагаетъ въ обращеніи къ читателю. „Въ царствованіе короля и государя нашего Казимира, принадлежа къ числу совѣтниковъ и сановниковъ славнаго Польскаго королевства, я самъ слышалъ, что скоро будетъ созванъ общій сеймъ (*comitia generalia*), на которомъ предстоитъ разсмотрѣніе и устраненіе недостатковъ государственнаго строя и дурныхъ обычаевъ и установленіе полезныхъ и спасительныхъ законовъ, съ помощью которыхъ государственная политика укрѣпится и порядокъ возрастетъ. Въ виду этого я, Янъ Остророгъ, желая по мѣрѣ силъ послужить королю и родинѣ, особенно же стремясь не оставлять ума своего въ гнусной праздности, собралъ во едино пороки и недостатки, господствующіе въ нашей странѣ, а вмѣсто нихъ указалъ то, что, по моему мнѣнію, лучше, изложивъ все это безъ всякаго излишняго краснорѣчія, въ простыхъ и краткихъ словахъ. Пусть никто не думаетъ, что я предпринялъ это сочиненіе потому, что считаю, что столь ученые, разумные, зрѣлые и опытные начальники королевства не знаютъ этихъ и имъ подобныхъ

вещей; нѣтъ, я пишу для того, чтобы только напомнить о нихъ тѣмъ, которые заняты разными дѣлами“. Восхваливъ короля и заявивъ, что его постановленій онъ не собирается критиковать, ибо сердце государево находится во власти Божьей, и затѣмъ призвавъ всѣхъ „славныхъ господъ“ королевства любить больше, чѣмъ самихъ себя и своихъ дѣтей, отечество, Остророгъ переходитъ къ изложенію своихъ мыслей о государственномъ устройствѣ Польши. Прежде всего его занимаетъ вопросъ объ отношеніи королевской власти къ папской. Какъ король долженъ привѣтствовать новоизбраннаго папу? „Я не нахожу ничего дурного“ въ томъ, что бы король заявлялъ этому послѣднему о приверженности своей и своего народа къ католической вѣрѣ; „но я рѣшительно не считаю рациональнымъ заявленіе, что онъ во всемъ ему будетъ повиноваться, какъ это часто говорится. Ибо противно (нравственности) одно говорить, а другое дѣлать. Польскій король утверждаетъ (что и правильно, ибо онъ никому не подчиненъ), что онъ не признаетъ надъ собой никого высшаго, кромѣ Бога. Какъ же это можно будетъ согласовать съ истиной, если мы будемъ говорить такъ, какъ это дѣлали обыкновенно въ поздравленіяхъ папѣ“. Разъ король въ своихъ международныхъ отношеніяхъ самодержавенъ, то отсюда слѣдуетъ, по убѣжденію Остророга, что король не долженъ принимать въ своихъ обращеніяхъ къ папѣ такого униженнаго и смиреннаго тона, какъ будто онъ находится въ оковахъ или въ тюрьмѣ у папы. Слѣдуетъ рѣзкая выходка противъ папѣ. Нужно-ли говорить такимъ подобострастнымъ тономъ съ тѣми, которымъ Христось велѣлъ повиноваться лишь въ духовныхъ дѣлахъ? Свѣтская власть папѣ, которые называютъ себя намѣстниками Христовыми, вовсе не завѣщана имъ. Такое высокое пониманіе королевскаго достоинства внушаетъ автору и слѣдующій параграфъ: „Какъ жители должны принимать королевскія грамоты“? Онъ требуетъ отъ „жителей“ величайшаго почтенія къ этимъ грамотамъ, какъ бы къ самому королю, но и этотъ послѣдній долженъ издавать ихъ съ особой осмотрительностью. Теперь же, во времена Остророга, случалось, что грамоты поддѣлывались, печати отрѣзались отъ одной грамоты и пришивались къ другой. Нѣсколько практическихъ соображеній о томъ, какъ бороться съ фальсификаціей, авторъ присоединяетъ къ вопросамъ принципиальнаго характера. Упадокъ королевскаго престижа настолько бросался въ глаза, что Остророгъ со своимъ высокимъ пони-

маніємъ монархической власти не могъ обойти его молчаніемъ. Его возмущаетъ, что въ присутствіи короля происходятъ не только грубыя ссоры, но даже убійства, и онъ рекомендуетъ строго карать за такое оскорбленіе королевскаго достоинства. Даже восхваленіе преступныхъ дѣяній передъ лицомъ короля и его сановниковъ (*in regis et procerum praesentia*) не должно оставаться безнаказаннымъ. „И оттого также сильно страдаетъ достоинство королевской власти, что въ королевствѣ не назначаются самимъ королемъ публичные нотариусы (*tabelliones*), охраняющіе вѣрность королю и королевству, но что до нынѣ они утверждаются въ должности папой или императоромъ“. Этихъ *tabelliones* долженъ назначать самъ король, „разъ онъ имѣетъ, вообще, всѣ императорскія права“. Не мало обязанностей по отношенію къ государству лежитъ и на духовныхъ лицахъ, начиная отъ епископовъ и кончая самыми низшими ступенями. Докторъ обоихъ правъ, Янъ Остророгъ, приводитъ цѣлый рядъ правилъ каноническаго права, о которыхъ слѣдуетъ помнить духовенству. Это, по мнѣнію его, особенно важная очередная задача, и будущій сеймъ займется ею въ виду того, что промедленіе въ этой области грозитъ особой опасностью государству. Жгучій вопросъ современности, кто долженъ выбирать и назначать епископовъ, не забыть и Остророгомъ. Разрѣшенъ онъ, конечно, въ духѣ усиленія королевской власти. „Если бы господа епископы и другое духовенство были такими духовными (*spirituales*), какими онѣ себя называютъ, и если бы они почаще читали (тѣ законы), которые я привелъ выше, тогда я, конечно, сочувствовалъ бы тому, чтобы никакая свѣтская власть не вмѣшивалась въ выборы духовенства. Пусть бы король заботился о свѣтскихъ дѣлахъ, а духовные о духовныхъ, къ нимъ относящихся, и эти власти были бы раздѣлены, какъ это и надлежитъ“. Происходитъ, однако, обратное, а въ виду этого „лучше кажется, чтобы король самъ выбиралъ епископовъ. Вѣдь важно, чтобы епископъ былъ не только ученый, но и симпатичный (*gratus*) человѣкъ, а то своей отталкивающей личностью онъ еще болѣе станетъ возбуждать постоянную ненависть одного сословія противъ другого“. Живое національное сознание заставляетъ Остророга высказываться и противъ поборовъ, которыми злоупотребляетъ Римъ. Онъ видитъ въ нихъ прежде всего жадность итальянскаго духовенства. Польское королевство, пользующееся вообще свободою (*alioque liberum*), оказы-

вается вынуждено платить ежегодную дань этимъ итальянцамъ, посылая ее, „какъ они называютъ, римской куріи“. И вымогаютъ они эти деньги „подъ видомъ благочестія и лжерелигіозности, а проще говоря, пользуясь излишней довѣрчивостію (superstitio)“. И здѣсь опять сказывается знатокъ права: „когда выберутъ въ епархіи новаго епископа, онъ не получить посвященія, пока не отсчитаетъ римскому папѣ нѣскольکو тысячъ дукатовъ, хотя святыя каноны учатъ, что избранникъ посвящается и утверждается въ своемъ санѣ митрополитомъ съ его епископами. Но какую власть забрали хитрые и лукавые итальянцы, пока мы зѣвали и дремали“. Эти „аннаты“ нѣмецкіе и польскіе вельможи вносили въ свое время съ той цѣлью, чтобы на эти деньги была организована борьба съ насильниками вѣры христіанской, свирѣпыми турками, а пошли они совсѣмъ на другое. Въ виду этого, говоритъ Остророгъ, „съ этой выдуманной религіозной обязанностію (ficta religio) надо покончить, а самъ папа не долженъ держать себя тиранномъ, прикрываясь религіей; лучше ему держаться милосерднымъ отцомъ, какъ милосерденъ тотъ, намѣстникомъ котораго на землѣ онъ мнитъ себя (praetendit)“. Да и логически разсуждая, Польша ничего не должна давать папѣ, такъ какъ сама несетъ на своихъ плечахъ тяжесть борьбы съ невѣрными: „постоянно защищаясь то отъ турокъ, то отъ татаръ, московитянъ (Moschis), а теперь и отъ волхонъ, и являясь самымъ крайнимъ изъ государствъ христіанской вѣры“, Польша и безъ того совершенно разорена: она вынуждена защищать не только своихъ жителей, но и Силезію, Моравію, Чехію и почти всю Германію, а потому будетъ всего справедливѣе оставить эти суммы въ государственной казнѣ, предназначивъ ихъ на цѣли обороны страны. Примѣру Рима слѣдуетъ и низшее духовенство: „отцы наши духовные, опять таки ложно любятъ прикрываться религіозными побужденіями, когда имъ приходится вносить что—нибудь изъ собственныхъ доходовъ королю на нужды государства“ (чего они не хотятъ дѣлать), а между тѣмъ весь ихъ избытокъ представляетъ собранное съ бѣдняковъ, собственность этихъ послѣднихъ, и если они ею злоупотребляютъ, то они „воры и разбойники, какъ учатъ ихъ собственные законы“. Кончается эта глава ядовитой насмѣшкой: „Не бойтесь, почтеннѣйшіе отцы, не бойтесь! Я покажу вамъ главу, которая не только позволяетъ вамъ (обращать пожер-

тованія на нужды и на защиту бѣдняковъ), но даже предписываетъ, приказываетъ это дѣлать“. А если аббаты жалуются, что король утѣсняетъ церковныя имѣнія повинностью, называемой „стоянкой“ (statio), то и тутъ они неправы: во первыхъ, король опирается на законъ, а во вторыхъ, „наши предки завѣщали духовенству столько и столь значительныхъ имѣній именно для того, чтобы остающееся отъ содержанія монаховъ (а монахамъ слѣдуетъ довольствоваться малымъ) шло на нужды и пользу государства“. Также оправдываетъ Остророгъ поступокъ короля, повелѣвшаго растопить золотые церковныя сосуды; при этомъ онъ опирается на авторитетъ св. Бернарда. Въ своей борьбѣ съ жадностью духовенства польскій писатель указываетъ даже на такое злоупотребленіе, какимъ являлись въ его время папскіе суды, требовавшіе огромныхъ денегъ, вывозимыхъ изъ края, такъ какъ римская курія, какъ говорится попросту, не любитъ овецъ безъ шерстки. Послѣ долгой волокиты, когда „лукавыя итальянцы“ достаточно пообстригутъ овечекъ, присылаются „неизвѣстно какія буллы“. А „наши считаютъ себя ужасно (maxime) религіозными людьми, потому что чтутъ эти пустяки съ красными печатями и конопляными веревочками, видя ихъ на церковныхъ дверяхъ“. Есть свой церковный судъ, коли нужно, и дома: можетъ окончательный приговоръ положить и примасъ. Какъ многихъ другихъ нравственно требовательныхъ людей этой эпохи, Остророга возмущаютъ индульгенціи: „и тутъ дѣло необходимо безъ обмана, когда римскій папа, сколько разъ ему ни вздумается, не спросивши ни короля, ни вельможъ, посылаетъ въ королевство какія то буллы, которыя называются юбилейными. Цѣль ихъ выудить побольше денегъ (ad emungendam rescipiam) подъ видомъ отпущенія грѣховъ, хотя Богъ черезъ пророка говоритъ: Сынъ мой, вручи мнѣ сердце твое“, а не говорить: „деньги“! А деньги эти идутъ вовсе не на постройку какого-нибудь собора, на который папа будто бы собираетъ ихъ, а на частныя нужды его родственниковъ и пріятелей, на дворъ, на конюшни, если не на худшее еще“! Впрочемъ, онъ тутъ же прибавляетъ: „на роскошь и обжорство“. И еще девять статей Остророгъ посвящаетъ тому же наболѣвшему церковному вопросу. Онъ возмущается поборами духовенства за совершеніе требъ, десятинами, которыя „жирные и толстые“ ксендзы взыскиваютъ съ несчастныхъ землепашцевъ, невѣжествомъ духовенства, которое едва знаетъ

латинскіе азы и отличается отъ свѣтскаго человѣка лишь то-нзурой. „Оретъ на амвонѣ, даже рычить, потому что никто ему не возражаетъ“. Жизнь ксендза такъ вольна и пріятна, что нѣтъ отбоя отъ желающихъ принять посвященіе, а число крестьянъ, ремесленниковъ и другихъ рабочихъ людей все уменьшается. „Otiosum profecto genus et inutile“, называетъ онъ духовенство. Но еще возмутительнѣе, что при этомъ не уважается даже національное достоинство: въ монастыри, питающіеся польскими деньгами, не принимаютъ поляковъ, а допускаютъ только нѣмцевъ. „О дѣло недостойное и позорное для всѣхъ поляковъ. Въ нашихъ храмахъ во многихъ мѣстахъ произносятся проповѣди на нѣмецкомъ языкѣ, и что еще хуже, на мѣстѣ самомъ значительномъ и видномъ, гдѣ слушаютъ ихъ одна или двѣ старухи, а толпа поляковъ затиснута вмѣстѣ со своимъ проповѣдникомъ въ какойнибудь уголь“. Указывая на какую-то прирожденную взаимную ненависть между поляками и нѣмцами, Остророгъ настаиваетъ на запрещеніи нѣмецкой проповѣди. „Пусть тотъ, кто хочетъ жить въ Польшѣ, учится говорить по польски“. Краткимъ совѣтомъ запретить нищенство авторъ заканчиваетъ главу, посвященную церковнымъ и духовнымъ неустройствамъ въ Польшѣ, и переходитъ къ свѣтскимъ дѣламъ. Онъ разсматриваетъ ихъ систематически, останавливаясь поочередно на судопроизводствѣ, на военной организаціи государства, на его гражданскомъ устройствѣ, на культурной политикѣ, финансахъ и придворной жизни. Въ первомъ вопросѣ Остророгъ является опять-таки защитникомъ національной идеи. Магдебургское право, представ-лявшее горожанамъ обращаться въ высшій апелляціонный судъ въ Магдебургѣ, вызываетъ у него негодующія восклицанія. „О глупость, о нашъ позоръ, о стыдъ и срамъ, великое порицаніе, какая необходимость или, вѣрнѣе, глупость позволяетъ въ этомъ славномъ и свободномъ государствѣ продолжаться“ такому порядку вещей, спрашиваетъ онъ. Вѣдь и въ Польшѣ есть суды. „Ни одинъ приговоръ не будетъ кассированъ, если вы устроите судъ такъ, какъ говорится ниже“. Значить, идетъ рѣчь о поднятіи престижа суда въ Польшѣ, для чего необходимо, по мнѣнію Остророга, сохранять книгу судебныхъ рѣшеній не у судьи, а въ какомъ-нибудь присутственномъ мѣстѣ, заперти, устраивать „земскіе суды“ (*judicia terrestria*) четыре раза въ годъ, причемъ приговоры должны приводиться въ исполненіе. Нерадивыхъ судей слѣдуетъ безъ дальнихъ словъ (*sine omni contradictione*) лишать ихъ должности. Для недоволь-

ныхъ рѣшеніемъ суда надо устраивать апелляціонныя инстанціи въ видѣ сейма (*conventio generalis*), собирающагося разъ въ годъ, если не помѣшаетъ что-либо важное. „На такомъ сеймѣ или всѣ сановники, или, по крайней мѣрѣ, для этого назначенныя лица должны разбирать дѣла апеллирующихъ“. Этому пункту Остророгъ придаетъ такое значеніе, что закликаетъ „господь послушаться его совѣта, хотя онъ и молодъ (*tametsi juvenis*)“. Онъ продолжаетъ обличать недостатки судовъ въ Польшѣ, которые при Казимірѣ Ягеллоновичѣ сдѣлались прямо таки общественнымъ бѣдствіемъ: вызванный на судъ не являлся и пріѣзжалъ развѣ только на четвертый вызовъ, или присылалъ своего уполномоченнаго; судьи придавали слишкомъ большую вѣру показаніямъ низшихъ судебныхъ служителей (*ministeriales*), которые должны, собственно, только разносить повѣстки, осматривать раны (*vulnera conspicerere*) и вызывать, по порученію суда, лицъ. Лицепріятіе въ судѣ недопустимо, а между тѣмъ вошло въ обычай разбирать дѣла сначала „господь и вельможъ“ (*dominorum potentiumve*), а потомъ бѣдныхъ и плебеевъ. По одному закону судится шляхта (*nobiles*), по другому плебеи; однихъ судятъ по польскому, другихъ по нѣмецкому праву. „Все это разнообразіе, особенно въ одномъ государствѣ, противорѣчитъ здравому смыслу. Пусть будетъ одинъ законъ, равный для всѣхъ, безъ всякаго изыятія для кого-бы то ни было“. А потому и отдѣльныя права (*jus molitorum*—мельничное право, *jus judaeorum*—еврейское право) должны быть отмѣнены: особенно, вредно предоставленіе евреямъ права заниматься ростовщицествомъ и принимать въ закладъ вещи. Если лишить ихъ этого права, исчезнетъ и массовое воровство (*peribunt et ingentia furta*). Нанесеніе раны или убійство въ случаѣ необходимой самозащиты не должно классифицироваться, какъ преступленіе, замѣчаетъ Остророгъ, „Точно также несправедливо и слишкомъ жестоко не допускать никакого слѣдствія (*probatio*) въ дѣлѣ объ изнасилованіи женщины, карая того, на кого подана жалоба. Необходимо и здѣсь слѣдствіе и, если оно не подтвердитъ вины, полное оправданіе обвиняемаго, чтобы не гибло много невинныхъ отъ наглости женщины (*mulieris temeritate*)“. Въ этомъ отношеніи Остророгъ очень радикаленъ и рекомендуетъ измѣнить законъ, заставляющій отца содержать внѣбрачное дитя. „Пусть этотъ неразумный и смѣшной законъ будетъ отмѣненъ. Пусть она одна кормитъ ребенка и несетъ на себѣ позоръ. И ни одна женщина, ко-

торая добровольно сдѣлалась матерью, не должна отговариваться отъ своей вины“. Заканчиваетъ авторъ изложеніе своихъ взглядовъ на юридическія неурюстройства Польши требованьемъ установить кодексъ права, чтобы дѣла рѣшались не по произволу одной головы (*non ad placitum unius capitit*), но съ согласія многихъ, а также настояніемъ, чтобы сдѣлки частнаго характера заносились въ особыя книги. Требуя введенія въ польское право нормъ наиболѣе совершеннаго римскаго, Остророгъ прибавляетъ, что записи о гражданскихъ сдѣлкахъ должны вестись на національномъ языкѣ (*vernacula lingua*), для всѣхъ понятномъ, такъ какъ „по латыни иначе пишетъ ученый, иначе неученый“. Съ этими жалобами и настояніями намъ еще не разъ придется встрѣтиться въ дальнѣйшемъ развитіи польской публицистики. Какъ отчетливо они рисовались уже въ концѣ 15 вѣка, видно изъ сочиненія Остророга. Оно обнаруживаетъ большое пониманіе и того зла, съ которымъ польскіе короли упорно, но безуспѣшно боролись въ концѣ 15 вѣка и въ продолженіе всего 16. Заключалось это зло въ плохой организаціи военнаго дѣла, въ той устарѣвшей формѣ веденія войны, когда на поле битвы выступало неподготовленное, плохо вооруженное, недовольное перерывомъ въ своей мирной жизни всеобщее ополченіе (посполитое рушенье). До отрицанія этого послѣдняго Остророгъ еще не доходитъ, и его предложенія ограничиваются полумѣрами. Прежде всего онъ настаиваетъ на томъ, чтобы „воеводы (*palatini*) въ отдѣльныхъ земляхъ и округахъ имѣли наблюденіе за тѣмъ, чтобы каждый изъ жителей королевства (*quisque regnicolarum*) подъ страхомъ справедливаго наказанія обзавелся оружіемъ соразмѣрно своему состоянію и способностямъ“. Но списки шляхты съ указаніемъ на размѣры состоянія должны вести воеводы такъ, чтобы тотъ, кто больше имѣетъ, шелъ на войну лучше вооруженный и въ сопровожденіи большей свиты. И тутъ же успокоительное замѣчаніе: „сверхъ необходимаго ничего не слѣдуетъ вимать“, а потомъ угрозы: если на ежегодномъ осмотрѣ (*lustratio*) вооруженія будетъ найденъ кто-нибудь безъ оружія, того слѣдуетъ лишать шляхетства. Отъ обязанности защищать государство польскій публицистъ не освобождаетъ и мѣщанъ, и даже крестьянъ. Здѣсь всѣ должны объединиться, не жалѣя трудовъ. Въ походѣ также необходима дисциплина. Грабежи дозволяются только по праву войны во вражеской странѣ, дома же мародерство должно строго караться. О деталяхъ

военной организаціи, въ которая входитъ Остророгъ, я не буду здѣсь распространяться.

Характерно, что послѣ важныхъ и серьезныхъ указаній, которыя имѣли въ виду благо всего государства, Остророгъ, какъ истинный представитель своего сословія, разбираетъ съ особенной серьезностью такіе вопросы, которые должны были создать пропасть между высшей и низшей шляхтой и этимъ внести въ государство рознь и смуту. Такъ, писатель придаетъ большое значеніе титуламъ графовъ и бароновъ, которые онъ совѣтуетъ ввести, или придворному этикету, въ которомъ онъ рекомендуетъ строго соблюдать мѣстничество. Вопросъ о гербахъ также представляется ему очень важнымъ, и онъ подробно разбираетъ, какого цвѣта воскомъ надлежитъ пользоваться для печатей воеводамъ, каштелянамъ и простымъ шляхтичамъ. Онъ рекомендуетъ не давать духовныхъ должностей тѣмъ „докторамъ“, которые получаютъ это званіе въ Италіи, пробывъ три или четыре недѣли при папскомъ дворѣ. Какой-нибудь „*tudis asellus*“ (невѣжественный осленокъ) возвращается изъ Рима *doctor egregius*. Далѣе слѣдуетъ рядъ параграфовъ, мало связанныхъ между собой. Въ нихъ отражаются различныя неурядица польской государственной жизни, которыя и позже привлекали къ себѣ вниманіе тѣхъ „исправителей республики“, которыхъ не было недостатка въ 16 и 17 вѣкахъ. Вотъ, напр., одни пріѣзжаютъ на сеймъ во время, а другіе запаздываютъ, и такихъ надо штрафовать; или иные, пріѣхавъ на сеймъ, силой занимаютъ корчму. Да и вообще, говоритъ Остророгъ, къ чему затягивать сеймы? Въ этомъ нѣтъ никакого смысла (*ratio dissuadet*). „Король долженъ заботиться о томъ, чтобы они продолжались покороче, чтобы не отягощать бѣдныхъ излишними расходами“. На жизненной необходимости было основано требованіе единства мѣръ и вѣсовъ во всемъ королевствѣ, а вопросъ объ устройствѣ заграничной торговли Остророгъ затронулъ подъ именемъ „*provisio vectigalium*“ (таможенной системы). „Знающіе чужія земли вѣдаютъ, заявляетъ онъ, что нѣтъ на свѣтѣ земли, болѣе изобилующей товарами, нужнѣйшими для человѣческаго существованія, нежели польское королевство, но это ни къ чему, потому что надъ этимъ не имѣется никакого верховного надзора. Я знаю заграничныя государства, гдѣ при всей ограниченности ихъ предѣловъ обложеніе соли и другихъ предметовъ приноситъ ежегодно сотню тысячъ (дукатовъ), а въ нашемъ королевствѣ,

столь обширномъ, оно не даетъ и половины. Своей беззаботностью Польша, несомнѣнно, обогащаетъ чужіе народы и наноситъ ущербъ собственной казнѣ, какъ будто бы всѣ земли безъ всякаго различія составляли одно государство. Но такъ какъ этого нельзя оправдать никакимъ достаточнымъ основаніемъ, то прежде всего надо подумать о томъ, что полезно обществу и нужно для государственной казны и общественнаго блага. Нужно только имѣть въ виду, что совершенно непристойно въ свободной странѣ взимать таможенный сборъ (telopea) съ туземцевъ и жителей королевства, развѣ только случайно товары вывозятся за границу“.

Слѣдующій параграфъ настаиваетъ на установленіи надзора за правильностью мѣръ и вѣсовъ въ торговлѣ и требуетъ борьбы съ фальсификаціей перца, шафрана и другихъ специй. Страдаетъ Польша и отъ отсутствія хорошихъ дорогъ; платящіе же таможенные налоги имѣютъ право требовать хорошихъ сообщений, а такъ какъ при узости путей постоянно происходятъ ссоры между встрѣчными, то надо на разстояніи двухъ или трехъ локтей одна отъ другой устраивать нѣсколько параллельныхъ дорогъ. Удивительный характеръ какого-то компромисса носить параграфъ объ иммунитетѣ церковныхъ имѣній. „Многіе люди, конечно, неразумные, утверждаютъ, что въ Польшѣ законъ дозволяетъ рыцарству, отправляющемуся на войну, опустошать безнаказанно церковныя имѣнія. Если въ этомъ и есть доля правды, то все-таки это нарушаетъ долгъ благочестія, и тотъ, кто его издалъ, не слишкомъ считался съ братской любовью и милосердіемъ къ ближнему. Такъ ведутъ себя непріатели, а не христіане. Если же господа духовные стануть вести себя такъ, какъ изложено выше, то будетъ большимъ нечестіемъ касаться ихъ имущества, и нарушающихъ это правило слѣдуетъ наказывать по всей строгости законовъ, изданныхъ противъ грабителей и разбойниковъ“. Этимъ какъ бы узаконялся разбой въ имѣніяхъ церкви, пока духовные не исправились въ своемъ отношеніи къ государству. И тутъ же, возвращаясь къ своей излюбленной мысли о паразитарности духовенства, Остророгъ доказываетъ, что послѣ смерти епископовъ или другихъ духовныхъ лицъ ихъ имущество должно переходить къ государству: собранное съ бѣдняковъ должно идти на ихъ же пользу. Во всякомъ случаѣ, не папѣ, который и безъ того достаточно богатъ, должно доставаться это имущество. Отсюда странный скачокъ къ „одеждѣ отдѣльныхъ сословіи“. Остророгъ настаиваетъ

на томъ, чтобы сословія различались въ одеждѣ. „Такъ какъ всего прекраснѣе (pulchrior) тотъ, кто придерживается своихъ правъ, то необходимо, чтобы и въ одеждѣ наблюдалось различіе“. Только шляхтѣ и женамъ шляхтичей авторъ предоставляетъ одѣваться, какъ имъ угодно. Еврей, палачъ, публичная женщина (meretrix) ничѣмъ не отличаются въ одеждѣ отъ честныхъ людей: пусть же еврей пришьетъ къ своей одеждѣ красный кружокъ, палачъ носить съ собой постоянно мечъ, публичная женщина отмѣчается лентами и прической головы. И даже мѣщанинъ, состоящій въ должности (in magistratu), долженъ одѣваться иначе, чѣмъ въ частной жизни (privatus). Послѣ этого въ сочиненіи Остророга мы находимъ разумное требованіе предоставленія всѣмъ свободнаго передвиженія по дорогамъ и рѣкамъ, благородный протестъ противъ судебныхъ приговоровъ, основанныхъ на вымученныхъ признаніяхъ обвиняемаго, и тутъ же совѣтъ уничтожить всякія церковныя братства и цехи, „запретить ремесленникамъ и крестьянамъ часто пьянствовать, особенно пить по утрамъ“. Это благое пожеланіе было связано съ указаніемъ на необходимость закрыть корчмы, которыхъ развелось слишкомъ много. Въ Польшѣ ходило много чужихъ денегъ, и Остророгъ совѣтуетъ установить принудительный курсъ для иностранныхъ денаріевъ, беря за одинъ грошъ не менѣе 18 такихъ денаріевъ. На королевскомъ дворѣ рѣдко бывають турниры; надо, чтобы молодежь имѣла возможность упражняться въ рыцарскомъ искусствѣ и приобрѣтать славу у иностранцевъ. Крѣпости и замки слѣдуетъ снабжать на случай осады достаточнымъ количествомъ пищи и нужно ихъ укрѣплять лучше, чѣмъ это дѣлается теперь. На дичь (animalia esculentia) слѣдуетъ запретить охоту въ извѣстное время года, когда она размножается. Безтолковое истребленіе дичи грозитъ ея исчезновеніемъ. Наконецъ, въ послѣднемъ параграфѣ Остророгъ рекомендуетъ назначить жалованіе воеводамъ и низшимъ чиновникамъ, отъ чего ихъ усердіе возростетъ, а въ заключительныхъ словахъ онъ увѣряетъ, что достаточно исправить на ближайшемъ сеймѣ тѣ недостатки, которые онъ отмѣтилъ, а остальное будетъ исправлено впоследствии. Таково пестрое и несистематичное содержаніе трактата. Резюмируя его, можно сказать, что причиной всѣхъ тѣхъ бѣдъ, которыя уже тогда угрожали польскому королевству, авторъ признаетъ глубокую безпечность, господствующую въ высшихъ классахъ населенія: политика ведется

безъ сознанія національнаго достоинства государства, безъ опредѣленной задачи, личные интересы повсюду господствуютъ надъ общими, каждое сословіе заботится только о своихъ ближайшихъ интересахъ, оборона страны запущена, правосудіе пренебрежено, государственные финансы находятся въ страшномъ безпорядкѣ. Картина, которую нарисоваль Остророгъ, не преувеличена: такое положеніе вещей подтверждается историческими матеріалами, относящимися ко второй половинѣ 15 вѣка. Большинство вопросовъ, затронутыхъ Остророгомъ, еще всплыветъ передъ нами въ дальнѣйшемъ изложеніи: и въ политическихъ трактатахъ, и въ сатирахъ ¹⁾.

Кто же былъ авторъ этого „Напоминанія“, и какое основаніе онъ имѣлъ говорить съ такой увѣренностью о будущемъ сеймѣ, который долженъ будто-бы разсмотрѣть его проекты, и какое значеніе, вообще, имѣетъ его трактатъ? По этимъ вопросамъ высказаны чрезвычайно разнообразныя мнѣнія, и оцѣнка сочиненія Остророга колеблется въ значительной мѣрѣ отъ политическихъ убѣжденій изслѣдователей. Дѣло въ томъ, что этотъ писатель касается нѣкоторыхъ вопросовъ, не потерявшихъ своей жгучести до нынѣ. Это, прежде всего, вопросъ объ отношеніи къ папству, и естественно, что такой клерикальный историкъ, какъ А. Прохаска, выносить строгій приговоръ этой части трактата Остророга, а писатели антиклерикальные, въ родѣ Рембовскаго, именно этой-то части и сочувствуютъ. Точно также социальная программа Остророга, носящая явно классовый характеръ, возбуждаетъ къ себѣ несочувствіе со стороны писателей, видящихъ спасеніе Польши въ демократическихъ реформахъ. Но даже въ одномъ и томъ же лагерѣ Остророгъ встрѣчаетъ къ себѣ различное отношеніе: гр. Тарновскій или Бобржинскій высоко ставятъ его патріотизмъ и политическій умъ, тогда какъ Прохаска, вообще, относится къ Остророгу отрицательно. Происходитъ это разногласіе, по моему мнѣнію, оттого, что этотъ писатель 16 в. не выработалъ себѣ един-

¹⁾ Литература объ Остророгѣ: старинная литература (Ковнацкій 1818, Вегнеръ 1860, Бандтке и др.) у Павинскаго; болѣе поздняя, имѣющая научное значеніе и теперь: А. *Pawiński*. *Jana Ostroroga żywot i pismo o naprawie Rzeczypospolitej*. 1884. *Caro*. *Jan Ostroróg i traktat jego o naprawie Rzeczypospolitej*. *Pamiętnik Krak. Akad.* 1885. *Bobrzyński*. *Jan. Ostroróg. Pamiętn. Akad. Krak.* т. V. 1885 *Swieżawski*. *Jan Ostroróg. Ateneum*. 1884. № 2. *Rembowski*. *Jan Ostroróg i jego memoriał wobec historyi prawa i nauki politycznej*. „*Niwa*“ за 1884 г. и отдѣльн. книгой. S. *Tarnowski*. *Pisarze polityczni XVI wieku*. Kraków. 1886 т. I. *Bobrzyński* въ протоколахъ истор.-литер. съѣзда имени Яна Кохановскаго (Archiwum. т. V.). А. *Prochaska*. *O naprawie Rzeczypospolitej Ostroroga*. *Kwart. Histor.* т. XIII. 1899. Т. *Wierzbowski*. *Jana Ostroroga Pamiętnik*. Warszawa. 1891.

ства политическаго міровоззрѣнія, многого просто не додумалъ, иное едва намѣтилъ, и уже изслѣдователи, каждый по своему, дополнили своими гипотезами и своимъ освѣщеніемъ недосказанное и оцѣнили его со своей точки зрѣнія.

Остророгъ былъ сыномъ одного изъ сановниковъ государства, калишскаго воеводы, и находился въ родствѣ съ самыми знатными польскими родами, изъ которыхъ нѣкоторые были заражены гуситской ересью. Въ 1453—5 г. онъ учился въ Эрфуртскомъ университетѣ, гдѣ преподавалъ одинъ изъ предшественниковъ Лютера, Везель; кромѣ того, онъ былъ и въ Болонскомъ университетѣ, гдѣ одно время состоялъ даже ректоромъ и синдикомъ ультрамонтанъ. Изъ-заграницы онъ вернулся докторомъ обоихъ правъ. По всей вѣроятности, ему пришлось принимать участіе и въ битвахъ во время разгорѣвшейся вскорѣ войны Польши съ орденомъ. Въ своей рѣчи, обращенной къ папѣ (о ней ниже), онъ говоритъ, что много разъ (*totiens*) видѣлъ тысячу враговъ, ихъ знамена, разносившія во всѣ стороны ужась смерти. Едва-ли эти слова могутъ имѣть въ виду кого-нибудь другого, кромѣ нѣмецкихъ рыцарей. Естественно было, что ко всему нѣмецкому у Остророга зародилась глубокая непріязнь, и что онъ не могъ такъ объективно, какъ требуютъ отъ него современные историки, относиться къ цивилизаторскому значенію нѣмецкаго права въ старой Польшѣ или къ нѣмецкой проповѣди въ Краковѣ. Вѣдь эта была эпоха, когда все въ Польшѣ, начиная съ Длугоша, отступившаго въ этомъ вопросѣ отъ завѣтовъ Олесницкаго, кипѣло враждой къ ордену. Остророгъ „видѣлъ“ (*totiens vidi*) нѣмецкія войска, но о подвигахъ его источники молчатъ. Зато они говорятъ объ его государственной дѣятельности и личныхъ услугахъ королю. По предположенію Павинскаго, Остророгъ былъ нуженъ королю, какъ ученый юристъ, и потому его знаніями пользовались въ юридическихъ вопросахъ, возбуждавшихся королевской канцеляріей. Такъ, въ роли юрисконсульта ¹⁾ Янъ Остророгъ выступаетъ въ двухъ документахъ 1462 г. по поводу включенія въ составъ коронныхъ земель двухъ провинцій. Въ эту пору Остророгъ никакой официальной должности не исполнялъ и называется просто *filius domini palatini Caliss*. Но въ 1464 г.

---

¹⁾ Ср. напр. оцѣнку юридическихъ указаній Остророга у Бобржинскаго (назв. соч. 81): „Не много тѣхъ подробностей, которыя Остророгъ задѣваетъ въ области судопроизводства, права и процесса, но смѣло можно сказать, что мысли его попадаютъ въ самый центръ“.

онъ уже получили назначеніе на должность королевскаго губернатора (каштеляна) въ Междурѣчьи и подъ однимъ изъ денежныхъ обязательствъ короля Казимира стоитъ подпись: *Ioanne de Ostrorog utriusque iuris doctore Międzyrecen. (castellano)*: Можетъ быть, въ эту же самую пору Остророгъ женился, при чемъ, взявъ въ жены дочь Ратиборскаго князя, породнился съ самой старой польской знатью. Это свидѣтельствуешь, что молодой докторъ занималъ въ обществѣ очень видное и вліятельное положеніе. Вскорѣ онъ ѣдетъ королевскимъ посланцемъ въ Римъ, отстаивать право короля назначать епископовъ. Въ этомъ вопросѣ, который раздѣлилъ Польшу на двѣ партіи, Остророгъ стоитъ опредѣленно на сторонѣ короля. Его отрицательное отношеніе къ духовенству извѣстно намъ изъ „*Monimentum*“. Нѣсколько лѣтъ спустя, Казимиръ опять посылаетъ его въ Римъ, къ папѣ Павлу II, съ цѣлью выразить почтеніе (*oboedientia*) короля и просить объ утвержденіи Торнскаго мира съ орденомъ. Здѣсь-то Остророгъ и произнесъ свою пышную гуманистическую рѣчь о непобѣдимости польскаго народа, изъ которой выше приведена была одна фраза. Какъ извѣстно, посольство не увѣнчалось успѣхомъ, и было естественно сильное раздраженіе Остророга противъ куріи. Въ его нападкахъ на папъ, которыми наполнено его „Напоминаніе“, слышится какое-то личное раздраженіе. Инымъ тономъ онъ обращался къ папѣ, подтверждая покорность короля. А въ сочиненіи своемъ онъ прямо возстаетъ противъ этого обычая *oboedientiae* королей новому папѣ. На нѣсколько лѣтъ мы теряемъ изъ виду Остророга, и лишь въ 1474 году онъ получаетъ болѣе важное назначеніе каштеляна Познанскаго; воеводой Познанскимъ, главнымъ сановникомъ въ королевствѣ, былъ въ эту пору его отецъ; въ слѣдующемъ году Остророгъ получаетъ крупное наслѣдство. По своей должности познанскаго каштеляна Остророгъ былъ уже близокъ ко двору и участвовалъ какъ въ королевскомъ совѣтѣ, такъ и въ сеймахъ. Черезъ два года онъ былъ опять отправленъ на западъ съ посольствомъ по вопросу о чешской коронѣ, но былъ на пути перехваченъ врагомъ Казимира, венгерскимъ королемъ Матвѣемъ Корвиномъ. Въ мартѣ 1477 г. король жалуется папѣ: „*regni mei consiliarius magnificus Ioannes de Ostrorog castellanus Posnaniensis in terris ipsi regi subiectus tenetur captivus*“. Уже въ сентябрѣ 1476 г. отецъ его спрашивалъ саксонскихъ князей сообщить, гдѣ находится

въ заключеніи Янъ Остророгъ.¹⁾ Такимъ образомъ, этому послѣднему пришлось довольно долго просидѣть въ заключеніи, и когда король выхлопоталъ его освобожденіе, онъ счелъ себя обязаннымъ вознаградить каштеляна за службу значительной суммой (800 дукатовъ). Послѣ этого имя Яна Остророга встрѣчается въ документахъ, главнымъ образомъ, въ связи съ тѣми займами, которые дѣлалъ у него король: въ 1488 г. Казимиръ занимаетъ у него 12 тыс. дукатовъ, въ 1491 г. новую тысячу. По службѣ, однако, онъ подвигался медленно: уже въ глубокой старости, послѣ того, какъ въ 1497 году король Янъ Альбрехтъ освободилъ его отъ обязанности участвовать въ походѣ противъ турокъ и татаръ, Янъ Остророгъ, носившій званіе: *castellanus Poznaniensis et capitaneus Majoris Poloniae generalis*, получилъ должность познанскаго воеводы. Еще 18 октября 1500 г. онъ подписываетъ завѣщаніе въ пользу своей второй жены, Доротеи изъ Вжесни, какъ каштелянъ познанскій; въ февралѣ 1501 г. онъ называетъ себя уже *palatinus*. Вскорѣ послѣ того онъ умеръ, а въ февралѣ 1502 году разыгрался крупный скандалъ между его наслѣдниками: сыновья отъ перваго брака захватили въ плѣнъ мачиху и требовали отъ нея отказа отъ завѣщанія, составленнаго въ пользу дѣтей отъ втораго брака, носившихъ характерныя гуманистическія имена Ахиллеса и Поликсены. Еще въ 1504 году тянулся этотъ процессъ.

Изъ біографіи Яна Остророга видно, что онъ принадлежалъ къ числу горячихъ сторонниковъ короля въ тѣхъ вопросахъ, которые являлись именно особенно щекотливыми, и вмѣстѣ съ тѣмъ входилъ въ число высшихъ сановниковъ государства, смотрѣвшихъ косо на стремленія простой шляхты къ самоуправленію и на городскія автономіи. Это была эпоха, когда произошло извѣстное столкновеніе Тенчинскаго съ краковскими горожанами, и Остророгъ стоитъ на той же точкѣ зрѣнія на этихъ послѣднихъ, какъ и пѣсня объ убійствѣ Андрея Тенчинскаго. Свое желаніе обособить высшую знать отъ рядовой шляхты онъ достаточно прозрачно обнаруживаетъ въ томъ параграфѣ, который требуетъ графскаго и баронскаго титуловъ для воеводскихъ сыновей, или въ томъ, гдѣ онъ настаиваетъ на особыхъ печатяхъ для воеводъ, князей и ихъ сыновей.

---

¹⁾ Документы о Янѣ Остророгѣ въ изслѣдованіи Павинскаго, въ *Kwart. Histor.* 1891, а также въ изданіяхъ: *Codex epistolaris saeculi XV (Monum. medii aevi historica, res gestas Poloniae illustrantia)* т. II (1876) 227. т III (1894) 248, 262, 268 и Т. Wierzbowski. *Materyały do dziejów piśmien. Polsk.* (1900) I. 6. 10.

Заключается-ли въ пожеланіи: „чтобы воеводы наши, которые занимають мѣста прежнихъ князей, назывались (*declarentur esse*) князьями данной провинці“, стремленіе вернуться къ удѣльной системѣ (какъ думаетъ А. Прохаска), мнѣ представляется совсѣмъ невѣроятнымъ, такъ какъ Остророгъ ратуеть все время за объединеніе государства однимъ королемъ, однимъ закономъ и одной монетой. Здѣсь сказываются его классовыя стремленія обособить высшую аристократію въ отдѣльное сословіе, которое не сливалось бы съ рядовой шляхтой, стремящейся къ вліянію на политику страну съ помощью сеймиковъ. Идеализируя вообще политическія стремленія Остророга, Бобржинскій указываетъ на ихъ связь съ тѣми требованіями государственной реформы, какія выставляла шляхта въ разные моменты 15 в., не отмѣчая несомнѣнной классовой тенденціи Остророга, которая далеко не согласовалась съ общимъ направлениемъ шляхты.

Время, когда написано сочиненіе Остророга, опредѣляется различно. Исходя изъ разсказа Длугоша, что король Казимиръ въ 1456 году обѣщалъ въ ближайшемъ будущемъ созвать сеймъ для устраненія государственныхъ недостатковъ, и изъ обязательства короля назначить этотъ сеймъ „исключительно для исправленія, возстановленія и укрѣпленія королевства и земель своихъ, для оказанія справедливости и выслушанія жалобъ и для удовлетворенія всякихъ обидъ, начавъ исправленіе съ головы или съ самого монарха и кончая отдѣльными подданными, членами и жителями всякаго сословія нашего королевства“, — исходя изъ этихъ данныхъ Павинскій относитъ Monumentum Остророга къ концу 1456 года. Въ это время онъ, дѣйствительно, могъ назвать себя *iuvenis*. Однако это послѣднее слово не встрѣчается въ другой редакціи памятника, изданной Вержбовскимъ. Взглядъ Павинскаго наталкивается на такія противорѣчія, какъ рѣзкій тонъ Остророга по отношенію къ папѣ, какъ упоминаніе о моровой заразѣ, „продолжающейся уже много лѣтъ“ (а началась она въ 1466 г.) и т. д. Каро полагаетъ, что памятникъ написанъ былъ въ 1455 г., когда король своими неудачными дѣйствіями противъ Ордена навлекъ на себя не мало упрековъ. Тутъ-то Остророгъ и счелъ необходимымъ отмѣтить, что никто не имѣетъ права критиковать короля. Доказательства Каро также не представляются убѣдительными. Цѣлый рядъ данныхъ заставляетъ отнести памятникъ къ болѣе позднему времени: такъ, замѣтка о войнѣ съ

Москвой не имѣла бы смысла ранѣе 1473 года, когда началась война между Иваномъ III и Казимиромъ. Ранѣе 1473 г. Остророгъ не написалъ своего произведенія, а кончилъ его онъ не позже 1477 года, когда была произведена военная реформа, идущая далѣе плановъ Остророга. А такъ какъ уже въ 1476 году онъ былъ въ плѣну, то лишь въ промежутокъ между 1473 и 1476 годами онъ могъ написать свое сочиненіе. Прохаска указываетъ на то, что сеймъ 1474 г. провель принципъ военной службы „по мѣрѣ средствъ“ (*iuxta facultatem bonorum*), а Остророгъ полемизируетъ съ этимъ принципомъ, который, очевидно, уже былъ распространенъ, но еще не получилъ санкции закона (*plerique dicunt, juxta bonorum valorem aequum esse ista statuere, at ego dico...*) Послѣ сейма 1474 года стало бы бесполезно вводить въ планъ реформъ, которыя должны быть обсуждены на слѣдующемъ сеймѣ, проектъ, уже провалившійся. Отсюда названный изслѣдователь справедливо заключаетъ, что Остророгъ писалъ свое сочиненіе для раздачи его депутатамъ именно на этомъ сеймѣ. Памятникъ возникъ въ концѣ 1473 года, когда нужно было отстаивать королевскую власть отъ притязаній различныхъ сословій на самоуправленіе. Такимъ образомъ, онъ явился выраженіемъ мнѣній извѣстной группы лицъ. Едва-ли при своемъ служебномъ положеніи и, какъ докторъ обоихъ правъ, снабдившій свое сочиненіе обширнымъ ученымъ аппаратомъ, Остророгъ выступалъ, какъ единичное лицо. Въ началѣ 16 вѣка его произведеніе оказалось среди документовъ королевской канцеляріи. Въвиду этого на „*Monumentum*“ Остророга слѣдуетъ смотрѣть, какъ на официальное изданіе правительственной партіи. Когда оно оказалось ненужнымъ, послѣ сейма 1474 года, его или изъяли изъ обращенія, или оставили безъ вниманія, вслѣдствіе чего произведеніе Остророга сохранилось только въ рукописяхъ 16 вѣка. Быть можетъ, „сферы“ и отрекались отъ этой программы въ виду слишкомъ рѣзкаго и непримиримаго тона ея по отношенію къ духовенству. Здѣсь многое должно быть отнесено къ индивидуальности автора, но возраженія, которыя онъ дѣлалъ духовенству, носились въ воздухѣ, они стали общимъ мѣстомъ полемики со свѣтскими притязаніями и съ корыстными домогательствами клира. Указана связь сочиненія Остророга съ цѣлымъ рядомъ предшествующихъ политическихъ памятниковъ. Въ 1884 г. Бобржинскій утверждалъ, что между „*Monumentum de ordinatione Reipublicae*“ Остророга и французской

политической литературой 14 в. есть непосредственная связь, доходящая до заимствования словъ и оборотовъ. Онъ имѣлъ въ виду „Disputatio inter militem et clericum“ Петра Дюбуа, который настаивалъ на независимости монархической власти и на свободѣ государства отъ церкви, и извлеченіе изъ сочиненій Вильгельма Оккама „Somnium viridarii“. Но, несомнѣнно, Остророгъ пользовался, какъ указываетъ Каро, и написанной въ 1438 году „Реформаціей“ (Reformatio Sigismundi imperatoris) Фридриха Рейзера, который излагалъ политическіе взгляды императора Сигизмунда, и у котораго Остророгъ заимствовалъ рядъ возрѣній на право королей вліять на назначеніе епископовъ, на духовенство и т. д. Каро привелъ свыше 15 параллельныхъ мѣстъ, изъ которыхъ нѣкоторыя могутъ быть лишь общими мѣстами тогдашнихъ политическихъ возрѣній, но нѣкоторыя, несомнѣнно, представляютъ заимствования Остророга изъ „Реформаціи“ Рейзера, или же оба эти писателя буквально списывали у какого-то неизвѣстнаго намъ третьяго писателя. Однако, предположеніе такового, выставленное Павинскимъ, вовсе неубѣдительно. Именно, Павинскій полагаетъ, что и Рейзеръ, и Остророгъ черпали изъ одного и того же источника, каноническаго права, и отстаиваетъ независимость польскаго публициста отъ какого-нибудь опредѣленнаго сочиненія. Онъ думаетъ, что „въ гуситствѣ заключается источникъ, изъ котораго устремились въ Польшу ручьи новыхъ взглядовъ и представлений“, нашедшіе себѣ мѣсто въ сочиненіи Остророга, особенно въ вопросахъ церковныхъ. И Гусъ называлъ чешскаго короля „post Deum supremus dominus“, и какъ Остророгъ, отказывался въ Чехіи nullum superiorem praeter Deum recognoscere.

Остророгъ хорошо зналъ современную ему политическую литературу и примкнулъ къ тому направленію ея, которое отстаивало прогрессивное теченіе. Представитель гуманистическихъ возрѣній на власть, какъ и Каллимахъ, онъ требовалъ централизма, объединенія государства, укрѣпленія королевской власти и созданія подъ сѣнью ея сословія могущественныхъ магнатовъ, воеводъ, графовъ и бароновъ. Этотъ идеалъ оказался въ Польшѣ недостижимъ. Ея жизнь пошла по гораздо болѣе демократическому руслу, объединила въ одно цѣлое всю шляхту, еще болѣе ослабила королевскую власть и въ концѣ концовъ усилила духовенство. Но почти весь 16 вѣкъ

полонъ отголосковъ тѣхъ вопросовъ, которые были затронуты въ концѣ 15-го и нашли свое выраженіе въ „Mopimentum“ Остророга.

Г л а в а VII.

Польско-латинская поэзія 16 вѣка.

Новыя культурныя вѣянія ярко сказались уже въ царствованіе Казимира Ягеллоновича. При сыновьяхъ его, Альбрехтѣ, Александрѣ и Сигизмундѣ государственная и культурная жизнь развивается въ тѣхъ направленіяхъ, которыя были указаны уже предшествующимъ царствованіемъ. Шляхта все чаще и все настойчивѣе требуетъ для себя привилегій, пользуясь удобнымъ моментомъ послѣ смерти короля, войной или временнымъ затрудненіемъ власти. И тогда шляхта стремится забрать въ свои руки всѣ свѣтскія и духовныя должности, освободиться отъ налоговъ и обезпечить только для себя выгоднѣйшія условія въ торговлѣ съ Западомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, она требуетъ и такихъ реформъ, которыхъ осуществленіе было бы спасительно для государства, прежде всего устройства судебной части въ королевствѣ. Но военная организація остается все также плоха, а между тѣмъ Польшу все болѣе тѣснятъ сосѣди: уже начинается долгая и томительная война съ Россіей, которой помогаетъ союзный съ нею крымскій ханъ; все неустойчивѣе дѣлается политика молдавскаго господаря, который лавируетъ между страшной Турціей и слабой Польшей. И отношенія съ такими близкими и дружественными сосѣдями, какими должна была сдѣлаться Чехія и Венгрія послѣ того, какъ престоль этихъ государствъ занялъ братъ Яна Альбрехта, Владиславъ, оставляютъ желать лучшаго. Во время похода на турокъ въ Молдавію, который предпринялъ въ 1497 году польскій король, войска его были перебиты въ Буковинѣ вслѣдствіе коварства Владислава, опасавшагося соперничества со стороны брата. ¹⁾ А неудача поляковъ широко раскрыла ворота въ польскія земли, Волынь, Галицію, Подолію, даже до самаго Сандомира, вторженіямъ южныхъ кочевниковъ и полудикарей, молдаванъ, волоховъ, турокъ, татаръ. Приходилось хотѣ на западъ обезопасить границы, а это зна-

¹⁾ A. Lewicki Król Jan Olbracht o klesce bukowskińskiej w r. 1497. Kwart. Hist. VII. 1893.

чило отказаться отъ дальнѣйшей непримиримой борьбы съ орденомъ. И магистры быстро ориентировались въ измѣнившемся положеніи вещей: магистръ ордена, Фридрихъ, герцогъ Саксонскій, отказался принести ленную присягу Яну Альбрехту. Начало новаго столѣтія ознаменовалось невѣроятными грабежами татаръ въ Польшѣ и Литвѣ. „Ни болота, ни рѣки не удерживали этого нечестиваго племени, жалуется современный историкъ, Бернардъ Ваповскій. Города и деревни пылали, ужась, паника, нищета господствовали среди толпъ бѣглецовъ. Безчисленное множество людей, застигнутыхъ врасплохъ быстротою враговъ, было захвачено, перевязано, уведено по ихъ жестокому обычаю въ рабство; была опустошена значительная часть королевства Польскаго, Россіи (Руси) и Литвы; Сандомирское и Люблинское воеводства (satrapia) вмѣстѣ съ Брестъ Литовскомъ почувствовали свирѣпость скиѳовъ...“¹⁾ Назрѣвалъ въ тоже время конфликтъ съ Пруссіей, а король Альбрехтъ готовился уже къ страшной войнѣ (*bellum ingens in terra Prussia*), когда пораженный апоплексическимъ ударомъ, скончался. Современный историкъ восхваляетъ его широкій умъ, большіе замыслы, осуществленію которыхъ препятствовала сама судьба, и отмѣчаетъ, что онъ „не былъ чуждъ литературѣ, особенно же любилъ чтеніе книгъ и исторію. А такъ какъ онъ былъ склоненъ къ свободной любви (*in Venerem proclivis*), то онъ такъ и не женился“. Такимъ образомъ, снова поднимался вопросъ о престолонаслѣдіи.

Братъ Яна Альбрехта, Александръ былъ въ это время литовскимъ великимъ княземъ. Избраніе его въ польскіе короли не обошлось безъ оппозиціи со стороны партіи, которая хотѣла видѣть на польскомъ престолѣ чешскаго и венгерскаго короля Владислава. Только подтвержденіе уніи и обѣщаніе вѣчнаго союза, которое предложили литовцы, склонило польскихъ вельможъ къ избранію Александра. Этотъ послѣдній продолжалъ политику своего брата, который старался опереться не столько на вельможъ, сколько на простую землевладѣльческую шляхту. Вельможи хотѣли учредить олигархію и управлять страной черезъ посредство сената. Король былъ вынужденъ пойти на уступку, но, не желая этого, покинулъ Польшу, опять поселившись въ Литвѣ. Между тѣмъ сенатъ оказался не въ состояніи справиться со своей задачей: анархія, по-

1) *Scriptores Rerum Polonicarum. t. II. Kroniki Bernarda Wapowskiego z Radochoniec część ostatnia (1480—1535). Krak. 1874.*

стоянные татарскіе набѣги показали, что страна нуждается въ болѣе сильной монархической власти. Русскія же войска взяли въ это время Смоленскъ, а великій князь Московскій, Іоаннъ, предложилъ королю Александру миръ, который тотъ и заключилъ, — „противъ всякихъ ожиданій“, прибавляетъ Ваповскій. Молдаване и татары грабили южныя области государства. Тогда (1503) вельможи *optimates* взмолились, чтобы король взялся энергичнѣе за защиту страны и вернулся изъ Литвы въ Польшу. На Люблинскомъ сеймикѣ были приняты нѣкоторыя мѣры для обороны государства отъ волоховъ и татаръ, и королевскій секретарь, Янъ Ласкій, былъ объявленъ государственнымъ канцлеромъ. Но теперь заволновались и устроили заговоръ противъ короля литовскіе вельможи, и дѣло едва не дошло до суровой расправы съ ними. А въ слѣдующемъ году на Радомскомъ сеймѣ разбирался весьма любопытный процессъ: была захвачена цѣлая шайка конныхъ разбойниковъ, среди которыхъ было большинство шляхтичей, между ними и женщина Руссиновская, „шляхтянка, которая искусилась (*comperta est*) въ верховой одеждѣ въ мужскомъ одѣяніи и въ грабежѣ“. Шляхтичи были обезглавлены, а Руссиновская повѣшена въ своемъ военномъ одѣяніи. Этотъ мелкій фактъ бросаетъ, однако, свѣтъ на стремленія королевской власти упрочить порядокъ въ государствѣ. Король думалъ о реформѣ финансовъ, объ изданіи свода законовъ, которое было поручено канцлеру Яну Ласкому. Въ 1505 году прошелъ важный законъ (*nihil novi*), который не допускалъ развитія мѣснаго законодательства безъ санкціи сейма и этимъ устанавливалъ государственный централизмъ, въ которомъ тогдашняя Польша нуждалась. Но государственное хозяйство находилось въ ужасномъ состояніи. Имущества, составлявшія государственную собственность и носившія названіе королевскихъ имѣній, почти ничего не приносили казначейству, такъ какъ или были просто захвачены въ разное время сильными людьми, или отданы въ закладъ, или переданы на невыгодныхъ условіяхъ въ аренду. Различнаго рода иалоги и подати вносились чрезвычайно неравномѣрно; отдѣльныя статьи бюджета приносили по годамъ сильно отличающіяся суммы: иногда нѣсколько сотъ гривенъ, иногда десятковъ тысячъ. Вслѣдствіе этого и общія суммы государственныхъ доходовъ сильно варіировались. Впрочемъ, и въ удачныя годы эта сумма оставалась столь ничтожной, что нечего было и думать о какихъ-нибудь широкихъ реформахъ государственных-

ной обороны и административной системы. ¹⁾ Такъ въ довольно благоприятные годы она достигала 60 тыс. гривенъ, или считая въ дукатъ 33—36 гривенъ, не превышала какихъ-нибудь 18 тыс. дукатовъ. На эти средства нельзя было содержать ни одной тысячи наемнаго войска. Государство было обречено собирать со шляхты, съ городовъ и духовенства особыя пожертванія, усиленные налоги и т. д. Съ духовенствомъ можно было поладить покорностью, съ городовъ брали, сколько удавалось собрать, со шляхтой приходилось идти на компромиссы, которые все больше роняли престижъ королевской власти. Когда Александръ разболѣлся и умеръ послѣ кратковременнаго царствованія, на престоль (1507) вступилъ младшій изъ сыновей Казимира Ягеллоновича, Сигизмундъ, чело-вѣкъ уже новой эпохи, государь гуманистическаго склада. Павинскій, авторъ очень детальнаго изслѣдованія о молодости этого короля, характеризуетъ его въ слѣдующихъ словахъ („*Młode lata Zygmunta Starego*“. 1893, стр. 192). „Идеалы Сигизмунда, какъ главы государства, какъ вождя народа, вытекали изъ одного источника, который имѣлъ мало общаго съ несчастіями, которыя сопутствуютъ войнѣ, съ убійствами, пожарами, добычей и грабежами. Они относятся къ иной, совершенно противоположной области, получая свое начало въ любви къ справедливости, къ порядку, ладу, гармоніи, работѣ надъ собой для самоусовершенствованія въ области какъ матеріальной, такъ и духовной жизни. Идеаль Сигизмунда, когда онъ достигъ власти, заключался въ цивилизаторской миссиі, въ исполненіи великаго предназначенія для укрѣпленія общественныхъ основъ, для заключенія въ границы бурныхъ элементовъ, подъема народнаго богатства, введенія вкуса и изящества и приданія всей жизни признаковъ лучшихъ и высшихъ стремленій. Сигизмундъ—настоящее дитя эпохи гуманизма, который врывался въ Польшу въ концѣ 15 вѣка все болѣе широкой струей“. При этомъ, однако, тотъ же изслѣдователь отмѣчаетъ, что король Сигизмундъ не отличался любовью къ чтенію и поэзіи. Такимъ образомъ, роднило его съ гуманизмомъ прежде всего эстетическое чувство, которое достигаетъ въ характерѣ Сигизмунда I чрезвычайно сильнаго развитія. Остановимся на царствованіи этого государя. Литовцы, „нарушая договоръ, который они столько разъ утверждали“,

¹⁾ I. *Rutkowski*. *Skarbowość polska za Aleksandra Jagiellończyka*. Kwart. Hist. 1909. XXIII.

(Ваповскій) успѣшили избрать его великимъ княземъ. Единогласно выбрали его польскимъ королемъ и магнаты Польши. „Просто не повѣришь, говорить этотъ историкъ, какая радость господствовала въ народѣ послѣ обнародованія избранія Сигизмунда Казимировича; никто не сомнѣвался, что онъ не только возстановитъ, но и увеличитъ королевство, которое такъ страдало отъ набѣговъ невѣрныхъ“. Такимъ образомъ, первая задача, которая ставилась новому королю, заключалась въ организациіи арміи, для чего требовалось совершить важную финансовую и административную реформу. Въ королевскомъ архивѣ ¹⁾, который сберегъ секретарь короля Томицкій, хранится обширная переписка короля съ его воеводами по вопросу объ организациіи обороны отъ татаръ. Съ перваго же года своего вступленія на престолъ онъ разсылаетъ письма и деньги для найма войскъ. Съ другой же стороны, сильно тревожатъ короля прусскія дѣла, набѣги волоховъ и т. д. Внутри государства бунтъ Михаила Глинскаго ставитъ Сигизмунда также въ большое затрудненіе. Съ Москвой ведется опять тяжелая война. Въ 1512 г. Янъ Ласкій, королевскій канцлеръ, выработалъ планъ раздѣленія Польши въ военномъ отношеніи на пять округовъ съ тѣмъ, чтобы восточная граница королевства охранялась поочередно войсками, выставляемыми этими округами. Реформа подлежала разсмотрѣнію на ближайшемъ сеймѣ, и у короля выражаются горькія слова въ посланіи къ воеводамъ (Tomiciana II 122—123). Нуженъ былъ сеймъ, онъ былъ назначенъ въ Петроковѣ, но оказывалось, что сеймъ назначенъ ранѣе законнаго срока, и послы (*terragum punciі*) грозили не явиться. „Мы желаемъ, и сами вы совѣтуете, опасаясь бѣды, грозящихъ этимъ землямъ; вы считаете нужнымъ во время сговориться объ оборонѣ, потому что нужно приступить какъ можно скорѣе къ осуществленію постановленнаго, а тѣ, которыхъ необходимость не такъ давить, полагаютъ, что самое лучшее подождать и отложить. И оттого въ полной нерѣшительности мы колеблемся, какъ же поступить. Ибо мы уже назначили общій сеймъ и опредѣлили для него время въ Петроковѣ“. На сеймѣ 1514 года усиліями вельможъ законъ провалился. Сигизмундъ уступилъ, и военное дѣло пошло по прежнему; какъ и раньше, скудные доходы съ коронныхъ имуществъ шли на наемъ войскъ, а въ случаѣ войны собирались чрезвычайныя подати. Король, дѣй-

¹⁾ Acta Tomiciana. t. I—XII (охватываетъ годы 1506—1530). 1852—1906.

ствительно, впалъ въ нерѣшительность. Если его предшественники—братья склонялись болѣе къ союзу со шляхтой противъ вельможъ, то Сигизмундъ придерживался обратной тактики, но лишь до тѣхъ поръ, пока не встрѣчался съ сильнымъ сопротивленіемъ, а тогда онъ постоянно уступалъ. Благодаря этой податливости короля, изъ рукъ его ускользнуло послѣднее средство удерживать въ своихъ рукахъ управление страной. Пока должность старосты, королевскаго представителя въ томъ или другомъ городѣ, признавалась несомнѣстимой съ должностью королевскаго совѣтника, сенатора, члена коллегіи, которая уже совершенно уронила значеніе королевской власти, до тѣхъ поръ эта послѣдняя могла оказывать хоть нѣкоторое вліяніе на городскую администрацію. Теперь и города ускользаютъ изъ рукъ короля. Создается прямо административный *nonsense*: именно, пожизненная должность губернатора (старосты), увольненіе съ которой безъ суда сдѣлалось невозможно. Среди сановниковъ развивается деморализація; вице-канцлеръ государства, Шидловецкій, находился просто на жалованіи у Габсбурговъ и дѣлалъ все, что могъ, въ ихъ пользу. А между тѣмъ именно съ Габсбургской династіей должны были соперничать теперь Ягеллоны, такъ какъ король чешскій и венгерскій Владиславъ Казимировичъ умираетъ безъ взрослого мужскаго потомства, а дочь его Анна была не замужемъ. И вотъ началась борьба между двумя династіями изъ-за венгерскаго и чешскаго наслѣдствъ. Въ этой борьбѣ на сторонѣ враговъ Польши оказались сановники самого короля Сигизмунда, которые вели интригу противъ канцлера Ласкаго съ цѣлью подставить ногу ему и вмѣстѣ съ тѣмъ дать спорныя короны Габсбургамъ. Въ 1515 г. состоялся знаменитый Вѣнскій конгрессъ, на которомъ совѣщались Сигизмундъ и его братъ Владиславъ съ императоромъ Максимилианомъ. Стремясь противопоставить агрессивнымъ намѣреніямъ Австріи собственные права на престолъ Венгріи, польскій король женился на сестрѣ извѣстнаго врага Австріи, венгерскаго вельможи Запольи, Варварѣ. Но на конгрессѣ король Сигизмундъ, какъ это всегда съ нимъ бывало, не сумѣлъ отстоять своихъ притязаній, Габсбурги одержали полную дипломатическую побѣду и двойными узами скрѣпили свои права на Чехію и Венгрію, породнившись съ Владиславомъ: внукъ императора женился на дочери Владислава, внучка же его вышла замужъ за сына этого послѣдняго, слабого и болѣзненнаго Людовика. Къ тому же сильно разболѣлась королева Варвара. Въ нѣжныхъ письмахъ, которыя ды-

шать уже новымъ несредневѣковымъ духомъ, она умоляла короля поскорѣе вернуться. И Сигизмундъ самъ волновался, спѣшилъ, писалъ доктору королевы, упрасивая его позаботиться о здоровіи Варвары. Въ половинѣ августа онъ былъ уже въ Краковѣ, а 2 октября Варвара скончалась. „Король былъ очень огорченъ смертью королевы, потому что сильно ее любилъ, и была она прекраснѣйшая королева“, отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ Томицкій. Однако, король Сигизмундъ вдовѣлъ не долго. Уже въ 1518 году онъ женился на итальянской принцессѣ, Буонѣ Сфорца, за которой долженъ былъ получить въ наслѣдство маленькое итальянское герцогство Барское. Этотъ бракъ, устроенный по инициативѣ австрійскаго императора, очень искусно подчинялъ интересы польскаго короля политикѣ Габсбурговъ, и Сигизмундъ изъ-за ничтожнаго Барскаго наслѣдства не разъ готовъ былъ пожертвовать интересами своего собственнаго королевства. Такъ, польская политика все болѣе запутывалась въ сѣтяхъ внѣшнихъ интригъ и внутреннихъ сословныхъ раздоровъ. Не говоря уже о томъ, что личность новой королевы всего менѣе содѣйствовала разъясненію положенія. Ловкая итальянская интригантка, весьма жадная на деньги, она создавала вокругъ себя атмосферу непріязни и лжи. И во всемъ обнаруживалось, что государство идетъ къ упадку. Завоеванное съ такимъ усиліемъ двумя поколѣніями Ягеллоновъ преобладаніе надъ орденомъ окончилось самымъ неожиданнымъ образомъ. Избранный гротмейстеромъ въ 1510г. герцогъ Бранденбургскій, племянникъ короля Сигизмунда, Альбрехтъ, отказался принести ленную присягу Польшѣ и сталъ вести свою политику въ направленіи превращенія духовнаго княжества въ свѣтское. Сигизмундъ началъ войну съ герцогомъ, которому приходилось худо. Въ 1524 году у него явилась идея заключить союзъ съ Франціей, но его удержало опасеніе союза Австріи съ Московскимъ княжествомъ, и неожиданно въ слѣдующемъ году онъ заключилъ миръ съ Альбрехтомъ, ограничившись формальнымъ признаніемъ польскаго верховенства со стороны этого послѣдняго, но за то сдѣлавъ ему такія важныя уступки, какъ признаніе Альбрехта наслѣдственнымъ герцогомъ Пруссіи и возвращеніе ему взятыхъ городовъ. Такимъ образомъ, польскій король своими руками создалъ самага страшнаго и не примиримаго врага Польши, который черезъ два съ половиной столѣтія уже въ качествѣ прусскаго короля участвовалъ въ первомъ раздѣлѣ Псполитой Рѣчи. И венгерскія дѣла ока-

зались для польской политики слишкомъ тяжелымъ испытаніемъ. Въ битвѣ при Могачѣ 1526 палъ послѣдній Ягеллонъ на Венгерскомъ престолѣ, и престолъ его захватилъ Фердинандъ Австрійскій. Польша оказалась неспособна къ активной политикѣ и не препятствовала этому выступленію Габсбурговъ, которое грозило ей въ конечномъ итогѣ такой же опасностью, какъ и созданіе прусскаго герцогства. Но въ самой Венгріи явился противникъ австрійской династіи, герцогъ Іоаннъ Заполья, который поднялъ возстаніе противъ Фердинанда и послѣ пораженія бѣжалъ въ Польшу. Король Сигизмундъ хотѣлъ соблюсти нейтралитетъ и, тѣмъ не менѣе, къ большому неудовольствію австрійскаго сосѣда, не помѣшалъ своимъ вельможамъ оказать дѣятельную поддержку Запольѣ. Быть можетъ, онъ и не въ силахъ былъ противиться ихъ дѣйствіямъ. Во всякомъ случаѣ, разыгрался прелюбопытный инцидентъ, который бросаетъ яркій свѣтъ на тогдашнее положеніе королевской власти въ Польшѣ. ¹⁾ Одному изъ самыхъ большихъ сумасбродовъ среди разгульной шляхты, Іерониму Ласкому, пришло въ голову заключить на свою руку союзъ съ турками, чтобы поддержать притязанія Запольи на венгерскій престолъ. Онъ отправился въ Турцію и вернулся оттуда *totus in turcum mutatus*. Какъ ни возмущались при дворѣ подвигомъ Ласкаго, въ Польшѣ образовалась цѣлая партія, желавшая помочь Запольѣ. Въ результатѣ, ничего изъ этого не вышло; но Польша скомпрометировала себя союзомъ съ невѣрными, а король лишній разъ обнаружилъ свою слабость и нерѣшительность.

Достаточно перечислить нѣсколько актовъ сословной политики Сигизмунда и его братьевъ въ началѣ 16 вѣка, чтобы показать, какой фатальный характеръ она пріобрѣтала. Уже въ 1504 г. шляхта пріобрѣла право вывоза своихъ товаровъ за границу безъ пошлины; такое же право было дано ввозу съ Запада. Это означало, что сырой продуктъ, особенно хлѣбъ и лѣсъ, стали вывозить въ Европу изъ Польши, преимущественно по Вислѣ, въ громаднхъ размѣрахъ. На деньги, которыхъ стало у помѣщиковъ гораздо больше прежняго, покупались предметы европейской роскоши и промышленности. Продукты эти покупались не изъ вторыхъ рукъ, не черезъ

¹⁾ Z. Finkel. *Polityka polska w sprawie węgierskiej w r. 1528*. Kwart. Hist. XIII. 1899.

посредниковъ, которые могли бы образовать классъ польскихъ купцовъ, а непосредственно отъ иностранныхъ торговцевъ, которые пользовались—только въ угоду шляхетскимъ требованіямъ на лучшія издѣлія—правомъ безошлиннаго ввоза. Такъ какъ шляхта заботилась вовсе не объ обогащеніи государства, а о личныхъ интересахъ, какъ и почти всѣ въ тогдашней Польшѣ, то она забрала въ свои руки весь вывозъ. Но также и изъ шляхты не могло образоваться торговаго словія. Законъ грозилъ шляхтичу, занимающемуся торговлей, потерей его дворянскихъ правъ. Тогда возникъ типъ фактора еврея, который устраивалъ сдѣлки, зналъ все, что нужно пану, и умѣлъ раздобыть ему все, что льстило его тщеславію и порочнымъ наклонностямъ. Пану же было нужно какъ можно больше денегъ: пробуждавшееся стремленіе къ внѣшней культурной жизни, къ утонченности въ нравахъ и отношеніяхъ, къ поѣздкамъ за границу и т. д. требовало большихъ средствъ для своего удовлетворенія. А такъ какъ эти деньги получались съ помощью крестьянскаго труда, то нужно было поставить этотъ послѣдній въ такія условія, чтобы онъ приносилъ какъ можно больше: иными словами, прикрѣпить его уже не только къ землѣ, но къ лицу помѣщика и къ его усадьбѣ. Между тѣмъ необходимость финансовой реформы, болѣе равной раскладки податей и созданія постоянной арміи, становилась все болѣе настоятельной. Однако, всѣ попытки правительства въ этомъ направленіи оканчиваются неудачей: вельможи рѣшительно не хотятъ возлагать на свои плечи какихъ либо обязанностей. Шляхта же начинаетъ волноваться. Уже не разъ случалось такъ, что шляхту собирали на войну подъ вздорнымъ предлогомъ. Съ 1533 года начинается революціонное броженіе, не обошедшее безъ вліяній со стороны реформаціонныхъ теченій. На сеймахъ 1535 г. (*Asiana diaeta*) и 1536 г. происходитъ уже бурное возмущеніе шляхты, которая выступаетъ прямо противъ короля, настаивая какъ на сословныхъ, такъ и на общегосударственныхъ реформахъ, а въ 1537 г. случилось нѣчто небывалое: собранное подъ Львовомъ посполитое рушенъе (всеобщее шляхетское ополченіе) вмѣсто того, чтобы двинуться на волоховъ, грабившихъ южныя области королевства, устроило грандіозный митингъ протеста и простояло все лѣто безъ движенія, пока король благодарственнымъ рескриптомъ не распустилъ воинства по домамъ. Эта „Пѣтушья

война", какъ назвали ее современники, была весьма грознымъ симптомомъ разложенія. ¹⁾

Возникшій по этому поводу процессъ противъ главарей движенія, Зборовскихъ, которыхъ обвиняли въ оскорбленіи величества, ничѣмъ не кончился. За короля уже некому было заступиться, и онъ умеръ въ 1548 году, оставивъ своему сыну беспорядокъ внутри страны, гдѣ шла ожесточенная религіозная борьба, гдѣ шляхта шла по пути къ полной разнузданности, и чрезвычайно неопредѣленное положеніе во внѣшней политикѣ: война съ Москвой закончилась въ 1523 году, но Смоленскъ остался въ ея рукахъ; въ орденскихъ земляхъ создано свѣтское государство, Чехія и Венгрія заняли враждебное положеніе по отношенію къ Польшѣ, а на югѣ не прекращались набѣги татаръ, турокъ, волоховъ. И, что хуже всего, мало было людей, которые отдавали себѣ отчетъ въ опасности положенія. Вѣроятно, гуманистъ Лука Гурницкій передавалъ господствующее настроеніе, когда вспоминалъ царствованіе короля Сигизмунда Старога въ слѣдующихъ словахъ: „Не суровое управленіе, но тактичность (пристойная мѣра господства), мудрость, удача, счастье, величіе побѣдъ надъ врагами и его иныя великія и истинно королевскія добродѣтели сдѣлали то, что сыну своему Сигизмундъ Первый, разставаясь съ этимъ свѣтомъ, оставилъ спокойное королевство, а у непріятелей государства (этой короны) великій страхъ ²⁾“. Среди того множества панегириковъ, которые воспѣваютъ различныя событія изъ царствованія Сигизмунда, конечно, были и искренніе голоса восхищенія и одобренія. Происходило это оттого, что гибельныя послѣдствія шляхетскихъ свободъ и злоупотребленій еще не успѣли обнаружиться въ достаточно яркой формѣ, а прелесть этихъ новыхъ формъ быта такъ живо бросалась въ глаза: богатое дворянство, проникшееся высшими культурными запросами, усиленная и усовершенствованная разработка земли, придававшая культурный обликъ всему государству, высокое сознаніе своей рыцарской чести среди шляхты и интересъ къ образованію среди нея. Старая средневѣковая „Сарматія“ отходила въ прошлое, и создавалось просвѣщенное, блестящее государство, поразительно терпимое въ дѣлахъ религіи и политическихъ убѣжденій. И съ царствованія Сигизмунда въ исторіи польской лите-

¹⁾ *A. Prochaska. Rokosz lwowski w r. 1537. Kwart Histor. XVI.*

²⁾ „Dzieje w Koronie Polskiej od r. 1538 do r. 1572 piórem Łukasza Górnickiego“. Wydanie K. J. Turowskiego. Ostrów (Sanok. 1855).

ратуры началась та эпоха, которая получила название Золотого вѣка. Это зданіе было выстроено, правда, на пескѣ, и оно обратилось въ развалины, изъ подъ которыхъ отдѣльныя части его добывались позднѣйшими поколѣніями, уже въ 19 вѣкѣ, такъ же, какъ теперь открываются фрески помпеанской живописи. Въ 17 вѣкѣ уже совершенно изсякла литературная традиція, которая идетъ отъ гуманизма польско-латинскихъ поэтовъ къ поэтамъ народнымъ такой высоты, какъ Кохановскій, Шимоновичъ, Зиморовичъ и др. Никакой преемственной связи, отъ нихъ къ писателямъ, возродившимъ польскую литературу въ концѣ 18 и въ началѣ 19 вѣка, нѣтъ. Для Красицкаго, Трембецкаго, даже Мицкевича точно и не было этихъ геніевъ 16 вѣка, какъ для родоначальниковъ новой русской поэзіи ничего не говорили „Домострой“ и „Пчелы“. Но и самъ по себѣ этотъ „Золотой вѣкъ“ польской литературы представляетъ чрезвычайно интересное явленіе, прекрасный цвѣтокъ гуманизма, такъ пышно распутившійся на чуждой почвѣ. Такъ и въ Испаніи, и въ Англіи писатели 16 вѣка и первой половины 17-го представляютъ несравнимое явленіе, недостижимое по своей высотѣ для многихъ позднѣйшихъ поколѣній. Одной изъ причинъ этой непрочности „Золотого вѣка“ былъ тотъ фактъ, что къ наукѣ польская шляхта этой эпохи не чувствовала влеченія. Но зато, эта блестящая литература 16 вѣка созрѣла на глубоко потрясенномъ религіозномъ сознаніи. Она была невысказана внѣ того реформаціоннаго движенія, которое охватило всѣ умы въ польскомъ обществѣ и такъ или иначе отразилось у всѣхъ польскихъ писателей второй половины 16 столѣтія. Но наука привлекала не многихъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы встрѣтимъ не мало подтвержденій этому и въ сатирахъ, и въ указаніяхъ моралистовъ на идеальную жизнь. Здѣсь отмѣтимъ наблюденіе историка Краковскаго университета, В. Вислоцкаго надъ составомъ преподавателей въ этой школѣ за промежутокъ 1487—1563 г. „Всѣ эти читающіе магистры, а за указанный срокъ число ихъ достигаетъ почти 550, представляютъ собою, дѣйствительно, болѣе способную молодежь, но за очень немногими исключеніями это бѣдняки, которые готовились къ университетской каедрѣ въ голодѣ и холодѣ не только изъ за одной любви къ наукѣ, но чаще по необходимости, чтобы обезпечить себѣ въ будущемъ на этомъ пути болѣе вѣрную жизнь. Это печальный, но согласный съ тѣми данными, кото-

рия представляет Liber diligentiarum, фактъ: въ 16 вѣкѣ, когда зажиточная шляхетская олигархія уже давно захватила въ свои руки вездѣ и все, начиная отъ должностей скромныхъ стряпчихъ и выгодныхъ староствъ до высшихъ сановъ и должностей въ государствѣ, онъ бросаетъ особый свѣтъ на польскую республику, а вмѣстѣ съ ней и на нашъ философскій факультетъ и весь Ягеллонскій университетъ.¹⁾“ Изъ этихъ 550 магистровъ всѣ, за исключеніемъ 70 человекъ, происходили изъ тогдашней Польши; шляхетскихъ фамилій здѣсь почти не видно, и чѣмъ ближе къ половинѣ 16 вѣка, тѣмъ ихъ меньше. Почти 3/4 магистровъ происходитъ изъ крестьянства или изъ мелкаго мѣщанства; 80 человекъ изъ 480 поляковъ краковяне. „Словомъ, краковскій философскій факультетъ, а вмѣстѣ съ нимъ и Ягеллонскій университетъ въ 16 в., до 1563 г., это уже не то крупное государственное учрежденіе съ широкими и далекими культурными заданиями, какія поставили ему въ 14 и началѣ 15 в. его благородные основатели и возобновители; это, скорѣе, въ столицѣ шляхетской республики какое-то особенное мѣщанско-крестьянское учебное заведеніе, почти совсѣмъ оставленное на произволъ судьбы не только шляхетской олигархіей, управляющей государствомъ, но и королевской властью, со стола которой, обставленнаго такъ пышно и богато, ему доставались именно въ это время только жалкіе объѣдки“. (Вислоцкій). Если бы шляхетская молодежь, ѣздившая учиться за границу, привозила оттуда страсть къ наукѣ, усидчивость въ научныхъ занятіяхъ и т. п., эта потеря Краковскимъ университетомъ своего значенія до извѣстной степени вознаграждалась бы. Мы видимъ однако обратное. Польскихъ ученыхъ 16 вѣкъ создаетъ очень мало; образованіе шляхты крайне поверхностно. Она пріучается ко всему относиться шутливо, слегка, разрѣшать самые сложные вопросы на основаніи здраваго смысла, безъ глубокаго изученія вопроса. И именно это отсутствіе основательности и придало такую эфемерность и расцвѣту польской литературы въ 16 вѣкѣ, и религиознымъ движеніямъ этой эпохи, когда на Западѣ создавался и упрочивался протестантизмъ, и реформаціоннымъ стремленіемъ въ области политической мысли.

¹⁾ *Dr. W. Wislocki.* O wydawnictwie Liber diligentiarum krakowskiego fakultetu filozoficznego z lat 1487—1563. Pamiętnik Akad. Umiejtn. w Krakowie t. VI. 1887.

Въ концѣ 15 и въ 16-омъ вѣкахъ все сулило блестящее продолженіе гуманистической литературы въ Польшѣ. Эней Сильвій на просьбу Збигнѣва Олесницкаго прислать сборникъ его писемъ разсыпался въ похвалахъ полякамъ. „Отдѣленные отъ Италіи нѣмцами и венгерцами, они опередили этихъ послѣднихъ и дошли до самаго источника“. Если университету въ 15 в. не удалось, не смотря на отдѣльныя попытки, сдѣлаться очагомъ гуманизма, то все же гуманизмъ прокладывалъ себѣ хоть изрѣдка дорогу и въ этой высшей школѣ Польскаго королевства. Съ 1501 года, по словамъ Шуйскаго,¹⁾ новая, довольно многочисленная фаланга гуманистовъ идетъ на осаду университета. Уже въ 1510 г. ихъ оказывается среди магистровъ 16 человекъ. Пройти себѣ дорогу среди университетскихъ преподавателей имъ не легко; имъ приходится пробыть два года въ числѣ постороннихъ (*extranei*) и затѣмъ вынести еще не мало искусовъ, пока они не получаютъ болѣе прочное положеніе. Тянетъ ихъ къ классикамъ, а преподавать имъ приходится средневѣковую схоластику, и вотъ они поскорѣе раздѣляются съ ней или читаютъ лекціи очень неаккуратно, не посѣщаютъ диспутовъ; ихъ существованіе эфемерно, но ихъ полемическій жаръ, ихъ вѣра въ свое дѣло оказываются благотворными для всхода сѣмянъ, посѣянныхъ первыми гуманистами въ Польшѣ: Григоріемъ изъ Санока, Каллимахомъ, Цельтисомъ. Въ Краковѣ начинаютъ выходить изданія классиковъ, особенно сочиненія Цицерона. Главная цѣль этихъ гуманистовъ, проникшихъ въ университетъ, заключается въ усовершенствованіи языка, въ изгнаніи средневѣковой латыни и замѣнѣ ея классической. Такими выдающимися учителями гуманизма были на переломѣ двухъ вѣковъ *Laurentius Corvinus*, *Ioannes Aesticampianus*, *Maricius* и Новопольскій.²⁾ Первый изъ нихъ, который въ продолженіе пяти лѣтъ (1490—1495) читалъ въ Краковскомъ университетѣ философскіе трактаты Аристотеля, Боэція и др., а также „Буколики“ *Virgilіа*, издалъ въ 1502 г. руководство для студентовъ университета по латинскому языку, *Notulus elegantiarum*, гдѣ даетъ примѣры элегантнаго латинскаго стиля. Кончается эта книжка одой въ честь Кракова и его прекрасныхъ обитательницъ, „*pulchrae puellae*“, которыхъ

¹⁾ *Odrodzenie i reformacya* (см. выше).

²⁾ *K. Morawski*. *Andrzej Patrycy Nidecki. Jego życie i dzieła*. 1892. *Kraków* Также *Wisłocki*. *Lib. dilig.* (Archiw. IV), см. выше.

здѣсь возвращаетъ Венера. Aesticampianus (по просту Зоммерфельдъ) числится въ Liber diligentiarum съ 1487 г. по 1501 г. Онъ читаетъ и объясняетъ грамматику Доната, различные трактаты Аристотеля, Цицерона и средневѣковыхъ писателей, а въ 1500 г. выпускаетъ свой образцовый письмовникъ, Modusepistolandi, проникнутый гуманистическимъ настроеніемъ. Въ это же время являются въ Краковъ западно-европейскіе гуманисты, и насаждается изученіе греческаго языка. Большой славой окруженъ Павелъ изъ Кросна, какъ поэтъ и профессоръ. Около 1515 г. число лекцій, посвященныхъ классическимъ писателямъ, уже очень значительно, а нѣсколько лѣтъ спустя среди преподавателей появляется извѣстный гуманистъ Рудольфъ Агрикола, который въ продолженіе трехъ лѣтъ (1518—1520) комментируетъ сатиры и посланія Горация, Fasti Овидія и др. Изученіе греческой литературы пускаетъ болѣе глубокіе корни: въ 1520 г. Яковъ изъ Сѣрадзя (Siradita Iacobus), уже не какой-нибудь extraneus extra facultatem, но admissus ad regendam facultatem и collega, читаетъ Hesiodi Georgica (Lib dilig. 146: mgr. Iacobus de Syradia Hesiodum, finivit feria sexta ante Margarete—6 июля, et incepit Eglogas Mantuani feria secunda ante Margarete—9 июля). Въ томъ же году Libanus Georgius de Legnica преподаетъ grammaticam graecam, а въ слѣдующемъ Leopoldo Sebastianus de Leopoli беретъ за самаго Гомера (Homerum), безъ ближайшаго обозначенія, лишь до 28 мая, а потомъ за Овидія. Указанія на то, что эти ученые преподаютъ греческую литературу недолго, даютъ понять, что дѣло введенія эллинизма въ Краковскомъ университетѣ не обходилось безъ треній. Послѣ 1521 г. лишь въ 1526 г. тотъ же Себастьянъ изъ Львова возобновляетъ изученіе греческаго языка въ Краковѣ и объявляетъ курсъ греческой грамматики, а въ 1527 г. mgr. Anthonius Narachanye читаетъ съ 3 мая по 18 сент. Илиаду Гомера. Въ 1528 г. Георгію изъ Лигницы прямо не разрѣшаютъ преподавать греческую грамматику. Но до самого 1563 г., на которомъ обрывается изданіе Вислоцкаго, эллинизмъ все-таки выступаетъ урывками: такъ, Илиаду преподаютъ въ 1527 г. и потомъ въ 1545 г., Одиссею въ 1553, 1561—2 г. Греческая грамматика читается съ перерывами въ 11—12 лѣтъ: въ 1526—27, а потомъ въ 1539, наконецъ въ 1548 году. Такъ же отрывочно выступаютъ среди изучаемыхъ классиковъ Демосѣенъ, Еврипидъ, Исократъ, Феокритъ, Ксенофонъ, и то уже въ со- роковыхъ и пятидесятихъ годахъ 16 столѣтія. Эллинизмъ, ко-

торый являлся нарушеніемъ средневѣковой схоластической традиціи, не привился въ Краковскомъ университетѣ.

Не перечисляя тѣхъ ученыхъ поляковъ, которые оставили свои имена въ лѣтописяхъ этого послѣдняго въ качествѣ преподавателей латинскихъ поэтовъ и проповѣдниковъ новыхъ литературныхъ вкусовъ, я остановлюсь въ этой главѣ на тѣхъ польскихъ поэтахъ, которые въ первую половину 16 вѣка явились реформаторами польско-латинской поэзіи и завершителями дѣла, начатаго Григоріемъ изъ Санока. Поэзія ихъ отличается тѣми же чертами, что и у этого послѣдняго: здѣсь мало искренности, мало глубины. Это, скорѣе, упражненія въ подражаніи Овидію или Горацию, нежели выраженія душевной жизни поэтовъ. Однако, у Яницкаго, Дантышка, иногда и у другихъ прорываются такія искреннія, интимныя ноты, которыя указываютъ на то, что поэзія, хотя еще и въ чужомъ, заимствованномъ обликѣ, становилась уже очень насущной потребностью общества. Отсталость университета, закоснѣвшаго въ своихъ средневѣковыхъ традиціяхъ, теперь такъ ярко бросается въ глаза обществу, что даже со стороны духовенства поднимается инициатива, направленная къ его реформѣ. Въ этомъ духѣ составляется приговоръ Ленцицкаго съѣзда 1523 года. Въ половинѣ 16 вѣка это требованіе становится все болѣе настойчивымъ, но университетъ не измѣнилъ своего духа и ставилъ себѣ въ заслугу только то, что онъ оставался всегда и во всемъ вѣренъ католичеству и не запятналъ себя никакой ересью. Впрочемъ, въ началѣ 16 вѣка и эта отсталость университета еще не была настолько велика, чтобы оттолкнуть отъ высшей польской школы лучшіе умы. Однимъ изъ преподавателей его былъ и родоначальникъ польско-латинской поэзіи 16 вѣка, Павелъ изъ Кросна (Paulus Crosnensis), учениками котораго явились гуманисты Янъ изъ Вислицы и Янъ Дантышекъ. На этомъ писателѣ и слѣдуетъ остановиться прежде всего.

Paulus Crosnensis Ruthenus ¹⁾ (иначе *de Crosna* или *de Rucia*) происходилъ изъ городка Кросны въ Галиціи. Въ зрѣломъ

¹⁾ Сочиненія его изданы *Бр. Кручкевичемъ* во II томѣ „Corpus antiquissimorum Poetarum Poloniae latinorum“ (изд. Краков. Акад. Наукъ. 1887). Въ рукописи 1515 г., принадлежащей Бреславльскому университету, *М. Іезеницкій* нашелъ еще рядъ стихотвореній этого поэта (Archiwum do dziejów lit. i ośw. t. IX. 1897). Новыя данныя для біографіи его сообщилъ *Б. Кручкевичъ* Pauli Crosnensis vitae appendix (въ журналѣ *Eos*. 1907. XIII т.). Характеристика Павла изъ Кросны дана *Кручкевичемъ* въ т. 12 (1887) *Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń wyd. filol. Akad. umiejjetn.* и въ статьѣ *В. Брухнальскаго* *Pojęcie i znaczenie poezyi u poetów polskich. XVI wieku.* (*Eos* VI. 1900). См. еще *R. Pilat. Hist. lit. pol. II, 1. 1909.*

возрастѣ онъ не былъ зажиточнымъ человѣкомъ и въ посвященіи изданой имъ въ 1512 г. книги своему покровителю, венгерскому магнату Перени, Павелъ заявляетъ, что „у него нѣтъ никакихъ владѣній, нѣтъ цѣлыхъ горъ богатства (*divitiarum simuli*) или хранилища драгоценныхъ вещей“; въ стихотвореніи, обращенномъ къ тому же лицу 1509, Павелъ называетъ себя *pauper sordidulusque, exspes atque misellulus*, т. е. самымъ жалкимъ бѣднякомъ. Но происходилъ онъ едва-ли изъ очень бѣдной семьи. Въ одномъ изъ городскихъ документовъ Кросны (*Acta banitialia*) недавно найдено заявленіе, сдѣланное въ 1516 году передъ судомъ Павломъ и его мачихой Екатериной, что они продали за 120 марокъ принадлежавшій имъ домъ. При этомъ Павелъ отказался отъ своей части наслѣдства въ пользу сестеръ, съ любольтной оговоркой: „Если зятя попытаются нарушить это соглашеніе между нимъ и ими, то онъ постарается помѣшать этому“. Здѣсь Павелъ названъ *Paulus Proceler, liberalium artium magister*, а отецъ его *spectabilis vir Ioannes Proceler*. Этотъ послѣдній занималъ въ своемъ городѣ почетную должность консула и владѣлъ однимъ или двумя домами. Во всякомъ случаѣ, Павелъ могъ получить образованіе, и въ матрикулахъ Краковскаго университета подъ 1491 годомъ упоминается *Paulus Ioannis de Crosna Premisliensis*. Затѣмъ онъ учился въ Грейфевальденскомъ университетѣ, гдѣ 24 сент. 1499 г. получилъ степень бакалавра. Въ слѣдующемъ году онъ выдержалъ диспутъ въ своемъ родномъ университетѣ и былъ занесенъ въ списокъ краковскихъ бакалавровъ. Затѣмъ на время поэтъ опять пропадаетъ изъ глазъ. Въ 1506 г. онъ пріобрѣтаетъ въ Краковѣ же степень магистра и въ 1507 г. въ званіи *extraneus* читаетъ какого-то классика, при чемъ при его имени отмѣчено, что на диспуты („*sabbativi actus ordinarii*“) онъ не ходилъ. Въ 1508 г. уже въ качествѣ *collega minor* онъ преподаетъ сатиры Персія, но чума, свирѣпствовавшая въ Краковѣ, испугала его; онъ прекратилъ чтенія и вслѣдъ за своимъ ученикомъ, молодымъ мадьярскимъ дворяниномъ Себастьяномъ Маги, отправился въ Венгрію; онъ поселился въ городкѣ Вараждинѣ, куда вызвалъ и Маги. Въ Вараждинѣ Павелъ сошелся съ богатымъ священникомъ Станиславомъ Турзо и написалъ панегирикъ въ честь св. Владислава, мощи котораго хранились въ одной изъ церквей этого города. Вскорѣ послѣ этого въ жизни поэта произошла важная перемѣна: его представили одному изъ сановниковъ и магнатовъ Венгріи, Гавриилу Перени,

въ имѣнїи котораго онъ и прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ. Но гуманистамъ, вообще, не сидѣлось на мѣстѣ, и Павелъ уже въ началѣ 1509 г. отправляется въ Вѣну, гдѣ и печатаетъ первый сборникъ своихъ стихотвореній. Въ 1511 году онъ опять уже въ Краковѣ, и съ этого времени имя его не исчезаетъ изъ Liber diligentiarum до 1516 года. Онъ комментируетъ и Овидія, и Виргилія, и Сенеку, въ 1513 г. оказывается уже въ числѣ regentium facultatem, но при имени его сохраняется все та же запись; „не ходитъ на диспуты, пренебрегаетъ диспутами“. Вскорѣ послѣ этого онъ умеръ. На изданіи 1509 г. какая то рука, повидимому рука современника записала: „In Sandecz apoplexia obiit a. 1517 in nouembri fugiens pestem Craçoviae infestam“. Едва-ли Павлу изъ Кросны было въ это время больше 45 лѣтъ, если онъ былъ въ университетѣ въ 1491 г. Это былъ одинъ изъ ревностнѣйшихъ гуманистовъ, который много писалъ и печаталъ (1509: „Panegyrici ad divum Ladislaum Pannoniae regem victoriosissimum et sanctum Stanislaum praesulem ac martyrem Poloniae gloriosissimum et pleraque alia conepa carmina non sine magna suavitate condita“; 1512 „Epithalamion“ на бракосочетаніе Сигизмунда I съ Варварой Запольской; 1514 „Sapphicon de inferorum vastatione et triumpho Christi“, 1515 „Elegiacum“ къ Приснодѣвѣ Маріи). Не довольствуясь изданіемъ собственныхъ произведеній, Павелъ печаталъ чужія: напр. „De triumpho Christi“ Мутіуса изъ Камерино. Въ рукописи Бреславльскаго университета сохранилось 7 его прозаическихъ рѣчей, представлявшихъ отчасти лекціи по римской литературѣ, отчасти предисловія къ поэтическимъ произведеніямъ (напр., къ столь характерному для гуманистовъ, какъ гимны къ языческимъ богамъ). Сохранились и самыя гимны, которые, къ сожалѣнію, однако еще не напечатаны. Получались такіе курьезы, какъ „гимнъ или сафическое стихотвореніе Павла Кроснянина, *читателя Аполлона и Вакха, на день Пасхальный* объ очищеніи подземнаго царства“ (de inferorum vastatione). Вообще, это старательное соединеніе языческаго съ христіанскимъ, уступка и времени и вмѣстѣ съ тѣмъ благочестивому настроенію автора, особенно характерно для Павла изъ Кросны. Религіозныя элементы рѣшительно преобладаютъ въ его поэзи: восхваленіе Божьей Матери, святыхъ и мучениковъ, просто молитвы (напр., переложеніе въ стихи „Отче нашъ“ или молитва объ отвращеніи моровой язвы), благочестивыя размышленія составляютъ бѣльшую часть его

произведеній. Какъ христіанинъ и ученый, онъ относится рѣзко отрицательно къ языческимъ божествомъ. Въ его глазахъ это „глупѣйшія суевѣрія“, „пустые боги“, „коварные призраки“. Не „прекрасныхъ дѣвицъ и лжебогинь, которымъ Греція воскуряла дымъ кадилъ, которымъ она воздвигала священные обители изъ Паросскаго мрамора“, нужно почитать — говоритъ поэтъ во вступленіи къ „*Elegiascon ad sanctam Varvaram virginem victoriosissimam*“, — но „чистую дѣву“ Варвару. Тѣмъ не менѣ требованія школы были для Павла Кроснянина закономъ, и онъ въ изобиліи испещряетъ свои благочестивыя произведенія классическимивоспоминаніями. Вотъ нѣсколько примѣровъ этого. Въ похвалѣ св. Владиславу, венгерскому королю, онъ воспѣваетъ этого славнаго короля Паннонскаго царства, „добродѣтель котораго прославляется на просторномъ Олимпѣ, и слава котораго извѣстна во всей землѣ“. Въ посланіи къ епископу Любранскому мы находимъ странное соединеніе имени Юпитера съ обращеніемъ къ христіанскому епископу:

„*Suscipit aetherei magnus molitor Olympi
Oblata insonti parvula tura manu:
Sic Lubrantinae, praesul, laus maxima gentis
Excipias animo carmina nostra bono*“¹⁾).

Еще менѣ кстати смѣшеніе языческаго съ христіанскимъ въ примѣненіи къ самому І. Христу; однако свою поэму о сошествіи Христа въ адъ Павелъ начинаетъ такимъ обращеніемъ къ читателю, вложеннымъ въ уста самой поэмы: „Повѣрь, я воспѣваю не триумфы Киприды, рассказываю не о свѣтскихъ дѣлахъ древнихъ отцовъ, но воспѣваю самыя жаркія битвы спасителя Христа, рассказываю о томъ, какъ рукою Его небесной (звѣздной) былъ сокрушенъ черный Тартаръ, какъ были опустошены крѣпкіе затворы сѣрнаго (адскаго) короля и отнесены свѣтлые трофеи на самую вершину небесъ“.²⁾ Конечно въ устахъ поэта всѣ эти языческія имена представляютъ только поэтическія выраженія, символы, эпитеты, но вкусъ къ нимъ

¹⁾ „Великій строитель зѣрнаго Олимпа принимаетъ бѣдныя благоуханія, возжигаемая невинной рукою. Такъ и ты, епископъ, величайшая слава рода Любранскихъ, прими благосклонно наши стихотворенія“.

²⁾ *Libellus Lectori:*

*Non ego cypriacos decanto, crede, triumphos,
Non refero veterum facta profana patrum,
Verum salvifici durissima proelia Christi
Fractaque siderea Tartara nigra manu,
Claustaque sulphurei spoliata tenacia regis
Et ducta ad superos clara tropaea polos.*

у Павла изъ Кросны такъ великъ, что онъ пользуется каждыиъ случаемъ, чтобы вставить въ стихотвореніе какое-нибудь классическое названіе рѣки, города, племени. Сербы у него Triballi, Волохи (или какой-нибудь другой народъ)— „Агаѳирсы съ крашенными волосами“, Висла называется такъ, какъ у греческихъ географовъ, не знавшихъ начальнаго в, т. е. какъ *Histula* (cingit praerapidis *Histula curvus equis*, въ похвалѣ св. Станиславу); Краковъ превращаетъ въ *Croca* и т. под. Конечно, весь этотъ поэтический и ученый аппаратъ мало помогаль истинной поэзии. Павелъ изъ Кросны не былъ, повидимому, яркой индивидуальностью: мы не находимъ у него горячаго религіознаго чувства, которое вырывалось бы изъ рамокъ условныхъ обращеній къ Богу и святымъ, къ любви онъ относился равнодушно, и въ его биографіи не сохранилось никакихъ слѣдовъ женскаго вмѣшательства въ его жизнь, которыхъ такъ много у Каллимаха или Григорія изъ Санока. Паѳоса у него вовсе не было, и его „Похвалы“, насчитывающія по нѣскольکو сотенъ стиховъ, сухи, безжизненны, малосодержательны. Въ одной изъ нихъ онъ самъ признается, что „муза его не пригодна для громковѣщающаго котурна (*grandisono cothurno*), но избрѣтательна на легкіе пустячки (*ad molles ingeniosa iocos*)“. Однако, и эти пустячки выходятъ у него довольно тяжеловѣсными. Свою „изобрѣтательность“ поэтъ могъ бы проявить наприм. въ „Гимнѣ на день пасхи, содержащій описаніе весенняго времени“. Но дальше общихъ восхваленій весны онъ не пошелъ, и здѣсь особенно живо чувствуется вліяніе Гораціевыхъ одъ, точно самъ Павелъ Кроснянинъ совсѣмъ не ощущаль прелестей весны. Даже отдѣльныя слова изъ Горація находить нужнымъ заимствовать польскій поэтъ: „*gramina campis*“ (травы лугамъ) возвращаетъ весна, радуется онъ вмѣстѣ съ Гораціемъ (III. 7). Только той унылой нотки, которая прорывается у языческаго поэта, мы не найдемъ у его христіанскаго подражателя. „Вѣчная хвала воскресающему Господу, слава и добродѣтели, чести и могуществу Того, который, сокрушивъ законы Эреба, держитъ превышнія звѣзды“. Отдѣльныя эпиграммы и мелкія стихотворенія Павла Кроснянина не лишены поэтическихъ достоинствъ, красиво его описаніе польскаго герба: „*Aquila polona loquitur*“. Польскій орелъ не будетъ, какъ черный римскій орелъ, нападать на христолубивыя войска (*christolos catervas*), но станеть терзать адское племя (игра словъ: *Tartareum genus*,

т. е. татаръ). Количество строкъ, написанныхъ родоначальникомъ польсколатинскихъ поэтовъ 16 вѣка значительно: издатель его, Б. Кручкевичъ, не зная ряда произведений, найденныхъ позже, насчитываетъ до 4000 строкъ. Павелъ прекрасно владѣлъ латинскими размѣрами и совершенно свободно писалъ по латински.

Среди стихотвореній Павла Кроснянина сохранилась элегія „къ Іоанну изъ Вислицы, читателю Піеридъ, ученику, въ которомъ не раскаешься“ (*Elegia ad Ioannem Vislicensem, Pieridum cultorem, discipulum non poenitendum*). Здѣсь поэтъ выражаетъ свое удовольствіе по поводу, того, что его ученикъ чтитъ „*sacras deas*“ (т. е. Музъ), и хвалитъ его. „Ибо природа даетъ тебѣ глубокой умъ и наполняетъ круглые сосуды медовыми сотами, и ты только что воспѣлъ битвы Прусскаго племени, битвы, о которыхъ слѣдовало бы пѣть при звукахъ Смирнскихъ трубъ“¹⁾ Подъ смирнскими трубами магистръ Павелъ изъ Кросны подразумѣвалъ, конечно, Гомера, но едва—ли онъ и самъ хорошо зналъ его, едва-ли также изучалъ греческій эпосъ и его ученикъ: Гомера читалъ въ 1504 году *magister Martinus Belsz de Cracowia (arismetricam cum musica et Homerum)* и затѣмъ изученіе этого поэта возобновляется только въ 1521 г., когда поэма Яна Висличанина была уже написана. Павелъ изъ Кросна комментируетъ *Virgiliya* въ 1511—1512 и 1514 г. и, вѣроятно, именно въ эти годы его ученикомъ былъ разсматриваемый нами поэтъ. Вообще же, извѣстно о немъ еще менѣе, нежели объ его учителѣ. Кое какія свѣдѣнія о себѣ онъ самъ сообщаетъ въ прозаическомъ посланіи къ Павлу Кроснянину, предпосланномъ поэмѣ. Онъ говоритъ, что родился почти въ самой серединѣ „*barbariae*“, т. е. Польши; *Patria Polona*—его отчина. Повидимому, поэтъ родился въ Вислицѣ на р. Нидѣ. Затѣмъ извѣстно, что онъ учился въ Краковскомъ университетѣ Въ различныхъ стихотвореніяхъ его много намековъ на какія-то неприятели, которыя преслѣдовали его, и на его желаніе отдохнуть отъ нихъ, уйдя въ поэзію. Особенно же привлекала его, какъ сюжетъ для поэтической обработки, Грюнвальденская битва 1410 года. Событія его времени, новое столкновеніе съ магистромъ ордена,

1) *Nam tibi suppeditat sensus natura profundos
Mellitisque replet labra rotunda favis,
Qui modo Prutenae lusisti proelia gentis,
Proelia Smyrnaeis emodulanda tubis.*

который отказывался принести присягу Сигизмунду, коварство германскаго императора и т. д., поддерживали въ польскомъ обществѣ настроеніе, враждебное нѣмецкимъ рыцарямъ. Быть можетъ, и вокругъ событій Вѣнскаго конгресса 1515 г. оно особенно возросло, и въ это самое время Янъ изъ Вислицы принялся за свое произведеніе. Содержаніе его онъ черпалъ, по собственному свидѣтельству, отчасти изъ старыхъ записей и хроникъ, отчасти изъ живого преданія (*ex famaе celebris memoria*). Такъ какъ это была первая литературная попытка автора, то не довѣряя своимъ силамъ, онъ отдалъ свою поэму „*Bellum grutenum*“ на прочтеніе и исправленіе Павлу Кроснянину, а затѣмъ, уже въ 1515 году, отдалъ ее въ печать Галлеру. Поэма вышла въ свѣтъ въ 1516 году. Она была искренно (*sinceriter*) посвящена королю Сигизмунду. Въ эту книгу вошла поэма, содержащая 1057 гекзаметровъ, и нѣсколько стихотвореній, представляющихъ или рекомендацію поэмы вниманію читателей, или краткое изложеніе поэмы. Здѣсь же нашли себѣ мѣсто ода, написанная по случаю побѣды Сигизмунда надъ русскими войсками при Оршѣ, молитва къ Божьей матери о прекращеніи моровой язвы и эпиграмма противъ завистника (*in invidum*). Вотъ все, что осталось отъ этого поэта, и что извѣстно объ его жизни. Такъ какъ въ короткое время между 1514—1516 г. онъ написалъ значительное число стиховъ, достигающее 1456 строкъ, то представляется сомнительнымъ, что онъ потомъ прекратилъ писаніе стиховъ, и кажется правдоподобнымъ предположеніе его біографа (Б. Кручковича), что ранняя смерть прекратила дальнѣйшее поэтическое развитіе Яна Висличанина.

То, что осталось отъ него, не свидѣтельствуешь о большомъ талантѣ и о такомъ знаніи латинскаго языка, какое обнаруживаетъ его учитель. И въ поэтическомъ, и въ прозаическомъ языкѣ онъ дѣлаетъ много ошибокъ, въ построеніи латинскихъ фразъ допускаетъ полонизмы и т. д. Самъ Янъ указываетъ, что за свою поэму онъ принялся подъ вліяніемъ „поэтовъ, читателей музъ, которые плѣнили его умъ, и по слѣдамъ которыхъ онъ пошелъ лѣнливо и неумѣло“. Изъ поэтовъ, которымъ онъ подражалъ, на первомъ мѣстѣ стоятъ Virgilij и Stacij, затѣмъ Ovidij, но Persij не вызвалъ у него подражанія, хотя его учитель, Павелъ изъ Кросны, дважды комментировалъ этого автора, въ 1508 и въ 1514 годахъ. „Вліяніе Virgilija и Stacija на общій характеръ поэмы о прусской войнѣ обна-

руживается въ частомъ взываніи къ музамъ, въ сходствѣ молитвъ, обращенныхъ къ языческимъ божествамъ и къ христіанскимъ святымъ, а также въ сходствѣ нѣкоторыхъ отрывковъ Прусской войны, именно отрывковъ, описывающихъ деревни и занятія польско-литовскихъ племенъ, съ соотвѣтствующими стихами въ римскихъ поэмахъ. Равнымъ образомъ, описаніе битвы подъ Танненбергомъ въ Прусской войнѣ содержитъ много чертъ, общихъ съ описаніемъ битвъ, которыя велъ въ Лаціумѣ Эней вмѣстѣ со своими товарищами, и съ подобными описаніями въ Тебаидѣ Стація. Эпизоды изъ Виргилія и Стація, посвященные описанію битвъ, можно суммировать въ слѣдующихъ словахъ: обиды, чинимыя сосѣднимъ государствомъ, заставляютъ государя обиженной страны, въ случаѣ неисправленія нанесеннаго ущерба и невозможности достигнуть соглашенія мирнымъ путемъ, къ объявленію войны. Ни одна изъ враждующихъ сторонъ не чувствуетъ себя виноватой и не склонна къ уступкамъ въ пользу другой. Прекративъ дружескія отношенія, обѣ стороны приготавливаются къ войнѣ. Самъ государь принимаетъ верховное предводительство надъ многочисленными отрядами воиновъ, которые съ отвагой и мужествомъ бросаются на поле битвы, полные негодованія и озлобленія противъ непріятелей. Передъ началомъ битвы верховный вождь говоритъ рѣчь, обращаясь къ рядамъ своихъ воиновъ, чтобы поднять ихъ духъ и пробудить въ сердцахъ мужество и самоотверженіе по отношенію къ отечеству. Наконецъ, по данному приказанію оба войска бросаются другъ на друга. Вожди и воины обѣихъ сторонъ отличаются большимъ мужествомъ и совершаютъ въ битвѣ прямо чудеса храбрости. Кипитъ ожесточенная битва. И на той, и на другой сторонѣ цѣлыя горы труповъ. Земля сотрясается отъ падающихъ на землю тѣлъ. Все поле сраженія устлано убитыми и залито струями крови. Градъ стрѣлъ и пуль заслоняетъ солнечный свѣтъ. Съ плѣнными побѣдитель обращается безпощадно: ихъ ожидаетъ или ужасная смерть, или вѣчное рабство. Вооруженіе побѣжденныхъ вождей и захваченныя знамена побѣдитель помѣщаетъ въ святиняхъ боговъ. Таковы основныя черты битвъ въ описаніи Виргилія и Стація. Почти всѣ онѣ повторяются въ картинѣ битвы, нарисованной Яномъ изъ Вислицы въ Прусской войнѣ. (М. Jeziernicki). Кромѣ того, „Энеида“ оказала сильное вліяніе на характеристики дѣйствующихъ лицъ. Цѣлый рядъ отдѣльныхъ выраженій изъ раз-

ныхъ произведеній Виргилія, Горація, Овидія. Стація заимствоваль польскій гуманистъ, частью сознательно, частью подчиняясь своей памяти безсознательно. Начитанность его и въ другихъ классикахъ римской литературы была значительна ¹⁾.

„Bellum Prutenum“ состоитъ изъ трехъ книгъ. „Первая, призвавъ помощь Божьей матери, рассказываетъ о темѣ (поэмы), затѣмъ объ угнетеніи земли, съ которой граничитъ Польша, и о блестящей славѣ шлемоноснаго Крака (Гракха), и объ ужасной смерти прекрасной Ванды; таковы вельнія Тимбрея (Аполлона), его совѣты и реченія поэту, размышляющему о племени польскихъ королей. Вторая книга объемлетъ литовцевъ, отгороженныхъ гранью лѣсовъ; она описываетъ древнее племя необузданнаго Ягеллы и повѣствуетъ о кровавыхъ бояхъ, упоминая о прибытіи братьевъ Марин изъ сирійскаго города Птолемаиды. Третья книга сообщаетъ о томъ, какъ громовержецъ на высотахъ ээира совѣщался съ богами о сѣдѣющей (cani) супругѣ короля, и какъ по соглашенію боговъ избирается изъ поколѣнія Ягеллы блестящая, по имени русинка, отданная замужъ, чтобы счастливымъ жребіемъ рождать мужу царей. И наконецъ поверхность скрыла якорь, разсѣкающій дно остріемъ“. ²⁾ Съ такими же претензіями на

¹⁾ О Янѣ изъ Вислицы см. *B. Kruczkewicz* (названное выше изслѣдованіе въ 12 томѣ *Rozpraw o Pawle z Krosna i Ianie z Wislicy*). *M. Jezienicki*. Wpływ klasycznych poetów rzymskich na Iana s Wislicy i ślady ich w jego utworach. (*Rozprawy*, t. XIII). Произведенія Яна изъ Вислицы изданы въ томъ же томѣ, что и сочиненія Павла изъ Кросны, Кручкевичемъ.

²⁾ Вотъ это тяжеловѣсное и трудно переводимое мѣсто въ оригиналѣ:

Argumenta libellorum Belli Pruteni.

Argumentum

primi:

Primus subsidium narrat post thema vocatum
Christiparae, tandem terrae vicina polonae
Jugera et armigeri praeconia candida Gracchi,
Formosae crudelia detestandaque Vandae
Funera, Thymbraei monitus, suadentia necnon
Dicta super regum meditantī stirpe Polonum.

secundi:

Alter habet Lituos silvoso limite saeptos;
Hic genus infreni Jagellonis edocet altum,
Ac Mariae fratrum syriae Ptolemaidis urbe
Adventum memorans dicit crudelia bella.

tertii:

Tertius altitonanda refert super aethere celso
Consulasse deos de cani conjuge regis,
Ac Jagellonis nitida de stirpe sequaci
Eligitur divum concordī voce Ruthena,
Nupta viro fatis reges paritura beatis.
Dente secans aequor rapuit tandem ancora fundum.

изысканный виргиліевскій стиль и съ такой же внутренней безпомощностью Янъ изъ Вислицы пересказываетъ древнія преданія польской исторіи и ея новѣйшія событія. Автору нельзя отказать въ живомъ патріотическомъ чувствѣ. Такъ, упомянувъ о польской землѣ, которая по заслугамъ (*merito*) носитъ это названіе: „ибо такъ на своемъ языкѣ поляки называютъ деревни“, онъ прибавляетъ, что они „подъ славной властью Сигизмунда обрабатываютъ поля и городами владѣютъ по законамъ“. И когда рѣчь заходитъ о покушеніяхъ ордена, поэтъ говоритъ съ одушевленіемъ. Но онъ совершенно не умѣетъ передать просто самую простую мысль. Безчисленное множество описательныхъ выраженій, рѣдкихъ словъ и оборотовъ, эпитетовъ испещряютъ его текстъ до такой степени, что читать его чрезвычайно утомительно. И при томъ авторъ лишень дара разсказа; онъ растягиваетъ, излагаетъ скучно, некрасочно; въ стихахъ его часто попадаются неправильности долготы. Онъ въ одинаковой мѣрѣ и не поэтъ, и не достаточно владѣетъ латинскимъ языкомъ. Само собой разумѣется, что эти недостатки воображенія и стиля онъ стремится замѣнить мифологическимъ аппаратомъ, который разсѣянь здѣсь въ излишнемъ изобиліи. На полѣ битвы носится смерть, возставшая изъ Флегонта; Марсъ устраиваетъ полки; Массагеты, Тартаръ, Юпитеръ и тутъ же благочестивыя упоминанія о христіанскомъ Богѣ создаютъ полную безвкусицу. Разсказъ свой о послѣднемъ бракѣ Ягеллы онъ начинаетъ со слѣдующихъ строкъ: „Юпитеръ, верховный владыка эфирныхъ жилищъ, который по своей волѣ устраиваетъ человѣческія дѣла и порядокъ міра, и вращаетъ земли, моря и свѣтила, увидѣлъ со своего трона этого короля, пребывающаго уже въ преклонныхъ годахъ, и отца — безплоднаго послѣ трехъ браковъ“ ...

Янъ изъ Вислицы, повидимому, было совѣмъ мало популярень. Его произведеніе, хотя и одобренное Павломъ Кросняниномъ, прошло безслѣдно. Но какъ произведеніе чисто польскаго гуманизма, поэта, учившагося дома, оно заслуживаетъ полного вниманія. Не менѣе цѣнна дѣятельность гуманиста Николая Хусовскаго, который по латински называлъ себя *Husovianns*, *Husoviensis*, и котораго ученые современники называли еще *Ussovius*, а другіе по польски *Hussowski*. Мѣсто рожденія его неизвѣстно, происхожденіе также, но оно не было знатно, и въ гербовники эта фамилія не была занесена. Судя по автобіографическимъ намекамъ Хусовскаго, онъ былъ

бѣднякомъ и провелъ тяжелое дѣтство и юность, не въ школѣ, но въ лѣсу, охотясь на крупнаго звѣря. Вѣроятно, отецъ его находился на службѣ у какого-нибудь вельможи, былъ его лѣсничимъ или охотникомъ. Какимъ-то образомъ онъ сблизился съ плоцкимъ епископомъ и ученымъ Эразмомъ Цѣлкомъ, вмѣстѣ съ которымъ провелъ 1521 и часть 1522 года въ Римѣ. Но скоро онъ умеръ, какъ и другой покровитель Хусовскаго, папа Левъ X, а преемникъ его относился къ поэтамъ враждебно. Но Хусовскій уже вступилъ на литературное поприще: въ память Целка онъ написалъ эпитафію, для папы Льва X поэму о зубрѣ, и въ 1523 году въ Краковѣ вышелъ первый сборникъ его стихотвореній. Въ одномъ изъ нихъ, написанномъ уже послѣ возвращенія изъ Рима, онъ рассказываетъ о тяжелой болѣзни, удручающей его въ добавокъ ко всякимъ другимъ горестямъ.¹⁾ Этими горестями было, прежде всего, бѣдственное матеріальное положеніе поэта. Въ поискахъ заработка онъ предложилъ въ это время свои услуги королевскому секретарю и канонику, Яну Карнковскому, а потомъ искалъ протекціи у итальянца Людовика Сельфи, секретаря королевы Боны. Болѣзнь и нужда не оставляли его, однако, и въ слѣдующіе годы. Тѣмъ не менѣе, онъ продолжалъ писать, и въ одинъ день сложилъ длинное стихотвореніе на побѣду полководца Фирлея надъ турками и татарами въ битвѣ у Трембовли на рѣкѣ Серетѣ (1524). Это стихотвореніе, въ основу котораго легъ рассказъ свидѣтеля битвы, было издано въ томъ же 1524 году въ Краковѣ. Въ слѣдующемъ же году появилось крупнѣйшее изъ произведеній Хусовскаго „De vita et gestis divi Nya-cinthi“ (въ 869 гекзаметровъ). Съ большой интимностью поэтъ во вступленіи: „Къ читателю“ рассказываетъ о своемъ собственномъ печальномъ положеніи: ему мучитъ болѣзнь, и онъ смягчаетъ свои страданія стихами, какъ татарскіе плѣнники, закованные въ цѣпи и тоскующіе въ Краковѣ, стараются пѣснями заглушить свою тоску и бряцаніе цѣпей. Поэма была посвящена коронному канцлеру Шидловскому, который по преданію, происходилъ изъ того же самаго рода, что и святой Іоаннъ. Затѣмъ послѣ 1525 года на время пропадаютъ всякія свидѣ-

¹⁾ Вотъ образчикъ звучныхъ и красивыхъ стиховъ Хусовскаго, въ которыхъ онъ говоритъ о своей болѣзни:

Si mihi tu veteri desis fidoque sodali,
 Quem gravitas morbi tam violenta premit
 Tot magnis comulata malis; nam cuncta solutis
 Membra labant nervis nilque vigoris habent.

тельства о Хусовскомъ, но къ 11 февралю 1531 г. относится недавно найденное письмо его къ тому же Карнковскому, который въ это время былъ уже епископомъ Перемышельскимъ. Въ этомъ письмѣ Хусовскій извиняется, что рѣдко пишетъ: „совершенно не о чемъ писать“ (*profecto nihil dignae memo-
riae mihi contingit*). Затѣмъ онъ прибавляетъ, что „предпочелъ бы дѣлами и службой своей, если бы она была угодна, услужить епископу и приобрѣсти его расположеніе, а не угождать ему пустыми словами, изобиліе которыхъ мнѣ всегда противно“. Если что будетъ нужно и интересно, онъ не замедлитъ написать. „Здоровіе мое нѣсколько улучшилось сравнительно съ прежнимъ, удрученность (*cuius taedia*), какъ могу, облегчаю занятіями, вѣчно что-нибудь пишу или читаю, чтобы хоть голова не была въ праздности, если ноги не служатъ“. Завѣреніями своей готовности служить кончается это письмо. Здѣсь нѣтъ ни лишняго униженія, ни плаксивыхъ жалобъ. Чувствуется человѣкъ интеллигентный, нравственно развитой. Въ 1533 и 1534 годахъ вышли двѣ книжки религіознаго содержанія, которыя были снабжены коротенькими стихотвореніями-рекомендаціями Николая Хусовскаго. Весьма вѣроятно, что онъ жилъ въ это время въ какомъ-нибудь монастырѣ въ Пултускѣ, гдѣ вышла одна изъ этихъ книгъ. Съ тѣхъ поръ никакихъ свѣдѣній о поэтѣ больше нѣтъ.

Первымъ произведеніемъ Хусовскаго была поэма: „*Carmen de statura, feritate ac venatione bisontis impressum Cracoviae per Hier. Vietorem mense Octobr. 1523*“. Какъ видно изъ заглавія, здѣсь описывается нравъ зубра, способы охоты на него. Стихотвореніе это было вызвано интересомъ, съ которымъ въ Римѣ разспрашивали о зубрахъ. Разговоръ объ охотѣ на нихъ произошелъ во время боя быковъ, и Хусовскій, какъ опытный въ этомъ дѣлѣ человѣкъ, рассказывалъ такъ интересно, что папа Левъ X, самъ страстный охотникъ, просилъ прислать ему чучело зубра. Хусовскій сложилъ свою поэму въ 1521—2 г., и намѣревался посвятить ее папѣ, но такъ какъ тотъ умеръ раньше, чѣмъ стихотвореніе было закончено, то онъ посвятилъ его королевѣ Бонѣ. Поэма представляетъ описаніе, прерывающееся различными эпизодами и лирическими отступленіями. „Въ языкѣ и стилѣ этой поэмы, какъ и въ другихъ стихахъ Хусовскаго, обнаруживается вліяніе сочиненій *Виргилія* и *Овидія*, которымъ онъ преимущественно подражалъ. Но стиль Хусовскаго мѣстами тяжелъ, неповоротливъ, неясенъ; не разъ мы

встрѣчаемъ выраженія и обороты необычныя и даже совершенно чуждыя латинскому языку. Строеніе фразъ иногда тяжело, а мысль ихъ такъ неясна, что правильное пониманіе нѣкоторыхъ мѣстъ слишкомъ трудно и даже невозможно. Видно, что иностранный языкъ доставлялъ Хусовскому не мало затрудненій, которыя для него, какъ для начинающаго поэта, представляли особенно много трудностей“ (Jezienicki). Гораздо выше въ литературномъ отношеніи стихотвореніе, написанное на побѣду Фирлея, хотя и здѣсь много неясностей. Описаніе битвы бѣгло, неясно, безлично. Поэма о св. Іакинфѣ изобилуетъ, непонятными и запутанными фразами и стихами. Она раздѣляется на двѣ части, самое житіе святаго и полемику съ лютеранствомъ. Въ первой части авторъ стремится изложеніемъ праведной жизни и чудесъ святаго доказать истину католической религіи и отвлечь колеблющихся отъ лютеранства, которое проникаетъ и въ Польшу, во второй-же онъ полемизируетъ въ спокойномъ и серьезномъ тонѣ противъ ученія Лютера, доказывая необходимость почитанія иконъ, безбрачія духовенства и т. д. Заканчивается поэма молитвой къ святаму, чтобы онъ сжалился надъ печальной участью поэта и помогъ его исцѣленію. Поэма эта имѣла характеръ живой современности, такъ какъ именно въ 1523 - 4 г. шла рѣчь о канонизаціи блаженнаго Іакинфа (Яцка). Такимъ же благочестивымъ и серьезнымъ содержаніемъ проникнуты и мелкія стихотворенія Хусовскаго: то онъ упрекаетъ римлянъ за то, что они обращаются для спасенія отъ эпидеміи къ суевѣріямъ, а не къ молитвамъ Христу, то уговариваетъ своего покровителя епископа, Целка, не обращать вниманія на интриги враговъ, желающихъ унижить его передъ королемъ, то описываетъ моровую язву, свирѣпствовавшую въ Римѣ въ 1522 году, и взываетъ къ святымъ. Эта нравственная серьезность и углубленность духовной жизни составляютъ, вообще, одну изъ яркихъ отличительныхъ особенностей у многихъ представителей польскаго гуманизма. Такое же настроеніе мы находимъ у Павла изъ Кросны, Яна изъ Вислицы, а позже у Клеменса Яницкаго и Дантышка. Такіе люди, какъ Григорій изъ Санока или Андрей Кржицкій, представляли типы болѣе близкіе къ западно-европейскому гуманизму, но гораздо болѣе рѣдкіе въ Польшѣ. Тѣмъ же серьезнымъ настроеніемъ отличался и польскій романтизмъ¹⁾.

¹⁾ Nicolai Hussoviani carmina edidit, praefatione instruxit, adnotationibus illustravit Ioannes Pelczar. Cracoviae. 1894. М. Jezienicki. Mikołaj Hussovianus

Въ томъ же сборникѣ 1515 г., въ которомъ сохранился рядъ стихотвореній Павла изъ Кросны, нашли себѣ мѣсто произведенія и другихъ гуманистовъ: *Лаврентія Корвина* (Corvinus Laurentius de Novo Foro), который въ качествѣ extraneus читалъ въ Краковскомъ университетѣ съ 1489 по 1493 годъ различные философскіе трактаты и Буколики *Виргилія*, итальянскаго гуманиста *Octavius Cleofilus Fanensis* (1457—1490), другихъ итальянскихъ гуманистовъ Энея Сильвія Пикколомини, Гварини Веронскаго, Антонія Манчинелли, нѣмцевъ Конрада Цельтеса, Варѳоломея Кельнскаго, Іоанна Рейхлина и др. Такимъ образомъ уже въ началѣ 16 вѣка Польша была совершенно въ курсѣ гуманистической литературы. Павелъ изъ Кросны и Хусовскій не были, однако, яркими выразителями гуманистическаго міровоззрѣнія на жизнь, какимъ оказался *Андрей Кржицкій* или *Крицкій*¹⁾. Съ перваго и до послѣдняго тома *Acta Tomiciana* мы встрѣчаемъ его имя, то какъ автора стихотворенія, то какъ исполнителя извѣстнаго дипломатическаго и политическаго порученія, то какъ корреспондента королевскаго секретаря, потомъ епископа Краковскаго, Петра Томицкаго, которому Кржицкій приходился племянникомъ и былъ много обязанъ. Благодаря этому обилію матеріала, жизнь и личность поэта рисуются довольно ясно. Данныя, собранныя проф. Каз. Моравскимъ въ его изданіи сочиненій *Кржицкаго* (*Крицкаго*, *Cricius*, какъ онъ себя называлъ), въ настоящее время можно дополнить изданными послѣ того томами *Acta Tomiciana* и матеріалами проф. Вержбовскаго. Лучше также изучена теперь борьба Кржицкаго съ лютеранствомъ. Какъ сообщаетъ современникъ и почитатель Кржицкаго, Стаи. Гурскій, поэтъ получилъ свою фамилію отъ имени деревни Kżysko въ воеводствѣ Всовскомъ, откуда вель начало его шляхетскій родъ. Годъ рожденія его неизвѣстенъ въ точности. Самъ поэтъ выражается въ 1522 г. о своемъ возрастѣ: „inclinante iam aetatis meae verae“; въ одной книгѣ

(Hussowski) w świetle najnowszych badań. Kwart. Histor. IX. 1895. Z. *Cwikliński*. Nieznany list Mikołaja Hussowianusa. Eos. V. 1898 (то же у Вержбовскаго „Materiały“ I. 39).

¹⁾ *Andreae Cricii carmina edidit, praefatione instruxit, adnotationibus illustravit Casimirus Morawski. Cracoviae. 1888* (Corpus poet. pol. lat. III), Дополненія къ этому изданію представилъ *M. Sas* въ статьѣ *Przyczynek do poezyi polsko-łacińskiej XVI w.* (Rozprawy Akad., fil., t. XVIII. 1893). Поправка къ изданію текстовъ Кржицкаго въ работахъ *M. Sasa* (Archiwum do dziejow lit. i ośw. t. VII), *Зах. Дембитцера* (Eos. 1900. т. VI) и *Г. Зенгера* (въ *Comment. philolog.* въ честь проф. Помяловскаго). О борьбѣ Кржицкаго съ лютеранствомъ въ статьѣ кс. Фялэка въ *Pamiętn.liter. t. I. 1902.*

1533 г. рукой современника сдѣлана приписка, согласно которой Кржицкому было, когда онъ умеръ, 54 года. И это подтверждается его надгробной плитой. Поэтъ скончался 10 мая 1537 г., въ возрастѣ 54 лѣтъ. Родился же онъ въ декабрѣ 1482 г. Семья его не отличалась ни богатствомъ, ни знатностью, и только Томицкій, сестра котораго была матерью Андрея Кржицкаго, помогъ этому послѣднему сдѣлать блестящую карьеру. Самъ Томицкій былъ ловкій интриганъ, который не стѣснялся въ средствахъ, чтобы столкнуть Ласкаго и выдвинуть своего покровителя Шидловскаго, и своему племяннику онъ завѣщаль собственнымъ примѣромъ ту же неразборчивость въ дѣлани карьеры. Гдѣ онъ получилъ высшее образованіе, также неизвѣстно. Свидѣтельство Гурскаго и другихъ старыхъ біографовъ, что онъ учился въ Краковскомъ университетѣ, не подтверждается никакими документальными данными. По разсказу писателя 17 вѣка, Дамалевица, Кржицкій получилъ только первоначальное образованіе въ Краковѣ, а потомъ поѣхалъ въ Италію, гдѣ поступилъ въ Болонскій университетъ и занимался у гуманиста Антоніо Урчео детто Кодро (Urceus Codrus). Этотъ послѣдній умеръ въ 1500 году. Быть можетъ, это вызвало возвращеніе Кржицкаго домой, такъ какъ уже въ апрѣлѣ 1501 года онъ получаетъ отъ архіепископа гнѣзненскаго, примаса и епископа Краковскаго, Фридриха Ягеллоновича, деканство въ Ленчицѣ (decanatum in ipsa ecclesia collegiata Lanciensi). Нѣсколько лѣтъ спустя онъ оказывается уже въ близкихъ отношеніяхъ къ Познанскому епископу, Любранскому, при которомъ состоитъ въ должности секретаря. Для молодого человѣка открывалась блестящая карьера. Въ 25-лѣтнемъ возрастѣ онъ получаетъ должность секретаря Познанскаго капитула. Къ этому времени относится первое сохранившееся письмо Кржицкаго къ дядѣ Томицкому (Tomis. I 20), въ которомъ сразу обнаруживается его насмѣшливый умъ. Рѣчь идетъ о какомъ-то долгѣ, за неотдачу котораго дядя сердился на него, и Кржицкій въ шутливой формѣ извиняется. Повидимому, дѣло заключалось въ деньгахъ, которыя легкомысленный каноникъ не уплатилъ во время, и весной 1508 г. онъ пишетъ дядѣ нѣсколько плачевно-комическихъ писемъ, въ которыхъ оправдывается въ невольной неаккуратности и упрашиваетъ подождать, пока въ Ленчицѣ онъ не соберетъ нужной суммы. Въ октябрѣ онъ сообщаетъ въ коротенькой запискѣ Томицкому, что живетъ по прежнему, все еще опасается непріятностей отъ кредиторовъ и, между

прочимъ, „пишетъ элегіи и эпитаѳіи сестрамъ и братьямъ, чтобы почтить и восхвалить ихъ добродѣтели послѣ смерти“. Блестящее и остроумное письмо онъ посылаетъ въ то же самое время одному изъ важныхъ лицъ Познанскаго капитула. „Мнѣ не о чемъ писать вамъ, говоритъ Кржицкій, такъ какъ здѣсь не происходитъ ничего достопримѣчательнаго, вы же тамъ сражаетесь, сжигаете, опустошаете, совершаете удивительные подвиги, и я не могу не пороптать на васъ, что вы такъ мало сообщаете мнѣ о вашихъ трофеяхъ“. Въ томъ же тонѣ тонкой ироніи письмо продолжается и дальше. Гуманисты придавали огромное значеніе искусству писать письма, и Кржицкій первый, кажется, изъ польскихъ гуманистовъ писалъ такъ много, легко и изящно. Поэтъ продолжалъ дѣлать карьеру. Въ 1510 г. онъ получаетъ видное назначеніе, „*nominatio ad canonicatum et praebendam, dignitatem, personatum, administrationem vel officium in ecclesia cathedrali Posnaniensi*“, а годъ спустя это назначеніе еще разъ подтверждается, при чемъ Кржицкій называется уже въ королевскомъ рескриптѣ „Познанскимъ схоластикомъ“. Какъ извѣстно изъ актовъ Познанскаго капитула, это назначеніе схоластикомъ произошло въ іюнѣ 1511 года. Такимъ образомъ, честолюбивый каноникъ становился извѣстенъ королю Сигизмунду, но видвинулся онъ на придворной службѣ только въ слѣдующемъ году, когда въ свитѣ епископа Любранскаго поѣхалъ въ Венгрію, чтобы привезти невѣсту короля, Варвару Запольскую. Здѣсь поэтъ имѣлъ возможность блеснуть своимъ талантомъ не въ эпитафіяхъ какимъ-то невѣдомымъ монахамъ и монахинямъ, а въ привѣтственной пѣснѣ молодой королевѣ. Въ 1512 г. онъ пишетъ и издаетъ „*In Augustissimum Sigismundi Regis Poloniae et Reginae Barbarae connubium Andreae Cricii Scholastici Posnaniensis Carmen*“. Этотъ сборникъ содержалъ въ себѣ льстивое посвященіе королю, которому поэтъ предлагалъ все лучшее, что онъ имѣетъ: за неимѣніемъ богатствъ, пусть славный король приметъ отъ него дары Паллады, которые не боятся времени.

Дальше слѣдуетъ „*Epithalamion*“, длинное стихотвореніе въ 161 гекзаметръ. Поэтъ обращается къ Фебу, прекраснѣйшему изъ боговъ, съ просьбой снизойти на землю и привести съ собою девять музъ („девятиричную толпу“, *turbam novepam*, какъ некрасиво выражается Кржицкій) и оросить его грудь Аонійскими струями; подъ Аоніей онъ подразумѣваетъ Беотію. Все это обращеніе къ Фебу заимствовано изъ 6 эклоги Вир-

гилия: ¹⁾ „65 ст. Aonas in montis ut duxerit una sororum, utque viro Phoebi chorus adsurrexerit omnis“. Поэтъ хочетъ воспѣть, почему такая пышность сверкаетъ въ стѣнахъ Крака (Grachi, какъ называли миѳическаго Кракуса и другіе гуманисты), такая роскошь блеститъ во дворцѣ государя, почему радость и веселіе охватили болѣе обыкновеннаго все польское королевство. Свои чувства онъ хочетъ излить *Clario santo. Clario* (отъ *clarius*) заимствовано опять таки у Виргилія для обозначенія Аполлона, которому былъ воздвигнутъ храмъ въ маленькомъ іонійскомъ городкѣ *Claros*. „Пусть не дерзнетъ меня превзойти ни Смирнскій поэтъ, ни тотъ, что, напоенный касталійскими струями, привелъ въ возвышенной поэмѣ троянъ на берега Лаціума“: такъ высокобѣрно начинается польскій гуманистъ, разубравшись въ чужія перья. *Smugnaeus poeta*—Гомеръ, какъ называли его писатели древности. Начинается описательная часть оды съ искусственнаго восторга. „Но что я вижу? Отчего въ городѣ такая толпа? Кому уготовляется путь? Кого заставляемъ идти подъ сѣверный полюсъ (*sub axem*)? Скажи, Калліопа, почему вмѣстѣ съ тѣмъ звуки трубъ поражаютъ нашу грудь (*quis pectora clangor nostra ferit*) и имъ отвѣчаютъ эхомъ и море, и звѣзды и горы?“. У Виргилія: *aedes plangoribus resonant*. „Я вижу, какъ проходятъ мужи, несущіе барабаны и трубы, отроки съ развѣвающимися султанами (*cristatus*, какъ у Вирг.), сверкающіе золотомъ и драгоценными камнями, и безчисленное множество всадниковъ, блистающихъ чудеснымъ убранствомъ. Созерцаю столько витыхъ украшеній, пряжекъ (*bullas*, ср. *Aeneis. IX. 359: aurea bullis cingula*), золотыхъ вставокъ (*segmenta*), ожерелій, что не можетъ описать ихъ ни быстрое перо, ни языкъ. А за этими отрядами блестящихъ юношей слѣдуетъ на пѣнящемся звонкоступающемъ конѣ (*sputante sonipede*, какъ у Виргилія) Лукашъ корабленосецъ (*Lucas de Gorka*, въ гербѣ котораго была ладья), почти еще юноша, но достойный великой чести: на тронѣ короля онъ произноситъ приговоры Великой Польшѣ, блистая умомъ, богатствомъ, честностью и вѣрностью (онъ былъ познанскимъ кастелляномъ). На другой сторонѣ образецъ нравовъ и идеаль добродѣтелей, христоносецъ, сверкая золотымъ украшеніемъ изъ драгоценныхъ камней (*aurato calce coruscus*, у Вирг.: *juvenes auro corusci*), удер-

¹⁾ Считаю полезнымъ разобрать въ подробности одно изъ характернѣйшихъ произведеній польскаго гуманизма, буду указывать на нѣкоторые источники образовъ Кржицкаго.

живааетъ коня, убраннаго также драгоцѣнными камнями; онъ равенъ своей нравственной серьезностью Катону, разумомъ Нестору, столомъ и роскошью кушаній Лукуллу. И онъ, который былъ Патрокломъ, который всегда былъ вѣрнымъ Ахатесомъ короля (*fidus Achates*, Virg. I. 188, другъ Энея), и блюстителемъ государства, и начальникомъ двора, теперь вершить высшія дѣла, судить и управляетъ, какъ его дѣдъ (*pupae apices regni*, *pupae fasces scandit avitas*, имѣется въ виду Христофоръ Шидловецкій, воспитанный въ семьѣ короля Казимира и сдѣланный Сигизмундомъ въ 1511 году вице-канцлеромъ, что не мѣшало ему однако за деньги служить дѣлу Австріи). Воскуривъ оиміамъ ему, Кржицкій переходитъ къ такой же неумѣренной лестии епископу Любранскому, при которомъ Кржицкій состоялъ во время посольства въ Венгрію. Здѣсь поэтъ расточаетъ такія похвалы, что въ другія времена онѣ показались бы просто обиднымъ преувеличеніемъ. Разказавъ о Лукашѣ изъ Гурки и Шидловецкомъ, поэтъ продолжаетъ: „По срединѣ между ними на великолѣпномъ конѣ, привлекая всеобщее вниманіе, какъ солнце, подымающееся изъ океана, ѣдетъ блескъ епископовъ (*splendor Pontificum*), первая слава нашего сената, жрецъ сосноносецъ (*piniger antistes*),¹⁾ подъ взоромъ котораго сверкаютъ многія Граціи и въ золотистомъ сіяніи пребываетъ Киприда. Дѣва Тритонія (*Virgo Tritonia*, Паллада, взято изъ Вирг.) дала ему талантъ и художества, Юнона богатства, небесный Юпитеръ священный санъ (*sacrum caelestis honorem Juppiter*), а Разумъ (*prudentia*) пониманіе старины (*caput veterum rerum*, у Цицерона: *caput rerum*). О если бы царство Леховъ (*Lecheia regna*) создавало побольше сенаторовъ, подобныхъ ему: благочестивый король (*rex pius*) могъ бы спокойно спать (*aures dormiret in ambas*, ср. у Горация: *in aures utramvis dormire*), и отечество не переживало бы никакихъ случайностей. Онъ—покровитель ученыхъ, другъ добродѣтели и лучшій почитатель никогда не умирающей славы. Ему я приписываю все то, что имѣю, и что заслужу, и его одинаго почитаю, какъ своего покровителя. И пока прядильницы парки (*lanificae Parcae*, обычный эпитетъ паркъ въ классической литературѣ) тянутъ нить моей жизни, я не перестану воздавать ему несчетныя хвалы. Благодаря моимъ поэмамъ, познаютъ

¹⁾ Любранскій первый изъ этого рода внесъ въ свой гербъ сосну: можетъ быть, слово *antistes*, которое означаетъ и епископа, и перваго въ чемъ-либо, намекаетъ на это.

его одѣтые въ шаравары персы (*braccati Medi*), познаетъ сильный испанецъ (*fortis Iber*), познаетъ обожженный солнцемъ мавръ (*Garamantes adustus*, у Ливія: *adustus corpore Maurus*). Но вотъ уже Муза возливаетъ Пегасійскую струю, наконецъ понимаю тайны великихъ боговъ. На высокихъ берегахъ Паннонскихъ есть крѣпость Тренція (Тренчинъ на берегу р. Вага), съ башнями, вершины которыхъ касаются высокихъ звѣздъ, славное жилище Стефановъ, знаменитое славными трофеями; съ его богатствами не могутъ сравняться ни сокровищница Мидаса, ни золотохранильницы богатаго Креза, ни Персія, ни Индія. Здѣсь возрастаетъ дѣвица, сіяющая рѣдкой красотой, но еще болѣе нравственностью и чистой стыдливостью. Дѣва происходитъ также отъ древней крови польскихъ королей; отъ нихъ она ведетъ начало по матери (мать Варвары, Анна, происходила изъ рода мазовецкихъ пясцовъ). Король Сигизмундъ рѣшилъ сочетаться съ нею брачнымъ ложемъ (*thalamo sociare iugali*) и соединиться съ нею священными узами, чтобы съ ней вести дальнѣйшіе счастливые годы. Такъ было угодно верховнымъ (богамъ), такъ прядутъ свои нити три сестры, рѣшая, чтобы на вѣчныя времена царствовалъ этотъ родъ. Сюда онъ послалъ трехъ избранныхъ сановниковъ (*delecta tria culmina*, въ такомъ смыслѣ слово *culmen* только у писателей послѣхристіанскихъ) своего государства, чтобы они крѣпкимъ словомъ утвердили убѣжденія Пафіи (*Parthiae*, т. е. Венеры, *solacia*) и поспѣшили привести желанную невѣсту къ жениху. Вотъ цѣль ихъ путешествія, и вотъ причина такихъ приготовленій". Послѣ этого поэтъ переходитъ къ прославленію невѣсты. „О достохвальнѣйшій домъ и достохвальнѣйшій утѣсь Тренчина! Кто могъ бы описать, и кто нашелъ бы достойныя слова, чтобы сказать, какую красоту (*decus*) и какую честь (*honorum*) вы породили? О счастливая дѣва, выходящая за такого мужа. Ты пройдеши королевой черезъ преславный городъ Гракха, который не уступилъ ни одному городу ни въ веселіи, ни въ пышности, гдѣ пребываетъ золотая Венера, покинувъ Кипръ, и поселилась ученая Паллада послѣ гибели Аѳинъ (*post versas Athenas*). Здѣсь ты устроишься къ всеобщей радости въ высокомъ замкѣ и въ залахъ, сверкающихъ различными картинами и золотомъ, и всѣ будутъ показывать на тебя пальцами, какъ на новобрачную новобрачнаго; здѣсь ты увидишь покои (*atria*), блистающіе царственной роскошью, увидишь огромные камни (*immania saxa*), колонны, чудесныя статуи художника, превосходящаго

Апеллеса, и литыя балки (caelatas trabes) и дворцы латинской постройки (Latio palatia structu), которые своимъ художествомъ на много превосходятъ Ассирійскую работу. Здѣсь у тебя будутъ зрѣлища, достойныя цѣлаго міра, и игры и хоры и все лучшее что имѣетъ музыка сладкогласная (musica blandae vocis), и все, что могутъ дать лучшаго струнные и духовые инструменты (quidquid tangitque terit que vel instat). О счастливая дѣва, выходящая за такого мужа! Ты увидишь великое царство, гдѣ найдешь огромное изобиліе во всемъ, и множество богатствъ, добытыхъ изъ земли, и такихъ, которыя вывозятся за ея протяженныя границы (longinquas in oras); и хотя здѣшнія горы не роздаютъ золота, сюда привозятъ однако больше золота и серебра, чѣмъ производитъ Гангъ или Тагъ или еракійскій Гебръ. Прибавь столько пронизательныхъ умовъ, благородныя тѣла мужей, цвѣтушую просвѣщеніемъ и военными доблестями молодежь. Здѣсь не подается (на пирахъ) ужасный ядъ, но царствуютъ искони довѣріе, товарищество, пиры. О счастливая дѣва, выходящая за такого мужа. Ты увидишь еще и столько сосѣднихъ царствъ, столько городовъ и разныхъ народовъ, могущественныхъ богатствомъ и желѣзомъ: всѣ они носятъ иго, возложенное побѣдоноснымъ полякомъ. О счастливая дѣва, выходящая за такого мужа. Наконецъ среди множества рыцарей ты увидишь того, въ могущественныхъ бѣлоснѣжныхъ объятіяхъ котораго ты станешь супругой (cuius tu niveis conіux potiere lacertis; lacerti о рукахъ властелина у Горація и Виргилія). Своей прелестью и лицомъ онъ превосходитъ всѣхъ вельможъ, подобно тому, какъ среди лѣсовъ прекрасная ясенъ возноситъ свою златовласую вершину подъ самыя небеса. Таковъ былъ нѣкогда прекраснлицый сынъ Пріама, герой Александръ, который ради супруги измѣнилъ царю Данаевъ и довель до гибели въ пламени высокой Пергамъ. Но этотъ напротивъ: взявъ поврежденный скипетръ нашей короны, возстановилъ прежнюю славу и красу. Найдется-ли кто-нибудь столь насмѣшливый (nasutus, какъ у Федра) и враждебный, чтобы, созерцая его августѣйшее лицо, смотря на его сладостныя очи (dulcia lumina cernens), стройные члены, и рѣчь и жесты благосклонные, не остолбенѣлъ бы весь и не почтилъ его, какъ божество? О счастливая дѣва, выходящая за такого мужа. А если ты станешь изслѣдовать его родословную, не найдешь никого, кто былъ бы выше его родомъ; удивительными подвигами слава прежнихъ царей изъ его рода наполнила весь міръ. Мать его ведетъ свое происхожденіе

отъ крови императоровъ; столько его братьевъ короли въ чужихъ странахъ, столько его зятьевъ-герцоги и такъ велика толпа родичей, какой не было у царицы Гекубы. О счастливая дѣва, выходящая за такого мужа! Говорить-ли мнѣ о богатствахъ (приданномъ, *dotes*) его души, которыхъ не перечислить никакой голось пѣснопѣнія, хотя бы явился и самъ Гриней Аполлонъ (у Вирг. *Gryneus*) съ музами, явился съ источникомъ коня (*cum fonte caballi*; *caballus* о Пегасѣ совсѣмъ чуждо классическимъ поэтамъ). И онъ не могъ бы выразить, какъ великъ разумъ короля, и добродѣтель его, и духъ, постоянство мысли и рѣчи, заботливость о царствѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ терпимость, какова его справедливость и доступность къ несчастнымъ смертнымъ. И онъ не могъ бы перечислить, сколько разъ онъ приобрѣталъ славу на войнахъ (*laudes partosque triumphos*): укрощены сосѣднія племена и обращены въ бѣгство Моски (т. е. русскіе), и прогнаны отъ границъ безчисленные враги, не говоря уже о волохахъ, оружіемъ и коварствомъ которыхъ столько разъ была залита кровью земля сосѣдей (т. е. Подолія). До какой степени тѣ страшились, какъ дрожали ихъ сердца! А теперь, враги побѣждены Сигизмундомъ, и земля ихъ сожжена: они опустили очи и внимаютъ королевскимъ приказаніямъ. Онъ-же отецъ отечества и утвердитель дѣдовской славы; въ борьбѣ онъ возстановилъ польское дѣло. О счастливая дѣва, выходящая за такого мужа. Иди же скорѣй и возляжь на пышномъ ложѣ. О счастливая дѣва, выходящая за такого мужа. А ты, величайшій король, обними кроткую супругу, и постарайтесь, чтобы въ скоромъ времени во дворцѣ игралъ прелестный мальчикъ Сигизмундъ, другая надежда отцовскаго королевства, и пусть онъ сравнится лицомъ и добродѣтелью съ великимъ отцомъ и въ послѣдствіи идетъ по его славнымъ слѣдамъ и, покоривъ міръ, подчинить его своимъ законамъ“.

Таково это типичнѣйшее произведеніе польскаго гуманиста. Грубая лесть всѣмъ сильнымъ, пресмыкательство, непониманіе болѣе нѣжныхъ чувствъ и грубые намеки на цѣль брака указываютъ на очень низкій нравственный уровень не только самого поэта, но и среды, къ которой онъ обращался. Всѣ эти Шидловскіе, Томицкіе и др. среди которыхъ онъ вращался, всего менѣ думали о благѣ государства; самъ же король Сигизмундъ какъ разъ не обладалъ тѣми достоинствами, какія приписывалъ ему Кржицкій. *Constantia mentis et oris* (постоян-

ство въ мысляхъ и словахъ) было ему чуждо, и онъ, безсильный и безвластный, шелъ на компромисы со всякой новой силой, и всѣ это знали, какъ зналъ и поэтъ. Что касается стиля его „Эпиталамія“, то, несмотря на внѣшнюю латинскую оболочку, это въ сущности польское произведеніе. Кржицкій былъ начитанъ въ латинскихъ поэтахъ, особенно въ Вергилии, но духомъ латинскаго языка не проникся: его синтаксисъ польскій; въ словарѣ его то и дѣло попадаются слова средневѣковой латыни. Но за то онъ пишетъ очень свободно и на любую тему. Старанія Кржицкаго обратить на себя вниманіе короля увѣнчались успѣхомъ. Онъ былъ сдѣланъ канцлеромъ королевы и продолжалъ воспѣвать короля въ ожиданіи новыхъ милостей. Въ этой должности онъ сопровождалъ въ 1513 году королеву въ Вильну, куда она ѣздила, вѣроятно, на поклоненіе мощамъ св. Казимира, брата короля Сигизмунда. По этому поводу Кржицкій разразился длиннымъ стихотвореніемъ, цѣль котораго достаточно видна изъ послѣдней строки: „сдѣлай сердце брата твоего благосклоннымъ ко мнѣ.“ Пронырливый и ловкій поэтъ не брезгалъ ничѣмъ, чтобы пріобрѣсти расположеніе и своего дяди, П. Томицкаго. Въ ноябрѣ 1513 года онъ посылаетъ ему длинное письмо (Tomis. II. 271-3) въ которомъ рассказываетъ объ интригѣ нѣкоего д-ра Ханеля, желавшаго получить епископство въ Перемышлѣ, на которое, повидимому, уже тогда заглядывался Кржицкій, о чрезвычайномъ усердіи, которое онъ, Кржицкій, проявилъ, чтобы прослѣдить замыслы этого венгерскаго претендента. Этотъ послѣдній явился къ Шидловецкому во время завтрака, на которомъ присутствовало много важныхъ людей (maiores). „Я рѣшилъ слѣдить за нимъ цѣлый день и исполнилъ бы это, если бы не попойка (multa rotatio), которая задержала всѣхъ насъ дома до вечерней звѣзды“. Любопытная картинка нравовъ. Въ слѣдующемъ году поэтъ имѣлъ возможность воспѣть дѣйствительное торжество народа, побѣду надъ русскими подъ Оршей. Его ода была напечатана въ Римѣ, гдѣ ее издалъ жившій тамъ въ эту пору Янъ Ласкій. Стихотвореніе написано какъ будто бы отъ имени королевы Варвары, которая сначала сѣтуетъ на разлуку съ мужемъ, а потомъ предается радости по поводу его героической побѣды. Но все это выражено въ бездушныхъ условныхъ выраженіяхъ, безъ нотки воодушевленія, съ обычной классической номенклатурой (Getae, Scythae), которая такъ рѣзко подчеркивала отсутствіе реального чувства. „Вотъ уже поверженъ Москъ,

прославленный въ цѣломъ мірѣ, и погибла вся его слава, на которую возлагали всѣ свои надежды твои коварные сосѣди“: восклицаетъ поэтъ, раскрывая картину тогдашнихъ международныхъ отношеній Польши, о которой писалъ и Дантышекъ (см. ниже). Прославляя Сигизмунда, онъ старался обратить на себя вниманіе короля и въ посвященіе ему оды вставляетъ замѣчаніе о тяжкихъ заботахъ, которыя удручаютъ его. Повидимому, вышеприведенныя слова изъ обращенія къ св. Казимиру: „*fac mihi fratris corda benigna tui*“ имѣютъ отношеніе къ этимъ заботамъ Кржицкаго. Подробнѣе объ этомъ времени въ жизни гуманиста мы не знаемъ, такъ какъ въ *Tomisiana* не осталось никакихъ слѣдовъ его. Въ мартѣ 1515 г. Шидловецкій былъ сдѣланъ канцлеромъ, Томицкій вице-канцлеромъ. Кржицкому стало лучше. Можно думать, однако, что его преслѣдовали матеріальныя невзгоды, какъ и раньше. Снисходя къ его матеріальному положенію, Краковскій капитулъ назначилъ ему въ 1515 г. (6 іюля) даръ „около кухни коллегіи юристовъ“. Но вскорѣ въ его жизни наступила катастрофа. Королева Варвара 2 окт. 1515 г. скончалась. Кржицкій былъ однимъ изъ ближайшихъ къ ней людей: „*ego merore simul et labore in tenendo illam manibus meis fui occupatissimus*“, писалъ онъ Томицкому въ самый день смерти королевы, прибавляя, что онъ не можетъ больше писать и не владѣетъ собою (*nam nunc certe non sum mei compos*). И на слѣдующій день онъ писалъ Томицкому о своей глубокой скорби (*summo merore*). Вскорѣ послѣ этого вышелъ въ Краковѣ, въ типографіи Галлера, его „Плачь по случаю преждевременной кончины блаженной памяти Варвары, королевы Польской“, который приобрѣтаетъ для изслѣдователя тѣмъ большій интересъ, что написанъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ тяжело перенесенной и неожиданной смерти (*tam inasperata et miserabilis mors*) молодой королевы. Сумѣлъ ли Кржицкій вложить въ свое стихотвореніе чувство, которое, повидимому, было искреннимъ? „Плачь“ состоитъ изъ 68 гекзаметровъ, такъ что уже самые размѣры стихотворенія не соотвѣтствуютъ представленію о горькомъ, вырвавшемся чувствѣ. Содержаніе облечено въ обычныя нелѣпыя классическія формы: „жестокіе боги“ и жестокой фатумъ, „храмы боговъ“, Ахиллесъ, оплакивающій Бризеиду, *Lachesis* въ подземномъ царствѣ и т. д. Но мѣстами чувство Кржицкаго сильно и стиль поэтиченъ: „О, какъ несчастна судьба, какъ пуста слава міра, воск-

лицаеть поэтъ: о, какъ непостоянна наша жизнь даже на вершинахъ величія! Ты рѣшилась, коварная смерть, коснуться такого прекраснаго тѣла и осквернить (*violare*) такую красу, и наши надежды бросить на костерь, срѣзавъ ихъ своей жестокой косою? Тебя не смущаютъ ни скипетръ, ни прелесть рѣдкой красоты, ни благочестіе и почтеніе къ Богу, ни общее горе, которое поразило и короля, и насъ, и всѣхъ вообще? Ты глядишь на то, какая ужасная скорбь охватила весь міръ¹⁾. Эпитафія королевѣ кончается той же мыслью о тщетѣ всего земнаго: „Итакъ пусть никто не довѣряетъ жизни или высокому положенію: все смететъ безъ разбора своею косою смерть“. Король откликнулся на „плачь“ Кржицкаго: онъ сдѣлалъ этого послѣдняго своимъ секретаремъ и потребовалъ, чтобы доходы со всѣхъ имѣній, приписанныхъ къ приходу св. Михаила въ Плоцкѣ (*preposituram S. Michaelis plocensis*), шли Кржицкому: „до сихъ поръ вслѣдствіе насильственныхъ дѣйствій другихъ онъ не можетъ войти во владѣніе ими“, писалъ король Плоцкимъ властямъ. Въ этомъ году муза Кржицкаго, повидимому, молчала: нечего и некого было воспѣвать. Но въ слѣдующемъ 1517 г. опять явился случай показать свои писательскіе таланты. Король задумалъ во второй разъ жениться, и его выборъ остановился на итальянской принцессѣ. Послы его должны были произнести рѣчь, которую сочинилъ Кржицкій. Въ этой рѣчи тѣ же мотивы, что и въ первомъ „эпиталаміи“ на свадьбу Варвары Запольской. Какая славная участь ждетъ невѣсту: вотъ главная тема этой рѣчи. „Тебя зовутъ въ королевство, которое ни одному не уступаетъ ни своими размѣрами, ни богатствомъ, ни славой, ни множествомъ мужей; въ которомъ процвѣтаютъ особенная сила, вѣрность и благородство, и къ тому-же королевская власть сильна и не подвержена никакимъ случайностямъ“. Далѣе идутъ восхваленія душевныхъ и тѣлесныхъ свойствъ короля въ томъ же духѣ, что и въ „эпиталаміи“. Самъ поэтъ находился въ это время при королѣ, который велъ до-

1) *Heu, sors infelix et inanis gloria mundi,
O nulla in magnis vitae constantia rebus!
Ausa es, o perfida mors, tam clarum attingere corpus,
Et tantum violare decus, submittere busto
Spes nostras duraque tua submittere falce?
Non te sceptrā monent, non rarae gratia formae,
Non pietas cultusque Dei et turbatio tanta
Quae regem, guae nos, quae vulgo conficit omnes?
Aspicias ut totam dolor ingens occupat orbem.*

вольно неудачную войну съ Московскимъ княземъ. Въ концѣ 1517 года Сигизмундъ рѣшилъ вернуться въ Польшу и 1 янв. 1518 г. пріѣхалъ въ Краковъ на встрѣчу новой своей невѣстѣ. Даже при поверхностномъ пересмотрѣ матеріаловъ, собранныхъ Петромъ Томицкимъ, видно, какими важными дѣлами былъ занятъ въ это время Сигизмундъ: внутри государства планы военной реформы, во внѣшней политикѣ дѣятельные переговоры съ куріей по вопросу о крестовомъ походѣ противъ турокъ. Кржицкій, какъ секретарь короля, долженъ былъ стоять близко ко всѣмъ этимъ дѣламъ и видѣть, что восхищаться и вѣчно восторгаться собственно нечѣмъ. Но его условная муза равнодушна къ такимъ тонкостямъ. На свадьбу короля онъ издаетъ новый „эпиталамій“, вдвое больше прежняго. Передъ итальянской принцессой, которая везла въ Польшу изящный художественный вкусъ, польскій гуманистъ еще больше хотѣлъ блеснуть своимъ классическимъ образованіемъ, и ода его, еще болѣе бѣдная содержаніемъ, переполнена мифологическими именами и восклицаніями. Тамъ былъ рефренъ: „O felix virgo, tantum sortita maritum“, здѣсь намекъ на неравность брака былъ неумѣстенъ, и въ своей посольской рѣчи Кржицкій подчеркивалъ равенство брака (inquit Lepidus poeta: si qua voles arte nubere, nubere pari. Томіс. IV. 225). Поэтому въ качествѣ рефрена онъ пустилъ восклицаніе: „O Numen Numen ades, o Numen Numenae“, что придавало еще больше классическаго отпечатка его неискреннему пустословію. Любопытно во всемъ этомъ стихотвореніи только введеніе, которое бросаетъ свѣтъ на тогдашнее отсутствіе патриотизма и въ обществѣ, и у самаго короля. Съ поля битвы Сигизмундъ спѣшилъ на свадьбу. „Изъ крайнихъ предѣловъ, гдѣ вращается холодная Медвѣдица и носится безъ удержу (laxatis habenis) морозный Борей, гдѣ король Сигизмундъ къ удивленію всѣхъ построилъ свои войска, гдѣ возобновилась трагедія свирѣпаго Марса, вырвавшись и возвращаясь наконецъ (finitor) къ твоимъ водамъ, о сарматская Висла, я радостно обозрѣваю берега и бѣлыя поля, и много думаю про себя и переворачиваю въ памяти свою судьбу. То повторяю въ умѣ (pereto) безчисленныя лишенія суровой войны, вспоминаю татарскія дороги (Tartarias vias) и утомительные труды (о я несчастный, какой языкъ сможетъ ихъ выразить); то приходитъ мнѣ на помощь уже испытанная прекраснѣйшая слава Марса: и мнѣ удалось видѣть стройныя когорты и восхищаться

тѣмъ, какъ великодушные мужи черезъ Сциллы и Харибды проникли въ московскія равнины и рубили вѣроломное племя и предавали быстрому пламени города и деревни. Я хватаю лиру (numeros) и призываю изъ Парнасскихъ пещеръ Калліопу и Феба "... Поэма Кржицкаго вышла только въ концѣ 1518 года и на ея заглавіи онъ выписалъ свой новый титулъ настоятеля церкви св. Флоріана въ Краковѣ. Этимъ выгоднымъ пожалованіемъ онъ былъ обязанъ королевѣ, которая въ ноябрѣ 1518 г. обратилась къ Сигизмунду съ просьбой выхлопотать для Кржицкаго настоятельство св. Флоріана, „которое въ настоящее время считается вакантнымъ“ (Tomis. IV 371). Король обѣщалъ похлопотать и, дѣйствительно, отъ себя обратился къ краковскому епископу съ ходатайствомъ за своего секретаря: „venerabil. Andream Crziczki, scholasticum Posnaniensem, canonicumque Cracoviensem, secretarium nostrum, fidelem dilectum“ (Wierzbow. I. № 49). Какъ видимъ, это ходатайство увѣнчалось полнымъ успѣхомъ и уже въ концѣ того же года поэтъ присоединилъ къ старымъ своимъ званіямъ новое. Кржицкій продолжалъ такъ же энергично дѣлать свою карьеру и въ слѣдующемъ году. Теперь онъ могъ крѣпче прежняго держаться за своего дядю Томицкаго, который и самъ пробирался дальше, изъ вице-канцлеровъ въ канцлеры. И вотъ онъ сообщаетъ епископу Познанскому Любранскому: „Его корол. Величество передалъ познанское настоятельство госп. Кржицкому, которому онъ ее, какъ изволить помнитъ Ваше Преосвященство, уже давно обѣщаль, и такимъ образомъ Ваше Преосвящ. будетъ имѣть въ настоятеляхъ своего воспитанника и преданнѣйшаго слугу“. Съ той же просьбой 21 ноября 1519 г. Томицкій обращается и къ Плоцкому епископу, также извѣстному покровителю наукъ и литературы, Эразму Цѣлку. Просьба его очень настойчива и указываетъ на какія-то помѣхи, которыя ставились Кржицкому. Едва-ли у этого послѣдняго была очень хорошая репутація среди духовенства. Онъ самъ смѣется надъ опасеніемъ, какъ бы онъ не совратился въ лютеранство (sententiam Luteri. Tomis. V. 158). Уже въ это время онъ считалъ себя обязаннымъ выступить противъ Лютера. Не безъ умысла угодить Томицкому Кржицкій написалъ и переслалъ ему весьма рѣзкую и грубую эпиграмму на епископовъ, которые были ему неприятны. Она такъ характерна для Кржицкаго, что ее стоитъ привести съ тѣми комментаріями, которые самъ поэтъ услужливо сообщилъ своему важному дядѣ (Tomis. V. 160—161).

„Корабль невредимъ, Роза трезва, Лайка (Aluta) краснорѣчива, Теленокъ щедръ на слова, Сосна многотерпѣлива, новоприписанный Орелъ—смирненъ, Челнъ суровъ, Подбородки сильны; остальные славны и досточтимы“¹⁾. Подъ гербами, носившими эти названія, подразумѣваются епископы: „Смысль этихъ стиховъ обратный. Епископы же и ихъ нравы обозначаются подъ ихъ родовыми гербами. Такъ, Янъ Ласкій, гнѣзненскій архіепископъ изъ герба Кораблей, не былъ праведный человекъ, но воздвигалъ въ государствѣ много волненій въ плебсѣ и интриговалъ противъ своего короля, о дѣлахъ его см. приложенную эпиграмму. Андрей изъ герба Розъ, архіепископъ Львовскій, былъ пьяница и вздорщикъ. Янъ Копарскій, епископъ Краковскій, изъ дома Лайки или Хабданкъ, былъ молчаливъ и мало говорилъ. Матвѣй Држевецкій, епископъ Куявскій, не былъ въ состояніи передать то, о чемъ онъ думалъ. Янъ Любранскій, изъ рода Сосна или Годземба, человекъ ученый и даже умный, но въ раздраженіи готовый и въ сенатѣ, и, гдѣ случалось, надѣлать глупостей, такъ что люди надъ нимъ смѣялись. Эразмъ Цѣлэкъ, епископъ Плоцкій, изъ Краковского плебейскаго рода, былъ пожалованъ въ дворянство и принятъ въ родъ Drya, гербомъ котораго была половина чернаго орла съ тремя камнями; человекъ онъ былъ надменный и добился того, что папа изъялъ его изъ подчиненія митрополиту своему, Яну Ласкому, и онъ покорился епископу Куявскому, Матвѣю Држевецкому. Петръ Томицкій, епископъ Перемышльскій, изъ герба Челнъ, честенъ, благоразуденъ, привѣтливъ, хорошій товарищъ и гуманнѣйшій человекъ. Яковъ Бучацкій, епископъ Холмскій, изъ рода, который имѣетъ своимъ гербомъ голову буйвола, склоненъ къ распутству. Остальные епископы невѣжи, и люди ихъ презираютъ. И таковъ истинный смыслъ этой эпиграммы“. Характеристика въ духѣ Собакевича! Хорошъ былъ и самъ Кржицкій, который еще такъ недавно восхвалялъ Любранскаго.

Поэтъ продолжалъ дѣлать быструю карьеру. Онъ добился и прихода въ Познани, и еще большей чести: въ томъ же 1520 г. умеръ епископъ Любранскій, и Кржицкій былъ избранъ администраторомъ епархіи; впрочемъ, дядя его Томицкій попалъ въ епископы на мѣсто умершаго Любранскаго, которому Кржиц-

1) *Integra Corbita est, Rosa sobria, Aluta diserta,
Facundus Vitulus, patienti pectore Pinus,
Demissa est Aquila ascriptitia, Cymba severa,
Fortes Mandibulae, celebres reliqui et reverendi.*

кѣй, конечно, посвятилъ прочувствованную эпитафію, гдѣ прославлялъ „его непорочную славу и вѣчныя заслуги“. Нѣсколько времени спустя на опустѣвшую Перемышльскую кафедру попалъ и самъ Кржицкій. Въ 1522 г. онъ задумалъ составить и издать сборникъ своихъ стиховъ. Какъ человѣкъ, близкій къ королю, онъ продолжаетъ участвовать въ важнѣйшихъ дѣлахъ государства: по порученію короля пишетъ приказъ о запрещеніи ввоза лютеранскихъ книгъ въ Польшу и объ отобраніи уже распространенныхъ сочиненій Лютера, участвуетъ въ посольствахъ и важныхъ переговорахъ. На этихъ его трудахъ останавливаться здѣсь не для чего, такъ какъ личность поэта уже достаточно выяснилась въ его предшествующей, подробно разсмотрѣнной здѣсь дѣятельности. Въ 1524 г. онъ издаетъ брошюру, въ которой печатаетъ королевскій эдиктъ противъ лютеранства и свое сатирическое произведеніе, панегирикъ лютеру „Eusomia Luteri“, который вызвалъ переписку между нимъ и Эразмомъ Роттердамскимъ.

Благодаря этому, въ Краковъ переносится одинъ изъ центровъ литературной борьбы: Эразмъ печатаетъ здѣсь 1526 свои „Hyperaspistes diatribae“, снабженныя эпиграммами другихъ гуманистовъ, въ 1527 г. Кржицкій издаетъ брошюру, „De afflictatione ecclesiae“, которая въ Римѣ встрѣтила самый сочувственный пріемъ. ¹⁾ Понятное дѣло, что такой самоувѣренный и честолюбивый человѣкъ уже не довольствовался скромнымъ провинціальнымъ епископствомъ. Когда въ 1525 г. Томицкій былъ назначенъ краковскимъ епископомъ, поэтъ задумалъ занять его мѣсто, но королева Бона, которая всѣмъ управляла, дала это мѣсто королевскому секретарю Ляतालскому, „человѣку пустому, ничтожному и горькому пьяницѣ, котораго прозвали Kufel (кружка)“, а не Кржицкому, „человѣку прекрасному, честному, трезвому и умнѣйшему, и къ тому же врагу симоніи“. Какъ было не обидѣться? Поэтъ разразился эпиграммой на королеву, которая постаралась успокоить его. Цѣлая серія стиховъ Кржицкаго относится къ этому времени, когда королева, отправившись на охоту, посылала часть своей добычи обиженному, но опасному другу. Есть среди нихъ и очень ядовитые. Такъ, придравшись къ тому, что въ гербѣ Сфорца изображена змѣя, поэтъ спрашивалъ, не пожретъ-ли эта змѣя рѣшительно всѣхъ, разъ она забралась въ самый

¹⁾ Объ этой дѣятельности Кржицкаго см. *Ks. Jan Fijałek. Z dziejów humanizmu w Polsce. Pamiętnik Literacki. I. 1902.*

кремль Кракова? Нѣкоторое душевное успокоеніе онъ находилъ въ своемъ Тускулумѣ, какъ называлъ краковскій приходъ св. Флоріана. Но времена наступали все болѣе бурныя: въ Данцигѣ въ 1525 г. произошелъ бунтъ на почвѣ религіозныхъ столкновений. Кржицкій рекомендуетъ принять суровыя мѣры противъ данцигскихъ лютеранъ. Самъ король отправляется въ мятежный городъ и съ нимъ Кржицкій, который продолжаетъ писать противъ лютеранства. Затѣмъ онъ ѣдетъ по дипломатическому порученію въ Венгрію, гдѣ идетъ борьба между Габсбургами и Запольей. Въ 1527 г. онъ былъ переведенъ на Плоцкую кафедру, поближе къ лютеранамъ, и въ слѣдующіе годы проявляетъ чрезвычайно энергичную дѣятельность въ Плоцкѣ и Варшавѣ. По прежнему ему поручаютъ редакцію важныхъ государственныхъ актовъ и переговоры съ иностранными послами; онъ присутствуетъ и на коронаціи молодого короля Сигизмунда Августа. По мѣрѣ приближенія къ старости Кржицкій становится серьезнѣе. Его письмо къ другому извѣстному гуманисту этого времени, Дантышку (Tomis. XII 141) отъ 1530 г. дышетъ уже совсѣмъ инымъ настроеніемъ, чѣмъ были панегирики. „Я совершенно недоумѣваю, что сказать о нашихъ государственныхъ дѣлахъ. Мы попали въ такую бѣду, что нечего и посовѣтовать, да и писать обо всемъ неудобно. Все идетъ ужасно скверно: что бы кто ни сдѣлалъ противъ другого, все сваливаютъ на насъ“... Въ тридцатыхъ годахъ онъ уже начинаетъ жаловаться на старость, но честолюбіе все еще его не покидаетъ. Наконецъ въ 1535 г. Кржицкій достигаетъ высшаго поста въ польской церкви, становится архіепископомъ Гнѣзненскимъ. На томъ сеймѣ, гдѣ шляхта подготовила „кокошью войну“, онъ присутствовалъ. Возмущеніе Кржицкаго принимаетъ здѣсь уже форму не личной обиды, но гражданскаго негодованія, которое вылилось въ форму сатирическаго памфлета, „Бесѣды объ ослиной сессіи“ (*Diologus de Asiniana Diaeta*). Стороникъ сильной власти, Кржицкій видѣлъ, что государство идетъ къ гибели, что заботится о немъ Нето (никто). Этотъ Нето сообщаетъ *reipublicae*, что погубили ея дѣло, во первыхъ, страхъ передъ пафлагонами (демагогами), затѣмъ черезчуръ сильная страсть къ легкой наживѣ, и потомъ еще рядъ личныхъ причинъ. Такъ до конца своихъ дней Кржицкій продолжалъ принимать живѣйшее участіе въ государственной жизни. Въ 1537 году онъ умеръ, будучи уже примасомъ польской церкви. Литературное наслѣ-

діе Кржицкаго довольно велико. Онъ писалъ чрезвычайно легко и на самыя разнообразныя темы: въ отдѣлѣ стихотвореній на религіозныя и политическія темы попадаются кантилены, подписи подъ образами, обращенія къ королямъ и описанія важнѣйшихъ событій. Но онъ не брезгалъ стихомъ и для того, чтобы воспѣть королевскую охотничью трубу и зайца, затравленнаго королевой Боной, и летучую мышъ, которой забавлялся король. Впечатлѣніе порождало у него поэтическое творчество. Онъ видѣлъ картину, на которой былъ изображенъ, мальчикъ собиравшій цвѣты, а подлѣ него (мальчика) стояло Время, и вотъ Кржицкій пишетъ граціозное стихотвореніе: „мальчикъ, пока я стою около тебя, собирай цвѣты жизни; напрасно ты захочешь ихъ рвать, когда я улечу отъ тебя“. ¹⁾ Смерть какой-то развращенной монахини (*vestalis primum, dehinc Venerea soror*) вызываетъ поразительно неприличные стихи; хорошенькая фрейлина королевы получаетъ вѣжливое и изящное посланіе: „*O Beata, decorata rara forma, moribus, O honesta ac modesta vultu, verbis, gestibus*“ ит. д. 1520—22 г. онъ пишетъ прекрасныя истинно патриотическія поэмы: „Жалобы государства и республики,“ въ которыхъ указываетъ на угрожающія государству опасности и на религіозную рознь, приближающуюся къ Польшѣ. „Пойдемъ, дорогая сестра, куда глаза глядятъ. Развѣ ты не видишь, какъ презираютъ меня и весь народъ, и правительство, какой презрѣнной, продажной и смѣшной выставляютъ меня и вельможи, и мои собственные верховные жрецы“ и т. д. Такихъ сильныхъ и страстныхъ обличеній въ поэзіи Кржицкаго не мало. Вообще, у него перваго поэзія стала живымъ и смѣлымъ отраженіемъ духовной жизни поэта. Онъ сблизилъ ее и съ жизнью массъ, привилъ къ ней вкусъ въ обществѣ и можно сказать, что въ его поэзіи отражалась жизнь. Среди его стихотвореній наберется не одинъ десятокъ такихъ, которыя своимъ невѣроятнымъ цинизмомъ поражаютъ наше нравственное чувство, но мы должны помнить, что наши требованія отъ поэзіи теперь иныя, чѣмъ въ началѣ 16 вѣка. Вещи назывались тогда своими именами, на конечныя цѣли любви смотрѣли очень просто, и Кржицкій едва ли встрѣчалъ что-нибудь, кромѣ всеобщаго восхищенія, когда читалъ какую нибудь эпитафію Нуски или Мильви, „*cui meretrix isto non fuit aequa solo*“ (такой распутницы еще и не было на нашей

1) *Dum puer asto tibi, vitae fac collige flores,
Frustra illos, a te quando volabo, leges.*

землѣ). И даже эта поэзія, такая легкая по формѣ, часто забавная по стиху и содержанию, была большой литературной заслугой. Послѣ тяжелыхъ по формѣ, чуждыхъ массѣ по настроеніямъ стиховъ Вислицкаго, Кросненскаго, отчасти Хуссовскаго поэзія Кржицкаго являлась своего рода откровеніемъ. Это былъ первый польскій литераторъ, отъ котораго пошли и дальнѣйшіе писатели. Критики обычно не признають у Кржицкаго большого таланта. Мнѣ кажется, что это несправедливо: конечно, это не былъ лирической талантъ, какъ Хуссовскій или Яницкій, но прежде всего это былъ бойкій сатирикъ и дидактикъ.

Такъ же интересенъ, какъ личность, но ниже, какъ поэтъ, былъ ближайшій современникъ Кржицкаго, *Дантышекъ*¹⁾ (Johannes Dantiscus). Фамилія *Dantiscus* означала, собственно, данцигское жительство поэта. Происхождение его не вполне ясно. По семейнымъ преданіямъ, которыя сохранилъ Френкингъ (*Oratio de vita et moribus Ioannis Dantisci 1605*), дѣдъ поэта, происходившій изъ нѣмецкой дворянской семьи von Hoeffen (по латински de Curiis), но совершенно обѣднѣвшій и матеріально опустившійся, прибылъ въ Данцигъ въ началѣ второй половины 15 в. Онъ будто бы занялся сученіемъ веревокъ, откуда и пошла другая фамилія поэта Flachsbinder. Какъ бы то ни было, Іоаннъ Дантышекъ считалъ себя полякомъ, а своимъ роднымъ языкомъ признавалъ польскій. Въ документѣ 1504 г., обнародованномъ Целиховскимъ, поэтъ названъ *famosus Ioannes von Hoeven cognomine Flachsbinder, civis Gdanskensis*. Отецъ поэта занимался пивоварствомъ. Самъ Янъ Дантышекъ родился въ 1485 г., получилъ первоначальное образованіе въ Данцигѣ, а затѣмъ былъ отправленъ въ Краковскій университетъ, гдѣ сталъ ученикомъ Павла Кроснянина. Повидимому, онъ настолько выдѣлялся среди студентовъ, что на него обратили вниманіе, и уже юношей въ 15—16 лѣтъ онъ сдѣлался писцомъ въ королевской канцеляріи, но придворная жизнь не понравилась ему: это бездонная бездна зла, какъ онъ писалъ впоследствии. Его тянуло въ Италію, къ наукѣ. Потомъ онъ участвовалъ въ походахъ на волоховъ и турокъ,

¹⁾ Современнаго и доступнаго изданія сочиненій этого гуманиста до сихъ поръ нѣтъ. Старыя изданія (Boehmiius. Vratislaviae) 1764 і (F. Hupler. Münster). 1857. Поэма „De postrotum temporum calamitatibus silva“ издана З. Целиховскимъ въ Познани 1902 въ сочиненіи: „Przyczynki do dziejów państwa Zygmunta Starego“. Характеристика личности и творчества Дантышка дана Л. Семеньскимъ (*Dzieła. Portrety literackie*. Т. III. 1881). Такъ же, какъ изданія сочиненій, малодоступны и разбросаны въ рѣдкихъ изданіяхъ и журналахъ отдѣльныя статьи о литературной дѣятельности Дантышка.

а въ 1504 или 1505 г. поѣхалъ, на средства какого-то благотворителя, за границу, сначала въ Данію и Германію, потомъ въ Италію. Отсюда онъ сдѣлалъ весьма неудачную поѣздку въ Святую землю, которую потомъ описалъ въ своихъ стихахъ. Вернувшись изъ Италіи, гдѣ Дантышекъ получилъ солидное гуманистическое образованіе, онъ быстро выдвинулся по службѣ. Повидимому, между 1508 и 1513 годами, сдѣлавшись королевскимъ секретаремъ, Дантышекъ исполнялъ трудныя порученія въ прусскихъ городахъ по Вислѣ, которые то и дѣло возставали противъ королевской власти въ различныхъ вопросахъ, требовавшихъ дипломатической сноровки. Эти порученія сблизили поэта съ королемъ, и когда въ 1512 году король женился на Варварѣ Запольской, то рѣшился поднести ему свой „*Epithalamium*“ и Дантышекъ, который называетъ себя здѣсь королевскимъ писцомъ, *Regis scriba Ioannes Linodesmon Dantiscus*. И въ слѣдующемъ году, посылая Дантышка съ какимъ-то важнымъ порученіемъ въ Грауденцскій монастырь, король называетъ его своимъ секретаремъ: *notario postro, venerabili ioanni Flachsbinder* (Tomic. II 257). Вскорѣ поэтъ получилъ, хотя былъ только дьякономъ, должность настоятеля въ приходѣ Голембъ подѣ Краковомъ, въ 1514 г. онъ становится коадьюторомъ Варминской епархіи. Горячій сторонникъ королевской власти, онъ уже съ 1508 г. принимаетъ участіе въ сеймикахъ, ратуя за королевское дѣло. Поэтическую свою дѣятельность Дантышекъ начинаетъ въ 1510 году, издавъ элегію на смерть королевскаго секретаря: „*De virtutis et fortunae differentia*“. Потомъ онъ воспѣлъ королевскую свадьбу, затѣмъ побѣду польскаго оружія надъ русскими при Оршѣ. Все это была условная поэзія, и темы тѣ же самыя, что у Кржицкаго. Съ 1515 г., когда Дантышекъ сопровождалъ короля на Вѣнскій конгрессъ, начинается его многолѣтняя дипломатическая служба за границей. Онъ остается въ качествѣ королевскаго резидента въ Вѣнѣ и участвуетъ въ переговорахъ по поводу новой женитьбы короля. Одновременно съ этимъ онъ пишетъ поэмы на важнѣйшія современныя событія: въ 1515 г. „*Gongressus trium regum*“, въ 1515 и 1516 г. на побѣды короля. Онъ пріобрѣтаетъ такую симпатію при императорскомъ дворѣ и такую славу поэта, что передъ отъѣздомъ изъ Вѣны (весной 1517 г.) получаетъ отъ императора высшую поэтическую награду, лавровый вѣнокъ, и болѣе существенную награду: пожалованіе титула доктора обоихъ правъ. Послѣ этого почти

каждый годъ Дантышекъ долженъ былъ ѣздить за границу по разнымъ важнымъ дѣламъ. Король Сигизмундъ не перестаетъ, въ свою очередь, заботиться о немъ: такъ, въ 1523 году онъ хлопочеть о предоставленіи поэту доходовъ съ одного изъ приходовъ въ его родномъ городѣ Данцигѣ, при чемъ называетъ его своимъ секретаремъ, возлюбленнымъ и вѣрнымъ, многозаслуженнымъ человѣкомъ (Wierzbowski. Mater. I. 34). Въ 1524 г. Дантышку пришлось на много лѣтъ покинуть родину, такъ какъ ему было поручено принять во владѣніе герцогство Бари, составлявшее приданое королевы Боны. Этотъ актъ былъ связанъ съ чрезвычайно сложными и запутанными юридическими вопросами, и только въ 1527 г. поэту удалось добиться желаемого. Но оставались и другія дѣла, которыя требовали то поѣздки въ Испанію, ко двору императора, то посольства въ Италію. Въ свитѣ императора Карла V, который оказывалъ Дантышку совершенно исключительное вниманіе, онъ именно и ѣздилъ въ Италію въ 1528 и 1529 годахъ. Императоръ пожаловалъ въ концѣ 1528 года дворянское достоинство, а въ 1529 году въ честь поэта была выбита медаль. Дантышекъ имѣлъ право обратиться къ своему новопожалованному гербу со словами: „То, что достается отъ предковъ прекрасно, но еще прекраснѣе все то, чего сама собой добивается добродѣтель“. ¹⁾ До 1532 года Дантышекъ не могъ вернуться въ Польшу. Заграницей онъ имѣлъ возможность близко сходить съ литературными и учеными знаменитостями своего времени, хорошо узнать заграничную жизнь и пользоваться ея прелестями и удобствами. Повидимому, онъ пережилъ и не мало любовныхъ исторій. Такъ, сохранилось его любовное посланіе „къ Гринеѣ“, въ которомъ поэтъ весьма откровенно рассказываетъ о своихъ любовныхъ приключеніяхъ, съ той интимностью, которая вообще составляла одну изъ особенностей гуманистической поэзіи. Это, дѣйствительно, то изящное, новое пониманіе любви, которое внесли въ польскую жизнь новыя гуманистическія вліянія, и которое достигло такого яркаго и эстетическаго выраженія уже у второго поколѣнія польскихъ гуманистическихъ поэтовъ (особ., у Кохановскаго). Но время шло, приближалась старость, и Дантышка сильно тянуло

¹⁾ *Hanc nigram niveamque mihi Iovis alitis alam
Pro meritis Caesar nobile stemma dedit.
Quod datur ex atavis, clarum est; sed clarius omne,
Quod per se virtus propria ferre solet.*

домой, и онъ уже давно хлопоталъ о какомъ-нибудь выгодномъ мѣстѣ на родинѣ. Такимъ могло быть лишь епископство, но Дантышекъ еще не имѣлъ посвященія. Въ 1530 г. онъ былъ избранъ епископомъ Хелминскимъ, быть можетъ, тогда же былъ посвященъ въ священство, и съ 1532 г. сдѣлался уже фактически епископомъ. Онъ смотрѣлъ на свои обязанности серьезно и, оставивъ свѣтскія развлечения, посвятилъ себя Богу. „Я все отдалъ великому Богу и посвятилъ себя дѣламъ священнымъ, перемѣнивъ прежній образъ жизни,“ ¹⁾ говоритъ онъ въ одномъ стихотвореніи, относящемся къ этому періоду его жизни. Его литературная дѣятельность обращается къ предметамъ важнымъ и серьезнымъ. Спокойствія, однако, Дантышекъ не имѣлъ и здѣсь: около 1534 г. произошелъ рѣзкій конфликтъ между епископомъ Хелминскимъ и королевскимъ подскарбіемъ, который на собраніи прусскихъ сословій оскорбилъ Дантышека. Архіепископъ Гнѣзненскій занялъ также положеніе, враждебное этому послѣднему, и ссора такъ обострилась, что Дантышекъ собирался отказаться отъ подчиненія примасу и перейти подъ власть рижскаго архіепископа. Самому королю пришлось уговаривать Дантышека; вмѣшался и Томицкій, которому удалось уладить отношенія. Въ 1537 г. поэтъ получилъ должность епископа Варминскаго, въ которой онъ оставался до самой своей смерти (1548), занимаясь литературой и уже стоя въ сторонѣ отъ политической жизни. Только къ одному незначительному дипломатическому порученію, относившемуся къ бракосочетанію молодого короля Сигизмунда Августа, его привлекли за десять лѣтъ до смерти.

Кржицкій обладалъ гораздо болѣе живымъ темпераментомъ, чѣмъ Дантышекъ, и болѣе нуждался въ поэтическомъ выраженіи своихъ мыслей и настроеній, чѣмъ этотъ послѣдній. Писалъ Дантышекъ гораздо меньше, и его литературная популярность среди современниковъ не была такъ велика. Онъ не спѣшилъ печатать свои произведенія, не собиралъ ихъ и, вообще, не дѣлалъ съ ихъ помощью карьеры. Его „*Epithalamium*“ гораздо менѣе искусно, чѣмъ такое же произведеніе Кржицкаго, и не обнаруживаетъ въ авторѣ большой глубины классическаго образованія. Вотъ начало этой оды. „Счастливыи Гименей, ликуя, примчался къ сѣвернымъ берегамъ, воздухъ звенить, трубы гремятъ, часто бьютъ въ барабаны, веселые звуки трубъ до-

¹⁾ *Magno Deo totum dedidi sacrisque dicavi
Commotans vitae quod fuit genus.*

летаютъ до звѣздъ (*letus clangor ferit astra tubarum*, почти тоже у Кржицкаго), флейта переливается, звучно гудятъ кларнеты, звенятъ струны цитры, дрожить мелодія лютни. Когорта героевъ, сановниковъ, хламидоносцевъ, отряды всадниковъ и пѣхотинцевъ просятъ тебя, славный король Сигизмундъ, чтобы ты съ привѣтливымъ лицомъ раскрылъ двери; по счастливому рѣшенію боговъ, къ тебѣ грядетъ отъ паннонскихъ береговъ прекраснѣйшая невѣста. Раскрой же двери, встрѣть съ радостными огнями ея приходи, скорѣе заключи счастливые супружескіе узы и сдѣлай королеву сообладательницей священной діадемы королевства: достойная супруга короля достойна рождать королей. Какъ ни много дѣвицъ во всемъ мірѣ, она единственная, которую верховные (боги) нарекли твоей супругой и отдали тебѣ. Между тѣмъ, пока совершается церемоніаль, пока происходитъ бракосочетаніе, и золотая корона возлагается на золотистые волосы, скажи намъ, Эрато, что за причина была счастливаго брака, и расскажи намъ, сладкогласная, о появленіи въ мірѣ любви“. Начинается скучный разговоръ о разныхъ любовныхъ мифологическихъ исторіяхъ древности, который переходитъ въ прославленіе польскихъ королей. Ни тѣни поэзіи или даже поэтическаго вкуса нельзя найти въ этомъ сухомъ и дѣловомъ „Эпиталаміи“. Кржицкій придумалъ изящный рефренъ; онъ нѣсколько замаскировалъ реализмъ своихъ восхваленій, тогда какъ для Дантышка вся исторія брака сводится къ „рожденію королей“. Это еще не умѣлая поэзія, и не даромъ поэтъ извиняется: „Не принимай, славный король, эти неискусныя попытки твоего писца съ серьезнымъ лицомъ“. ¹⁾

Къ другому періоду въ поэтической дѣятельности Дантышка относятся стихи, написанные въ лучшую пору его жизни, въ періодъ расцвѣта его дѣятельности за границей (1515—32). По содержанію, это по преимуществу произведенія, имѣющія отношеніе къ политической дѣятельности поэта. „Взгляды его шире, возвышеннѣе, они поднимаются надъ уровнемъ минуты; кругъ мыслей обширнѣе; что касается формы, то стихи текутъ гладко и плавно, картины болѣе свободны отъ преувеличенія, размѣръ примѣняется уже съ большимъ искусствомъ, все до-

¹⁾ Вотъ образчикъ стиха Дантышка:

*Arctos strepuit felix Hymeneus ad oras,
Aera sonant, litui strident, et tympana crebro
Pulsant, letus clangor ferit astra tubarum,
Tibia dat modulos, flatus Syringa sonores,
Tangunt citharae, resonantia plectra moventur.*

казываетъ, что талантъ поэта значительно развился и созрѣлъ“ (Pilatus). Къ этому періоду относятся *Congressus trium regum* (1515), *De clade Moschorum* (1515), *De professione Sigismundi I in Hungariam* (1516), а также написанное въ 1529 году большое стихотворное разсужденіе *De postrogu temporum calamitatibus*, которое было напечатано въ Болоніи въ 1530 г. и содержитъ призывъ Европы къ крестовому походу противъ турокъ.

Поводомъ къ сочиненію этого стихотворенія, какъ писалъ самъ Дантышекъ королю 21 декабря 1529 г. (*Tomiciana*. XI. 331—334. *Celichowski*. 3—4), было неудовольствіе противъ Сигизмунда, господствовавшее въ Вѣнѣ. Королю ставили въ вину, что онъ не достаточно энергично поддерживалъ Габсбурговъ въ ихъ борьбѣ съ венгерскими магнатами, руководимыми Запольей, и поэту приходилось доказывать, что европейскіе государи должны сплотиться для того, чтобы отразить общихъ враговъ, „москвитовъ“ и турокъ. „Вась, о Климентъ и Карлъ, два первыя свѣтила, которымъ повинуется весь міръ, вась я умоляю. Да будетъ мнѣ позволено сообщить вамъ то немногое, что приказываетъ сказать во имя нашего дѣла самое время. Если бы даже я молчалъ, самое дѣло, доведенное до такого ужаснаго состоянія, не стало бы молчать: повсюду гибнуть стадо и овечки Христовы.“ Въ весьма серьезномъ и дѣловомъ тонѣ поэтъ излагаетъ въ гекзаметрахъ свою политическую теорію. На призывъ папы откликнутся многіе народы, которые перечисляются Дантышекомъ съ точностью политическаго мыслителя, взвѣшивающаго шансы войны. „Поспѣшатъ и несокрушимые сердцемъ Чехи, и народы, которые занимаютъ сосѣдскія царства. Не заставитъ себя ждать и воинственный сарматъ (полякъ), и суровый аланъ, и литовець, сражающійся на легкихъ коняхъ. Уже столько разъ они вступали въ рукопашный бой съ москами, съ даками и скиѣами, а также и съ турками.“ Въ угоду гуманисту, какъ видимъ, авторъ не щадилъ классическихъ воспоминаній и старой географической номенклатуры, но, вообще, въ этомъ произведеніи поэзія заключается въ серьезномъ, приподнятомъ настроеніи, а не во внѣшнихъ прикрасахъ.

По оцѣнкѣ проф. Пилата, „возвышенное содержаніе, касающееся важнѣйшихъ политическихъ задачъ этого времени, очень хорошая и изящная форма придаютъ не мало значенія этому произведенію. Съ другой же стороны слѣдуетъ

признать, что въ немъ больше реторики и полемическаго краснорѣчія, чѣмъ истинной поэзіи и вдохновенія. Въ свое время оно произвело огромное впечатлѣніе, и въ послѣдующіе годы его нѣсколько разъ перепечатавали (въ Краковѣ, въ Кельнѣ)⁴. Кромѣ этихъ крупныхъ произведеній, Дантышекъ, какъ я уже упомянулъ, издалъ нѣсколько мелкихъ: посланіе къ своей возлюбленной, проникнутое теплымъ чувствомъ: *Ad Grineam*, два посланія къ извѣстному и въ русской исторіи нѣмецкому дипломату С. Герберштейну. Со времени отказа отъ свѣтской жизни дипломата и королевскаго приближеннаго поэтъ все болѣе углублялся въ религіозные вопросы, такъ какъ въ это время весь католическій Западъ переживалъ эпоху религіозныхъ бурь. Къ этой эпохѣ относятся два его произведенія: посланіе къ одному юношѣ (Кнобельсдорфу, въ латинизированной формѣ *Alliopagos*), котораго Дантышекъ послалъ на собственный счетъ учиться за границу, и грозное посланіе къ жителямъ Данцига, которые впали въ лютеранскую ересь. Въ первомъ изъ этихъ стихотвореній, отличающемся простотой и искренностью, поэтъ въ предостереженіе молодежи („*Carmen paeaegeticum juvenibus huius temporis pop inutile*“, *Cracoviae*. 1539) рассказываетъ о собственныхъ ошибкахъ и увлеченіяхъ, во второмъ („*Jonas propheta*“) онъ, какъ пророкъ Іона, призываетъ грѣшный городъ къ покаянію. По приказанію Божію, онъ обращается къ грѣшникамъ, напоминая имъ, что собственные грѣхи разрушаютъ городъ, если они не раскаются. Три грѣха грозятъ городу гибелью: это безбожіе, гордость и безстыдство. Безбожіе—это религіозныя новости, отравленные ядомъ. „Отвергни ихъ, вернись къ вѣрѣ отцовъ“, умоляетъ городъ Данцигъ поэтъ. Второй грѣхъ это чванство своимъ богатствомъ, пышность въ жизни, роскошь въ одеждахъ: лучше украситься скромностью и стыдливостью, нежели драгоценными нарядами. Современные женскіе костюмы удручаютъ Дантышека: женщины и дѣвушки обнажаютъ шею, грудь и плечи, надѣваютъ букли изъ чужихъ волосъ; жемчуга, золотыя цѣпи, атласъ составляютъ ихъ наряды. Отъ всего этого надо отказаться и надѣть шерстяныя платья, въ которыя одѣвались предки. Отъ общихъ наставленій и упрековъ поэтъ переходитъ къ предостереженіямъ: Богъ уже трижды наказалъ городъ разными несчастіями, моровой язвой, страшными пожарами, наводненіемъ. Безумцы думаютъ, что иныхъ каръ уже не найдется у Бога. Но развѣ не можетъ наступить землетрясеніе,

отъ котораго рухнуть на землю стѣны, запятнанныя преступленіемъ? Развѣ не можетъ война уничтожить всю морскую торговлю, задержать хлѣбную торговлю, которая совершается по Вислѣ? Быть можетъ, Богъ, для котораго нѣтъ ничего труднаго, пошлетъ дикихъ звѣрей пожрать дѣтей! Явятся волки, тигры, леопарды, медвѣди и львы африканскіе, драконъ заляжетъ подъ стѣнами города... И не помогутъ тогда ни башни, ни укрѣпленія; пустота и нищета воцарятся въ разрушенномъ городѣ. Такъ погибла и Ниневія!

Въ изложенномъ стихотвореніи Дантышка поразительны горячность чувства, отсутствіе обычныхъ гуманистическихъ прикрасъ и та простота, которая присуща истинной поэзіи. Поэтъ все больше обращался къ религіозной лирикѣ, куда влекъ его и самый санъ. Въ 1548 году вышелъ его послѣдній трудъ „*Hymni aliquot ecclesiastici ad imitationem Prudentii*“ Стас. 1548. Этотъ сборникъ содержитъ въ себѣ около 30 религіозныхъ гимновъ, написанныхъ по большей части римованными четверостишіями и обращенныхъ къ І. Христу, св. Троицѣ и т. д. Достоинства этихъ гимновъ составляютъ ихъ живая религіозность и простота слога, но въ нихъ мало непосредственности. Во всякомъ случаѣ, оба поэта эпохи Сигизмунда I, Дантышекъ и Кржицкій, сдѣлали латинскую поэзію въ Польшѣ такимъ яркимъ отраженіемъ дѣйствительности, что для общества это была уже не мертвая поэзія, но своя родная. Достаточно просмотрѣть огромные томы изданія „*Acta Tomiciana*“, чтобы увидѣть здѣсь, на сколько уже завоевала себѣ права гражданства латинская проза въ Польшѣ этой эпохи, какъ легко и много писали по латински люди разнаго положенія.

Высшаго своего расцвѣта латинская поэзія въ эпоху польскаго гуманизма достигла въ лицѣ молодого, рано умершаго поэта *Клемента Яницкаго*, ¹⁾ который принадлежалъ уже къ поколѣнію, выросшему на гуманистической поэзіи. Онъ родился 17 ноября 1516 г. въ деревнѣ Янушково, лежащей въ 5 километрахъ отъ Жнина (въ Познани). Отецъ

¹⁾ Новаго изданія сочиненій Яницкаго до нынѣ нѣтъ. Старое, составленное Яковомъ Беме (какъ и изданіе Дантышка) вышло въ Лейпцигѣ въ 1754 г. Этотъ пробѣлъ пополняется монографіей Л. Цвиклинскаго „*Klemens Janicki, poeta uwieńczony*“ (Rozprawy, filol., т. XVII и отд. 1893) и появившимися послѣ его изслѣдованія матеріалами: *L. Cwikliński. Dwa drobne wiersze K. Janickiego. Eos. 1900. K. Miaskowski. Dyplom promocyi Kł. Janickiego na doktora filozofii i poety uwieńczonego. Pamięt. Liter. 1907.* Много очень важнаго матеріала въ названномъ выше сборникѣ проф. Вержбовскаго. См. также *L. Windakiewicz. Siedm dokumentów do życia Janickiego. Archiwum do dz. Lit. i ośw. 1892, t. VII.*

его, простой крестьянинъ, былъ очень доволенъ рожденіемъ сына, такъ какъ за годъ передъ тѣмъ всѣ его дѣти умерли отъ морового повѣтрія. Кромѣ него, и послѣ него въ этой семьѣ родился еще одинъ мальчикъ, который умеръ за годъ передъ поэтомъ. Объ отцѣ своемъ Яницкій выражается постоянно съ горячимъ чувствомъ, называя его „человѣкомъ хорошимъ, честнымъ труженникомъ, жившимъ въ бѣдности“ (*vir bonus et modicus inter honestus opes*), но вмѣстѣ съ тѣмъ „темнымъ земледѣльцемъ“ (*agricola obscurus*). Какъ рассказываетъ самъ поэтъ, щедрый на автобіографическія подробности, отецъ, который слишкомъ его баловалъ (*me nimis indulgenter habebat*), не хотѣлъ, чтобы онъ жилъ такъ же тяжело, не хотѣлъ, чтобы его нѣжная рука загрубѣла на плугѣ, и чтобы лѣтній зной опалилъ его щеки. Пяти лѣтъ его отдали въ ученіе, въ сосѣдній Жнинь. „Что я усвоилъ первую дѣтскую науку отъ твоихъ непритязательныхъ учителей, о Жнинь, всѣмъ этимъ я обязанъ твоимъ гражданамъ“: говоритъ поэтъ. Нѣсколько времени спустя онъ поступилъ въ познанскую гимназію, которую епископъ Любранскій основалъ въ 1517 году. Здѣсь онъ попалъ въ руки очень свѣдущаго учителя, который съ любовью толковалъ дѣтямъ, „что имѣетъ Лаціумъ, что имѣетъ Греція“ (*quidquid habet Latium, Graecia habet*). „Здѣсь я впервые услышалъ безсмертное имя великаго Марона, услышалъ и твое имя, о блаженный Назонъ; услышалъ, началъ чтить и узналъ, что послѣ боговъ земля не имѣетъ ничего высшаго, чѣмъ поэты... (Фебъ) позвалъ меня, я приблизился, взялъ цитру, которую самъ богъ протянулъ мнѣ своей десницей“. Талантъ Яницкаго былъ оцѣненъ скоро: уже въ 1532 г., когда ему не было еще 16 лѣтъ, онъ долженъ былъ сочинить похвальные стихи въ честь основателя школы, „*et plasci vulgo*“ (и я всѣмъ понравился), кратко прибавляетъ Яницкій. „Съ этого времени я сталъ считаться первымъ между ровесниками и сталъ дороже моему учителю“. На талантливаго юношу обратилъ свое вниманіе архіепископъ—гуманистъ Андрей Кржицкій. Въ началѣ мая 1536 г. произошло знакомство двухъ поэтовъ. Кржицкій, недавно назначенный архіепископомъ Гнѣзненскимъ, объѣзжалъ свою епархію. Среди канониковъ гнѣзненскаго капитула Яницкій имѣлъ нѣсколько расположенныхъ къ нему людей, въ томъ числѣ С. Килевскаго, съ которымъ онъ впослѣдствіи переписывается. Быть можетъ, именно эти люди рекомендовали Кржицкому молодого поэта,

который вскорѣ уже оказался въ числѣ ближайшихъ къ архіепископу людей. Яницкій не остался въ долгу за покровительство и сталъ восхвалять своего покровителя въ стихахъ, въ которыхъ не удержался отъ чрезмѣрной лести, впрочемъ, весьма обычной въ ту эпоху панегириковъ. Злоупотребляя мифологическими оборотами, поэтъ сравниваетъ архіепископа съ Зевсомъ, съ Гомеромъ, Виргилиемъ, Геродотомъ и Ливиемъ. Осенью 1536 г. Кржицкій сильно заболѣлъ. „Изъ за тебя нашъ дворъ перемѣнилъ свой обычный видъ“, пишетъ Яницкій въ одной изъ элегій. „Гдѣ теперь прежняя радость и забавы? Гдѣ любовныя утѣхи (*et illae quo Veneres*), гдѣ игры, пиры, музыка и шутки? Повсюду встрѣчаешь лица, на которыхъ написаны печаль и скорбь; тревога и страхъ господствуютъ повсюду“. На этотъ разъ больной оправился и въ концѣ 1536 г. поѣхалъ въ Краковъ. Яницкій былъ съ нимъ и, пользуясь его протекціей, приобрѣлъ здѣсь много нужныхъ знакомствъ. Въ его сочиненіяхъ остались свидѣтельства объ этихъ послѣднихъ. 10 мая 1537 г. Кржицкій умеръ. Яницкій горько скорбѣлъ по поводу тяжелой утраты, давъ выраженіе своему чувству въ нѣсколькихъ элегіяхъ. Въ одной изъ нихъ государство спорить съ могилой. „И такъ, ты скроешь Кржицкаго? Плачъ народа тебя не удержитъ? Не удержать и наши рыданья, и слезы?“ спрашиваетъ государство, но могила отвѣчаетъ кратко: „да, я скрою Кржицкаго“. Тогда опять спрашиваетъ государство: „Почему такъ свирѣпа твоя власть?“ А смерть замѣчаетъ, что она едва-едва щадитъ и верховныхъ боговъ. Въ дальнѣйшемъ спорѣ смерть удивляется, чѣмъ же былъ покойникъ: „*Num Jovis ille fuit*“. Больше, чѣмъ Зевсъ, или же другой Зевсъ, увѣряетъ *Respublica*. Наконецъ смерть обрываетъ репликой. „Зачѣмъ тебѣ жалобиться напрасно? Я недоступна никакимъ праведнымъ чувствамъ (*nulla pietate movebor*). Безжалостныя объятія судьба дала могиламъ“. Государство заканчиваетъ слѣдующей тирадой: „Это ничего, хотя это и очень много. Ты пожрешь члены, о злая могила, но переживетъ слава Кржицкаго. Ты будешь уже насчитывать великіе годы, а онъ и мертвый будетъ жить всегда, до дня вѣчности. Но васъ Парки, которыя все можете, я проклиная: пусть ни одна жертва не достанется вамъ. Такъ скоро ваша жестокость отдала смерти того, кого могъ бы пощадить, замкнувъ свою пасть, самъ Церберъ. Прощай же на вѣки. Въ жизни своей я не увижу никого выше тебя и съ великой любовью я буду чтить тебя всегда“.

И въ другихъ элегіяхъ поэтъ далъ выраженіе своему скорбному чувству. Преобладаютъ и здѣсь тѣ же личные тоны и то же чрезмѣрное восхваленіе Кржицкаго, котораго поэтъ безъ дальнихъ разговоровъ сопоставляетъ съ Юпитеромъ. „Какъ блаженъ тотъ день, который далъ матери и Сармагіи Кржицкаго, въ которомъ родилась честь и слава нашимъ дѣламъ, защита государству, защита и мнѣ. Этотъ день болѣе достоинъ празднованія, чѣмъ тотъ, въ который впервые увидѣлъ свѣтъ въ твоихъ, о Критъ, пещерахъ маленькій Юпитеръ“ и т. д. Яницкій точно предчувствовалъ, что со смертью архіепископа кончается счастливая пора его молодости. Поэтъ долженъ былъ найти себѣ новаго покровителя, и нашелъ такового въ лицѣ богатаго магната Петра Кмиты, который уже 26 мая 1537 г. называетъ Яницкаго въ одномъ изъ своихъ писемъ „servitor meus“. Какъ видно изъ откровеннаго признанія этого послѣдняго въ письмѣ къ канонику Килѣвскому, Яницкій съ нѣкоторой тревогой смотрѣлъ въ будущее. И въ поэтической перепискѣ его съ Андреемъ Кромеромъ обнаруживается та же неувѣренность въ будущемъ. Напекая на гербы Кржицкаго (красное поле на бѣломъ щитѣ) и Кмиты (бѣлая рѣка на красномъ полѣ), поэтъ прибавлялъ: „То, что мнѣ давала жатва на полѣ, теперь я ищу въ волнахъ, и я найду это, если ко мнѣ будетъ благосклоненъ господинъ рѣки“. Эти отношенія не были такъ близки и сердечны, какъ съ Кржицкимъ, и хотя Яницкій, пользуясь помощью воеводы, могъ жить въ Италіи, однако онъ съ тревогой думалъ о своей будущей судьбѣ. Люди, окружавшіе Кмиту, политиканы и любители интриги, не могли ему быть близки. Кмита находился постоянно въ движеніи, въ переѣздахъ. Таковую же жизнь пришлось вести теперь и Яницкому, человѣку слабому и болѣзненному. Политическія отношенія, среди которыхъ ему пришлось вращаться, были очень сложны: Кржицкій былъ сторонникомъ сильной королевской власти, Кмита сторонникомъ шляхетскихъ свободъ и „Кокошьей войны“. Яницкій долженъ былъ приспособиться къ новымъ для него взглядамъ, и уже въ 1538 г. выступаетъ съ произведеніями „Querela Reipublicae“ и „Ad Polonos proceres (Къ польскимъ вельможамъ)“, въ которыхъ онъ является горячимъ защитникомъ шляхетскаго патріотизма. „О моя шляхта, взываетъ государство. — Что, кромѣ тебя, я могу назвать по истинѣ своимъ въ этой бѣдѣ? Только ты одна еще думаешь о моемъ спасеніи. Едва-ли, однако, ты уже

сможешь помочь мнѣ 1)“. Дѣйствительно, вѣдь „свобода находится въ угнетеніи, — свобода, которой твои отцы добились своей кровью и геройством“. Ударъ нанесли государству не враги, но тѣ, которые стали на верхнихъ ступеняхъ государственной службы. Есть однако король, „лучше и добрѣе котораго нѣтъ ничего на свѣтѣ“, и около него нѣсколько вельможъ: на нихъ-то и на шляхту возлагаетъ всѣ свои надежды удрученное королевство. Вину за неудачу похода 1537 г., который закончился такимъ позорнымъ бунтомъ шляхты, Яницкій согласно съ другими мыслителями того же лагеря сваливаетъ теперъ на магнатовъ. Между стихотвореніемъ Яницкаго и рѣчами, которыя произносилъ на этомъ сеймѣ Кмита, существуетъ близкое идейное сходство: Яницкій развивалъ въ своихъ стихахъ то, что было угодно его патрону. Онъ шелъ даже на личный рискъ, потому что рѣзкія выходки противъ сенаторовъ должны были возстановить противъ него этихъ послѣднихъ, а онѣ, конечно, стали имъ извѣстны, потому что для этого и были писаны (Cwikliński 50). Такимъ образомъ, Яницкій связывалъ свою судьбу съ добрымъ къ нему расположеніемъ гордаго краковскаго воеводы, и отъ него только могъ ждать лучшаго будущаго. „Я мягкій воскъ — писалъ поэтъ, обращаясь къ Кмитѣ — я могу принять, какъ воскъ, любую форму: я буду тѣмъ, что захочетъ сдѣлать изъ меня рука художника“. Но тянуло его не къ пестрой и шумной политической дѣятельности, не къ карьерѣ Кржицкихъ и Томицкихъ, а къ наукѣ и поэзіи. „Сдѣлать такъ, чтобы гусь превратился въ лебедя“ (et facere, ut fiat, qui fuit anser, olor) — было его завѣтной мечтой, а для этого нужно было ѣхать за границу. И вотъ въ октябрѣ 1537 г. Яницкій обращается къ Кмитѣ съ элегіей, въ которой проситъ его дать средства на заграничную поѣздку, обѣщая потомъ прославить его. Въ началѣ 1538 г. Яницкій уже ѣдетъ въ Италію, въ Падую, желая поучиться у извѣстнаго итальянскаго гуманиста, Лазаря Бонамико. Поэтъ записался въ число студентовъ Universitas artificum et medicorum, гдѣ училось въ эти годы не мало поляковъ. Яницкій сблизился и съ Бонамикомъ, и съ другими итальянскими учеными и выдающимися людьми; онъ поддерживалъ близкія дружескія отношенія также съ товарищами-поляками и чув-

1) Omea nobilitas! — Nam quid te praeter in istis
Aerumnis possum iure vocare meum?
Sola meae superes cupida et studiosa salutis,
Vix tamen auxilio iam potes esse mihi.

ствовавь себя счастливымъ. „Съ тѣхъ поръ, какъ я въ Падуѣ— писалъ онъ въ элегіи, посвященной кардиналу Бембо,—мнѣ кажется, что я на небесахъ, и я говорю: нѣтъ, я слишкомъ, слишкомъ счастливъ; долго-ли еще судьба будетъ ко мнѣ такъ милостива“? За счастье приходилось платить: паны, которые послали поэта на свой счетъ въ Италію, требовали за это вознагражденія въ видѣ похвальныхъ одъ, и Яницкій уже въ 1538 г. пишетъ нѣсколько посланій вельможамъ. Трудно было ладить съ Кмитой, у котораго противъ Яницкаго интриговалъ ловкій и пронырливый Станиславъ Оржеховскій. Приходилось обѣщать Кмитѣ воспѣть въ будущемъ его родъ и заслуги. „Если потомство не презреть моихъ сочиненій, моя первая забота будетъ писать ихъ о тебѣ“. Но пока въ его поэзіи звучали инья, не панегирическія ноты: Яницкій пишетъ стихи съ похвалою философіи; одному изъ своихъ покровителей, Стан. Спровскому, отправляетъ посланіе, исполненное патріотическаго возмущенія по поводу позорнаго договора съ волохами. Въ письмѣ же къ Килевскому (Wierzbowski I. 78) онъ мечтаетъ о томъ, что Польша процвѣтетъ науками и не уступитъ въ этомъ отношеніи никому. Финансовое положеніе бѣднаго поэта было тяжело, а вскорѣ онъ еще и заболѣлъ. Въ началѣ іюля 1539 г. онъ занемогъ „тяжкой лихорадкой“ (*gravi febre quartana*), и до самаго конца года онъ не могъ поправиться. Потомъ начались другія болѣзни, которыя надолго приковали поэта къ постели. Безъ денегъ, вдали отъ родины поэтъ почувствовалъ себя очень несчастнымъ. Онъ обратился съ горячей мольбой къ Божьей Матери въ элегіи, которая принадлежитъ къ числу лучшихъ произведеній Яницкаго. Вѣрующій поэтъ сравниваетъ себя со старикомъ нищимъ, который дрожащей рукой выпрашиваетъ мѣдную монету и при этомъ поетъ; такъ и онъ взываетъ въ своей пѣснѣ къ Божьей благодати, такъ какъ человѣческое искусство безсильно помочь ему. Но тутъ же выступаютъ классическія воспоминанія: поэтъ сравниваетъ себя съ Прометеемъ, котораго терзалъ коршунъ. Тотъ былъ счастливѣе: птицу можно было отогнать, болѣзни же не отгонишь. Борьба науки съ болѣзью окончилась побѣдой послѣдней. Такъ было угодно Всевышнему, который караетъ справедливо. Поэтъ не ропщетъ, онъ смиренно принимаетъ Божью волю и молить объ одномъ, чтобы Господь не отвергъ его. Да и стоитъ-ли бояться смерти? Вѣдь смерть унесетъ духъ въ небесныя страны, раскроетъ передъ нимъ то, чего не понять человѣческому уму. „И ты, Царица, позовешь меня и

велишь мнѣ сѣсть у твоихъ стопъ. Развѣ я могу сомнѣваться въ этомъ? Вѣдь и въ омутѣ жизни ты всегда стоишь около меня!". Съ такой интимностью истиннаго чувства Яницкій говорилъ о Богѣ и о смерти въ тотъ мигъ, когда передъ нимъ вставалъ уже совсѣмъ реально образъ близкаго конца. На нѣкоторое время Яницкій поправился. Добытые Бонамико хорошіе врачи поставили его весной 1540 года на ноги, и поэтъ посвятилъ одному изъ нихъ, Монтанусу, элегію, въ которой рисуетъ симпатичный образъ скромнаго и внимательнаго доктора. Врачи совѣтовали Яницкому ѣхать домой, такъ какъ возвращеніе въ родной климатъ могло оказать цѣлебное дѣйствіе на его истощенный организмъ. Для этого нужны были деньги. Его учитель Бонамико, который постоянно поддерживалъ молодого поэта, собралъ и на этотъ разъ необходимыя для него средства и оказалъ ему еще болѣе важную услугу. Съ его помощью Яницкій получилъ и степень доктора, и поэтической лавръ. Въ документѣ, выданномъ ему 22 іюля 1540 г., было сказано, между прочимъ, слѣдующее: „*Sic itaque cum summa laude et honore plurimo praefatus eximius D. Clemens Janitius ad apicem doctoratus artium et philosophiae ascendit Apollineamque lauream asserpit* ¹⁾“. Кажется, не безъ горечи Яницкій принялъ эту почесть. „Не сможетъ лавръ, который я первый принесъ на сѣверъ, жить въ такомъ нашемъ холодѣ: нагъ онъ, и нѣженъ, и слабъ силами“, жалуется онъ въ грустной эпитаграммѣ, посвященной Кмитѣ. Путешествіе на родину досталось поэту не легко. Особенно тяжела была переправа черезъ Альпы и поѣздка по Штирії, гдѣ населеніе отнеслось къ нему враждебно, и гдѣ поэтъ съ трудомъ добывалъ себѣ пропитаніе. Немножко отдохнулъ онъ въ Вѣнѣ, гдѣ нашелъ пріютъ у какого то богатаго человѣка (*pauper divitis hospes eram*). Изъ Вѣны черезъ Моравію, совершивъ „долгій путь“ (*longum iter*), Яницкій добрался наконецъ до Кракова. На родной землѣ онъ, дѣйствительно, почувствовалъ себя лучше, хотя онъ вернулся въ Польшу уже осенью 1540 года. Въ декабрѣ того же года его имя встрѣчается въ документѣ, заключающемъ въ себѣ обмѣнъ съ каноникомъ Гондковскимъ приходами. До 7 дек. 1540 г. поэтъ, который названъ здѣсь „докторомъ обоихъ правъ, достопочтеннымъ господиномъ Клементомъ Яницкимъ“, владѣлъ приходомъ Конюшей подъ Прошовицами, будучи

¹⁾ „Такимъ образомъ названный г. Клементъ Яницкій съ великой славой и честью достигъ докторства искусствъ и философіи и получилъ Аполлоновъ лавръ“.

еще не священникомъ, но „cleribus in minoribus ordinibus constitutus.“ Теперь же онъ получалъ въ результатъ мѣны приходъ Голлашово подь Олькушемъ. По какой-то причинѣ въ это время наступаетъ охлажденіе въ отношеніяхъ Яницкаго и Кмиты, къ которому поэтъ обращается съ нѣсколькими письмами, содержащими намеки на его трудное матеріальное положеніе. Когда Кмита вернулся изъ своего похода на татаръ, поэтъ обратился къ нему съ элегіей, въ которой писалъ слѣдующее: „Кмита, ты возвращаешься для другихъ, а не для меня; ты присутствуешь для всѣхъ, а для меня отсутствуешь; тѣломъ близокъ, а душою далекъ; вижу, что ты гнѣваешься на меня, но не знаю, кто далъ поводъ и основаніе для такого несчастья. Быть можетъ, я въ чемъ-нибудь провинился, но ты, который такъ часто прощаешь величайшія преступленія многимъ другимъ, пощади меня“ ¹⁾ и т. д. Изъ за чего Яницкій впалъ въ немилость, мы не знаемъ: быть можетъ, тотъ же Оржеховскій продолжалъ интриговать противъ поэта. Здоровье этого послѣдняго не поправлялось. Во второй половинѣ 1541 года ему было уже такъ худо, что онъ опасался, не „приближаетъ-ли его водянка (hydrops) къ водамъ Леты“, и продиктовалъ свою стихотворную автобіографію. Эта элегія, проникнутая удивительной для стариннаго поэта искренностью и интимностью настроенія, вводитъ насъ въ грустную и бѣдную жизнь Яницкаго, который испыталъ такъ много нужды и болѣзней. На этотъ разъ, однако, поэтъ опять оправился, и его литературное творчество становится особенно плодотворно. Своему другу и спасителю, врачу Антонину, родомъ венгерцу, онъ посвящаетъ длинную элегію по случаю взятія Будапешта султаномъ Солиманомъ; вскорѣ послѣ того, въ началѣ 1542 г., онъ пишетъ элегію на смерть польскаго делегата Иеронима Ласкаго, одного изъ сумбуриѣйшихъ людей своего времени. Политическія событія были настолько значительны, турецкая угроза такъ страшна, что и поэтъ личныхъ настроеній, какимъ былъ по преимуществу Яницкій, не могъ не отозваться на событія. И посланіе Антонину, и эпитафія Ласкаго исполнены тревоги. Еще ярче выразилъ ее Яницкій въ сатирическомъ „Разговорѣ о непостоянствѣ и

¹⁾ Cmita, venis aliis, mihi non; ades omnibus, absens
Es mihi; cum prope sis corpore, amore procul,
Offensum te cerno mihi, sed nescio, tanto
Qui dederit causam materiamque malo.
Deliqui fortasse aliquid; sed maxima multis
Qui donas totiens crimina, parce mihi.

разнообразіи модъ въ Польшѣ“, который появился въ печати уже много лѣтъ послѣ смерти поэта. Бесѣда ведется между основателемъ династіи, Ягеллой, одѣтымъ въ бараній козухъ, и шутомъ Сигизмунда Старого, Станиславомъ или Станчикомъ. Старый король, вернувшись въ Польшу, находитъ такую перемѣну въ одѣяніи войскъ, что не можетъ признать въ нихъ потомковъ тѣхъ, съ которыми онъ воевалъ когда-то. На воинахъ высокіе сапоги, обитые желѣзомъ, какіе-то странные головные уборы. Король удивляется, зачѣмъ имъ понадобилось самимъ себя связать, (*condoleo miseris, quod compede sponte ligerint ipsi se*), на что шутъ короля отвѣчаетъ: „они приучаются ходить въ узахъ“ (*adsuescunt vinculo posse pati*). При видѣ сенаторовъ король готовъ заплакать: они облеклись въ какія-то неприличныя коротенькія одежды. Станчикъ пробуетъ объяснить это къ выгодѣ сенаторовъ: „они обрѣзали свои одежды, чтобы показать толпѣ, что ради общественнаго блага они готовы урѣзать себя и лучше умрутъ и такъ же укоротятъ свою жизнь, какъ одежду, нежели сдѣлаютъ что-нибудь недостойное отечества, религіи, вѣры“. Но Ягелло все еще не удовлетворенъ и съ недоумѣніемъ показываетъ на золото, которымъ сверкаютъ вельможи. Шуту остается вмѣсто всякаго отвѣта поскорѣе убѣжать отъ вопроса короля. Съ горькой ироніей онъ предлагаетъ королю самому посмотреть на такихъ поляковъ, какіе есть теперь. При видѣ толпы Ягелло говоритъ: „Совсѣмъ чужда мнѣ эта толпа, оставь шутки. Пожалуйста, покажи мнѣ поскорѣе настоящихъ поляковъ“. Станчикъ обѣщаетъ показать ихъ, когда они воскреснутъ (*quando reviviscent*). „Я хочу сейчасъ“, настаиваетъ король. „Тогда и я покажу тебѣ такихъ, какіе есть“ : заключаетъ шутъ. Яницкій скорбѣлъ, что надвигающейся силѣ турокъ польская шляхта, король и сенатъ не противопоставляютъ никакого серьезнаго препятствія.

Въ личной жизни Яницкаго продолжалась та же полоса огорченій: умеръ его отецъ, не успѣвъ повидать сына послѣ его возвращенія изъ заграницы, весной 1542 г. неожиданно былъ убитъ его братъ. Поэта перестало тянуть на родину: „Зачѣмъ мнѣ видѣть тебя, Великопольша? Чѣмъ ты можешь привлечь меня къ себѣ теперь? Прощай же! Почти въ одно и то же время ты отняла у меня отца и брата, и только мать осталась для слезъ моихъ. Похорони и ее и сдѣлай такъ, чтобы не оставалось никого, кто сталъ бы плакать, когда я умру.“ ¹⁾ Яницкій взялъ мать къ себѣ, отчего его небожія

средства еще уменьшились. Жить было такъ трудно, что приходилось пускаться въ коммерческіе обороты, поэтъ отдаетъ въ аренду имущество, принадлежавшее его приходу, продаетъ его и т. д. Заказавъ не задолго до своей смерти новую одежду для себя и для матери, онъ оказался не въ состояніи расплатиться съ портнымъ. Вопросъ о сердечной жизни поэта остается открытымъ: правда, онъ упоминаетъ о Венерѣ, которая въ одинъ годъ трижды плѣнила его сердце, и о героинѣ своей любви, Эльзѣ (Elsula), но едва-ли возможно утверждать, что въ основѣ слишкомъ общихъ, слишкомъ поэтическихъ признаній въ любви лежало какое-нибудь реальное чувство. Смерть была уже такъ близко, что думать о любовныхъ заключеніяхъ едва-ли приходилось. И самъ поэтъ оправдывался, что онъ не былъ преданъ распущенности, что только „внѣшніе признаки“ вводили въ заблужденіе его хулителей. Но въ то же время хватало Яницкому душевной силы и для шуточныхъ стихотвореній и для эпиграммъ, при чемъ, какъ и все, что писалъ этотъ человекъ, шуточные вещи его полны вкуса и изящества. Той грубой скабрёзности, какую въ изобиліи расточалъ въ своихъ произведеніяхъ Кржицкій, не найти у Яницкаго: напротивъ, въ нихъ обнаруживается всегда высокій уровень художественнаго и этического развитія автора, который осмѣивалъ даже распространеннѣйшій порокъ своего времени, пьянство: „qui sapit, ergo bibe“.

Въ 1542 г. Яницкій издалъ поспѣшно сборникъ своихъ стихотвореній, заключающій элегіи и эпиграммы и посвященный одному изъ благороднѣйшихъ меценатовъ того времени, плочкому епископу Самуилу Мацеёвскому. „Такъ тебя ждётъ удача: повѣрь, что подъ защитой этого имени тебя встрѣтитъ великая любовь поляковъ“. Въ половинѣ 1542 г. вышелъ сборникъ: „Clementis Ianitii, Poetae Laureati, Tristium liber. I Variarum elegiarum liber I. Epigrammatum liber I“. Онъ не заключалъ въ себѣ всего, что написалъ Яницкій: стихотворенія политическаго содержанія по естественнымъ причинамъ не вошли въ него. Но тѣмъ болѣе цѣленъ по своему настроенію, тѣмъ болѣе цѣненъ былъ этотъ первый чисто-лирической сборникъ поль-

1) *Amplius ol cur te mea Magna Polonia visam?
Nam quid habes, ad te quo trahor? Ergo vale!
Paene simul patremque mihi fratremque necasti,
Est mater lacrimis sola relicta meis.
Hinc etiam sepeli facitoque, ut nemo supersi,
Qui possit mortis tempora flere meae.*

скаго гуманиста. И послѣ него Яницкій продолжалъ свою литературную работу: онъ закончилъ „*Vitae Regum Polonorum, elegiaco carmine descriptae*“, и эпиталамій на свадьбу короля Сигизмунда Августа съ Елизаветой Австрійской. „*Біографіи польскихъ королей*“ представляютъ собраніе 44 стихотвореній, состоящихъ каждое изъ шести двустишія и написанныхъ главнымъ образомъ на основаніи Длугоша. Какъ художественное руководство по исторіи Польши, сочиненіе Яницкаго приобрѣло большую популярность, которая возрастаетъ особенно во второй половинѣ 16 вѣка: съ 1570 г. по нему ведется изученіе польской исторіи даже въ Краковскомъ университетѣ, въ 1591 г. появляется польскій переводъ его: „*Ikones królów polskich*“. Что касается Эпиталамія, то здѣсь Яницкій съ полнымъ сознаниемъ необходимости отступилъ отъ обычнаго шаблона, образцы котораго представляли, напр., приведенныя выше стихотворенія Кржицкаго и Дантышка. Поэтъ, покидая Олимпъ и классическихъ боговъ, хочетъ быть уже народнымъ пѣвцомъ національнаго торжества. Это уже настоящій предшественникъ Кохановскаго. Въ своей „*Брачной пѣснѣ*“ Яницкій восхваляетъ стараго короля Сигизмунда, который такъ много сдѣлалъ для расцвѣта культуры въ Польшѣ. Богатство стало достояніемъ всего населенія страны, а не однихъ королей: хозяйство поднялось, науки крѣпко утвердились; Полякъ овладѣлъ столькими языками, приобрѣлъ такое искусство, что своихъ внуковъ не узнали бы тѣ, кто жилъ при отцѣ и братьяхъ короля. Но по прежнему въ Польшѣ процвѣтають законы и права. Божьи святыни возросли въ числѣ и силѣ, украсились, утвердились каменными стѣнами. Духовенство осыпано дарами короля, которому явно споспѣшествуетъ Божья милость. Родъ королевскій знаменитъ и древень, подобенъ коренастому дубу, который широко раскинулъ свои вѣтви. При жизни своей король имѣлъ радость увѣнчать своего сына королевской короной, а теперь онъ испытываетъ новую радость: изъ придунайскаго края ѣдетъ къ Августу прелестная невѣста, прекраснѣ звѣздъ. Пусть веселится королевское сердце; мало есть на землѣ бѣльшихъ радостей. Можетъ быть, только на небѣ лучше, но пусть Господь надъ Господами долго сохранить на землѣ жизнь короля. Въ обращеніи же къ молодому королю, которое по своему настроенію болѣе сухо, поэтъ рекомендуетъ ему чтить добрыхъ людей, хорошо выбирать себѣ помощниковъ и уважать ученыхъ, во власти которыхъ лежитъ слава королей, ибо они передають ее потомству.

Нѣскольکو недѣль спустя, около 12 февр. 1543 года, Клементъ Яницкій уже скончался. Немногіе изъ современниковъ отмѣтили смерть молодого поэта, но въ литературѣ потеря его почувствовалась. Нашлись издатели сочиненій Яницкаго, кое-кто помянулъ его добрымъ словомъ. Однако молодой лауреатъ не былъ ни выдающимся дѣятелемъ, ни даже выдающейся индивидуальностью, и въ развитіи польской литературы онъ составилъ лишь переходное явленіе. Достаточно сказать, что онъ еще не испытывалъ никакой потребности обратиться къ народному языку, хотя польская жизнь уже проникалась націонализмомъ. Талантъ Яницкаго, чрезвычайно изящный, не отличался разнообразіемъ. Онъ самъ отмѣтилъ, что въ немъ доминируетъ грусть. „Кромѣ болѣзней и стонувъ, рыданій и скорби я не пою ничего, ничего не имѣю. Грустенъ, и такъ и зовусь“ ¹⁾. Но это преобладаніе грусти не исключаетъ болѣе радостныхъ мотивовъ: оно опредѣляетъ лишь основной тонъ поэзіи Яницкаго. Онъ умѣетъ затушевывать реальныя причины грусти мягкими тонами, и сердечными дружескими признаніями, которыя занимаютъ видное мѣсто въ его лирикѣ, и живымъ чувствомъ вѣры и любви къ родинѣ. „Въ общемъ, слѣдуетъ признать, что міръ, въ которомъ вращаются мысли и чувства Яницкаго, не великъ, но это міръ настоящій, не выдуманный. Въ предѣлахъ своего кругозора поэтъ выбираетъ темы разнообразныя, по преимуществу мелкія, но выбираетъ ихъ удачно, съ настоящимъ художественнымъ чутьемъ. Какъ изобразитель сѣренькихъ сценъ жизни, онъ умѣетъ даже въ обыкновенныхъ событіяхъ своей собственной жизни и въ скромныхъ отношеніяхъ ея найти поэтическій элементъ и выявить его способомъ простымъ и изящнымъ. Какіхъ-нибудь особенныхъ силъ Яницкій не вынесъ изъ подъ крестьянской кровли. Но, кромѣ нѣкоторой застѣнчивости и подозрительности, кажется, ничто не напоминаетъ объ его происхожденіи. Великопольскій крестьянинъ совершенно преобразился въ гуманиста и всецѣло проникся тонкостями культуры Ренессанса“. (L. Cwikliński. „Kl. Janicki“ 151). Къ этой характеристикѣ, сдѣланной лучшимъ изъ современныхъ знатоковъ Яницкаго, слѣдуетъ прибавить и его заключительныя слова, о томъ, что, не смотря на то, что Яницкій никогда не вспоминаетъ даже о польскомъ языкѣ, онъ все таки является польскимъ поэтомъ. На этомъ поэтѣ я закончу

¹⁾ Praeter enim morbos, gemitus, lamenta, dolores
Nil cano, nil habeo. Tristis et inde vocor (Trist. I. 83).

свой очеркъ польско-латинской гуманистической поэзіи эпохи Сигизмунда I. Это не былъ еще конецъ польско-латинскаго гуманизма и позже, при Сигизмундѣ Августѣ, на латинскомъ языкѣ развивалась цѣлая литература. Намъ придется коснуться въ дальнѣйшемъ изложеніи латинскихъ произведеній Гозія, Ройзія, Кохановскаго, Ницецкаго и др. Но только значеніе этой латинской поэзіи все болѣе падало, все болѣе блѣднѣло передъ фактомъ созданія польской гуманистической и народно-бытовой поэзіи. При Сигизмундѣ I латинская литература была еще необходимою, неизбѣжной ступенью для перехода къ національной письменности; при его сынѣ и преемникѣ такая латинская поэзія становится уже излишней роскошью, вызываемой не насущными требованіями времени, а развѣ изоощренностью вкусовъ какого-нибудь эпигона гуманизма.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
Глава I. Культурное и политическое положеніе Польши въ Средніе вѣка	1—24
Глава II. Средневѣковое церковное просвѣщеніе. Университетъ. Монастыри.	24—45
Глава III. Церковная латинская литература: проповѣдь, легенда, житіе, гимнъ, драма, схоластическая латинская литература	45—71
Глава IV. Латинская историографія въ Польшѣ. Галль. Винцентій. Янъ изъ Чарнкова. Лѣтописи. Хроника	71—93
Глава V. Польскія глоссы. Польская церковная книжность и польская литература въ Средніе вѣка	93—142
Глава VI. Историческая и политическая литература 15 в. Длугошъ, Остророгъ	142—198
Глава VII. Польско-латинская поэзія 16 вѣка	198—261

**INSTYTUT
BADAŃ LITERACKICH PAM
BIBLIOTEKA**

00-330 Warszawa, ul. Mocy Słońca 7
Tel. 26-11-11

Того же автора вышли отдѣльными книгами:

1. „Основной курсъ общаго языкознанія“. СПб. 1897 г. ц. 80 к. (распродано).
2. „Виленскій учебный округъ“. СПб. 1901. (Вступленіе къ IV тому „Матеріаловъ по исторіи просвѣщенія въ Россіи“, издан. Минист. Народ. Просв.). Переведено на польскій языкъ въ журналѣ „Ognisko“ за 1902 г.
3. „Къ вопросу о еракійцахъ“ (изъ „Вѣстника Археологіи и Исторіи“). 1900, ц. 40 к.
4. „Изъ исторіи славянскихъ передвиженій“. СПб. 1901, ц. 2 р. (распродано).
5. „Сборникъ статей по археологіи и этнографіи“ (изданіе слушателей СПетербургскаго Археологическаго института). СПб. 1902 г. ц. 1 р. 50 к.
6. „Слѣды корней—основъ въ славянскихъ языкахъ“. Варшава, 1903 г. ц. 2 р.
7. „Религія Зороастра“. Изд. О. Н. Поповой СПб. 1903 г.
8. „Боги и герои Эллады“. СПб. 1904. Изд. О. Н. Поповой.
9. „Главныя теченія польской политической мысли“. (1864—1907). Изд. издательства „Просвѣщеніе“. СПб. 1907 г. ц. 3 р.
10. „Очеркъ исторіи Польши“, изд. журнала „Юная Россія“ М. 1909, ц. 50 к.
11. „Исторія Сербіи“. Изд. Брокгаузъ-Ефронъ. СПб. 1909, ц. 1 р.
12. „Исторія Болгаріи“. Изд. Брокгаузъ-Ефронъ. СПб. 1910, ц. 1 р. 50 к.
13. „Адамъ Мицкевичъ. Жизнь и творчество“. Изд. В. М. Саблина. 2 тома. М. 1912, ц. 4 р.
14. „Волшебный міръ“. Изданіе ред. журнала „Педагогическій листокъ“. М. 1912, ц. 20 к.

Печатается и скоро выйдеть въ свѣтъ:

15. „Языкъ, какъ творчество. Психологическія и социальныя основы творчества рѣчи“ (IV томъ „Вопросовъ теоріи и психологіи творчества“, издаваемыхъ Б. А. Лезинымъ въ Харьковѣ).

Главный складъ изданія этого тома въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“.

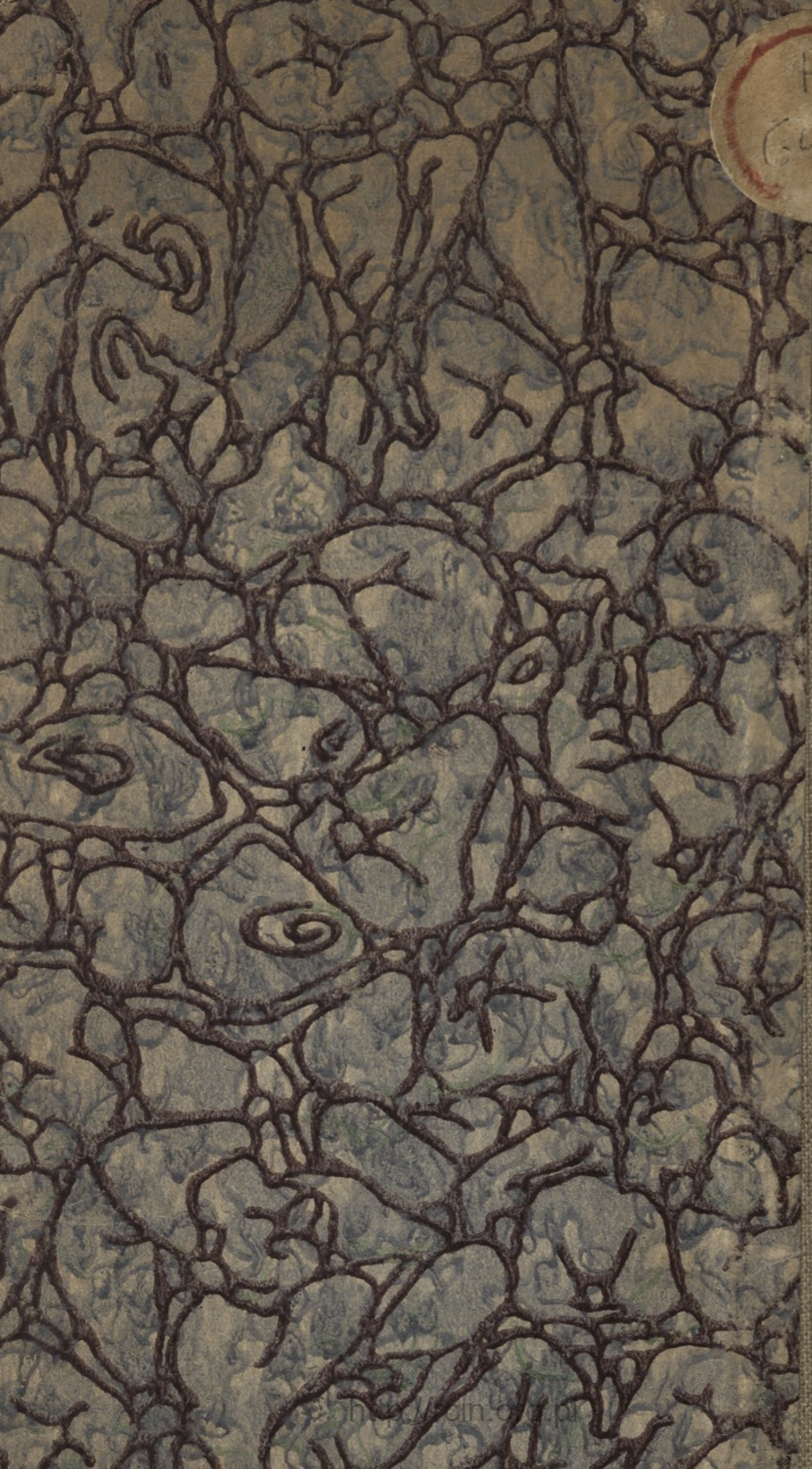

Digitized by Google